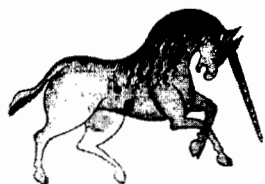

В. В. МАРЬИНА

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И
ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

**КНИГА 1
1939 – 1941 гг.**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. В. МАРЬИНА

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
И
ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
ВО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.
1939–1945 ГГ.**

**КНИГА 1
1939–1941 ГГ.**

МОСКВА «ИНДРИК» 2007

УДК 94(437)
ББК 63.3(0)62
М 30

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.П. Серапионова*
кандидат исторических наук *Ю.А. Никифоров*

Марьина В.В.

Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Книга 1. 1939–1941 гг. — М.: Индрик, 2007. — 448 с.

Книга — первое в российской (отечественной) и чехословацкой (чешской и словацкой) историографии документальное исследование истории советско-чехословацких отношений в начальный период Второй мировой войны (1939–1941 гг.). Основана на материалах российских архивов, российских и чешских документальных публикациях, новейшей литературе. В книге рассмотрены следующие вопросы: СССР и «вторая республика» Чехо-Словакия, ее расчленение и позиция Москвы, Советский Союз и чехо-словацкая политическая эмиграция, чехско-словацкая реакция на пакт Молотова — Риббентропа и внешнюю политику СССР 1939–1940 гг., экономические отношения Советского Союза и Протектората Богемия и Моравия, интернирование в СССР чехо-словацкого легиона под командованием Л. Свободы, контакты советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг., взаимоотношения Советского Союза и Словацкой республики.

The USSR and the czecho-slovak Problem during the Second World War 1939–1945. Vol. 1. 1939–1941

This book is the first specifically historical research on the history of the Soviet-Czechoslovak relations at the early stage of the Second World War (1939–1941) that has been undertaken in Russian and Czechoslovak (Czech and Slovak) historiography. The book is based on materials from Russian archives, Russian and Czech publications of documents, contemporary literature. The author deals with the following matters: the USSR and «the second republic» of Czecho-Slovakia, the partition of Czecho-Slovak Republic and the attitude of Moscow, the Soviet Union and czecho-slovak political emigration, the czecho-slovak reaction to the Molotov-Ribbentrop pact and the foreign policy of the USSR in 1939–1940, economic relations between the Soviet Union and the Protectorate of Bohemia and Moravia, the internment of the Czecho-Slovak legion under command of L. Svoboda, the contacts of Soviet and Czechoslovak secret services in 1940–1941, the interrelations of the Soviet Union and Slovak Republic.

© В.В. Марьина, 2007
© Институт славяноведения РАН, 2007
© Издательство «Индрик», 2007

ISBN 978-5-85759-433-9

Содержание

<i>От автора</i>	7
Введение. СССР и «вторая республика» Чехо-Словакия (октябрь 1938 г. — март 1939 г.)	12
Глава 1. Расчленение Чехо-Словакии. Позиция СССР. Международная реакция	48
Чехословацкое полпредство в Москве: на пути к ликвидации	61
Проблемы оформления Генконсульства СССР в Праге	76
Глава 2. СССР и чехо-словацкая политическая эмиграция ...	91
Глава 3. Пакт Молотова — Риббентропа и внешняя политика СССР 1939–1940 гг.: чехо-словацкий резонанс	121
Англо-франко-советские переговоры	121
Советско-германский пакт о ненападении. Начало Второй мировой войны и новый курс Коминтерна	124
«Западный поход» Красной Армии	138
Реакция Словакии на Пакт и советскую внешнюю политику	148
Советско-финская война	151
Поворот в общественном мнении летом 1940 г.	156
«Русская» политика Э. Бенеша	160
Глава 4. СССР — Протекторат Богемия и Моравия: экономические отношения 1939–1941 гг.	179
Глава 5. Чехо-словацкий легион Л. Свободы: интернирова- ние и судьба	200
Ярмолинцы	201
Оранки	219
Суздаль	231
Глава 6. Втайне от Берлина и Лондона (Контакты советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг.) ..	262
Глава 7. Советский Союз и Словакия	292
Резюме	329
Избранные документы	335
Список сокращений	433
Именной указатель	435

Contents

From the author	7
Prologue. The USSR and the «Second Republic» of Czecho-Slovakia (october 1938 — march 1939)	12
Chapter 1. Partition of Czecho-Slovakia. The Position of the USSR. International Reaction	48
The Czechoslovak Regular Representatatives in Moscow: on the way to liquidation	61
Problems of registration of General Consulate in Prague	76
Chapter 2. USSR and Czecho-Slovak Political emigration	91
Chapter 3. The Molotov-Ribbentrop Pact and the Soviet foreign pol- icy 1939–1940: czecho-slovak resonance	121
English-French-Soviet negotiations	121
Soviet-German non-agression pact. Beginning of the World War II and the Comintern's new policy	124
Red Army's «West campaign»	138
Slovakia's reaction on the Pact and Soviet foreign policy	148
The Soviet-Finnish War	151
The Summer 1940 turning-point in the public opinion	156
«Russian» policy of E. Beneš	160
Chapter 4. USSR – Protectorate of Bohemia and Moravia: the eco- nomic relations 1939–1941	179
Chapter 5. Czecho-slovak legion of L. Svoboda: internment and destiny	200
Yarmolincy	201
Oranki	219
Suzdal	231
Chapter 6. Secretly from Berlin and London. Contacts of the Soviet and Czechoslovak Intelligence Service in 1940–1941	262
Chapter 7. The Soviet Union and Slovakia	292
Summary	329
Selected documents	335
List of Abbreviations	433
Index of Names	435

От автора

История Второй мировой войны, подвергавшаяся многочисленным фальсификациям за прошедшие после ее окончания более шести десятков лет, продолжает оставаться на пике интереса исследователей. Парадоксально, но факт, что чем дальше от 1945 г., тем яростнее споры историков о ее ходе и итогах, о роли отдельных государств и лиц, о механизмах принятия тех или иных решений и их последствиях. Это касается и истории советско-чехословацких (чехо-словацких) отношений периода войны. Актуальность этой проблемы стала очевидной особенно в свете тех событий, которые произошли в СССР и Чехословакии в конце XX в. и привели к распаду обоих государств. Чешские и словацкие историки пытались и пытаются по-новому взглянуть на чехословацко-советские отношения периода Второй мировой войны, переходя нередко в своих оценках, особенно в начале 90-х гг. прошлого века, от знака плюс к знаку минус. Предлагаемая читателю монография, по мнению автора, предлагает объективное прочтение истории советско-чехословацких (чехо-словацких) отношений в 1939–1945 гг. при опоре на большой массив новых документов из архивов России, Чехословакии (Чехии и Словакии), которые стали доступны для исследователей в последние полтора десятилетия и часть которых уже опубликована. Эти документы вносят значительные, а иногда и радикальные коррективы в существовавшие на проблему взгляды и оценки. Отсюда — необходимость нового обращения к указанной проблеме, трактуемой ранее весьма упрощенно и лишь в «розовых тонах», а ныне — иногда в «черном цвете».

Монография состоит из двух книг, первая из которых охватывает период с марта 1939 г. по июнь 1941 г., вторая — с начала Великой отечественной войны по май 1945 г. Монография — первое в российской (отечественной) и чехословацкой (чешской и словацкой) историографии конкретно-историческое исследование

советско-чехословацких (чехо-словацких) отношений в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Автор ставил задачу рассмотреть эволюцию советских и чешско-словацких взглядов на строительство этих отношений, обозначить этапы решения проблемы на протяжении указанных лет, представить и проанализировать документальный материал, показывающий позиции СССР в чехословацком вопросе в указанное время, отношение к Советскому Союзу различных чешских и словацких политических сил, а также взгляды Западных держав, касающиеся рассматриваемой проблематики.

На основе широкого круга источников, и прежде всего большого массива документов из архивов России и Чехословакии (Чехии и Словакии), автор постарался по-новому и более пристально взглянуть на многие в прошлом политизированные и мифологизированные аспекты рассматриваемой проблематики, осветить не попавшие в поле зрения историков, намеренно замалчиваемые или искаженные ее стороны. В частности, это касается истории первого периода Второй мировой войны, 1939–1941 гг.: разрыва официальных советско-чехословацких связей, признания Москвой Словацкой республики и развития советско-словацких отношений, взглядов чехов и словаков на советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 г., контактов советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг., интернирования в СССР и судьбы чехо-словацкого легиона под командованием Л. Свободы, оценки советской внешней политики президентом ЧСР в изгнании Э. Бенешем и западной чехо-словацкой эмиграцией в период до 22 июня 1941 г. Собственно, перечисленным вопросам и посвящена первая книга монографии, вводящая в научный оборот большой объем новых документальных материалов. В приложении даны избранные документы.

Во второй книге, над которой работает автор, будут затронуты вопросы, касающиеся восстановления советско-чехословацких дипломатических отношений в июне 1941 г., формирования чехословацкой воинской части в СССР, отношения Кремля к планам создания после войны чехословацко-польской конфедерации, хода советско-чехословацких переговоров в Москве в декабре 1943 г., оценки советским руководством событий в Подкарпатской Руси осенью–зимой 1944–1945 гг., механизма присоединения этой области к Советскому Союзу (УССР), помощи СССР Словацкому национальному восстанию 1944 г., освобождения словацкой и чеш-

ской территории Красной Армией, политических и военных аспектов освобождения Праги в мае 1945 г. Особое внимание предполагается уделить исследованию механизмов и способов решения ряда важных для обеих сторон вопросов, рассмотреть взаимовлияние внешних и внутренних факторов в складывании советско-чехословацких (советско-словацких) отношений. Уточняя многие из утвердившихся в прежней и существующих в нынешней историографии оценок, автор намерен отобразить всю сложность вопроса и кипевшие вокруг него страсти, обрисовать позиции советских и чехословацких государственных деятелей и дипломатов, представителей словацкой политической верхушки. Проблема советско-чехословацких (чехо-словацких) отношений в монографии рассматривается в контексте всего хода Второй мировой войны.

Комплексное исследование проблемы отсутствует как в отечественной, так и в чехословацкой (чешской и словацкой) историографии. Существуют лишь статьи, довольно многочисленные, по тем или иным вопросам темы. Что касается оценок, то они нередко определялись политическим заказом власть предержащих и политической ангажированностью авторов работ, особенно публицистических. Позиция Бенеша и «чехословацкого» Лондона, например, рассматривалась в работах «коммунистического» периода в основном как недружественная по отношению к Москве, инициируемая их западными покровителями. Политическому заказу соответствовали подбор и оценка фактического материала. Налицо было искаженное изображение многих аспектов проблемы. Впрочем, как ранее, прежде всего в 60-х гг. прошлого века, так и теперь созданы достойные внимания и основанные на большом фактическом материале работы, затрагивавшие отдельные вопросы темы. В частности, это касается начального периода деятельности чехословацкой эмиграции и Э. Бенеша, контактов советской и чехословацкой разведок в 1939–1941 гг., Словацкого национального восстания 1944 г., освобождения Праги и др. Большой заслугой чехословацкой, а затем чешской историографии является издание огромного объема прекрасного документального материала по проблеме, значительная часть которого еще не востребована исследователями. Сюда относятся вышедшие еще в 1960-х гг. сборники документов о чехословацкой внешней политике 1939–1943 гг., о Словацком национальном восстании 1944 г., о начальном этапе так называемой национальной и демократической революции в Чехословакии (1944–1945 гг.), в каждом из которых есть документы и по теме

монографии. В начале этого века в Чешской республике изданы превосходный сборник документов о чехословацко-советских дипломатических контактах (переговорах) в 1939–1945 гг., сборник документов «ЧСР — СССР 1945–1948 гг.» и другие документы, касающиеся отдельных вопросов советско-чехословацких отношений в годы Второй мировой войны.

В СССР были опубликованы два сборника документов по проблеме: Советский Союз и Чехословакия в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. (1960) и совместный с чехословацкой стороной труд «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений 1939–1945 гг.» (т. 4, кн. 1 и 2), вышедший в начале 1980-х гг. Некоторые вопросы советско-чехословацких отношений на завершающем этапе войны нашли отражение в новейших публикациях документов из отечественных архивов: «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.». Т. 1. 1944–1948 гг. (1997), «Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.». Т. 1. 1944–1948 (1999). Вопросу о советско-чехословацких отношениях в годы войны посвящена часть монографии И.И. Попа «Чехословакия — Советский Союз. 1941–1948 гг.» (1990). Однако, во-первых, ее автор не касался периода 1939–1941 гг.; во-вторых, работа написана в основном на литературе и мемуарах, архивные источники отсутствуют; в-третьих, многие из выводов И.И. Попа нуждаются сегодня либо в опровержении, либо в корректировке и уточнении. В западной литературе, насколько известно автору, нет целевой работы по теме монографии, хотя вопрос о советско-чехословацких отношениях в период войны затрагивается многими исследователями, причем преимущественно с точки зрения методов укрепления советского влияния в восстановленной ЧСР. Первая книга монографии — это попытка на основе доступной на сегодняшний день документальной базы показать, каково было в начальный период Второй мировой войны отношение СССР к чехо-словацкому вопросу и как ставился и решался вопрос об отношении к СССР чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне (Бенешем).

Наконец, несколько разъяснений, касающихся употребления терминов Чехо-Словакия (чехо-словацкий), Чехословакия (чехословацкий) и названия монографии. Термин Чехо-Словакия в названии государства использовался трижды: в 1918–1919 гг. (наряду с Чехословакия), в октябре 1938 г. — марте 1939 г. («вторая республика» Чехо-Словакия), в 1992 г. (накануне распада единого го-

сударства чехов и словаков и образования ныне существующих Чешской республики и Словацкой республики). Президент ЧСР Э. Бенеш, эмигрировавший из страны в октябре 1938 г. и позже возглавивший за рубежом борьбу за восстановление Чехословацкой республики в домюнхенских границах, не признавал названия Чехо-Словакия. Поэтому в его документах периода Второй мировой войны, а также в документах стран Антигитлеровской коалиции, в том числе СССР, употребляется термин Чехословакия (чехословацкий). Однако, по сути, это было «виртуальное» государство, существовавшее в головах и планах политиков, в дипломатических документах периода Второй мировой войны. На политической карте Европы того времени такое государство отсутствовало: по воле Гитлера возникла формально независимая Словацкая республика, с которой СССР в сентябре 1939 г. установил дипломатические отношения; существовал Протекторат Богемия и Моравия, включенный в состав Третьего рейха, с июня 1941 г. по май 1945 г. ведшего войну против СССР; Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь, Угорская Русь), оккупированная венгерскими войсками, была присоединена к Венгрии. В советских документах начального периода Второй мировой войны термины Чехо-Словакия и Чехословакия употребляются как синонимы, часто сосуществуя. Автор монографии старался придерживаться терминологии описываемого времени и в зависимости от контекста при рассмотрении различных аспектов темы пользовался как термином Чехословакия (чехословацкий), так и термином Чехо-Словакия (чехо-словацкий). Поэтому и в названии всей монографии употребляется менее определенный оборот «чехо-словацкий вопрос».

Автор благодарен сотрудникам Института славяноведения РАН и рецензентам за советы, полученные при работе над книгой, а также чешским и словацким историкам за помощь в получении необходимых материалов.

Введение

СССР и «вторая республика» Чехо-Словакия (октябрь 1938 г. — март 1939 г.)

Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Германии и Италии (29–30 сентября 1938 г.), последовавшие затем оккупация Германией Судетской области, Польшей — Тешинской Силезии, Венгрией — южной части Словакии и юго-западной части Подкарпатской Руси (в соответствии с так называемым Первым венским арбитражем Германии и Италии 2 ноября 1938 г.) стали первыми шагами на пути окончательного расчленения Чехословакии (март 1939 г.). Чехословацкая республика (ЧСР) потеряла тогда 41 098 кв. км площади (из 140 000 кв. км) и 4 879 000 населения (из 15 млн.), в том числе 1 250 000 чехов и словаков¹. Страна утратила $\frac{2}{3}$ своих промышленных мощностей, в том числе 30% предприятий металлургической промышленности, 80% — текстильной (по другим данным — 63%), 75% — стекольной, 56% — бумажной и т. д. На отошедших к Польше территориях добывалось 93% бурого и 55% черного угля. ЧСР лишилась $\frac{1}{3}$ пахотных земель и 26% лесных угодий. Нарушено было железнодорожное (потери составляли 26%) и водное сообщение, Третий рейх и Венгрия завладели аэродромами в Марианских Лазнях, Карловых Варах, Либерце, Ужгороде. Германия захватила все мощные пограничные укрепления. Новая чехословацко-германская граница проходила в 35 км от Праги². Жизнеспособность территориально урезанной, экономически и в военном отношении чрезвычайно ослабленной Чехословакии была поставлена под угрозу.

Известие о Мюнхенском соглашении вызвало в стране шок, а также возмущение капитулянтской политикой правящих кругов и предательством западных держав. Советский полпред в Праге С.С. Александровский сообщал в НКВД СССР 1 октября: «Массы спонтанно вышли на улицу, однако общее настроение подавленное. Акты сопротивления завтра вполне возможны, но, пожалуй, как

акты отчаяния»³. Министр иностранных дел чехословацкого правительства К. Крофта в беседе с Александровским 3 октября заявил, что «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии»⁴. Новым министром иностранных дел во втором правительстве генерала Я. Сыровы (4 октября) стал италолог и германофил Ф. Хвалковский. 5 октября под сильным давлением Берлина президент ЧСР Э. Бенеш сложил с себя президентские полномочия и 22 октября эмигрировал в Великобританию, откуда вскоре перебрался в США. 30 ноября состоялись президентские выборы, на которых подавляющим большинством голосов новым главой государства был избран Э. Гаха, занимавший ранее пост президента Верховного суда. 1 декабря он назначил новое правительство во главе с аграрием Р. Бераном, в котором Хвалковский сохранил пост министра иностранных дел.

Резко изменилась вся внутренняя и внешняя политика страны, которая после предоставления автономии Словакии и Подкарпатской Руси в октябре–ноябре 1938 г.⁵ стала официально именоваться Чехо-Словацкой республикой, Чехо-Словакией. Во внутренней политике был взят курс на ограничение и уничтожение демократических свобод, во внешней — ЧСР ориентировалась на гитлеровскую Германию. В октябре Хвалковский первый раз посетил Берлин в новом ранге. Беседуя с Александровским 22 октября, он рассказал, что встреча с Гитлером «превратилась в получасовую лекцию, во время которой Хвалковский якобы смог поставить единственный вопрос: может ли он сказать в Праге, что у Гитлера нет намерений посягать на оставшуюся часть Чехословакии? Гитлер ответил, что намерен установить с Чехословакией хорошие отношения, но буквально добавил, что если заметит попытку работать против него, то уничтожит Чехословакию в течение нескольких часов»⁶. На самом деле Гитлер, стремившийся ликвидировать ЧСР, сразу после Мюнхена стал вынашивать планы ее полного разгрома. В директиве рейхсканцлера и главнокомандующего вооруженными силами Германии от 21 октября специальный раздел был посвящен решению вопроса «об оставшейся части Чехии». В нем говорилось: «Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии. ... Организация, дислокация и степень готовности предусмотренных для этого соеди-

нений уже в мирное время должны быть рассчитаны на нападение таким образом, чтобы лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии». Перед сухопутными войсками ставилась задача организации «быстрого неожиданного наступления», которое должно обеспечить «быстрый и решающий успех». Военно-воздушным силам предписывалось обеспечить продвижение сухопутных войск «путем заблаговременного вывода из строя чешских военно-воздушных сил»⁷. Гитлер не без основания полагал, что его новая акция против ЧСР не встретит особого сопротивления и возражений со стороны западных держав. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне 6 декабря 1938 г. безапелляционно заявил, что «Германия совершенно определенно рассматривает эту часть Европы как область своих интересов», и выразил надежду, что Англия и Франция отнесутся к этой сфере германских интересов «с принципиальным уважением». «Было бы хорошо, — полагал он, — если бы Англия и весь мир раз и навсегда усвоили это». Когда Бонне затронул вопрос об обещанных Чехословакии со стороны четырех держав гарантиях новых чехословацких границ, Риббентроп ответил, что «немецкая сторона намерена сначала выждать развития событий» и что «все зависит от того, будут ли поставлены отношения между Германией и Чехословакией на совершенно новую основу». При этом он подчеркнул, что «Германия ни в коем случае не потерпит, чтобы Чехословакия вернулась в фарватер г. Бенеша». «Наилучшую и самую эффективную гарантию для Чехословакии» Риббентроп усматривал «единственно лишь в установлении этой страной дружественных отношений с Германией»⁸. Советник германского посольства в Польше Р. Шелия сообщал разведке одной из западных держав в конце декабря 1938 г., что в МИД Германии разрабатывается «германо-чехословацкий договор о протекторате», поскольку Берлин полагает, что «нынешнее урегулирование в Чехословакии не может быть сохранено», что берлинские политики убеждены в том, что «богемский котел продолжает оставаться очагом сопротивления и что его настоящий разгром еще предстоит. Нельзя поэтому считать события на чехословацком участке законченными. Скорее всего, они находятся еще в начальной стадии. Согласно преобладающей в официальных кругах Берлина точке зрения, первая волна германской экспансии в 1939 г. будет иметь целью полное подавление Богемии»⁹. Даль-

нейшие события подтвердили правильность сообщения Шелии. В Берлине разрабатывались разные варианты ликвидации Ч-СР, но с самого начала предполагалось, что Чешские земли (Чехия, Моравия и Силезия), наиболее развитая в промышленном отношении часть республики, будут включены в состав Третьего рейха. Словакия должна была быть либо разделена между Польшей и Венгрией, либо стать формально самостоятельным, но фактически вассальным по отношению к Германии государством. Подкарпатская Русь предназначалась либо для передачи Венгрии, либо на роль ядра будущего Украинского государства, находящегося под покровительством Третьего рейха¹⁰. По мнению словацкого историка В. Быстрицкого, к концу 1938 — началу 1939 г. нацистской Германии удалось в международном плане изолировать Чехо-Словакию и даже поставить под сомнение ее волю и способность самостоятельно существовать¹¹.

Советский Союз хотя и не делал официальных заявлений по поводу мюнхенского «сговора четырех» за счет Чехословакии, но определенно осудил соглашение. Советский посол в Лондоне И.М. Майский, ознакомившись 30 сентября с его содержанием, подчеркнул в беседе с британским дипломатом А. Кадоганом, что «оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны». Кадоган вынужденно согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей вероятности, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем¹². Утром того же дня 30 сентября Майский посетил чехословацкого посланника в Англии Я. Масарика и выразил ему глубокое сочувствие народам Чехословакии и возмущение предательством Англии и Франции в отношении нее. «Масарик — высокий, крепкий, в обычных условиях несколько циничный мужчина, — говорилось в телеграмме Майского в НКВД СССР 2 октября, — упал мне на грудь, стал целовать меня и расплакался, как ребенок. „Они продали меня в рабство немцам, — сквозь слезы восклицал он, — как когда-то негров продавали в рабство в Америке!“»¹³.

Между тем в западной печати появились сообщения, что будто бы правительство СССР уполномочило французского премьера Э. Даладье выступать на мюнхенской конференции от имени Советского Союза. В связи с этим в «Известиях» 2 октября появилось сообщение ТАСС о том, что Даладье не получал таких полномочий и что советское правительство «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям». Сообщение

агентства Юнайтед Пресс об этом называлось «нелепой выдумкой от начала и до конца»¹⁴. 4 октября последовало новое опровержение ТАСС уже относительно сообщения официоза Министерства иностранных дел Чехословакии «Прагер прессе» («Prager Presse») о том, что мюнхенская конференция «представляет собой не просто пакт четырех». ТАСС заявляло, что «никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой республики и об уступках агрессору не происходило. Ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о совершившихся фактах»¹⁵. В тот же день газета «Известия» напечатала передовую «Политика премиривания агрессора». Подвергнув резкой критике «миротворческую» политику Англии и Франции, газета писала, что «капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по видимости, отдалив войну, в действительности ее приближает и при том в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях». Пожалуй, впервые в статье говорилось о *расчленении* и ограблении Чехословакии¹⁶. Полпреды СССР в Чехословакии, Англии и США 5–7 октября сообщили, что опровержение ТАСС от 4 октября было опубликовано во многих газетах. В телеграмме из США, в частности, отмечалось, что «наша позиция не вызывает сейчас кривотолков в американских газетах и никаких попыток возложить на нас даже косвенной ответственности за Мюнхен в прессе не было»¹⁷.

6 октября в газете «Правда» появилось «Открытое письмо советских писателей писателям Чехословакии». Оно явилось ответом на их воззвание «К совести всего человечества», опубликованное в том же номере газеты и подписанное, в частности, К. Чапеком, Й. Горой, П. Илемницким, Й. Коптой, М. Майеровой, М. Пуймановой, В. Незвалом, Л. Новомеским, И. Ольбрахтом, В. Ванчурой и др. «Совесть человечества, к которой вы обращаетесь, не может не содрогнуться от вопиющей, оскорбительной несправедливости, совершенной над вашей страной», — говорилось в письме советских писателей, которое подписали 74 человека, в том числе А. Толстой, А. Фадеев, С. Кирсанов, И. Сельвинский, Н. Погодин, В. Катаев, А. Корнейчук, Ф. Гладков, Вс. Иванов, А. Серафимович, М. Шолохов, А. Безыменский, Л. Леонов и другие известные писатели¹⁸. Все вышеприведенные документы явились как бы выражением официальной советской позиции в отношении Мюнхенского соглашения.

Непосредственным результатом Мюнхена стала серия недружественных актов официальных чехословацких властей по отношению к Советскому Союзу. Так, 1 октября был установлен полицейский контроль за посетителями Полпредства СССР в Праге, который, правда, с извинениями Крофты за случившееся, был снят 2 октября. 11 октября будущий премьер Беран направил Хвалковскому письмо о необходимости «с государственно-политической точки зрения» роспуска Союза друзей СССР, который будто бы проводит «агитацию, которая вредит государству». Союз действительно после Мюнхена вел активную деятельность, разоблачая клевету на СССР. Он выпустил сборник документов под названием «Документы по вопросу о союзе с СССР», брошюры «Предательство Чехословакии и мир», «Советский Союз и Чехословакия», «Мюнхенский диктат». После письма Берана Пражское полицейское управление потребовало от руководства Союза распустить организацию. Однако, несмотря на усилившиеся репрессии, Союз продолжал свою деятельность вплоть до ликвидации Ч-СР в марте 1939 г. 15 октября Земское управление в Братиславе приняло постановление о роспуске Общества культурных и экономических связей с СССР, действующего «в русле коммунистической партии»¹⁹, деятельность которой была запрещена в Словакии 9 октября. В Чешских землях власти приостановили деятельность КПЧ 20 октября, а 27 декабря распустили ее. В ноябре в чехословацкой печати развернулась антисоветская кампания. Протест Александровского перед Хвалковским и телефонный звонок последнему министру пропаганды с требованием, чтобы пресса «вела себя в отношении СССР не менее прилично, чем в отношении Германии», ни к чему не привели²⁰. Кампания не прекращалась. 24 февраля 1939 г. советское полпредство вновь обратило внимание политического отдела МИД Ч-СР на «серию антисоветских выпадов в печати», и в частности на издание «белогвардейской книжки» «За кулисами московских процессов», содержащей «гнусные нападки на тов. Сталина, Ворошилова, Молотова и Кагановича», на запрещение продажи книги «О 3-ей пятилетке в СССР», на антисоветское выступление словацкого министра Ш. Маха, требующего «разрыва отношений с СССР и присоединения к пакту против Коминтерна», на «разнузданную антисоветскую пропаганду в прессе, особенно в словацкой»²¹. Так, «Словенска политика» («Slovenská politika»), одна из газет словацкого правительства, поместила 26 февраля 1939 г. резкую передовую статью против СССР. «Вторая

республика, — говорилось в ней, — не имеет ничего общего с Москвой и Коминтерном. Отсюда следует, что наступил момент формального разрыва союза со Сталиным. Это в наших собственных интересах, особенно в интересах Праги. Каким образом Берлин может доверять Праге, если та формально еще связана с СССР? Мы, наконец, должны урегулировать наши взаимоотношения с Москвой и Коминтерном. В нашем положении было бы чрезвычайно полезно примкнуть к антикоминтерновскому пакту. ... Для нас должно быть ясно, что в скором времени вся Средняя Европа примкнет к этому пакту, и мы тогда опять окажемся последними из последних»²².

Хвалковский, несмотря на свои заверения о желании иметь с СССР самые дружественные отношения, под давлением Берлина немало способствовал их нарушению. 9 октября НКВД СССР запросил чехословацкое правительство, «насколько оно считает желательным для себя включение СССР в число гарантов новых границ Чехословакии». 14 октября З. Фирлингер сообщил в НКВД, что Хвалковский воздержался от ответа на этот вопрос, полагая, что он относится к компетенции великих держав, подписавших Мюнхенское соглашение. При этом министр иностранных дел утаил от правительства факт получения запроса, объяснив свою позицию тем, что не придает вопросу значения, который так и остался без ответа²³.

Вскоре после Мюнхена, а особенно после поездки Хвалковского в Берлин 13–14 октября, стали распространяться слухи о денонсации чехословацким правительством советско-чехословацкого договора о взаимопомощи от 1935 г., на чем настаивал Гитлер²⁴. Хвалковский во время встречи с Александровским 22 октября поспешил заверить его, что эти слухи «не имеют никаких оснований». Вместе с тем, по свидетельству советского полпреда, «Хвалковский сделал явную попытку передать инициативу отказа от договора нам. Он стал рассуждать как о чем то само собой разумеющемся, что СССР и Франция, очевидно, договорятся между собой о судьбе своих политических договоров с Чехословакией». Александровский дал понять собеседнику, что никаких инициатив с советской стороны в этом вопросе ожидать не следует. В письме министра иностранных дел СССР М.М. Литвинова полпреду СССР во Франции Я.З. Сурицу от 4 ноября об этом говорилось совершенно определенно: «Никаких шагов ни в отношении советско-чехословацкого, ни советско-французского пактов мы предпри-

нимать не будем»²⁵. Тем не менее МИД Ч-СР рассчитывал, что СССР может изменить свою позицию и договор будет аннулирован. 20 февраля 1939 г. министерство направило чехословацкому правительству записку по этому поводу. В ней говорилось, что правительства СССР и Франции должны принять к сведению, что, «поскольку новый статус Чехословакии не допускает возможности оказания военной помощи другому государству и односторонних политических обязательств, она не сможет впредь выполнять свои военные и политические обязательства», вытекающие из договоров с этими странами. Ожидалось, что и Франция, и СССР могут в связи с новой ситуацией заявить о недействительности своих договоров с Ч-СР²⁶. Однако до расчленения страны в марте 1939 г. денонсации договора не произошло, и Бенеш в связи с подписанием нового советско-чехословацкого договора в декабре 1943 г. подчеркивал его преемственность с договором 1935 г.

Сроки реализации планов Гитлера в отношении Чехо-Словакии приближались, и его требования к обреченной стране становились все жестче и наглее. В то же время возрастала напряженность в советско-чехословацких отношениях. Александровский жаловался в НКВД, что Хвалковский избегает встреч с ним, особенно в связи с предстоящей поездкой в Берлин. Накануне ее стали настойчиво распространяться слухи о готовящемся присоединении Ч-СР к Антикоминтерновскому пакту²⁷, о чем НКВД уведомлял советское посольство в Берлине. Так, временный поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов сообщал о своей беседе на этот счет с советником чехословацкой миссии Шубертом 19 января 1939 г. «Растерянно озираясь, — сообщал Астахов, — Шуберт ответил, что никаких сведений об этом из Праги у миссии нет. ... Все это звучало у него достаточно неуверенно и неопределенно и, во всяком случае, не походило на ясное опровержение». О том же говорил пресс-атташе советского посольства А. Смирнову корреспондент газеты «Юнайтед Пресс» Бетти, утверждавший, что главная цель визита Хвалковского — подготовка почвы для присоединения Чехо-Словакии к Антикоминтерновскому пакту и что «вопрос только во времени, но в очень непродолжительном»²⁸. О самом визите, состоявшемся 21 января, Астахов сообщал: «Пребывание Хвалковского в Берлине продолжалось всего один день, прием ему был оказан весьма холодный. Его угостили завтраком в Кайзерхофе, на котором присутствовало весьма ограниченное число лиц. Весь вечер, включая обед, он провел в миссии в обществе одного Мастно-

го (В. Мастны — чехословацкий посол в Берлине. — *В. М.*). Беседа с фюрером носила весьма тяжелый характер. Фюрер заявил Хвалковскому, что позиция чистого нейтралитета Чехословакии²⁹ Германию не устраивает. Германии нужно, чтобы Чехословакия стала надежным партнером германской внешней политики, а не лавировала между двумя лагерями. Хвалковский на это определенного ответа дать не мог³⁰. Очевидно, это было действительно так, что явствует из беседы Хвалковского с побывавшим в Праге Фирлингером, содержание которой тот изложил зам. наркома иностранных дел В.П. Потемкину 3 февраля. Требования Гитлера, по словам Хвалковского, в основном сводились к следующему (Потемкин квалифицировал их как «самый категорический „диктат“»): 1) немедленное прекращение антигерманских выступлений чехословацкой печати; 2) сокращение чехословацкой армии примерно наполовину; 3) передача части золотого запаса Чехословакии Германии на том формальном основании, что к ней отошла часть чехословацкой территории; 4) соблюдение нейтралитета во внешней политике страны; 5) немедленное изгнание евреев не только из государственных и общественных учреждений, но также из хозяйственной жизни и др. Чехословацкое правительство обязано помнить, заявил Гитлер, что «Чехословакия находится в полной зависимости от Германии. Если будет нужно, Германия не остановится перед занятием новых чехословацких областей». «По словам Фирлингера, — записал в дневнике Потемкин, — Хвалковский вернулся из Берлина не только ошеломленный оказанным ему приемом, но и проникнутый убеждением, что Чехословакии не остается ничего другого, кроме повиновения диктату Гитлера». О присоединении Чехословакии к Антикоминтерновскому пакту, по словам Фирлингера, Гитлер не говорил ни слова³¹.

Фирлингер, как следует из дневника Потемкина, поехал в Прагу «с намерением выяснить возможность своей дальнейшей дипломатической работы. Эту возможность посланник ставит в зависимость от направления внешней политики Чехословакии. Он опасается, что в этой области Чехословакия утратила свою самостоятельность. Если она вынуждена будет проводить антисоветский курс, Фирлингер, разумеется, не согласится продолжать свою дипломатическую работу». Одновременно чехословацкий посланник, что следует также из его бесед с Потемкиным в январе 1939 г., был очень обеспокоен ослаблением заинтересованности СССР в дальнейшей судьбе его страны. Фирлингер доказывал Потемкину,

«что несмотря на капитулянтскую позицию нынешнего чехословацкого правительства в отношении Германии, в стране существует глубокое недовольство создавшимся положением и имеются живые элементы сопротивления, которые в соответствующий момент могут перейти к действию». По мнению Фирлингера, записал Потемкин в дневнике 10 января 1939 г., «советское общественное мнение преждевременно склоняется к безнадежному прогнозу касательно дальнейших судеб Чехословакии. ... Чрезмерно пессимистические суждения советской прессы о положении Чехословакии воспринимаются чехословацкой общественностью весьма болезненно и содействуют известной деморализации тех ее групп, которые еще способны к активной борьбе за национальную независимость». Фирлингер просил учесть это обстоятельство и «посодействовать тому, чтобы советская печать, со всей объективностью отмечая отрицательные моменты нынешнего положения Чехословакии, не ставила преждевременного креста над народом, который далеко еще не сказал своего последнего слова в борьбе за свою национальную независимость». Мотивы такого рода, по словам Потемкина, Фирлингер «нашел в ряде статей и заметок — в частности, в газете „Правда“, где самому Бенешу давалась весьма нелестная оценка, сравнивавшая его с каким-то щедринским типом». Зам. наркома ответил, что посланник «преждевременно обобщает эпизодические высказывания советской печати о положении в Чехословакии. Ни общественное мнение, ни советская пресса СССР не делают чехословацкий народ ответственным за это положение и отнюдь не предрекают чехословацкой нации окончательное поражение и гибель»³². Естественно, Москва оценивала не позиции чешского и словацкого народов, а политику правящих кругов страны, которые проводили (и, очевидно, в тех условиях были вынуждены это делать) определенно прогерманский и антисоветский курс. В связи с этим Фирлингер и поставил перед Хвалковским вопрос о возможности своего дальнейшего пребывания на посту посланника в Москве, но ему было отвечено, что «объективных оснований для его ухода из Москвы не имеется»³³.

После поездки в Прагу Фирлингер был принят 7 февраля и наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым. Посланник, как следует из записи беседы в дневнике наркома, считал, что «мы (СССР. — В. М.) слишком сурово осуждаем их. Мы должны понимать, что германские требования предъявляются в весьма настойчивой форме, причем делаются угрозы занятия Праги, Брно, Мо-

равской Остравы или любого другого города. ... Министерство получает из германской миссии прямые указания, какие газеты должны быть закрыты, какие журналисты должны быть изъяты из редакций, какие высланы и т. п. Мы, следовательно, должны не осуждать Чехословакию, а жалеть ее». Литвинов ответил: «Мы полностью сочувствуем Чехословакии в ее горе, но не всегда понимаем ее действия и мотивы. ... У нас редко создается впечатление, что те или иные мероприятия проводятся чешским правительством неохотно, как бы по принуждению, а, наоборот, выполняются желания даже не высказанные Германией. Трудно себе представить, чтобы в результате отказа в закрытии той или иной газеты Германия заняла Прагу». На вопрос Литвинова, как поступила бы Чехословакия, если бы ей было предъявлено требование присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, Фирлингер ответил, что, «вероятно, она сослалась бы на свой нейтралитет». Литвинов признал, что присоединение «поставило бы нас в трудное положение после нашей реакции на присоединение Венгрии»³⁴.

Представляется, что Фирлингер, живший и работавший в Москве с 1937 г., довольно правильно оценил тогдашнюю позицию Москвы в отношении постмюнхенской Чехословакии. В конце декабря 1938 г. он писал своему личному другу и приятелю адвокату Небесарж в Прагу³⁵: «Здесь, в Советском Союзе наша катастрофа произвела глубокое впечатление. ... Было очевидно, что в правительственных кругах дошло до серьезной дискуссии о новой ориентации внешней политики³⁶. Известный эмпиризм, которым всегда отличается сталинский режим, привел к решению, что лучше всего „уэйт энд си“»³⁷ (так в документе. Скорее всего: выжидать и наблюдать. — В. М.). В условиях, когда Англия и Франция продолжали свою политику умиротворения агрессора, когда было очевидно, что Германия не удовлетворится достигнутым и будет стремиться к окончательной ликвидации Чехо-Словакии, когда ее правительство по сути проигнорировало вопрос Москвы о том, желает ли оно, чтобы СССР выступил одним из гарантов новых чехословацких границ, когда правящие круги Ч-СР взяли открыто прогерманский и антисоветский курс, Советскому Союзу ничего не оставалось делать, как только занять выжидательную позицию в чехословацком вопросе. Она то и не устраивала левого социал-демократа Фирлингера, который настойчиво стремился во время встреч с представителями НКВД убедить их в необходимости более активно поддерживать те силы в Чехо-Словакии, которые

не разделяли политику сближения страны с Германией, точнее, подчинения ей, и надеялись сохранить дружественные отношения с СССР. Трудно сказать, действовал ли он на свой страх и риск или получил благословение Праги. Во всяком случае, достаточное число влиятельных представителей чешской промышленности было заинтересовано в развитии экономических связей с советской страной.

В этом плане интересна беседа Фирлингера с Александровским 17 февраля 1939 г. Посланник заверял, что сейчас в Праге происходит «определенный перелом», что «недавние сторонники сближения с Германией, начиная с премьера Берана, поняли невозможность «сотрудничества» с гитлеровской Германией», что период «паники и иллюзий» позади, что «начинается всеобщий отпор гитлеровским притязаниям», а между Бераном и Хвалковским в связи с этим существует «значительное напряжение». Фирлингер считал позицию Хвалковского ошибочной, поскольку последний «принимает нынешнее положение в Европе за твердо данное на ближайшие 50 лет, тогда как для остальных (включая Берана) является несомненной временностью, переходностью нынешнего состояния и неизбежность решительного столкновения демократии с гитлеровским фашизмом в ближайшие сроки». В подтверждение того, что расхождения между Бераном и Хвалковским могут «еще привести к внутренним потрясениям», Фирлингер заявил, что премьер никак не может принять и проводить в Ч-СР, например, антисемитские «нюрнбергские законы», потому что у него бабушка еврейка, а у Хвалковского и ряда других политических деятелей «та же самая история, а то и еще больше: мать, жена». Вместе с тем посланник пессимистически признавал, что у Чехо-Словакии пока «нет средств и сил к активному сопротивлению домогательствам Германии, и с этим нужно считаться». Фирлингер жаловался на недостаток внимания к своей персоне и на то, что «в Москве вообще не с кем поговорить, кроме наркоминдельских „передаточных“ инстанций вроде 2-го западного отдела»³⁸.

В этой беседе, как и ранее, Фирлингер настойчиво подчеркивал мысль о необходимости поддерживать и развивать советско-чехословацкие экономические связи. При этом он исходил из наличия советско-чехословацкого договора о торговле от 25 марта 1935 г.³⁹ и военно-технических контактов между странами, особенно активных в 1937–1938 гг. (до Мюнхена). Заглавным с чехословацкой стороны являлось крупнейшее предприятие по произ-

водству оружия — заводы «Шкода»; связи с советскими внешне-торговыми ведомствами и организациями поддерживали также брненская Збройовка и другие более мелкие заводы. Результатом переговоров военных и промышленников — с советской стороны в них в разное время участвовали зам. наркома оборонной промышленности Б.Л. Ванников, его заместитель К.М. Артамонов, начальник ВВС РККА Я.И. Алкснис, начальник Генштаба РККА А.И. Егоров, начальник Главного артиллерийского управления наркомата обороны Г.И. Кулик, имевший уже чин генерала Д.Ф. Устинов и др., с чехословацкой стороны — Генеральный директор заводов «Шкода» В. Громадко, начальник Главного штаба МНО генерал Л. Крейчи, генеральный директор фирмы «Эксплозие» генерал О. Гусак, начальник артиллерийского управления МНО генерал Нетлик и др. — стало заключение нескольких договоров, на основе которых чехословацкие оружейные предприятия предоставили СССР ряд лицензий. Техническая информация, полученная Советским Союзом, была весьма важной с точки зрения развития его промышленности вообще и оборонной в частности. Советский Союз использовал полученные им оригинальные технические разработки и системы при производстве собственных типов вооружения⁴⁰.

После Мюнхена чехословацкие поставки в СССР продолжались, хотя и с определенными затруднениями, на основе уже достигнутых соглашений. В.Я. Гендин, глава советского торгового представительства в Праге, предъявлял неоднократные претензии в связи с нарушением договоренных сроков поставок главным образом со стороны заводов «Шкода»⁴¹. Однако заинтересованность чешских деловых кругов в сотрудничестве с СССР была налицо. 22 октября 1938 г. чехословацкое МИД направило советскому Торговому представительству сообщение, в котором говорилось: «Чехословацкая промышленность будет приветствовать новые заказы из Союза Советских Социалистических Республик и будет их выполнять, как и раньше, через посредничество советского Торгового представительства». Указывалось, что, несмотря на потери территории Чехословакия сохранила почти всю машиностроительную промышленность, в том числе предприятия сельскохозяйственного машиностроения, металлообрабатывающую промышленность, более 50% текстильной промышленности, почти всю кожевенную промышленность, часть стекольной промышленности. На этом основании делался вывод о том, что Чехословакия может поставлять

в СССР не только оборудование, но и товары широкого потребления⁴². 8 ноября 1938 г. Фирлингер сообщил в МИД, что Москва желает «дальнейшего экономического сотрудничества и даже его углубления», главным образом в области машиностроения. В Прагу был направлен список товаров, которые СССР мог бы экспортировать в 1939 г.⁴³ В середине ноября в советское торгпредство обратилась фирма Батя, предложившая список товаров для вывоза в СССР (машины, текстиль, кожаные изделия) и ввоза из СССР (разного рода сырье). В начале 1939 г. МИД Ч-СР в ответ на запрос МНО о возможности возобновления сотрудничества с СССР в области вооружений заявил, что у него нет возражений. Заводы «Шкода» приняли решение об ускорении поставок в СССР товаров, заказанных им еще в 1938 г. Заинтересованность промышленных кругов Ч-СР в развитии экономических отношений с Советским Союзом объяснялась рядом причин. Чехословацкая экономика сильно зависела от внешней торговли, объем которой после Мюнхена сократился примерно наполовину. Изменился и внешнеторговый баланс: если в период «первой республики» экспорт превышал импорт, то теперь ситуация стала обратной. В тесном сотрудничестве с Германией проводилась реорганизация экономики. Немецкие монополии и банки укрепляли свои позиции в стране, вытесняя французский, бельгийский и американский капитал⁴⁴. Чешские деловые круги в этих условиях хотели восстановления контактов с советским партнером. Но дело было не только в этом. Важна была позиция Германии, стремившейся прибрать к рукам чешскую экономику. А дело было в том, что именно тогда Третий рейх выразил намерение усилить экономические связи с Советским Союзом. В январе 1939 г. по инициативе германской стороны возобновились прерванные в марте 1938 г. советско-германские переговоры о 200-миллионном кредите, причем на более выгодных для Советского Союза условиях, чем прежде. Советское правительство согласилось начать переговоры, но они проходили не столь успешно и быстро, как хотелось бы Германии. Из записи беседы В.П. Потемкина с германским послом в СССР Ф. Шуленбургом 18 февраля 1939 г. следует, что последний был «несколько разочарован той сдержанностью, которую проявил т. Микоян (нарком внешней торговли СССР. — В. М.) в вопросе о предполагаемом объеме советско-германской торговли. По словам Шуленбурга, его правительство расположено было бы значительно расширить этот объем на каждый предстоящий год. Меж тем, как утверждает Шу-

ленбург, представителям Германии дано понять, что они не могут рассчитывать на увеличение размеров своих закупок в СССР сверх указанного Наркомвнешторгом лимита»⁴⁵. Надо сказать, что в это время начались активные переговоры по экономическим вопросам также между Англией и Германией⁴⁶.

Третий рейх, рассчитывавший в скором времени прибрать Чешские земли к своим рукам и свободно распоряжаться их экономическим потенциалом, был заинтересован и в налаживании советско-чешских контактов в этой области. Москва же, будучи заинтересована в развитии экономических связей с Чехо-Словакией, особенно что касается военно-технической стороны дела, не проявляла особой поспешности, видимо предпочитая и в решении указанного вопроса ту же позицию: «выжидать и наблюдать». В.П. Потемкин, беседовавший с Фирлингером 21 января 1939 г., записал в своем дневнике: Фирлингер сообщил о своей встрече с Ванниковым, которая свелась к обмену соображениями общего порядка касательно желательности и возможности использования чехословацкой индустрии для нужд оборонной промышленности СССР⁴⁷. Вопрос об экономическом сотрудничестве Фирлингер поднимал и во время встречи с Литвиновым 7 февраля. Заявив, что Громадко обещал выполнить все заказы СССР и даже досрочно, посланник добавил: «Громадко — не коммунист, но он вполне ваш человек и на него можете положиться». Реакции наркома, что следует из записи беседы, не последовало⁴⁸. Очевидно, это и побудило Фирлингера в упомянутой беседе с Александровским 17 февраля заявить об отсутствии внимания с советской стороны, в частности, к работе заводов «Шкода»: «На это жаловался и Громадко, — значит в записи беседы. — Он уже много месяцев держит для нас (СССР. — В. М.) свою знаменитую „нитку“ пневматических станков для изготовления снарядов, а в „Москве“ не интересуются, не откликаются, хотя это в ее прямых интересах. Жаловался Фирлингер и на то, что он сам привез вновь предложение взять эти станки, был недавно у зам. наркома Потемкина, выразил желание говорить с наркомом Ванниковым, но так и не добился свидания». Интересно отметить, что раздосадованный Фирлингер возвратился в этой связи к прошлому и говорил, что «в деле чехо-словацких настроений перед осенними событиями и Мюнхеном катастрофически крупную роль сыграло то, как были приняты в Москве начальник чехо-словацкой военной авиации генерал Файфр, и особенно, начальник артиллерии ген. Нетлик. Они якобы были в отчаянии, особенно Нетик, ибо

ни разу не почувствовали хоть какое-нибудь желание начать подготовку, проработку вопросов, „хоть бы на теоретический случай оказания помощи Чехо-Словакии совместно с Францией“. Файфр „навязывался“ с подобными разговорами, но его только слушали. Нетлик был полностью разочарован, особенно, после разговора с Шапошниковым, и уехал в убеждении, что СССР не имеет намерения оказать помощь ни при каких условиях. Это сыграло потом роль при обсуждении вопроса о сопротивлении Германии. ЧСР с одной Германией еще ввязалась бы в драку, но при одновременной угрозе со стороны Польши и Венгрии не могла двинуться, не будучи уверенной в помощи СССР. ... Файфр и Нетик приезжали в Москву именно для того, чтобы установить... практический контакт с Красной Армией, но не нашли отклика»⁴⁹. И это понятно: все важные решения принимались только Сталиным, практический ум которого диктовал, как в период подготовки Мюнхена (несмотря на дипломатическую риторику), так и после него, позицию наблюдателя, выжидающего дальнейшего развития событий и руководствовавшегося принципом, грубо говоря, «не лезть на рожон». Так обстояло дело и во взаимоотношениях со «второй чехо-словацкой республикой», которые, как представляется, имели «тлеющий характер», поскольку для советского руководства было очевидно, что ее дни сочтены.

Еще одна сторона советско-чехословацких отношений той поры практически не исследована, поскольку документальная база пока чрезвычайно скудна. Речь идет о чехословацкой эмиграции в СССР. Постараемся хотя бы указать на проблему, опираясь на касающиеся ее фрагментарные материалы, имеющиеся в распоряжении автора. Этот вопрос, несомненно, находился в поле зрения Александровского, что следует из его заметок о политической эмиграции в Чехословакии, датированных 17 ноября 1939 г. Он писал, что разрешения на въезд в Англию и Францию даются в очень ограниченном количестве и «с очень большим разбором, только самым надежным буржуазным элементам». «Урезанная со всех сторон Чехия превратилась чуть не в сплошной табор беженцев и эмигрантов всевозможных национальностей. ... По приблизительным предположениям в Чехии имеется 250–300 тысяч беженцев, преимущественно чехов из Судетской области и Словакии. Волна бегства из этих областей не прекращается». В консульство СССР, по словам полпреда, поступали многочисленные просьбы о разрешении въезда в СССР. К Александровскому лично обраща-

лись депутаты Клейн и Тайерле с просьбами о разрешении отправить в СССР хотя бы «незначительную часть самых угрожаемых немецких эмигрантов, которые ни при каких условиях не получат разрешения на въезд в другие страны и не могут оставаться в Чехословакии». 28 октября, как следует из заметок, у Александровского был председатель «Общества друзей СССР» Врбенский (коммунист), который очень темпераментно рассказывал о том, что «враги СССР используют тяжелое настроение среди эмигрантов и беженцев и спекулируют указанием на то, что вот дескать Англия дает и деньги, и визы, а СССР не принимает ни одного человека и ничего не делает. Фашистские группировки увязывают это вообще с вопросом о „предательстве“ со стороны СССР и говорят, что „предательство“ продолжается и в том, что СССР полностью отрекся от людей, жертвующих жизнью в антифашистской борьбе». Врбенский, по словам Александровского, постоянно получает вопросы, почему СССР отказывает в праве убежища, почему ВЦСПС, помогавший в ряде других случаев, не организует материальную помощь немецким и еврейским беженцам. На такие вопросы, писал полпред, «крайне трудно отвечать, а ответ необходим... всякая клевета и злопыхательство на Советский Союз находят благодарную почву». «Наше полное молчание (в ответ на просьбы о помощи. — В. М.) вызывает недоумение»⁵⁰.

С просьбой о помощи чехословацким гражданам немецкой национальности обратился к Литвинову и Фирлингер. 22 ноября 1938 г. нарком иностранных дел направил по этому поводу письмо И.В. Сталину. Копии письма получили Молотов, Каганович, Ворошилов и Ежов. Фирлингер по поручению своего правительства запрашивал, согласно ли советское правительство «принять 2 тыс. чехословацких граждан немецкой национальности, членов коммунистической партии, намеренных эмигрировать за границу». Литвинов писал, что Александровский несколько раз обращался в НКВД с вопросом о возможности принятия беженцев. При этом нарком отмечал, что, возможно, переговоры об этом ведутся между компартией Чехословакии и ИККИ, но НКВД ничего не известно об этом. Он просил указаний Сталина «для ответа чехословацкому посланнику». Не известно, получил ли Литвинов ответ Сталина, но, очевидно, какие то указания были даны. Во всяком случае, Г. Димитрову было направлено упомянутое письмо Литвинова, ознакомившись с которым он констатировал: «Мы и чехословацкие товарищи не вели подобных переговоров»⁵¹. Вероятно, тогда же он

получил из НКВД и заметки Александровского, о которых речь шла выше, а также конкретные указания относительно того, как надо действовать в вопросе о чехословацкой эмиграции. Именно после этого Генеральный секретарь ИККИ стал активно заниматься им. Коминтерн и его исполнительный орган, как показали исследования последнего времени, были послушным орудием в руках советского руководства, действовали в тесном контакте с ним, в любом важном деле испрашивали его указаний и выполняли их⁵². Естественно, что и тогда, и позже Москва отрицала это, представляя Коминтерн как независимую международную организацию, действовавшую самостоятельно. Например, Литвинов, беседуя 20 декабря 1938 г. с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром, заявлял: «Мы, однако, за Коминтерн не отвечаем. Есть известный параллелизм интересов Коминтерна и Советского государства, но не существует связи»⁵³. Но связь, как стало ясно теперь, существовала, и самая непосредственная.

Генеральный секретарь ИККИ болгарин Георги Димитров, с 1934 г. — гражданин СССР, внимательно следил за развитием мюнхенского кризиса, что явствует из его Дневника⁵⁴. Запись в нем от 2 октября 1938 г. гласит: «Телефонное сообщение от Готвальда от 30 сентября: До сегодняшнего полудня мы сделали все, чтобы единодушно предотвратить принятие мюнхенских требований. После передачи мюнхенских решений, ультиматума было ясно, что если мы хотим аннулировать эти решения, то должны обладать властью. Этот шаг отпугнул все коалиционные партии. Для защиты республики необходимо теперь единство. Мы должны сделать все, чтобы обеспечить организованное отступление на вторую линию. Мы будем защищать эту вторую позицию, как против внутренней реакции, так и против внешнего врага. Вообще положение еще не ясно. Партия высказывается против изолированных действий, которые могут быть использованы в качестве предлога для раскола сил. Нам нужна объединенная сила для сохранения второй линии»⁵⁵. Сразу после этого из Кисловодска, где в то время лечился Димитров, он направил телеграмму в Москву Д.З. Мануильскому, М.А. Москвину и О. Куусинену, которые руководили во время его отсутствия работой ИККИ. В телеграмме говорилось о задачах международного коммунистического движения в связи с Мюнхенским соглашением. Генсек ИККИ полагал направить основные усилия «на предотвращение дальнейшего издевательства над Чехословацкой республикой, на возможно максимальное обес-

печение ее жизнеспособности в новых границах, на защиту ее демократического строя, на помощь эвакуированному населению из Судетской области, сохранение судетских кадров и т. д., не ослабляя, конечно, атак на неслыханное злодеяние фашистских гангстеров и предательство Чемберлена — Даладь»⁵⁶. 3 октября Димитров направил новую телеграмму руководству ИККИ с указаниями о том, как должна действовать в новых условиях КПЧ. Он рекомендовал «решительно выступить за объединение партий и профсоюзов рабочего класса Чехословакии», добиваться соглашения между коммунистической и социал-демократической партиями о немедленном объединении профсоюзов, о необходимых мероприятиях по укреплению национального фронта; считал, что КПЧ должна сыграть роль «смелого пионера в деле создания единой партии рабочего класса на марксистской и интернационалистической основе». Димитров считал серьезной политической ошибкой, что до сих пор чехословацкие коммунисты и социалисты не выступили с обращением по поводу созыва международной рабочей конференции в связи с мюнхенскими событиями. ИККИ учел эти указания и направил их Готвальду в Прагу, который получил их как раз накануне пленарного заседания ЦК КПЧ 4 октября и в соответствии с ними построил свой доклад⁵⁷.

6 октября 1938 г. Москвин телеграфировал Димитрову: «В опубликованном вчера обращении ЦК КПЧ данные указания нашли свое отражение. В связи с отставкой (подчеркнуто в документе. — В. М.) Бенеша даются указания на целесообразность массовых выступлений с требованием вернуться на пост, если отставка вызвана требованием Гитлера и Чемберлена и нажимом внутренней реакции»⁵⁸. Димитрова волновало положение дел в Чехословакии, и в тот же день он телеграфировал Москвину: «Положение компартии Чехословакии и самого Готвальда чрезвычайно сложное и тяжелое. Необходимо шаг за шагом оказывать им помощь советами. Для этого нужна быстрая прямая и строго секретная связь. ... Если почему-либо не удастся скорый приезд Аппельта, нужно срочно послать туда нашего человека»⁵⁹. Поступавшие из Москвы советы руководство КПЧ принимало как руководство к действию. 5 октября оно констатировало вынужденность отставки Бенеша. Директивы политбюро гласили: «1) привести рабочий класс в движение с целью протеста против дальнейших уступок; 2) в категорической форме поставить перед социалистами вопрос о совместных действиях и вопрос о единой рабочей партии; 3) потребовать

немедленного созыва парламента для проведения конституционным путем избрания президента; 4) действовать на всех других направлениях так, чтобы воспрепятствовать внутреннему развалу». 6 октября руководство КПЧ снова вернулось к вопросу о необходимости протеста против отставки президента: «Речь идет о лице, которое является представителем демократической Чехословакии. Будет тяжело, но мы должны вести переговоры об этом со всеми партиями, одновременно делая главный акцент на мобилизации снизу». Краевые руководства КПЧ получили из центра соответствующие указания, а Я. Шверма, Я. Доланский, Б. Шмераль, В. Копецкий, Р. Сланский — задание начать немедленные переговоры об этом с политическими деятелями и партиями. В духе настоятельных рекомендаций Димитрова и ИККИ было принято решение предложить социал-демократам созвать международную рабочую конференцию с целью защиты Чехословакии, а Готвальду написать статью для опубликования ее за границей. Статья под названием «Мир не должен об этом молчать»⁶⁰ была написана, но договориться с другими политическими партиями в стране не удалось, как и попытка создания социалистического блока⁶¹.

Димитров и далее продолжал следить за событиями в Чехословакии. 9 октября, например, он просил Москвина немедленно предупредить Готвальда о полученной им от Гендина из Праги информации, что троцкистские элементы дали своим членам директиву вступать в коммунистические организации и вести в них борьбу «за действительно ленинскую, революционную линию». 10 октября Димитров записал в Дневнике: «Начинается погромный поход на коммунистическую партию и рабочее движение, на демократические элементы и евреев в самой Чехословакии». В телеграмме, направленной связи с этим Мануильскому и Москвину 11 октября, Генсек ИККИ писал: «Нужно предпринять исключительные меры для усиления движения солидарности и помощи и для давления на правящие круги Англии и Франции. Надо разжечь до максимальных размеров всеобщее возмущение против фашистских насильников, против их английских и французских пособников и против внутренней реакции Чехословакии. Добиваться присылки авторитетных делегаций и виднейших корреспондентов из Англии, Франции, Соединенных Штатов в Прагу. Одновременно нужны срочные предохранительные меры для защиты и сохранения кадров рабочего и общедемократического движения. Необходимо обеспечить постоянный контакт с 161 (кодовое число КПЧ. — В. М.)»⁶². Вме-

сте с тем Димитров поручил ответственному сотруднику аппарата ИККИ Б.Н. Пономареву подобрать важнейшие материалы (статьи, заявления и пр.) коммунистических, социалистических, левобуржуазных и демократических партий и деятелей, касавшиеся Мюнхенского соглашения, создать специальную комиссию в связи с событиями в Чехословакии и на основе тщательного анализа собранных документов сделать доклад секретариату ИККИ, возложив ответственность за все это на В. Коларова (видного деятеля Болгарской коммунистической партии)⁶³.

18 октября Димитров телеграфировал Мануильскому и Москвину из Крыма, где он продолжал лечение: «Наряду с приложением всех возможных средств в защиту легального существования рабочего движения и коммунистической партии в 112 (кодовое наименование Чехословакии. — *В. М.*), необходимо все же, учитывая строго реальную обстановку, своевременно принять меры для сохранения и дальнейшего использования особенно угрожаемых руководящих кадров даже ценою переброски некоторых из них в подходящий момент за границу. Было бы безумием оставить эвентуально Готвальда заложником в руках реакции. Ряд людей мы должны иметь в виду для интернациональной работы, например, Аппельт, для нашей издательской деятельности. Прошу конкретно обсудить и войти по этому вопросу в контакт с Готвальдом и ЦК КПЧ»⁶⁴. 20 октября 1938 г. Москвин телеграфировал Димитрову: «Готвальд просил срочно разрешить Шмералю с семейством приехать сюда (в Москву. — *В. М.*). Разрешение высылаем. ... Нами сообщено в Париж, где ожидается появление Готвальда, чтобы последний, не возвращаясь в Чехословакию, приехал к нам»⁶⁵.

24 октября Димитров получил пространное письмо от Мануильского, в котором тот среди прочего писал: «Удар по Чехословакии все мы переживаем сильно, но не приходим в уныние, будучи уверенными, что поражение чехословацкого народа подымет новую антифашистскую волну во всем мире. Новое положение требует от коммунистов, чтобы они сейчас говорили не только от имени народного фронта, но и от всей нации, всего народа... Эта роль коммунистов как выразителей чаяния народа должна быть подчеркнута особенно в таких странах, как Чехословакия, Югославия, Румыния и т. д., стоящих под ударом германского фашизма»⁶⁶. Получив сообщение о запрещении чехословацкими властями деятельности коммунистической партии, Димитров телеграфировал Москвину: «При создавшемся в Чехословакии положении надо

считаться с фактом, что компартия, хотя и по этапам, будет, наконец, загнана в подполье. Наряду с оказанием на каждом шагу массового сопротивления и удержанием возможных фактических позиций, наши друзья должны еще сейчас обдуманно и организовано перестраивать свою работу и расставить свои кадры таким образом, чтобы при всех условиях сохранить лучшие связи с массами и реальные возможности для массового влияния». Рекомендовалось «сохранить как можно больше запасов классической, марксистской и современной коммунистической литературы в таких местах, которые позволяли бы ее дальнейшее использование», создать «беспартийную народную газету с редакцией из прогрессивных элементов» и нейтральный научно-культурный журнал, продумать мероприятия «для идеологического воздействия на массы и общественность»⁶⁷.

Сначала предполагалось, что в Советский Союз будут переправлены члены ЦК КПЧ, избранного на ее VII съезде в апреле 1936 г. Однако Исполком Коммунистического Интернационала (ИККИ) не дал на это согласие, очевидно потому, что в Москве было мало что известно о его членах⁶⁸. Поэтому в течение ноября–декабря 1938 г. в СССР была переправлена лишь группа «избранных» профессиональных революционеров во главе с К. Готвальдом⁶⁹. 1 ноября Димитров вернулся из Крыма в Москву, а 14 ноября, согласно записи в Дневнике, сюда же приехал и Готвальд. 18 ноября Димитров записал: «Готвальд, Appelът с женой — у нас. Вместе обедаем. Подробная информация о чехословацких делах». 19 ноября он тоже занимался делами КПЧ: «Установили, кто должен выехать из Чехословакии (руководящие товарищи)»⁷⁰. Именно эта группа «руководящих товарищей», разместившись в гостинице «Люкс» в Москве, составила заграничное руководство КПЧ, которое именовало себя «политбюро в эмиграции». Кроме Готвальда, в эту группу входили Я. Шверма, В. Копецкий, Р. Сланский, В. Широкий, Й. Кроснарж, Р. Appelът и позже Б. Келер (в некоторых документах Келлер). Часть из них была задействована непосредственно в ИККИ: Готвальд стал его секретарем, Шверма работал в отделе печати, Appelът, Копецкий, Широкий являлись референтами. Кроснарж работал в секции СССР Международной организации помощи борцам революции (МОПР), в его обязанности входило обеспечивать потребности чехословацкой эмиграции. Сланский отвечал за работу чешского радиовещания на московском радио. Члены политбюро КПЧ А. Запотоцкий, Р. Ветишка и Ф. Билек

пока оставались в стране⁷¹. 14 февраля 1939 г. советник советского полпредства в Праге В. Яковлев встречался с Запотоцким, который «зашел, чтобы рассказать о своем визите к Берану 11 февраля 1939 г.». Шел разговор о политике по отношению к левым элементам в стране. «На вопрос Запотоцкого, грозит ли коммунистам, и, в частности, эмигрантам в Чехословакии близкая опасность репрессий, Беран ответил, что сегодня пока непосредственной опасности нет, но все же он советовал принять все меры к ускорению выезда эмигрантов»⁷². По словам Запотоцкого, Беран был доволен, что Готвальд и другие руководящие работники КПЧ находятся в Москве, ибо в противном случае «это обострило бы ситуацию и осложнило бы положение правительства. Беран прямо сказал, что он очень просит, чтобы уехавшие не возвращались сейчас назад»⁷³.

«Заботу» о коммунистах, оставшихся на подпольной работе в стране, проявил и ИККИ. 29 декабря 1938 г. зав. отделом кадров ИККИ Андреев обратился к Г. Димитрову с письмом, в котором говорилось: «Ввиду перехода КП Чехословакии на нелегальное положение и с возросшей в связи с этим опасностью проникновения в руководящий состав партии провокаторов и шпионов, отдел кадров ИККИ просит дать следующие указания ЦК КП Чехословакии: 1. организовать работу по тщательному изучению и проверке руководящих партийных кадров и материалы проверки представить в ИККИ; 2. для руководства работой по борьбе с провокацией и шпионажем организовать в ЦК группу из трех проверенных руководящих партийных работников, подчиненных непосредственно генеральному секретарю ЦК; 3. разработать и представить в ИККИ план работы по изучению и проверке руководящих партийных кадров и по борьбе с провокацией и шпионажем». Димитров распорядился направить письмо Готвальду⁷⁴. Было ли выполнено это указание, автору не известно.

Прибывшие в Москву в ноябре Готвальд и Аппель развернули через Димитрова работу по организации отправки из Чехо-Словакии в СССР коммунистов, которые находились под угрозой расправы. Так, они передали Димитрову меморандум о положении судето-немецких беженцев-коммунистов в стране, который 27 ноября 1938 г. Генеральный секретарь ИККИ переслал Н.И. Ежову и Л.П. Берии в НКВД СССР⁷⁵. В меморандуме говорилось, что в чешской части Ч-СР находится по приблизительным подсчетам 250–300 тыс. беженцев из Судетской области, в числе которых

около 2 тыс. судето-немецких коммунистов, «сплошь испытанные кадры», которые «получили от партии после тщательной проверки разрешение на эмиграцию». Тысячи других коммунистов, отмечалось в меморандуме, «которые тоже бежали в первые дни после оккупации, но которым не угрожает столь серьезная опасность, по директиве партии вернулись в занятые немцами области для продолжения там партийной работы. Многие из них находятся сейчас в концентрационных лагерях и тюрьмах. ... Чехословацкое правительство неохотно и то лишь временно предоставило судето-немецким коммунистам право убежища на самых худших условиях и заранее заявило, что им придется покинуть страну». Указывалось, что английское правительство предоставило на всю чехословацкую эмиграцию 350 разрешений на въезд в Англию, но отказалось принять хотя бы одного судето-немецкого коммуниста; французское правительство согласилось допустить в пределы страны 700 чехословацких эмигрантов, но ни одного судето-немецкого коммуниста. Чехословацкое правительство, утверждалось в меморандуме, хочет выдать всех судето-немецких беженцев германскому фашизму. «Это равносильно уничтожению всех активных и испытанных кадров судето-немецкого коммунистического движения, ибо в числе 2000 эмигрантов-коммунистов есть примерно 800 товарищей, которым, по нашему мнению, в случае выдачи третьей империи грозит смерть». Авторы меморандума обращались с просьбой разрешить въезд в СССР «хотя бы небольшой части коммунистов, дабы удалось спасти часть наших партийных кадров». Они считали необходимым «срочно допустить (в СССР. — В. М.) 20 партийных деятелей, которые находятся в исключительно угрожаемом положении и которые нам определенно известны, как честные коммунисты». Прилагался список коммунистов с их краткой характеристикой⁷⁶. 3 января 1939 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и наркома внутренних дел Л.П. Берии ушло дополнительное письмо Димитрова с просьбой «по возможности ускорить разрешение вопроса о допущении в СССР беженцев группы особо угрожаемых коммунистов из Судетской области, список которых уже послан в НКВД через НКВД»⁷⁷.

Наркомат иностранных дел также торопил Димитрова с решением вопроса о чехословацких эмигрантах. 7 января на его имя из секретариата Потемкина «для срочного ознакомления» поступила копия письма Александровского в НКВД с приложенным к нему списком из 157 человек коммунистов-беженцев из Судетской об-

ласти, «жизнь которых находится под наиболее непосредственной угрозой». «Что нажим Гитлера на чехов резко усилился, не подлежит сомнению, — писал Александровский. — У меня имеются прямые сведения о том, что германское посольство в Праге выражало большое недовольствие поведением чехословацкого правительства, квалифицируя его как „неискреннее и недостаточно дружественное“. Гитлер недоволен даже самим Бераном. ... Не подлежит сомнению, что в такой обстановке чехи не будут долго думать о судьбе коммунистических эмигрантов и беженцев и при следующем сколько-нибудь серьезном нажиме Гитлера выдадут их ему, несмотря на разные переговоры с Англией, Францией, а тем более с СССР об их въезде в эти страны. Поэтому действительно необходимо немедленно практически осуществить дело спасения этих кадров». «Полпредство ходатайствовало, — говорилось далее в письме, — о разрешении на въезд 27 бывшим бойцам республиканской армии (в Испании. — *В. М.*), происходивших из Чехословакии, по большей части из Судетской области... В этой просьбе было отказано 23 ноября 1938 г. ... Я надеюсь, что отказ является плодом недоразумения. Не может быть, чтобы все 27 были вредны и опасны для нас. Если же это не так, то отказ политически невозможная вещь. Неужели для получения права убежища в СССР мало драться с фашистами на фронте 2 года, получить 3 ранения и попасть под прямую угрозу в Чехословакии быть выданным на убой в застенках гестапо?» На сопроводительном письме из НКВД рукой Димитрова написано: «Т. Готвальду. Вопрос поставлен нами еще раньше в ЦК и НКВД. Сегодня т. Андреев мне сообщил, что необходимо написать по этому вопросу и прямо в Политбюро (т. Сталину) в целях ускорения его решения. Следовало бы срочно отправить обоснованную просьбу в Политбюро за подписями т. Готвальда и других чешских товарищей. Г. Д. 8.01.39»⁷⁸. Очевидно, ИККИ выделял для переправки этой группы эмигрантов и финансовые средства, о чем, в частности, свидетельствует написанная карандашом и подписанная Димитровым и представителем ВКП(б) в ИККИ Д.З. Мануильским записка от 7 января 1939 г.: «1. Отпустить 15 000 долларов для покрытия части расходов по переброске из Чехословакии за границу германских и судетских (так в документе. — *В. М.*) коммунистических политэмигрантов, находившихся под угрозой быть выданными германским фашистам. 2. Возложить ответственность по расходованию этой подотчетной суммы на т.т. Трояна, Бруно Келлера и Том Белла»⁷⁹.

Готвальд выполнил адресованную ему просьбу Димитрова и представил текст письма в Политбюро ВКП(б). После внесения поправок в его оригинал на немецком языке и перевода письма на русский оно 11 января было отправлено в Политбюро ЦК ВКП(б). В нем излагалась суть вопроса и в заключение говорилось: «Мы просим поставить вопрос о возможности эмиграции в СССР судетских немцев и просим решить этот вопрос возможно скорее». За ЦК КПЧ письмо подписали Готвальд, Копецкий, Шверма, Аппельт, Кроснарж, Широкий, Сланский, Корб⁸⁰. В тот же день 11 января Димитров направил Сталину личное письмо по этому вопросу. В нем говорилось, что в Чехословакии находится около 1000 коммунистических активистов, эмигрантов из Судетской области, которым «угрожает непосредственная опасность быть переданными гестапо и расстрелянными», и что «единственная возможность их спасения это их допущение в СССР... Следовало бы разрешить въезд в СССР по крайней мере наиболее угрожаемым в числе 250–300 человек. Соответствующие списки и материалы по этому вопросу имеются в НКВД, НКВД и ЦК партии»⁸¹.

В дополнение к указанным материалам Димитров направил Берии 4 февраля 1939 г. доклад «Комитета помощи беженцам и переселенцам» в Праге⁸², из которого, по словам Димитрова, «видно, что необходимо ускорить решение о допущении в СССР по крайней мере наиболее угрожаемым судето-немецким коммунистам, чтобы спасти их от выдачи в руки германских фашистских властей». «Очень прошу, — писал Димитров, — принять соответствующие в этом направлении меры»⁸³. 11 февраля в Дневнике Димитрова появилась запись: «В ЦК ВКП(б) (Андреев, Жданов, Маленков). Намечаем необходимых для ИККИ людей. Подготавливаем постановление ЦК о допуске в СССР 250–300 судетских коммунистов и 300 добровольцев интербригад»⁸⁴. 16 февраля 1939 г. Димитров направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову список из 227 коммунистов, немцев Судетской области, «о которых в делегации КПЧ при ИККИ имеются положительные данные»⁸⁵. 14 февраля 1939 г., согласно записи в Дневнике Димитрова, было принято следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б): «1. Предложить Народному комиссариату внутренних дел дать разрешение на въезд в СССР 250–300 судетских коммунистов. 2. Поручить комиссии в составе т.т. Молотов, Деканозов, Шверник, Богданов рассмотреть список судетских коммунистов, поступивший в НКВД, и обеспечить их размещение на

работу в советских предприятиях и учреждениях». Кроме того, Политбюро постановило: «1. Разрешить обратный въезд в СССР 300 человек, командированным ранее ИККИ в качестве добровольцев в Испанию, ныне находящихся во Франции. 2. Поручить т.т. Берия и Литвинову разрешение всех вопросов, связанных с возвращением указанных в первом пункте товарищей»⁸⁶. К сожалению, автору неизвестно, сколько в конце концов судетских коммунистов и интербригадистов прибыло (вернулось) в СССР и как сложилась их судьба впоследствии. Думается, для большинства — печально.

После прибытия в Москву руководителей КПЧ решено было рассмотреть положение дел в Чехо-Словакии на заседании президиума ИККИ. Запись в Дневнике Димитрова от 21 ноября гласит: «Комиссия под председательством Готвальда вырабатывает проект постановления Секретариата ИККИ»⁸⁷. Президиум ИККИ (Г. Димитров, Д.З. Мануильский, О. Куусинен, Флорин, Кемпбелл, Драганов, Фюрнберг, В. Коларов, В. Ульбрихт, представители Коммунистического Интернационала Молодежи и отдела кадров ИККИ) на заседании 26 декабря 1938 г. рассмотрел вопрос о политической линии КПЧ до и после Мюнхена. Основным докладчиком являлся К. Готвальд. Р. Аппельт, В. Широкий и Р. Сланский дополнили его выступление сообщениями о положении дел соответственно в Судетской области, Словакии и Подкарпатской Руси. Президиум ИККИ создал комиссию⁸⁸, которая вместе с представителями КПЧ 29 декабря и 14–16 января 1939 г. подробно обсудила чехословацкий вопрос⁸⁹. Готвальд сосредоточился на объяснении, почему КПЧ не попыталась выступить против решения президента и правительства о капитуляции, призвав народ к «национально-революционной войне». Причины капитуляции он традиционно усматривал в мотивах «классового характера»: «Было ясно, что если Чехословакия хочет воевать против Гитлера, то должна — особенно в случае, когда Англия и Франция стоят в стороне, — опереться о Советский Союз. Во-вторых, что это должна быть национально-революционная война. Это было ясно! Это видела в те дни чешская буржуазия, это понимали чешские мелкие буржуа, включая Бенеша. Они видели, как возрастает влияние Советского Союза, влияние коммунистов, их престиж. Они видели: это привело бы к тому, что коммунизм окажется на коне, и из всего этого выйдет иная Чехословакия. И в решающую минуту это содействовало принятию решения о том, что лучше капитулировать»⁹⁰. Комиссия в принципе одобрила

деятельность КПЧ. Критике подверглись определенные иллюзии коммунистов в отношении «собственной буржуазии», колебания которой разоблачались недостаточно, слабости политики партии в национальном вопросе. Обвинения прозвучали и по адресу английских и французских коммунистов, которые не смогли мобилизовать народ на отпор «мюнхенцам» и не поняли, по словам Димитрова, что защита ЧСР является и защитой их собственных стран⁹¹. Аппельт в своем выступлении предложил, чтобы коммунистическая партия в Судетской области работала не под названием Коммунистическая партия Германии или Коммунистическая партия Чехословакии, а называлась Коммунистическая партия судетской территории. Решение секретариата ИККИ от 8 февраля 1939 г., хотя и признавало, что КПЧ несет ответственность за работу на всей оккупированной территории, считало целесообразным, чтобы партия здесь выступала под предложенным названием. Аналогичное решение было принято и в отношении названия компартий в Словакии и Подкарпатской Руси, получивших автономию. Они стали именоваться Коммунистическая партия Словакии и Коммунистическая партия Закарпатья. Центральное руководство (политическое бюро в эмиграции) оставалось и далее единым, и вся партия сохранила название Коммунистическая партия Чехословакии, секция Коминтерна⁹². Резолюция секретариата ИККИ от 22 февраля 1939 г. считала важной ошибкой КПЧ то, что она не смогла создать в решающую минуту «общегосударственный авторитетный комитет защиты республики, состоящий из представителей рабочих организаций, партий и заводов, демократической мелкой буржуазии и крестьянства, прогрессивных слоев интеллигенции». В предстоящей борьбе, говорилось в резолюции, партия сможет выстоять лишь при условии, если она станет «идеологически, политически и организационно сплоченной партией», такой, «какую на основе марксистско-ленинской теории в долгой и трудной борьбе выковали Ленин и Сталин». Перед каждым чехословацким коммунистом выдвигалась задача внимательно изучать историю большевистской партии по недавно изданному сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)»⁹³.

С начала 1939 г. все более стало ощущаться усиление напряженности на европейской политической сцене. Упорно распространялись слухи о том, что Гитлер «рассматривает вопрос о нападении на западные державы в качестве предварительного шага к последующей акции на Востоке», что «действия Германии, направ-

ленные сначала против Восточной Европы, могут обернуться... против Запада, т. е. против Великобритании и Франции»⁹⁴. Английские «миротворцы» во главе с Чемберленом по-прежнему стремились к сохранению с Германией дружественных отношений опять же за чужой счет, и, как сообщал Майский в НКВД 31 января 1939 г., пока не наблюдалось «симптомов сколько-нибудь серьезной смены настроений в отношении к СССР в правительственных кругах (Англии. — В. М.)»⁹⁵. 6 февраля посол сообщал в Москву, что Чемберлен «психологически уже сейчас готов к Мюнхену № 2», а 10 февраля писал Литвинову: «Хотя Вы очень скептически относитесь к возможности войны между державами „оси“ и „западными демократиями“, я полагаю, что совсем исключать такую перспективу, а именно на 1939 г., нельзя. ... Политика Чемберлена, как Вам известно, сводится к сделке с агрессором за счет третьих стран. Но запас этих третьих стран довольно быстро иссякает. Чехословакия — уже пройденный этап... до конца текущего года или во всяком случае до середины текущего года в распоряжении Чемберлена нет таких „третьих стран“, которые можно было бы сравнительно легко и удобно бросить, как кость, фашистским агрессорам. ... Опыт прошлого и личность премьер-министра сильно предрасполагают к ожиданию нового Мюнхена»⁹⁶. Говоря о Чехословакии как о пройденном этапе, Майский, очевидно, имел в виду, что участь этой страны, полностью находившейся под влиянием Германии, уже фактически решена.

Гитлер готовился к последнему броску на Чехо-Словакию. 8 февраля у фюрера состоялось совещание, на котором присутствовали ответственные представители военных, экономических и партийных кругов. Гитлер говорил о необходимости полного истребления всех врагов немецкого народа: евреев, демократий и «международных держав». Этих врагов он, в частности, усматривал и в Праге, где «положение становится нетерпимым». Кроме того, по его мнению, «Прага нужна как средство доступа к сырью. В соответствии с этим отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками»⁹⁷. Советник бюро министра иностранных дел Германии П. Клейст в беседе с германским журналистом 13 февраля заявил относительно Чехословакии, что решение о ее оккупации Гитлер принял по двум причинам: «1. Принятое в Мюнхене решение чехословацкого вопроса рассматривалось с самого начала с точки зрения политики рейха как неудовлетворительное. За отделением Су-

детской области должна была при подходящем случае последовать ликвидация остальной части Чехословацкого государства. 2. Политическая ситуация в Восточной и Центральной Европе после мюнхенского соглашения показала, что позиция Германии в этом географическом районе далеко не так обеспечена и крепка, как это желали бы видеть в Берлине. ... В Праге стали заметны новые проявления воли к сопротивлению германской политике». Не устраивало фюрера также положение в Венгрии, Румынии и Польше. «Необходимо путем ликвидации оставшейся части Чехословакии создать в самом срочном порядке такое положение в Восточной и Центральной Европе, которое окончательно исключило бы все источники опасности для Германии в перспективе предстоящей схватки на Западе». «Акция против Чехословакии, — по словам Клейста, — преследует в первую очередь цель создания путем территориальных изменений (присоединение Чехии к Германии, создание Словакии под исключительным влиянием Германии) такой ситуации, которая поставила бы соседние с Германией государства под угрозу, при которой Германия получила бы возможность путем принуждения оказывать на них влияние и осуществлять свою экспансию и которая лишила бы их возможности проводить в какой-либо форме антигерманскую политику». Все это необходимо было, по мнению политического руководства рейха, для прикрытия тыла во время столкновения с Западом. «В ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики»⁹⁸, — заявил Клейст.

То, что Чехо-Словакия доживает последние дни, было ясно и в Москве. Понимал это и Александровский, роль которого в Праге сводилась, по существу, к регистрации происходивших в стране событий. Еще в январе 1939 г. он направил письмо Литвинову в связи с возможным отбытием из Праги и положением там советского полпредства. Александровский рекомендовал назначить поверенным в делах СССР в Чехо-Словакии В. Яковлева, одного из двух вторых секретарей полпредства, назначив его «уже теперь» первым секретарем. «Т. Яковлев, — писал он, — оказался очень способным работником, охотно и успешно учится и приобретает достаточный опыт. Его можно будет спокойно оставить в качестве поверенного в делах»⁹⁹. Как будет ясно из дальнейшего, Яковлев полностью оправдал мнение о нем Александровского и являлся не просто чиновником от дипломатии, а человеком инициативным, с

аналитическим складом ума, болеющим за порученное ему дело. В феврале 1939 г. полпред отбыл в Москву и уже больше в Прагу не возвращался.

¹ Střední a jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci 1939–1945. Praha, 1969. S. 32.

² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). М., 1978. Т. 3. С. 581. Примечание 1; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 207.

³ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979. С. 341.

⁴ ДМИСЧО. Т. 3. С. 564.

⁵ См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 1. С. 202–205.

⁶ Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. С. 80.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же. С. 132–134.

⁹ Там же. С. 156.

¹⁰ См. подробнее: Марьина В.В. Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 201–225; она же. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 6–14; Bystrický V. Nacistické Nemecko a vznik Slovenského štátu // Vojenská história. Bratislava. 2001. № 2. S. 41–75.

¹¹ Bystrický V. Op. cit. S. 46.

¹² Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 31.

¹³ Там же. С. 41. В дневнике Майского этот эпизод описан более подробно: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 163–164. См.: Marjinová V. K historii sovětsko-československých vztahů v letech 1938–1941. Nad deníkem Ivana M. Majského // Soudobé dějiny. 1999. № 4. S. 524.

¹⁴ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 46–47.

¹⁶ Там же. С. 47–49.

¹⁷ ДМИСЧО. Т. 3. С. 567. Примечание 2 к док. № 405.

¹⁸ Там же. С. 571.

¹⁹ Там же. С. 575–577, 597.

²⁰ Там же. С. 589.

21 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 55.

22 Цит. по: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 4. Л. 55.

23 ДМИСЧО. Т. 3. С. 576.

24 Там же. С. 113–116.

25 Там же. С. 578–581, 585.

26 Там же. С. 598–599.

27 Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией подписан 25 ноября 1936 г. 6 ноября 1937 г. к нему присоединилась Италия, а позже и ряд других государств.

28 АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 29, 31, 52.

29 В дипломатических и многих других документах той поры употребляется прежнее — Чехословакия, — а не новое название Чехо-Словакия.

30 АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 52.

31 Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 13–14, 15–17. По некоторым сведениям, Гитлер все же предъявил требование о присоединении Чехо-Словакии к Антикоминтерновскому пакту (см.: Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 1. С. 210).

32 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 13–14.

33 Там же. Л. 17.

34 Там же. Л. 19–20. 12 января 1939 г. венгерское правительство приняло решение о присоединении Венгрии к Антикоминтерновскому пакту, а 23 февраля был официально подписан документ об этом.

35 Копия письма была передана Александровскому начальником личного архива Т.Г. Масарика Шкрахом, который, по словам Александровского, «последнее время почти демонстративно поддерживает связь со мной, подчеркивая, что он „не принадлежит к оборотням, бегущим в кусты при малейшей опасности для себя лично за защиту демократических принципов“. Шкрах, дескать, боится того, что как бы в Москве не перестали различать между нынешними правящими кругами в Чехословакии и подлинным чехословацким народом. „Между ними непроходимая пропасть. Правящие круги продались из-за шкурных интересов гитлеровскому фашизму. Чехословацкий же народ, правда, безмолвствует, но продолжает жить надеждой на свою демократию и верой в помощь великого Советского Союза“». Подлинник документа не вызывал у Александровского сомнений, (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 16).

36 К сожалению, документы на этот счет автору неизвестны.

37 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 12.

38 Там же. Л. 36–39.

39 ДМИСЧО. Т. 3. С. 83–94.

⁴⁰ См. подробнее: Voraček E. Kulminace československo-sovětských vojensko-technických kontaktů a obchodů 1937–30.IX.1938 // Slované historické studie. XVI. Praha, 1988. S. 120–139.

⁴¹ Sládek Z. Hospodářské styky mezi pomnichovskou ČSR a Sovětským Svazem (1938–1941) // Slované historické studie. XVI. Praha, 1988. S. 143.

⁴² ДМИСЧО. Т. 3. С. 582.

⁴³ Там же. С. 588, 594 (сноска 2).

⁴⁴ Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 1. С. 20.

⁴⁵ См.: Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 167, 177, 184–185, 199, 201, 231.

⁴⁶ Там же. С. 213–214.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 217. Л. 4.

⁴⁸ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 18.

⁴⁹ Там же. Д. 1. Л. 35–36.

⁵⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 541. Л. 1–3.

⁵¹ Там же. Л. 5.

⁵² В приветственном послании сотрудников аппарата ИККИ И.В. Сталину в связи с 20-летием Коммунистического Интернационала от 5 марта 1939 г., в частности, прямо говорилось: «Вы ведете великую страну социализма от победы к победе, а Коммунистический интернационал под Вашим руководством приведет трудящихся всего мира к победе социалистической революции» (Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. М., 1994. С. 66).

⁵³ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 108–109.

⁵⁴ Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 136–142. Дневник опубликован на болгарском языке. Его оригинал на русском языке хранится в РГАСПИ. Автор имел возможность сверить перевод с болгарского с архивным экземпляром. Цитаты даются по оригиналу.

⁵⁵ Там же. С. 143.

⁵⁶ Там же. С. 143–144.

⁵⁷ Hájková A. Strana v odboji. Z dějin ilgálního boje KSČ v letech 1938–1942. Praha, 1975. S. 54–58.

⁵⁸ Георги Димитров. Дневник. С. 145.

⁵⁹ Там же. С. 146. Обращение к Москвину не случайно, он был профессиональным разведчиком, членом президиума ИККИ и кандидатом в члены секретариата ИККИ. В конце ноября 1938 г. арестован НКВД и позже расстрелян как враг народа.

⁶⁰ Gottwald K. Spisy. Sv. VIII. Praha, 1953. S. 255–256.

⁶¹ Hájková A. Op. cit. S. 58–59.

62 Георги Димитров. Дневник. С. 149.

63 Там же. С. 146, 151.

64 Там же. С. 152.

65 Там же. С. 153.

66 Там же. С. 156. В этом же письме Мануильский сообщал Димитрову свое мнение о только что вышедшем «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «Какая замечательная книга! Буквально учишься и душевно отдыхаешь!»

67 Там же. С. 156–157.

68 Еще 14 мая 1938 г. зав. отделом кадров ИККИ Андреев направил Г. Димитрову материалы о составе политбюро ЦК КПЧ. В сопроводительном письме говорилось: «До конца 1936 г. над этой страной работал ныне арестованный НКВД Терек. Он, Терек, за время своей работы разработал и ставил на Секретариате ИККИ лишь вопросы о составе редакции „Руде право“ с известным Вам выпадом против Готвальда. ... Несмотря на настойчивые указания руководства ИККИ, Терек саботировал углубленную работу над составом ЦК КПЧ... На большинство членов ЦК КПЧ, избранных в 1936 г., в Отделе кадров ИККИ нет никаких материалов». Были представлены справки о членах и кандидатах в члены политбюро, секретариата ЦК КПЧ, данные о его социальном и национальном составе, об участии членов политбюро в фракционных группировках, о связях их родственников с жандармерией, полицией, а также краткие биографические сведения о членах политбюро (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 538. Л. 4–18).

69 16 ноября 1938 г. на имя Г. Димитрова поступило рукописное сообщение Appel'ta, подписанное также Готвальдом («Строго секретно! Только в одном экземпляре»), о составе руководящих органов КПЧ перед отъездом Готвальда из Праги: членами политбюро, помимо Готвальда, были Копецкий, Запотоцкий, Шверма, Сланский, Кроснарж; в политсекретариат входили: Копецкий, Запотоцкий, Шверма; в оргсекретариат: Сланский, Сынек Виктор, Билек. Готвальд и Appel't, видимо, прибыли в Москву ранее остальных. Поэтому в сообщении Appel'ta говорилось о тех, кто должен покинуть страну: Шмераль, Широкий, Копецкий, Шверма, Запотоцкий, Сланский, Доланский, Кроснарж. После их отъезда в состав руководства партии в Праге, говорилось в сообщении, войдут в качестве членов политбюро Клима (ныне член ЦК и краевой секретарь в Брно), Ветишка (ныне член политбюро и краевой секретарь в Кладно), Шрамм (ныне член ЦК, руководитель Союза молодежи), Сынек Виктор (ныне член орготдела), Зика (ныне оргсекретарь в Праге), в состав оргсекретариата — Клима, Зика, Сынек Виктор. Резолюция Димитрова гласила: «рассмотрено» (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 538. Л. 19–21). 22 ноября ИККИ (за подписью М.А. Москвина) направил секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову и заместителю наркома внутренних дел В.Н. Меркулову просьбы о выдаче виз Р. Сланскому с женой Йозефиной и сыном Рудоль-

фом, Р. Корбу с женой Гедвигой и сыном Карлом, В. Широкому с женой Маргитой, Б. Келлеру с женой Людмилой, В. Копецкому с женой Гермидой и сыном Иваном, Я. Шверме с женой Марией и дочерью Индришкой (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 67. Л. 29–32).

⁷⁰ Георги Димитров. Дневник. С. 159–160.

⁷¹ Gebhart J., Kuklík J. Pomnichovská politika KSČ a její reflexe v Kominterně // Bolševismus, komunismus a radikální socialismus v Československu. Sv. IV. Praha, 2005. S. 59–60.

⁷² Речь, видимо, велась о коммунистической эмиграции из Судетской области, оккупированной Германией.

⁷³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 45–46.

⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 538. Л. 28.

⁷⁵ Георги Димитров. Дневник. С. 160.

⁷⁶ В списке значились Й. Ведерлих, Ф. Шенк, К. Дресл, А. Мельцер, А. Фишбах, Р. Россмейзель, Э. Ререр, К. Бинер, Р. Эберт, Ф. Скопик, Ф. Мелен, Г. Келлер, Ф. Гиттнер, Т. Крейсл, В. Каспер, В. Гайда, И. Душанек, В. Меккель, Э. Опиц, Г. Штейнер (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 539. Л. 1–15).

⁷⁷ Там же. Д. 541. Л. 12.

⁷⁸ Там же. Л. 24–25.

⁷⁹ Там же. Д. 541. Л. 20; еще в декабре 1938 г. Димитров посчитал нужным выделить на эти цели 3000 долларов (см.: Там же. Оп. 73. Д. 67. Л. 35).

⁸⁰ Там же. Л. 31–33.

⁸¹ Там же. Л. 56–60.

⁸² Там же. Л. 44–55.

⁸³ Там же. Д. 539. Л. 39.

⁸⁴ Георги Димитров. Дневник. С. 166.

⁸⁵ В конце краткой характеристики на каждого из имеющих в списке значится: преданный, чрезвычайно преданный, испытанный, благонадежный, заслуживающий доверия, проверенный и надежный товарищ и т. д. (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 540. Л. 295–328; Д. 541. Л. 83).

⁸⁶ Георги Димитров. Дневник. С. 166.

⁸⁷ Там же. С. 160.

⁸⁸ В Комиссию вошли Димитров, Мануильский, Куусинен, Готвальд, Коларов, Флорин, Ульбрихт, Фюрнберг, Кемпбел, Стефанов (см.: Там же. С. 163).

⁸⁹ Там же. С. 163–164.

⁹⁰ Цит. по: Gebhart J., Kuklík J. Op. cit. S. 69.

⁹¹ Hájková A. Op. cit. S. 106–111.

⁹² Gebhart J., Kuklík J. Op. cit. S. 69.

⁹³ Ibid. S. 70. С материалами заседания президиума ИККИ 26 декабря 1938 г., секретариата ИККИ 22 февраля 1939 г. автор знакомилась в бывшем Архиве Института марксизма-ленинизма ЦК КПЧ (см.: F. 20. A.j. 85/3; 86/1; 87).

⁹⁴ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 201, 207.

⁹⁵ Там же. С. 205.

⁹⁶ Там же. С. 215, 223–225.

⁹⁷ Там же. С. 253.

⁹⁸ Там же. С. 272–273.

⁹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 215. Д. 19. Л. 21а, 21б.

Глава I

Расчленение Чехо-Словакии. Позиция СССР. Международная реакция

В середине марта 1939 г. в Чехо-Словакии сложилась благоприятная, с точки зрения Гитлера, ситуация, которая давала возможность реализовать его дальнейшие захватнические планы: правительство автономной Словакии во главе с Й. Тисо, входившее во все большую конфронтацию с пражским центром, было отправлено в отставку, в Словакии объявлено чрезвычайное положение. В Праге и Братиславе искали решение, приемлемое для обеих сторон. Возникший конфликт, в значительной части спланированный Берлином, оказался на руку Гитлеру, который немедленно отправил в Словакию своего эмиссара для переговоров с К. Сидором, возможным главой нового словацкого кабинета. Однако тот не поддержал предложения о полной самостоятельности Словакии¹. Тогда 13 марта Гитлер пригласил в Берлин словацкого экс-премьера Й. Тисо, которого, как предполагал фюрер, проще было склонить к реализации идеи разрыва Братиславы с Прагой. Тисо был поставлен перед выбором: либо оккупация Словакии готовыми к этому венгерскими войсками, чему Гитлер не будет препятствовать, либо создание при поддержке и под эгидой Германии самостоятельного Словацкого государства. Ответить на ультиматум предлагалось в считанные часы. Тисо предпочел, естественно, второй вариант, но для его осуществления требовалось формальное согласие словацкого сейма, чтобы акция выглядела законной в глазах мировой общественности. Собравшийся 14 марта сейм, поставленный перед альтернативой — оккупация или самостоятельность, единогласно проголосовал за второе, хотя это вовсе не означало, что все депутаты являлись искренними сторонниками принятого решения. В сложившейся ситуации оно скорее являлось вынужденным: большинство сейма тогда стояло на платформе автономизма, а не последовательного сепаратизма. Что касается словацкого народа, то его мнение на этот счет никто не собирался выяснять. Таким образом,

14 марта было объявлено о создании самостоятельного, но фактически зависимого от Третьего рейха Словацкого государства, которое позднее, по конституции, принятой летом 1939 г., получило наименование Словацкая республика².

Нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов уже 15 марта в беседе с польским послом в СССР В. Гжибовским заявил, что «никакой независимости Словакия иметь не будет, и что хозяйничать там будут исключительно немцы», и далее: «...мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но... с этим принципом не имеет ничего общего провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах. Мы всегда были также за добровольное объединение малых народов, в особенности таких родственных по языку, культуре и истории, как чешский и словацкий. Малым народам трудно отстаивать свою независимость, но гораздо легче это делать, когда они добровольно входят в более сильное государственное образование. Мы считали вполне естественным образование единого чехословацкого государства. Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство типа Маньчжоу-Го. По существу мало что изменилось, ибо раньше Чехословакия, принимавшая приказы Берлина и приспособившая свою внутреннюю жизнь к этим приказам, не могла рассматриваться как самостоятельное государство. Изменение формы, однако, тоже много значит, и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии»³. Посол Франции в Германии Р. Кулондр в сообщении в Париж от 16 марта тоже считал, что с независимостью Словакии, обратившейся к фюреру с просьбой взять новоиспеченное государство под защиту рейха, покончено сразу же после ее создания: «Впрочем, эта страна, изуродованная венским третейским решением, лишенная своих самых плодородных долин и разбросанная по горному району, абсолютно беспомощна. Существовать самостоятельно она не может»⁴.

Случившееся застигло пражские власти врасплох, тем более что Берлин, камуфлируя свои истинные намерения, как будто бы поддерживал их представления о способах решения конфликтной ситуации в Чехо-Словакии. А в это время 200-тысячная немецкая армия уже стояла в боевой готовности на границах Чешских земель, ожидая приказа о начале вторжения в них. 14 марта Э. Гаха и Ф. Хвалковский были приглашены на беседу с Гитлером. Они при-

были в Берлин ночью, когда некоторые части вермахта уже начали переходить чехословацкие границы. Фюрер предъявил Гахе жесткий ультиматум: дать немедленное согласие на оккупацию оставшейся части страны Германией, на создание Протектората Богемия и Моравия и его включение в состав Третьего рейха; в противном случае — слом возможного чешского вооруженного сопротивления значительно превосходившей по силе немецкой армией, напрасное массовое кровопролитие, бомбежки и уничтожение Праги. Может быть, Гитлер блефовал и не пошел бы на выполнение последней угрозы, но много крови, вероятнее всего, было бы пролито. Р. Кулондр 16 марта в своем сообщении в Париж так описывал беседу Гитлера, происходившую в присутствии министра иностранных дел Германии И. Риббентропа и главнокомандующего ВВС Германии Г. Геринга, с Гахой: «Не стесняясь в выражениях, фюрер указывает, что речь не идет о переговорах. Чешских государственных деятелей пригласили для того, чтобы ознакомиться с решениями, принятыми Берлином, и подчиниться им. Любая попытка к сопротивлению будет подавлена. Всякое стремление противостоять маршу германских войск будет сломлено вводом в действие бомбардировочной авиации. Рейх уже принял решение об аннексии Богемии и Моравии. Завтра в 10 часов утра Прага будет оккупирована. Президент Гаха, глубокий старик (заметим, что ему было тогда 60 лет. — *В. М.*), находящийся в состоянии большой физической депрессии, падает и теряет сознание. Личные врачи г-на Геринга приводят его в чувство уколами. После этого старик подписывает документ, согласно которому чешское правительство, „преисполненное доверия“, вручает судьбу Богемии и Моравии в руки фюрера. На следующий день, 15 марта, в 9 час. [утра] первые моторизованные подразделения вступают в Прагу»⁵. В 19 часов 15 минут того же дня Гитлер в колонне автомобилей и бронетранспортеров прибыл в столицу Чехо-Словакии. Несколько позже, в 19 часов 30 минут специальным поездом из Берлина приехал и Гаха, которого ожидал на вокзале немецкий комендант оккупированного города генерал Габленц с почетной сотней вермахта. Караул Града (Пражского кремля) уже заменили эсэсовцы. 16 марта Гаху пригласили к Гитлеру. Аудиенция длилась примерно полчаса. Риббентроп предварительно вручил президенту решение фюрера об образовании протектората на оккупированных Чешских землях. Этим односторонним актом правительство Чехо-Словакии становилось протекторатом⁶.

Гаха, вынужденный под угрозой применения силы уступить, выбрал, как он тогда считал, из двух зол меньшее, полагая, что чешское правительство и чешские власти станут играть роль некоего «буфера» между оккупантами и чешским народом и смогут таким образом ослабить многие негативные последствия оккупации и нацистской политики. Хотя большинство чешского народа было настроено антифашистски и внутренне не приняло оккупацию, значительная часть общества поняла и признала вынужденность поступка Гахи, во всяком случае, резко не осуждала его. В то же время часть чехов заняла острокритические позиции, расценив деятельность президента как коллаборационизм. Каковы бы ни были субъективные намерения Гахи и его окружения, но выполнение гитлеровского ультиматума оскорбляло национально-патриотические чувства чехов, на первых порах рождало пессимизм и подрывало веру в возможность действенного сопротивления оккупантам. Корреспондент ТАСС Монин, находившийся 15 марта в Праге, так описывал встречу населением оккупантов: «Все население Праги было 15 марта на улицах, но встречало германские войска злобно, с антифашистскими лозунгами, поднятыми вверх кулаками, часто — возгласами „Рот фронт“. Весь город был украшен чешскими национальными флагами, а не германскими фашистскими. В Праге 15 марта было расстреляно на месте 6 человек, открыто выражавших свое возмущение оккупацией». Случаи открытого возмущения имели место также в Моравской Острове, Кладно, Брно⁷. Но имело место и другое: безропотное подчинение оккупантам. Советник посольства СССР в Германии Г.А. Астахов сообщал 19 марта наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову о своем разговоре с турецким послом Арпагом, который, беседуя с генерал-полковником Ф. Кейтелем, спросил, чем объясняется легкость захвата Чехии и полная безболезненная капитуляция чешской армии. Кейтель сказал послу, сообщал Астахов: «Откровенно говоря, как военный я сам этого не понимаю. Мы входили в город и видели всех солдат запертыми в казармы и разоруженными. Начальники стояли у входа, передавали нам ключи, козыряли, говоря „zum Befehl“. Для нас, военных, это зрелище было непостижимо»⁸.

Причины такого поведения пражского гарнизона понятны в контексте тех распоряжений, которые поступали в ту ночь от правительства и министра национальной обороны генерала Я. Сырвы. Об этом свидетельствует протокол заседания совета министров, проходившего 15 марта в 3 часа ночи под председательством

Берана. Поддерживалась телефонная связь с Берлином. В половине третьего Хвалковский сообщил, что в 6 часов утра немецкие войска вступят в Чехию и Моравию по всей линии границ с целью разоружить армию и оккупировать все государство. Он просил сделать все для того, чтобы нигде не оказывалось сопротивление, поскольку «это привело бы к далеко идущим последствиям». Гаха распорядился, чтобы «разоружение армии и оккупация территории произошли как можно более гладко, и чтобы вследствие этого дело нигде не дошло до кровопролития». В 4 часа 45 минут министр национальной обороны доложил правительству, что все меры для этого предприняты. Президент, согласно звонку Хвалковского, сделал заявление о том, что «судьбу чешского народа и страны вручает с доверием в руки фюрера Германской империи». Последовала реакция Берана: «...члены правительства полностью доверяют господину президенту». Из текста заявления, предложенного Гахе для подписания, по его просьбе и с согласия фюрера были исключены слова о том, что президент это делает с согласия правительства, поскольку, согласно конституции, он не имел на это права⁹.

В результате оккупации Чешских земель Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43 976 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн винтовок, 114 тыс. пистолетов, 1 млрд патронов, 3 млн снарядов и другие виды военной техники и снаряжения, достаточные по некоторым данным для вооружения 40 немецких дивизий¹⁰.

Третья составная часть послеюнхенской Чехо-Словакии, Подкарпатская Русь, тоже провозгласившая 12 марта свою независимость, сразу вслед за этим была оккупирована венгерскими войсками и включена с согласия Гитлера в состав Венгрии¹¹.

Так исчезло с политической карты Европы просуществовавшее два десятилетия Чехословацкое государство. Мир был потрясен наглостью и очередным вероломством гитлеровской Германии, не в первый раз показавшей, что международные соглашения для нее являются не более чем пустой бумажкой. «Германия продолжает оставаться страной, где любой документ — „клочок бумаги“»¹², — писал Кулондр в МИД Франции 16 марта. Мировая общественность получила убедительное доказательство того, что попустительское агрессивное ведение не к миру в Европе, а к развязыванию новой войны. Реакция СССР, Англии, Франции, США на уничтожение Чехо-Словакии по сути была однозначно негативной, осуждающей

агрессию Германии, но по форме — разной. СССР фактически уже 15 марта, т. е. в день оккупации Чешских земель и вступления немецких войск в Прагу, выступил с осуждением ликвидации Чехословацкого государства. В газете «Правда» за подписью «Обозреватель» появилась статья «Новый акт агрессии в Центральной Европе», написанная, очевидно, на основе ночных сообщений телеграфных агентств о начале оккупации Чешских земель. В ней подчеркивалось: «Цель этого очередного агрессивного акта — окончательно ликвидировать чехословацкое государство, раздробить его, превратить в придаток „Третьей империи“. ... Новый акт агрессии германского фашизма сразу опрокинул послемиюнхенское „равновесие“ в Центральной и Юго-Восточной Европе, которым так восхищались лондонские и парижские „миротворцы“. ... Новый акт агрессии делает и без того напряженное положение в Центральной Европе еще менее устойчивым, еще более чреватым новыми конфликтами и столкновениями»¹³.

16 марта немецкий посол Ф. фон Шуленбург вручил В.М. Молотову ноту, в которой до сведения советского правительства доводилось «соглашение», подписанное в ночь на 15 марта в Берлине, говорилось о вступлении немецких войск на территорию Чешских земель и установлении над ними германского протектората. В новой ноте от 17 марта содержался указ фюрера о его статусе. Во вступительной части указа о Чехословакии говорилось как об искусственном государственном образовании, являвшемся очагом постоянного беспокойства, как о государстве, которое «доказало свою внутреннюю нежизнеспособность»¹⁴ и «подверглось фактическому распаду». Поэтому, дескать, «германская империя решила вмешаться категорическим образом в целях восстановления основ разумного порядка в Центральной Европе». В указе (ст. 1) говорилось, что территории, занятые Германией в марте 1939 г., «принадлежат отныне к территории великой Германии и поступают в качестве Протектората Богемия и Моравия под ее защиту». Все его «национально-немецкие жители» становились германскими гражданами и имперскими подданными, а остальные — гражданами протектората (ст. 2), который «автономен и самоуправляется», осуществляя «принадлежащее ему суверенное право... в соответствии с политическими, военными и хозяйственными интересами империи» (ст. 3). Глава протектората, гласила статья 4, «пользуется защитой и почетными правами главы государства», нуждаясь при этом «в доверии фюрера и имперского канцлера».

В качестве блюстителя имперских интересов назначался имперский протектор, задачей которого было «заботиться о соблюдении политической линии фюрера». Резиденцией протектора являлась Прага. Им же утверждались и члены правительства протектората (ст. 5). Его внешние сношения относились к ведомству империи, в состав имперского правительства вводился представитель протектората в ранге посланника (ст. 6). Империя обязывалась оказывать протекторату военную защиту, для чего на его территории содержала «гарнизон и военные сооружения». В целях поддержания внутренней безопасности и порядка протекторат мог организовывать свои собственные части, структура, мощность, численность и вооружение которых определялись имперским правительством (ст. 7). Империя осуществляла прямой надзор над всеми путями сообщения и средствами связи (ст. 8). Протекторат входил в состав таможенной территории германской империи и подлежал ее таможенному суверенитету (ст. 9). Законным платежным средством наряду с имперской маркой, впредь до особого распоряжения, оставалась крона. Соотношение обеих валют определялось имперским правительством (ст. 10). Оно могло принимать меры, необходимые для поддержания безопасности и порядка в протекторате (ст. 11). В ноте Шуленбурга подчеркивалось, что согласно ст. 6 указа империя, в частности, ведает защитой граждан протектората за границей, поэтому «дипломатические представители Чехословакии за границей отныне более не правомочны осуществлять должностные функции»¹⁵. Согласно сообщению В. Яковлева в НКВД, протекторат занимал площадь 49 362 кв. км и имел 6,8 млн населения¹⁶.

Ознакомившись с обеими германскими нотами, советское правительство 18 марта подготовило ответную ноту, подписанную Литвиновым. 19 марта она была вручена им Шуленбургу. В ней говорилось, что характеристики, данные Чехословацкому государству во вступительной части германского указа, «не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всеми миру фактам» и что на самом деле ЧСР была одним из немногих европейских государств, где «были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика». Подчеркивалось, что Гаха не имел никаких полномочий от своего народа подписывать берлинский акт 15 марта и действовал в явном противоречии с чехословацкой конституцией, вследствие чего этот акт «не может считаться имеющим законную силу». «При отсутствии

какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, — говорилось в ноте, — оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Это целиком относилось и «к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа». Подчеркивалось также, что «действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения». «Ввиду изложенного, — говорилось в ноте, — Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». По мнению Москвы, «действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»¹⁷. 20 марта газеты «Правда» и «Известия» поместили пространные комментарии к советской ноте, в которых еще раз подчеркивалось, что «берлинский акт», который «не может считаться имеющим законную силу, ...свидетельствует о дальнейшем развертывании второй мировой войны, ведущейся агрессорами против интересов так называемых демократических государств»¹⁸. Советский протест против ликвидации Чехословакии был настолько решителен, что Шуленбург счел необходимым поинтересоваться, какие последствия это может иметь для Германии. Однако он не получил ответа на свой запрос и, по воспоминаниям германского посла, счел это благоприятным признаком¹⁹.

Советская нота привлекла к себе внимание мировой общественности (в газете «Известия» она появилась 20 марта) четкостью и бескомпромиссностью формулировок. Так, находившийся в эмиграции чешский социал-демократ Б. Эчер писал: «Этот протест произвел огромное впечатление на народ моей родины, потому что он являлся самым энергичным»²⁰. З. Фирлингер информировал Литвинова 23 марта: «...сообщение точки зрения Вашего правительства к происшедшим в Чехословакии событиям найдет самое существенное и восторженное согласие чехословацкого народа»²¹. Мини-

стру иностранных дел Великобритании, активному стороннику политики «умиротворения» Э. Галифаксу, согласно телеграмме Майского в НКИД от 19 марта, советская нота «очень понравилась, особенно то место, где нота квалифицирует акцию Гитлера как агрессию»²².

Великобритания и Франция 18 марта также направили Германии ноты протеста, в которых они отказывались признать законность ее действий против Чехословакии. По своему содержанию они отличались от советской ноты тем, что в них осуждалась не сама агрессия против суверенного государства, а нарушение Гитлером обещаний, данных им в Мюнхене. 18 марта Галифакс информировал Майского «о шагах, предпринятых британским правительством в чехословацком вопросе (вызов британского посла из Берлина „для доклада“, помощь беженцам, приостановка платежа по 10-миллионному займу Чехословакии, отправка ноты протеста, по поводу которой Галифакс с жестом усталой безнадежности бросил: „которая (теперь) вообще лишена всякого реального значения“)»²³. В английском обществе в связи с событиями 15 марта чрезвычайно усилилось недовольство проводимой ранее Великобританией политикой сговора с фашистской Германией, которую «миротворцы» поначалу пытались даже оправдывать. «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее. ... Политика “умиротворения” в сознании широчайших масс мертва. ... усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР»²⁴, — сообщал Майский в НКИД 20 марта.

Психология «умиротворения», свойственная тогдашним руководителям западных демократий, была действительно сильно колеблена, но пока еще не преодолена. Поэтому Литвинов более сдержанно оценивал настроения английской общественности. 19 марта 1939 г. он писал Майскому, что хотя чехословацкие события и «встряхнули общественное мнение» как в Англии, так и во Франции, но Чемберлен и Даладьё «отнюдь еще не сдались» и «начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии», поскольку упомянутые события «полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток»²⁵.

Потрясена была новым вероломным актом фашистской Германии и французская общественность. Полномочный представитель

СССР во Франции Я.З. Суриц писал Литвинову 26 марта: «По степени взбудораженности и всеобщей встревоженности реакция французской общественности на последний гитлеровский захват Чехословакии значительно превосходит все то, что мы наблюдали в прошлогодние сентябрьские дни. Акт 15 марта... по щепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене». Его французские «архитекторы», по словам полпреда, «не сразу хотели в этом признаться. Они на первых порах пытались даже багателизировать (от фр. *bagatelle* — безделушка. — В. М.) события, крючкотворствовали, доказывая, что налицо нет открытой агрессии, что все произошло в рамках двустороннего и „добровольного“ соглашения, но под напором давления своего общественного мнения они недолго удержались на таких позициях и решили во избежание революции „снизу“ возглавить революцию „сверху“»²⁶.

Агрессию Германии против Чехо-Словакии осудили и Соединенные Штаты Америки. Госсекретарь США С. Уэллс 17 марта заявил, что его страна не намерена признавать акт насилия, совершенный Германией. В таком же духе была составлена и нота американского правительства от 20 марта²⁷. В знак протеста США отозвали своего посла из Берлина. Польша предпочла позицию стороннего наблюдателя, хотя перспектива того, что она станет жертвой очередного удара агрессора, становилась все более очевидной. По словам министра иностранных дел Польши Ю. Бека от 17 марта, она «ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их. Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия». Та же позиция была подтверждена и в беседе польского посла в Великобритании с ее министром иностранных дел 24 марта: «Он (посол. — В. М.) не скрывал, какое сильное воздействие на польское общественное мнение оказал захват рейхом Богемии, а еще больше — Словакии. Установив опеку над этой страной, немцы располагают летными базами на расстоянии чуть менее 70 миль от польской границы. Но вызванная последними событиями обеспокоенность, кажется, не изменила желание польского правительства соблюдать видимость нейтралитета»²⁸.

Взбудораженное актом 15 марта европейское общественное мнение не сомневалось в том, что Чехо-Словакия — не последняя жертва агрессора, что за ней последуют другие, но колебалось в ответе на вопрос о направлении следующего удара Гитлера: Вос-

ток? Юго-Восток? Запад? При этом все большее и большее число сторонников находила последняя версия. У Черчилль в разговоре с Майским еще 15 марта высказал мнение, что «акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а, наоборот, предвещает усиленный нажим на Запад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл, окончательно ликвидировав Чехословакию и ее армию»²⁹. Аналогичной версии придерживались также Майский и Суриц, что следует из их телеграмм и писем в Москву весной 1939 г.³⁰ Майский, например, писал Литвинову 4 апреля, что «западное направление германской агрессии становится все более вероятным», что, получив в свое распоряжение «пищевые, минеральные, сырьевые, человеческие ресурсы Центральной и Юго-Восточной Европы», он, скорее всего, ударит по Франции. «Почему не на Восток? Не против СССР? — задавался вопросом посол. — Потому что удар против СССР означает несомненную войну, очень опасную для Германии войну, а Гитлер предпочитает „бескровные победы“»³¹.

Опасность остаться наедине, лицом к лицу, с гитлеровской Германией усилила в Англии и Франции тенденции к оживлению системы коллективной безопасности и началу переговоров по этому вопросу с СССР. Но это вовсе не означало окончательного отказа тогдашнего руководства этих стран от политики «умиротворения», рецидивы которой стали учащаться по мере удаления от событий 14–15 марта 1939 г. Одной из причин подобного рода рецидивов, по мнению Майского, являлось то, что «„душа души“ Чемберлена в области внешней политики сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран», что «Чемберлен идет по пути так называемой „новой политики“ крайне неохотно, на каждом шагу упираясь и все время выжидая момента, когда можно было бы вновь свернуть на столь знакомый ему путь политики „умиротворения“»³². Одним из проявлений желания как можно скорее забыть о событиях 14–15 марта 1939 г. стала история обсуждения «чехословацкого вопроса» в Лиге Наций. Экс-президент ЧСР Э. Бенеш, находившийся в то время в США, где он читал лекции в Чикагском университете, по просьбе многочисленной чехословацкой эмиграции согласился возглавить за границей борьбу за восстановление Чехословакии. Уже 16 марта он направил Ф.Д. Рузвельту, Н. Чемберлену, Э. Даладье и М.М. Литвинову меморандум с протестом против ликвидации ЧСР и просил правительства их стран «не признавать это преступление и сделать выводы, которые сегодня на-

стоятельно требует трагическая ситуация Европы и мира». Аналогичное заявление было направлено Генеральному секретарю Лиги Наций французскому дипломату Й. Авенолью³³. 13 мая Бенеш отправил ему новую пространную телеграмму протеста против оккупации Чехо-Словакии, одновременно сообщив ее текст Ж. Бонне, Э. Галифаксу и В.М. Молотову³⁴. Телеграмма должна была быть зачитана 22 мая на 105 сессии Совета Лиги Наций, которая проходила под председательством представляющего СССР И.М. Майского. О том, как развивались события, свидетельствует его подробный отчет, направленный Молотову 26 июня 1939 г.³⁵. О своем намерении зачитать телеграмму Майский сообщил Авенолью 21 мая, и тот «был неприятно удивлен, когда узнал, что мне известно об этой телеграмме», и под разными формальными предлогами возражал против ее оглашения на заседании. Председествовавший до Майского на сессии шведский министр иностранных дел Сандлер даже не счел нужным передать телеграмму Бенеша новому председателю. Когда Майский предложил Сандлеру зачитать ее, тот «был страшно смущен, почти перепуган» этим и заявил, что не имеет инструкций по данному вопросу от своего правительства. Тогда Майский обратился к членам Совета с вопросом, желают ли они оглашения телеграммы Бенеша. Представитель Новой Зеландии Джордан высказался за, Бонне и Галифакс — против. Остальные молчали. Советский представитель понял, что в случае постановки вопроса на голосование он окажется в меньшинстве. «Учитывая это, — говорится в отчете, — я заявил, что поскольку копия телеграммы была послана Бенешем также советскому правительству, я уже не как президент Совета, а как представитель СССР считаю нужным ее огласить. Авеноль, однако, и тут стал возражать, доказывая, что Бенеш не был насильственно лишен своего президентского звания, а сложил свои полномочия добровольно, что поэтому он в настоящее время является лишь частным лицом, между тем в соответствии с регламентом и традициями Лиги Наций в Совете не могут оглашаться документы, исходящие от частных лиц». Майский еще раз категорически заявил, что считает «опасным перегибать палку формального легализма в вопросе столь большого политического значения». Однако он выражал готовность еще раз обсудить с Генеральным секретарем вопрос о том, в какой форме телеграмма Бенеша может быть передана для рассмотрения на ближайшей сессии (ассамблее). Выход, найденный Майским, состоял в том, чтобы послать Авенолью письмо с

приложенной телеграммой Бенеша и просить от имени правительства СССР довести как письмо, так и текст телеграммы до сведения всех членов Лиги Наций. Так и было сделано. «Таким образом попытка Авеноля и Сандлера скрыть от Совета и мирового общественного мнения телеграмму Бенеша провалилась. ... Наша акция в связи с этой телеграммой нашла также широкий и сочувственный отклик в европейской и американской печати»³⁶, — писал Майский. 2 августа 1939 г. Бенеш направил Майскому письмо с благодарностью за поддержку в Женеве чехословацкого протеста³⁷. Авеноль вообще занимал сугубо античехословацкую позицию. Осенью 1939 г. он заявил: «В отношении одной страны совершенно очевидно, что она никогда не будет восстановлена вне зависимости от того, выиграют ли немцы или англичане: [это] — Чехословакия, которая была искусственным лоскутным образованием и не доказала своей жизнеспособности в момент малейшего возникновения для нее трудной ситуации»³⁸. Авеноль являлся сторонником идеи восстановления «федеративной империи под властью Габсбургов». Предпринятая позже еще одна попытка поставить протест Бенеша на обсуждение Совета Лиги Наций, заседание которого проходило под председательством Я.З. Сурица, тоже окончилось неудачей³⁹. Позже чехословацкий экс-президент с горечью писал: «Следует с болью констатировать, что западноевропейские демократии вообще не понимали, о чем идет речь не только во время мюнхенского кризиса, но и весь следующий год до начала войны»⁴⁰.

Тем не менее официальное осуждение Англией, Францией и США гитлеровской агрессии против Чехо-Словакии диктовало и определенную линию их поведения в некоторых вопросах, в частности в отношении находившихся на их территории чехо-словацких дипломатических представительств. Полпреды Ч-СР в Париже (Ш. Осуски) и Лондоне (Лисицкий) отказались повиноваться приказам властей протектората и с согласия соответствующих правительств сохранили свои посты. Чехословацкий посол в Вашингтоне полковник В. Гурбан, который после Мюнхена находился здесь на положении частного лица, еще днем 15 марта уведомил правительство США, что он остается на посту посла республики и отказывается сдать дипломатические полномочия германским представителям. Вашингтон продолжал признавать Гурбана послом Чехословакии в США.

*Чехословацкое полпредство в Москве:
на пути к ликвидации*

Продолжало действовать, хотя и не без трудностей, чехословацкое постпредство в Москве. Дело в том, что Фирлингер, узнав в ночь с 14 на 15 марта об оккупации Чешских земель Германией и образовании протектората, в знак протеста против агрессии и незаконности действий Гахи и правительства Берана решил сложить с себя дипломатические полномочия. Будучи принят Литвиновым 15 марта, он вручил ему ноту, в которой говорилось: «...я счел нужным ввиду трагических событий в Чехословакии сложить свои полномочия. Согласно моему убеждению занятие германской армией чехословацкой территории осуществлено было путем грубейшего обмана и шантажа против существующего конституционного порядка и против истинной воли всего чехословацкого народа»⁴¹. Литвинов согласился с этим шагом. На вопрос посланника, следует ли ему остаться в Москве или уехать, нарком, по словам Фирлингера, ответил, что «не советует мне оставаться в Москве и советует нам развивать движение сопротивления на западе в форме дисциплинированной, но небюрократической организации. Он скептически отнесся к возможности сохранить скольконибудь серьезную сеть постпредств и консульств, что нам самим доставило бы много трудностей. Он указал также на то, что Советский Союз сам будет иметь много хлопот с нормализацией политических и экономических отношений с нашими землями; ... он должен помнить об интересах советской промышленности... а особенно об эвакуации советских граждан и наших эмигрантов, которым уже было обещано пребывание в Советском Союзе». В то же время Литвинов, по словам Фирлингера, заверил его в том, что «в борьбе против гитлеровской Германии мы всегда можем рассчитывать на полную поддержку Советского Союза»⁴².

В полдень 15 марта Фирлингер пригласил к себе иностранных журналистов и просил о публикации его протеста против действий чехо-словацких властей и оккупации Праги. Как он позже выяснил, почти вся мировая печать (ведущие американские, французские, английские, шведские, швейцарские издания) опубликовала на видном месте этот материал. В «Правде» и «Известиях» он появился 18 марта⁴³. Фирлингер полагал, как он писал в своих мемуарах, вышедших после войны, что ответом на заявленные им Литвинову протесты и ноту от 15 марта явилась советская нота Германии от

18 марта, что якобы подтвердил и зам. наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин, когда сообщал ему о содержании советской ноты: «Он приветствовал меня на пороге своего кабинета словами: «Могу Вам с удовлетворением (*dostiučiněním*) сказать, что Ваш протест и Ваши решительные действия имели уже требуемый результат. Советское правительство обсудило вопрос очень подробно и приняло решение направить немецкому послу ноту, содержание которой Вам уже известно»⁴⁴.

16 марта Фирлингер получил приказ из Праги передать дела полпредства немецким представителям в Москве. В этот же день потребовал сделать это, ссылаясь на распоряжение из Берлина, и Шуленбург. К тому времени Фирлингер уничтожил все основные дела полпредства, а маловажную переписку передал Б. Ройичеку, начальнику консульского отдела полпредства. Она то и была отдана немцам. 21 марта Ройичек, как временно исполняющий обязанности поверенного в делах Чехо-Словакии в СССР, направил письмо на имя Литвинова, в котором сообщал, что согласно указаниям из Праги чехо-словацкая миссия в Москве прекращает свою деятельность. Второй секретарь миссии Брож заявил сотруднику НКВД Пивень, что «он и Ройичек продолжают работать в миссии и во всей работе установили контакт с германским посольством», что все указания они получают от Хвалковского, а «Фирлингер совершенно обособился в доме миссии по Харитоньевскому переулку, и не ходит... на Козловский переулок, где сейчас сосредоточена вся работа остатков чехо-словацкой миссии. Фирлингер постоянно подготавливается к отъезду». Пивень отмечал: «Из разговоров с Брож у меня создалось впечатление, что он уже переметнулся на сторону Германии»⁴⁵.

21 марта Фирлингер отправил телеграмму о своей отставке Бенешу в Вашингтон (через Гурбана). Аналогичные телеграммы ушли в чехословацкие представительства в Лондоне и Париже. Бенеш выразил решительное несогласие с поступком Фирлингера и в тот же день направил ему (тоже через Гурбана) следующие инструкции: «Повторяю. Обязанности не слагать, сегодня Вы не служите Гахе. Гурбан и другие также уже не служат Гахе. Они взбунтовались и являются символами самостоятельного государства всюду, где немецкая оккупация не была признана. Эта правовая основа должна быть и далее сохранена». Бенеш выражал также желание «действовать в полном согласии с [Советским] Союзом». К Гурбану же он обращался с просьбой встретиться с советским послом в

США К.А. Уманским и попросить его снестись с Литвиновым на предмет оказания поддержки Фирлингеру. Встреча состоялась, и Гурбан сообщил Бенешу 28 марта: «...он обещал, что обо всем телеграфирует в Москву. Я сказал ему от Вашего имени, что мы были бы благодарны, если бы Литвинов помог нам, поскольку мы заинтересованы в сохранении в Москве официальных позиций»⁴⁶. Фирлингер сначала не сомневался в правильности своего поступка, что следует и из его письма бывшему чехословацкому военному атташе в Лондоне Я. Калле 21 марта, который тоже просил его не слагать с себя дипломатических функций: «По моему мнению, недостаточно просто заявить, что мы сохраняем постпредство, поскольку после всего, что произошло, у нас нет на это даже мандата. Подобные псевдопредставительства приводят только в замешательства правительства тех государств, при которых посланники были аккредитованы»⁴⁷. И тут, видимо, Фирлингер был прав, поскольку, как станет ясно дальше, советское правительство и НКВД испытывали определенную растерянность в вопросе об определении статуса бывшего чехо-словацкого полпредства, в одном из зданий которого находился Фирлингер с несколькими сотрудниками, в другом — Ройичек тоже с сотрудниками, подчинявшийся германскому посольству. В документах НКВД Фирлингер именовался то посланником, то бывшим посланником, а возглавляемое им учреждение чаще всего называлось миссией.

Получив инструкции Бенеша, Фирлингер начал действовать согласно им. 23 марта он направил Литвинову ноту, в которой просил «принять к сведению», что намерен продолжать выполнять обязанности посланника: «Я счел своим долгом вступить опять в свои обязанности на основании моих прежних и до сих пор действительных полномочий». Нарком получил также сообщение о составе чехо-словацкой миссии в Москве, в которой из более чем двадцати сотрудников остались, помимо Фирлингера, еще четверо: И. Штефек, Э. Дворжак, А. Дам, Ф. Эльзниц⁴⁸. Советское правительство, видимо, как и просил посланник, приняло ноту к сведению, но никак не отреагировало на нее. Возможно, это тоже была своего рода реакция, свидетельствующая о замешательстве советских властей. Литвинов сразу же 23 марта доложил о содержании ноты и беседы с Фирлингером И.В. Сталину, сообщив также о получении 14 марта из Словакии ноты, содержащей просьбу о признании Советским Союзом нового Словацкого государства. Литвинов предлагал пока оставить как ноту Фирлингера, так и ноту

словацкого правительства без ответа: «Позднее будет видно, как с этим поступить»⁴⁹. Примерно такая же позиция изложена наркомом в письме к В. Яковлеву от 28 марта 1939 г.: «Фирлингер... сейчас же после вступления немцев в Прагу прислал нам официальную ноту о своей самоликвидации. ... Фирлингер собирался уехать во Францию, но, по настойчивой просьбе Бенеша, Осуского и др. чешских представителей за границей, он решил остаться в Москве и прислал нам ноту, что он вступает в обязанности представителя Чехословакии. Такое же извещение он разослал дипкорпусу. Я сказал Фирлингеру, что практического значения его заявление не имеет, ибо, не связанный ни со своей страной, ни со своим правительством, он не может разрешать с нами какие-либо дела, но, что, поскольку он хочет оставаться представителем какого-то символического государства и правительства, мы его пока трогать не будем, а дальше видно будет. В затишье находится дипкорпус, который не знает, признавать ли впредь Фирлингера дипломатом, или игнорировать его. Поступит дипкорпус, вероятно, в соответствии с указанием своих правительств»⁵⁰.

О своей ноте на имя Литвинова от 23 марта Фирлингер сообщил в чехословацкие представительства в Вашингтоне, Лондоне и Париже. Поскольку 24 марта Шуленбург разослал всему дипломатическому корпусу в Москве сообщение о прекращении по указанию рейхсканцлера деятельности всех чехословацких представительских учреждений, Фирлингер в тот же день направил главам всех дипломатических миссий свое письмо, в котором включение Чешских земель в состав Германии и подчинение ей Словакии квалифицировались как насильственный и неконституционный акт и заявлялось о продолжении функционирования чехословацкого полпредства⁵¹.

В беседе с одним из руководящих сотрудников НКВД Г.И. Вайнштейном (2-й Западный отдел) 8 апреля 1939 г. Фирлингер изложил свои представления о дальнейшем существовании возглавляемой им миссии: «Отметив, что хотя существование такой миссии будет пока чисто символическим, все же не исключена надежда, что с появлением заграничного „чехословацкого правительства“, над образованием которого работают Бенеш и его окружение, оставшиеся в отдельных странах символические миссии могут превратиться в дальнейшем в настоящие представительства чехословацкого народа. Таких миссий, по его словам, в настоящее время насчитывается три — в США, Англии и Франции... Он хотел

бы, чтобы мы, по примеру названных стран, согласились хотя бы молчаливо на дальнейшее пребывание чехословацкого представительства в Москве и сохранили бы за ним право сношения шифром (подчеркнуто красным карандашом. — В. М.). Фирлингер добавил, что он уже имел по этому поводу разговор с т. Литвиновым, которому он изложил свои „планы“. *Определенного ответа он, однако, от Литвинова не получил. Фирлингер намеревается говорить по этому вопросу с т. Потемкиным* (отмечено красным карандашом на полях. — В. М.). Практической работы, которую могла бы выполнять его „символическая миссия“, он никакой не ведет, за исключением, пожалуй, того, что оставшиеся у него два-три работника могли бы продлевать срок паспортов или выдавать новые паспорта чехословацким гражданам (подчеркнуто красным карандашом. — В. М.), не признавшим протекторат. Миссия остается в занимаемом ею доме, за который уже внесена плата»⁵². Поскольку запись беседы обнаружена в фонде Молотова АВП РФ, не исключено, что пометы сделаны им. В дальнейшем миссия «с молчаливого согласия» НКВД занималась преимущественно делами чехословацких граждан, оказавшихся по той или иной причине на территории СССР.

Отказываясь 15 марта от выполнения обязанностей посланника, Фирлингер искренне полагал, что Бенеш в сложившихся условиях является единственным человеком, который «может говорить от имени чехословаков» (сообщение в Вашингтон 21 марта 1939 г.). Урегулировав, как ему представлялось, все дела, касавшиеся его миссии в Москве, Фирлингер собрался отбыть на Запад, чтобы там встретиться с Бенешем и обсудить вопрос об организации чехословацкого заграничного сопротивления. 10 апреля он сообщил о своем отъезде Потемкину, который, в свою очередь, направил письма Сурицу в Париж, Майскому в Лондон и Уманскому в Вашингтон с просьбой оказать содействие Фирлингеру, если он об этом попросит. «Фирлингер является сторонником Бенеша, — писал зам. наркома. — По своей идеологии он — социал-демократ с достаточно выраженными признаками оппортунизма. Тем не менее, он может быть и не бесполезен для нас. Между прочим, в случае надобности, вы сможете получить от него информацию, в частности, относительно деятельности чехословацкой политической эмиграции и ее реставрационных планов. Поэтому полагаю, что Вам не следует отказывать Фирлингеру в содействии, в котором он будет нуждаться»⁵³. Перед отъездом Фирлингера принял и Литви-

нов. Сообщая об этом Бенешу, посланник писал, что нарком передает ему «самые сердечные приветствия и надеется на сотрудничество», а также, что он «не возражает против того, чтобы наше представительство пока тут существовало»⁵⁴. 15 апреля Фирлингер сообщил в НКВД, что 16 апреля через Финляндию и Швецию уезжает в Париж, а оттуда, очевидно, в Лондон и Нью-Йорк и рассчитывает вернуться в Москву в августе или сентябре⁵⁵. В Москве дела миссии в его отсутствие вел «секретарь-архивист» Штефек.

Однако в Европе Фирлингер пробыл не так долго, как предполагал. Бенеш все еще находился в США, и его возвращение в Англию откладывалось. А между тем международная обстановка все более усложнялась, на европейской политической сцене назревали важные события. Ни шатко ни валко шли начавшиеся в апреле 1939 г. переговоры между Англией, Францией и СССР о сотрудничестве в деле противодействия германской агрессии; все более настойчивыми становились слухи о сближении Москвы и Берлина; 3 мая из-за разногласий с председателем Совнаркома лишился поста наркома иностранных дел Литвинов, обязанности которого возлагались на Молотова⁵⁶, что предвещало изменение советского внешнеполитического курса, но в каком направлении?⁵⁷. Бенеш и его единомышленники в чехословацкой политической эмиграции в Париже и Лондоне настаивали на том, чтобы Фирлингер как можно скорее возвращался в Москву. Еще 24 апреля Бенеш писал Фирлингеру из Чикаго: «Считаю необходимым, чтобы Москва надолго не оставалась без представителя. Это будет одной из сильнейших позиций. Возможно, именно оттуда придут самые радикальные веяния и самая большая, наряду с Вашингтоном, помощь нам. Второразрядного чиновника недостаточно»⁵⁸. Об этом же говорил Фирлингеру и один из находившихся в Париже ближайших сотрудников Бенеша Г. Рипка, который писал экс-президенту 2 мая: Фирлингеру «не понравилось, что я открыто сказал ему, что он должен был бы находиться в Москве. Он говорил мне и Смутному (с 1940 г. начальник канцелярии президента. — В. М.), что там он не может нечего делать и что может быть гораздо полезнее здесь, откуда может посредством Сурица информировать советское правительство и держать с ним связь. Я (Рипка. — В. М.) с этим решительно не согласен и, если был бы на Вашем месте, потребовал бы, чтобы Фирлингер возвратился в Москву». 21 мая Рипка снова вернулся к этому вопросу: «В любом случае мы должны заботиться о том, чтобы в Москве мы не были представлены лишь политически

наивным Неедлы, зеленым радикалом Врбенским и коммунистами, из которых ни один, не исключая Шмерала, не пользуется у Советов достаточным авторитетом». Майский в разговоре с Я. Маса-риком высказал также удивление в связи с отъездом Фирлингера из Москвы⁵⁹. В конце концов тот должен был принять решение о возвращении. Кроме того, истекал трехмесячный срок въездной визы, выданной ему советскими властями. Вернувшись в Москву 21 июня, Фирлингер 25 июня посетил Потемкина и был «сердечно принят» им. Посланник начал беседу «с сообщения о том, что чехословацкая эмиграция во Франции, Англии и США развивает усиленную работу в целях борьбы за возрождение Чехословакии», передал просьбу Бенеша к советскому правительству оказать помощь в этом деле и выразил надежду на сохранение в Москве чехословацкой миссии. Фирлингер просил приема у Молотова, которого он мог бы «о многом информировать»⁶⁰. Потемкин обещал содействие, но Молотов до конца существования миссии в Москве так и не принял посланника.

Чехо-словацкая политическая эмиграция на Западе была обеспокоена шаткостью положения представительства Ч-СР в Советском Союзе, о чем Майский сообщал в письме Молотову 9 июня 1939 г.: «Фирлингер имел, как выражаются здешние чехи, глупость сразу же после захвата Праги сложить с себя полномочия посланника в Москве и даже опубликовать об этом в наших (советских. — В. М.) газетах. Однако чехо-словацкая миссия не была передана немцам. Сейчас создается деликатное положение. Чехи не хотели бы во избежание излишних осложнений посылать в Москву какого-либо нового посланника. С другой стороны, они не уверены, готово ли было бы советское правительство после всего того, что произошло (заявление Фирлингера об отставке, публикация об этом в газетах) все-таки рассматривать Фирлингера как чехословацкого представителя. Чехи полагают, что наилучшим выходом было бы, если бы советское правительство согласилось как бы „забыть“ неудачные действия Фирлингера и не препятствовать ему выполнять функции чехословацкого представителя в Москве. Они очень просили бы советское правительство именно так посмотреть на дело. Об этом чехи просили меня в неофициальном порядке навести справки в Москве и дать им ответ»⁶¹.

В отсутствие Фирлингера отношение советских властей к чехословацкому представительству не изменилось, что констатировал и он сам, сообщая 27 июня в Париж Рипке о результатах встре-

чи с Потемкиным: «После кадровых перестановок в Наркоминделе положительное отношение Советского Союза к нам несколько не изменилось... Потемкин заверил меня во всевозможной поддержке нашего движения». Фирлингер упомянул и о том, что, по словам Потемкина, к нему заходил английский посол в СССР У. Сидс, чтобы выяснить возможность признания протектората де-юре. На это Потемкин якобы ответил, что «после 15 марта Советский Союз превратил свое пражское полпредство в генеральное консульство, что вопрос для него, следовательно, решен, и поэтому Союз не должен ничего признавать»⁶². Скорее всего, так оно и было. В этой связи интересна реакция Потемкина на докладную записку, составленную на его имя 13 июня и. о. 2-м Западным отделом НКВД Вайнштейном. «Если с Вашей стороны не будет иного распоряжения, — говорилось в записке, — мы и впредь будем воздерживаться от ответов на ноты, исходящие из германского посольства и касающиеся чехословацких граждан». Резолюция Потемкина, написанная по всему тексту красным карандашом, гласила: «Мы сообщили немцам о нашем принципиальном отношении к захвату Чехо-Словакии. Нужно выдержать эту позицию пока возможно без серьезных затруднений» (подчеркнуто мной. — В. М.). Последняя часть фразы свидетельствовала об эвентуальных изменениях в практике НКВД в связи с изменением обстановки и о невыясненности статуса чехословацкого (употреблялся и термин чехословацкого) представительства в Москве. Опытный дипломат Литвинов говорил о затруднениях подобного рода еще в марте, а после отставки, заняв пост заместителя заведующего отдела Центральной Европы НКВД, снова вернулся к этой теме. 11 июля 1939 г. Литвинов и Куроптев, заведующий правовым отделом НКВД, написали докладную записку на имя Потемкина, в которой говорилось о целесообразности выяснения комплекса вопросов, связанных с работой чехо-словацкой референтуры в наркомате. Во-первых, «следует ли продолжать оставлять без ответа обращения (ноты) и не выполнять соответствующие просьбы германского посольства по делам граждан „протектората“. Все ноты германского посольства (с 18.03. до 8.07. — 18 штук) имеют отношение к вопросу либо о выходе из советского гражданства, либо к арестным делам.

Полагаем, что, принимая во внимание ноту НКВД от 18 марта с. г., следовало бы и впредь воздерживаться от ответов на обращения, исходящие от германского посольства и касающиеся чехословацких граждан» (абзац отмечен на полях документа. — В. М.).

Во-вторых, «должен ли быть установлен особый порядок в отношении запросов германского посольства по делам чехо-словацких граждан, проживавших ранее в так называемых Судетах.

Считаем, что в этом случае можно было бы отвечать на обращения германского посольства, так как отсутствует официальное заявление о непризнании Советским Союзом решений Мюнхенской конференции, в результате которой Судетская область перешла к Германии» (абзац отмечен на полях документа. — *В. М.*)⁶³.

В-третьих, «отвечать ли и в какой форме на ноты чехо-словацкой миссии в Москве, имея в виду, что в соответствии с нашей нотой от 18 марта за чехо-словацкой миссией в Москве следует признавать право единственного законного представительства Чехо-Словакии.

Полагаем, что следует продолжать поддерживать деловые контакты с этой миссией». Далее речь шла об оформлении Генерального консульства СССР в Праге⁶⁴. Пометы на полях документа, видимо, были сделаны Потемкиным и свидетельствовали о его согласии с рекомендациями авторов записки. Во всяком случае, никаких других распоряжений, касающихся отношений НКВД с чехо-словацким постпредством, пока не обнаружено.

Однако постепенно, в связи с малой эффективностью англо-франко-советских переговоров и активизацией германо-советских контактов в конце июля — начале августа 1939 г., это отношение стало претерпевать изменения, хотя внешне пока все оставалось, как прежде. Фирлингер, вообще склонный к оправданию любых действий советского правительства, не видел (или очень не хотел видеть) этих изменений. В вышеупомянутом сообщении в Париж он писал, что «освобождение чехословацкого народа остается раз и навсегда одной из целей советской внешней политики», но вместе с тем утверждал, что «непосредственные интересы Советского Союза не допускают открытого выступления за Чехословакию» и что «слухи о намерении Советского Союза в ближайшее время публично выступить за восстановление Чехословакии преждевременны»⁶⁵. Встретившись с Литвиновым 13 июля, Фирлингер заявил, что возрождение Чехо-Словацкого государства возможно только в результате «толчка извне», имея при этом в виду «войну или революцию», и, как записал в дневнике Литвинов, шутливо заметил: «Вы должны поторопиться и нам помочь»⁶⁶. Но не только войну и революцию имел в виду Фирлингер, говоря о помощи СССР, что следует из его беседы с новым зав. отделом Центральной Европы

НКВД Александровым 11 августа 1939 г. Фирлингер полагал, что «кое-что сделать» в плане помощи может и советское генконсульство в Праге. На это Александров ответил, что «наше консульство занимается определенными делами и всякая иная работа представляется затруднительной и вряд ли возможна». По этому поводу он 14 августа написал докладную записку Молотову, в которой говорилось: «Работники нашего консульства, по словам Фирлингера, имеют возможность общаться с чехословацкими гражданами и могут многое сделать». Написанная синим карандашом резолюция Молотова гласила: «Всякую нелегальную работу запрещено вести советским консульствам за границей»⁶⁷. Трудно поверить, что нарком не знал, как обстоят дела в действительности.

До подписания советско-германского пакта о ненападении оставалось чуть больше недели. Позиция СССР по чехо-словацкому вопросу летом 1939 г. может быть понята только в контексте событий в Европе и советской внешнеполитической деятельности той поры. Как уже говорилось, она была нацелена, с одной стороны, на соглашение с западными державами, а с другой, не упускалась из вида и возможность сближения с Германией. Если неуспех англо-франко-советских переговоров имел следствием осторожность СССР в подходе к чехо-словацкому вопросу, то надежда на возможность договориться с Западом, наоборот, создавала условия для более решительных высказываний положительного характера. Вспоминая о встрече с Потемкиным 10 августа 1939 г., т. е. накануне переговоров военных делегаций Англии, Франции и Советского Союза, Фирлингер отмечал, что Потемкин «считал оборонительный пакт практически заключенным» и что «поэтому и по отношению к нам исчезла определенная внешняя сдержанность, которую я ощущал незадолго до того». И далее: «Потемкин нам обещал, с одной стороны, определенную и действенную помощь во время всех предстоящих переговоров с западными державами, с другой стороны, обещал также помнить в рамках будущего военного соглашения о военных мероприятиях, касающихся прямо Чехословакии»⁶⁸.

Однако надежды на успех переговоров не оправдались. Резкое изменение советского внешнеполитического курса, явственно обозначившееся к концу второй декады августа 1939 г., повлекло за собой и корректировку позиций СССР в чехо-словацком вопросе. 18 августа Фирлингер в ответ на вопрос Бенеша об отношении СССР к Словакии уже отвечал: «...трудно сегодня на этот вопрос

ответить ясно и определенно. Ситуация меняется каждую секунду»⁶⁹. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. чехо-словацкий вопрос для СССР стал частью его новой внешнеполитической стратегии. В своей книге «Современная война как социальный кризис», вышедшей в Лондоне в 1940 г., Фирлингер оценивал позицию СССР в августе 1939 г. так: «Советский Союз счел за правильное перейти к собственной самостоятельной политике»⁷⁰. Сразу после заключения пакта Фирлингер оценивал его хотя и с оттенком некоторого недоумения, но сдержанно. В своем сообщении Бенешу 26 августа он писал, что не ожидал «столь радикального ответа Москвы на непрестанные проволочки и закулисные переговоры западных держав», из-за которых «переговоры зашли в тупик», и что «обвинять сегодня Москву в предательстве, по меньшей мере, чрезмерно». В то же время он предполагал, что пакт «вызовет среди наших людей панику», что официальные комментарии советской печати «будут не поняты нашей общественностью», поскольку «пакт внешне выглядит как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве». «Тем не менее, — считал Фирлингер, — мы должны подождать, прежде чем сможем судить о его действительном значении и содержании». «Надеюсь, — заканчивалось письмо, что Вы смотрите на события, как и я, и что не следует оценивать их как трагические. Наоборот, я полагаю, что они могут существенно ускорить европейское развитие»⁷¹. Тогда же Фирлингер попытался выяснить, насколько верны распространенные в дипломатической среде слухи о наличии секретных протоколов к советско-германскому пакту, подчеркнув в беседе с сотрудником НКВД Бергманом, что не верит в это. Бергман заявил о нелепости подобных слухов, «которые могут распространяться лишь с провокационной целью людьми, глубоко враждебными СССР». И далее: «...не говоря уже о том, что Советский Союз является вообще принципиальным противником империалистической политики захвата чужих территорий, сам текст договора и оценка его советской печатью не дают оснований для подобных предположений. Фирлингер поспешил со мной согласиться»⁷².

Тогда же Фирлингер обратился с запросом в НКВД о возможном влиянии заключения пакта на позиции Советского Союза в чехо-словацком вопросе, но получил «от сотрудников наркоминдела уклончивый ответ», хотя внешне к нему как к главе постпредства отношение оставалось пока прежним и он был официально

приглашен на заседание Верховного Совета СССР, ратифицировавшего пакт с Германией⁷³. Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., подготовка СССР, согласно секретному протоколу к советско-германскому пакту, к введению своих войск на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, данное советским правительством 16 сентября пока тайное согласие на установление дипломатических отношений со Словакией ускорили и решение вопроса об отношении Москвы к чехо-словацкой миссии. Руководствуясь своими национально-государственными интересами, как они понимались тогда, СССР отказался де-факто от тех позиций, которые были сформулированы им в ноте от 18 марта 1939 г., хотя официального отказа от нее не последовало. Между тем взволнованный слухами о ликвидации советским правительством чехо-словацкой миссии в Москве, распространяемыми французским радио, Фирлингер пытался выяснить у референта центрально-европейского отдела НКВД Барулина и Александрова 19 сентября, насколько это может быть правдой и верны ли слухи о фактическом и юридическом признании Словакии со стороны СССР. Барулин ответил, что о признании впервые слышит и поэтому не видит оснований для обсуждения и оценки факта, «который не имел места». Александров ответил, что таких сведений у него нет. Справка о беседе поступила Молотову. Слова «отвечено, что такого акта не было», подчеркнуты синим карандашом и поставлены ? и !. Далее, через текст стрелка и на белом поле надпись: «Не верно. Зачем т. Александров говорит о том, чего не (дважды подчеркнуто. — В. М.) знает. В. Молотов». Сбоку — резолюция синим карандашом: «Фирлингера больше принимать не (дважды подчеркнуто. — В. М.) надо В. Молотов». Сверху на документе надпись чернилами: «При устном (далее неразборчивое слово. — В. М.) В. М. (видимо, Вячеслав Михайлович. — В. М.) он сказал, что Фирлингер не посол. (Подпись неразборчива. — В. М.) 21.IX.39». На обороте: «Читал Барулин, Читал Александров. 22.IX.39»⁷⁴. Таким образом, участь чехо-словацкой миссии в Москве была решена уже в конце сентября 1939 г. Однако в октябре–ноябре она все еще продолжала функционировать.

СССР и Словакия готовились обменяться дипломатическими представителями. Положение чехо-словацкой миссии в Москве становилось все более двусмысленным и не отвечавшим тогдашним интересам советской стороны. Однако Фирлингер все еще надеялся на сохранение status quo, хотя явно обозначилась сдержан-

ность НКИД во взаимоотношениях с постпредством. 12 октября он писал в Прагу своим единомышленникам: «Не представляется, что Советский Союз сделал какие-либо уступки Германии в нашем вопросе, хотя немецкие учреждения и немецкая печать стремятся уверить наших в стране, что Москва признала новый политический статус в средней Европе. ... Хотел бы во что бы то ни стало сохранить сотрудничество с Советским Союзом, насколько это вообще в нынешних условиях возможно... я убежден, что чехословацкий вопрос останется в повестке дня советской внешней политики... Германия же постоянно делает попытки, чтобы незаинтересованность Советов в нашем вопросе была каким-либо образом открыто продемонстрирована». Германия действительно настаивала на ликвидации чехо-словацкой миссии в Москве, считая, по словам Фирлингера, что общественное мнение расценивает ее существование «как доказательство неискренности немецко-советских взаимоотношений»⁷⁵. Однако он все же полагал, что «необходимо выждать, прежде чем мы сможем окончательно судить о советской точке зрения по нашему вопросу», и что следует избегать какой-либо открытой критики и осуждения советской политики и Советского Союза⁷⁶. Вместе с тем Фирлингер сообщал в Лондон 12 ноября, что не представляет себе, «чтобы это неопределенное положение могло долго сохраниться». «Кампания, которую здешняя печать систематически проводит и которая направлена главным образом против Англии и против каждого, кто — за войну, — писал он тогда же, — создает впечатление, что Советы полны решимости идти по этому пути весьма далеко. Это означает, что и отношение Советского Союза к нашей заграничной акции, основанной на предположении поражения Германии, должно быть тем самым изменено. Кроме того, психологически понятно, что новая политика Советского Союза многими нашими людьми будет пониматься как предательство нашего дела, что может, вероятно, обострить наши взаимоотношения». Полпредство оказывалось во все большей изоляции: перестали приходить официальные ответы на его ноты, Фирлингер не получил приглашения ни на парад на Красной площади по случаю 7 ноября, ни на устроенный по этому поводу правительственный прием⁷⁷.

Надежды на сохранение в Москве чехо-словацкого представительства в создавшихся условиях становились все более иллюзорными. Факт признания Словакии Советским Союзом становился «секретом Полишинеля». Фирлингер довел до сведения НКИД, что этот шаг явился бы «ударом для Чехо-Словакии, и ударом нежиз-

данным, так как признание Словакии означало бы пересмотр советским правительством своей позиции в чехо-словацком вопросе»⁷⁸. Но вопрос был решен. 1 декабря 1939 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об открытии Полпредства СССР в Словакии и утверждении его штатов⁷⁹. Позднее, анализируя этот шаг советского руководства, Фирлингер писал Бенешу: «Признание словацкого правительства Тисо Союзом является составной частью его общей политики. Москва никогда не связывала себе руки какими-либо формальными и сентиментальными соображениями. Признав сегодня „самостоятельную Словакию“, Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектора и защитить Словакию от Венгрии и Италии. Словакия, таким образом, может стать базой последующей акции, направленной на восстановление ЧСР»⁸⁰. Таков был прогноз Фирлингера, который не верил «в действительное сотрудничество Москвы с Берлином», считая это комедией, спектаклем⁸¹.

2 декабря 1939 г. Шуленбург сообщил в МИД Германии, что «советское правительство уже не рассматривает Фирлингера как официальное лицо»⁸². 11 декабря в Москву прибыл словацкий посол Ф. Тисо, а три дня спустя зав. Протокольным отделом НКВД В.Н. Барков по поручению В.Г. Деканозова вызвал к себе Фирлингера и сообщил ему, что «1 января истекает срок аренды занимаемого им особняка. Особняк нужен Бюробину (Бюро обслуживания иностранцев. — В. М.), и поэтому он не может возобновить арендный договор. Лично для Фирлингера Бюробин предоставляет достаточно комфортабельную квартиру». «Для Фирлингера это было неожиданностью, — записал Барков в своем дневнике. — Не без волнения он высказал пожелание, что, может быть, мы нашли бы возможность сдать этот дом ему лично, потому что, кто знает, что будет через 1–2 года, возможно, ситуация изменится, и он мог бы по-прежнему продолжать свою деятельность. ... Я ответил, что мы не можем рассматривать Фирлингера как дипломата со всеми вытекающими отсюда последствиями... Он прекрасно понимал, что мы не можем его рассматривать как официальное лицо, но, может быть, мы признали бы за ним известные полуофициальные качества. Я еще раз подтвердил, что мы не признаем за ним никаких дипломатических качеств и что, следовательно, рассматриваем его как частное лицо»⁸³.

Фирлингер выразил надежду, что «намерение Советского правительства ликвидировать наше полпредство не может означать

признание протектората, поскольку это противоречило бы советской ноте от 18 марта 1939 г.»⁸⁴. В тот же день, 14 декабря, он отправил телеграмму Бенешу о случившемся и просил сообщить его мнение относительно возможности остаться в Москве на предложенных условиях («Так все мосты [в отношениях] с Москвой не были бы сожжены») ⁸⁵. Во встрече с Потемкиным, о чем он просил, ему было отказано, как и в принятии письма на имя какого-либо советского официального лица или в НКВД. Через Баркова Фирлингер смог передать Потемкину лишь частное письмо. Он писал: «Я понимаю позицию Вашего правительства и благодарен за разрешение остаться в Москве на положении частного лица. Тем не менее я считаю свое пребывание здесь при данных обстоятельствах нецелесообразным и думаю, что за границей смогу принести бóльшую пользу своей Родине и нашей дружбе с СССР, которая всегда будет целью моих искренних усилий. Я надеюсь, что мне будет разрешено возвратиться в Москву, как только позволят обстоятельства». Фирлингеру было обещано не отдавать здание миссии в аренду немецкому посольству и не предоставлять его новому словацкому посланнику ⁸⁶. Не дождавись от Бенеша ответа, Фирлингер сообщил ему 17 декабря, что решил ликвидировать постпредство и 25 декабря отбыл за границу, сначала в Париж, потом в Лондон. Телеграмма Бенеша, где он просил Фирлингера остаться в СССР на положении частного лица, уже не застала экс-посланника в Москве ⁸⁷.

Ликвидация чехо-словацкого представительства в Москве наносила чувствительный удар по планам Бенеша, связанным с восстановлением ЧСР, поэтому он расценивал этот шаг советского правительства, как «еще одно удручающее событие» ⁸⁸. По словам Рипки, его тяжело переживала вся чехословацкая эмиграция. Секретарь Бенеша Э. Таборский записал в своем дневнике: «Это — болезненный удар. У нас в стране это, несомненно, вызовет сильную депрессию» ⁸⁹. И действительно, происшедшее не могло действовать росту прорусских и даже просоветских настроений в оккупированных Чешских землях. Подпольная газета «В бой», орган гражданского Сопrotивления, сообщавшая в резких тонах о случившемся, расценивала это как признание Советским Союзом оккупации Чехословакии ⁹⁰. Зато подпольная коммунистическая газета «Руде право», проводившая тогда пропагандистскую кампанию против Бенеша и подчеркивавшая его антисоветизм, писала в начале марта 1940 г.: «Бенеш распорядился, чтобы посол Фирлин-

гер отбыл из Москвы. Господа, таким образом, прерывают отношения с Москвой!!!»⁹¹. Между тем сам Фирлингер полагал, что ликвидация полпредства «не должна рассматриваться, как советское признание нынешней ситуации в Центральной Европе, создавшейся в результате немецкой агрессии, и так называемого протектората». Он считал, что с изменением международной обстановки содержание советской ноты от 18 марта 1939 г. «может стать для нас опять актуальным»⁹². Это произошло полтора года спустя, после нападения Германии на Советский Союз. Но пока Центральноевропейский отдел НКВД 28 декабря запрашивал Потемкина, как быть с германскими нотами (40 штук), касавшимися дел чехо-словацких граждан, и считал, что в связи с прекращением деятельности бывшего чехо-словацкого посланника в СССР Фирлингера «наша практика может быть пересмотрена, и все полученные нами от немцев ноты, касающиеся чехов, следует пустить в делопроизводство». Резолюция Потемкина гласила: «Согласен»⁹³.

Проблемы оформления Генконсульства СССР в Праге

В то время как чехо-словацкое полпредство в Москве перестало существовать, в Праге до 22 июня 1941 г. продолжали функционировать официальные советские представительские органы — полпредство, которое после 15 марта 1939 г. находилось в процессе ликвидации и преобразования в Генконсульство СССР, и Торгпредство СССР, тоже находившееся в процессе реорганизации⁹⁴. Иными словами, протекторат был признан де-факто. Сразу после оккупации Чешских земель ликвидацией полпредства СССР в Праге было поручено заниматься советскому полпредству в Берлине, а также В. Яковлеву. Согласно докладу Астахова в НКВД 12 апреля 1939 г., он прибыл в Прагу 22 марта, чтобы заняться этим вопросом. «Почти все ино-миссии Праги к этому времени успели или полностью ликвидироваться или преобразоваться в генконсульства. ... Надо было 1. ликвидировать полпредство перед новыми властями, побудив их подтвердить его экстерриториальность, 2. разрешить с новыми властями вопрос об отправке как сотрудников, так и обычных советских граждан, 3. разгрузить полпредство от людей и материалов, наличие которых создавало угрозу осложнений», — сообщал Астахов. Оттяжка СССР с заявлением о намерении ликвидировать дипмиссию стала, по словам Астахова, «явно обращать на себя внимание. В телефонных разговорах с нами нем-

цы становились все резче, явно давая понять, что с „дипмиссией“ они разговаривать не хотят». Астахов также сообщал, что «большинство из скрывавшихся в здании посторонних лиц удалось уговорить, указав на опасность для них пребывания здесь, покинуть помещение миссии, что и произошло в течение двух дней». 25 марта из НКВД было получено указание «сделать немцам сообщение о нашем решении ликвидировать миссию и создать Генконсульство». Поскольку это указание пришло в субботу, осуществить его удалось только во вторник 28 марта⁹⁵. В этот день Литвинов поторопил Яковлева: «Мы еще не имеем от Вас сообщения о выполнении Вами нашего поручения касательно преобразования полпредства в консульство. Мы хотели бы предупредить официальное обращение к нам Германии с предложением о ликвидации полпредства. ... Отдельно, конечно, стоит вопрос о торгпредстве. Поскольку нет полпредства, торгпредство не может считаться, как до сих пор, частью его, и его дипломатические привилегии ставятся под сомнение. Придется, вероятно, об этом вести отдельные переговоры с немцами»⁹⁶. 28 марта Астахов и Яковлев обратились в отделение германского МИД в Праге с устным заявлением о решении советского правительства ликвидировать полпредство в Чехо-Словакии и создать Генеральное консульство в Праге. Это заявление представителем МИД Германии было принято к сведению⁹⁷. 29 марта Литвинов направил письмо наркому обороны К.Е. Ворошилову, в котором говорилось о достигнутой с немцами договоренности о преобразовании советской дипломатической миссии в Праге в Генеральное консульство и получении советской стороной небольшого срока для ликвидации дел. «Вам необходимо будет отозвать аппарат военного атташе, который раньше состоял при миссии и не может оставаться при консульстве»⁹⁸, — писал Литвинов. Процесс ликвидации полпредства начался, но шел не быстро. 4 апреля перед отъездом в Берлин Астахов указал Яковлеву на необходимость, во-первых, «ускорить отправку в Союз подлежащих откомандированию сотрудников», во-вторых, «прекратить за исключением самых крайних случаев встречи и контакты с руководителями партийных организаций, ставших нелегальными»⁹⁹. 9 мая 1939 г. германский МИД специальной нотой предупредил советское полпредство в Берлине о том, что после 25 мая сотрудники полпредства СССР в Праге не будут больше пользоваться дипломатическими привилегиями. Резолюция В.П. Потемкина на поданной ему 19 мая докладной записке о состоянии вопроса гласила: «Оформление консуль-

ства поручить полпредству в Берлине», о чем 21 мая руководство НКВД еще раз дало соответствующее указание. 26 мая 2-й советник полпредства СССР в Берлине Николаев посетил МИД, где в беседе с советником Мейер-Гайденгагеном поставил вопрос о выдаче экзекватуры ¹⁰⁰ генконсулу СССР в Праге. Однако германские власти, видимо, решили затянуть его решение, поскольку в Москве продолжало функционировать чехо-словацкое полпредство, и 30 мая Астахову было сообщено, что МИД считает открытие Генконсульства в Праге «нарушением соглашения о паритете». «Мы считали, — записал Астахов в дневнике 2 июня, — что соглашение о паритете на Прагу не распространяется, так как этот город находится на территории ранее самостоятельного государства и сейчас занимающего особое положение в рейхе и не являющегося в полном смысле его провинцией». Чиновник Аусамта (МИД) возразил: «Да, но, кажется, министр думает иначе» и добавил: «Впрочем, мы легко сможем договориться. Вы согласитесь на открытие нашего консульства в одном из городов СССР, и вопрос исчерпан». Астахов ответил, что «взаимности немцы могли бы требовать лишь в том случае, если бы у нас была какая-либо завоеванная страна, где Германия ранее имела бы посольство, но такой нет». «И не предполагается», — закончил фразу собеседник Астахова. «Да, и не предполагается» ¹⁰¹, — подтвердил советский дипломат. Вопрос остался открытым.

Осложнилась проблема сношений НКВД с Прагой. Астахов выражал сомнение в возможности Генконсульства посылать и получать диппочту, «особенно учитывая общую невыясненность его положения». Астахов предлагал это делать через советское полпредство в Берлине ¹⁰². Как докладывал Литвинов Потемкину 11 июля, «встает вопрос, можно ли без риска направлять в Прагу дипкурьеров с почтой, поскольку консулы права пользоваться диппочтой не имеют», и сообщал, что Астахов предложил «во избежание могущих произойти недоразумений, установить порядок отправки почты исключительно через Берлин, с тем, чтобы в Прагу корреспонденция доставлялась кем-либо из сотрудников полпредства в Берлине» ¹⁰³. Этот канал впредь и использовался для сношения с Прагой.

22 июля зав. Центральноевропейским отделом НКВД Александров сообщал Потемкину: «До последних дней мы не располагаем сведениями о позиции германских властей в отношении оформления нашего консульства в Праге. Точно также не выяснен-

ным остается вопрос о дальнейшем существовании торгпредства СССР в Чехо-Словакии»¹⁰⁴. Не известно, была ли получена экзекватура Яковлевым вообще. 7 октября в беседе с ним секретарь представительства берлинского МИД в Праге барон Митис «выразил удивление, что советское правительство до сих пор не просило экзекватуру для Генконсульства СССР в Праге», и рекомендовал «немедленно после получения экзекватуры сделать визиты германскому протектору Нейрату и чешскому президенту Гахе»¹⁰⁵. В этой связи Яковлев 12 октября 1939 г. сообщал Александрову: не просили и не имеют экзекватуру генконсульства США и СССР, просили и получили экзекватуры генконсульства Венгрии, Словакии, Румынии, Югославии, Бельгии, Аргентины, Италии, Японии, Чили, Швеции, Норвегии, просили и получили временные экзекватуры генконсульства Греции, Ирана, Испании, Бразилии, Португалии, Болгарии. «Нас удивляет, — писал Яковлев, — неужели для генконсула в Праге НКВД не просил экзекватуру у немцев. Какие бы на это ни были соображения, руководство НКВД должно признать, что сейчас положение нашего генконсульства в Праге очень фальшивое, во всяком случае, малоудобное... Прошу в срочном порядке решить вопрос с экзекватурой»¹⁰⁶. А пока, до ее получения, как следует из известных автору документов, непризнанное официально генконсульство выполняло все функции, свойственные полпредству до оккупации: Яковлев сообщал в Москву сведения о ситуации в протекторате, о настроениях его граждан, о политике немцев, об отношении населения к СССР, о положении в Словакии, составлял обзоры чешской печати, характеристики видных чешских и словацких политических деятелей, встречался с дипломатами и политическими деятелями¹⁰⁷, занимался оформлением документов советских граждан, выезжающих на родину¹⁰⁸, и чехословацких граждан, получивших разрешение на эмиграцию в СССР, и т. д. НКВД считал Яковлева генконсулом (так он именовался в направляемых ему письмах) и определял круг его деятельности, который был весьма широк и значительно выходил за рамки свойственных генконсулу функций. Так, например, Потемкин в письме от 13 августа требовал от Яковлева составлять обзоры печати, которые должны сопровождаться комментариями. «Мы испытываем серьезные потребности в материалах, связанных с характеристиками политических деятелей Чехо-Словакии, — писал первый зам. наркома. — ... Мы вам высылаем список лиц, на которые нам в первую очередь нужны характеристики. Характеристики

не должны сводиться к биографическим данным, а содержать возможно более полные данные о политическом лице того или иного деятеля». В прилагаемом списке значились 23 фамилии, в том числе генерал Элиаш, премьер-министр протектората («нам нужны данные о его отношении к немцам и готовности оказывать то или иное противодействие германскому влиянию»), 9 министров пражского правительства («...нас интересуют сведения, характеризующие этих деятелей в послеоккупационный период»), 10 членов правительства Словакии во главе с премьером Й. Тисо («данные об этих лицах в отделе совершенно отсутствуют»¹⁰⁹). Кроме того, Генконсульству поручалось выполнение специальных работ по определенным темам и в назначенные сроки: экономическое состояние Чехо-Словакии после оккупации (к 15 ноября), ее государственное устройство (к 1 октября)¹¹⁰. Возможно, это была реакция Потемкина на письмо Яковлева Литвинову от 12 августа 1939 г., в котором он жаловался на малое к нему внимание НКВД: «Вообще я чувствую какую-то заброшенность. Совершенно не информирован. Остался один и на информации; и как консул для специфической консульской работы, берущей все рабочие часы; и как корреспондент ТАСС. Помощника у меня нет ни одного. Я даже не чувствую возможности беспокоить теперь письмами тов. Потемкина. При случае доложите ему мою точку зрения»¹¹¹. 20 августа Яковлев писал Александрову: «Я очень рад, что после долгого периода НКВД стал интересоваться пражскими делами»¹¹².

Однако, по мнению Яковлева, внимание к возглавляемому им учреждению и поднимаемым им вопросам по-прежнему оставалось недостаточным. Это и понятно: август и сентябрь 1939 г. были весьма «горячими» для НКВД, всецелого занятого налаживанием советско-германских отношений и решением разного рода проблем в связи с началом Второй мировой войны. Яковлев, оказавшийся практически в изоляции, нервничал, не понимая, почему его усилия не встречают в НКВД достаточного отклика. Не просто чиновник от дипломатии, а человек инициативный, видимо, горячий, с чувством собственного достоинства и аналитическим складом ума, хорошо выполнявший, как ему казалось, свои должностные обязанности, направлявший в Наркоминдел массу интересных и полезных материалов, он был обижен невниманием к себе и своему делу со стороны руководства. Это вело к обострению его отношений с Потемкиным. 30 сентября 1939 г. Яковлев написал личное письмо Молотову по поводу нерешаемых, по его мнению, важных

вопросов. А дело заключалось вот в чем. В Праге вскоре после оккупации Чехо-Словакии немцы арестовали «руководящую пятерку друзей-чехов», т. е. коммунистов, в том числе Я. Доланского, А. Запотоцкого, Г. Климента и др. «Все эти лица, — писал Яковлев, — имели советские документы и были арестованы при попытке нелегально перейти германо-польскую границу около Моравской Остравы. Далее были арестованы т.т. Кошин и Штейнер, в прошлом руководящие работники Венгерской коммунистической партии. Они имели советские документы и были арестованы при выходе из нашего полпредства в Праге. Немцы намекают родственникам арестованных, что при нашем вмешательстве они бы теперь освободили всех этих лиц, которые против Германии никаких преступлений не имеют. У нас есть зацепка говорить о них как о совгражданах. По этому вопросу я писал много обстоятельных писем, много телеграмм тов. Потемкину. Писал и посылал материал в Берлин т. Астахову. Писал все это в течение пяти месяцев подряд. Я понимаю всю щепетильность вопроса. Однако, почему мне никто не удосужился ответить, хотя бы намеком, в каком положении поднимаемый мною вопрос! Ведь не пешка же я здесь! Ведь я живой человек, к которому ходят близкие и родные арестованных. Дали бы хоть линию поведения, а я думаю, что следовало бы кое-что и предпринять к освобождению товарищей. Политически это очень хорошо бы встретили чешские круги.

P.S. Потребуйте мои старые телеграммы и письма». В верхнем углу рукописного документа помета чернилами: «См. телеграмму В.П. от 27.X» (видимо, В.П. Потемкина. — *В. М.*). Внизу — помета чернилами: «послано т. Потемкину с просьбой сообщить его мнение»¹¹³.

Нельзя сказать, что Потемкин никак не реагировал на письма Яковлева. Видимо, НКВД, как и ранее, пытался действовать в этих вопросах через ИККИ, о чем свидетельствует, в частности, письмо, направленное Г. Димитровым и Д.З. Мануильским И.В. Сталину 29 августа 1939 г. «Дорогой товарищ Сталин! — говорилось в письме. — Мы получили сведения, что германские власти в Праге намекнули, что, если бы арестованные чешские коммунисты Запотоцкий, Климент, Копшива (Копржива. — *В. М.*), Доланский, Секанина были приняты в советское гражданство, то немецкие власти не возражали бы против их высылки в СССР. Мы просим Вас дать указание Наркоминделу о постановке этого вопроса перед немецкими властями чешско-моравского протектората и в случае поло-

жительного ответа предоставить Запотоцкому и другим советское гражданство»¹¹⁴. Однако, по всей видимости, советскому руководству было тогда не до арестованных чешских коммунистов. Дело положили «под сукно». 11 октября 1939 г., после ознакомления с письмом Яковлева на имя Молотова, Потемкин снова направил письмо в ИККИ Мануильскому по этому вопросу и просил срочно сообщить ему «целесообразно ли в данное время добиваться освобождения всех указанных товарищей и пропуска их в СССР»¹¹⁵. Копия письма направлялась Молотову. Какой ответ пришел от Мануильского, автору не известно. Во всяком случае, видимо, советское руководство сочло тогда нецелесообразным предпринимать какие-либо шаги по освобождению чешских коммунистов, все они в конце 1939 г. были направлены в концентрационные лагеря.

Лишь более чем год спустя, 12 декабря 1940 г., по поручению Димитрова Молотову было направлено новое письмо Готвальда и Копецкого по этому вопросу. Запотоцкий, Доланский, Климент и Копржива, говорилось в письме, должны были выехать в Москву с разрешения НКВД, получили советские паспорта, «согласно которым они считались принятыми в советское гражданство», но были арестованы при переходе границы и в конце 1939 г. отправлены в концентрационные лагеря в Германии: Запотоцкий и Доланский — в Ораниенбург, Климент и Копржива — в Дахау. «Их следует рассматривать как лиц, имеющих право защиты, как граждан СССР», и представительство КПЧ при ИККИ при посредстве секретариата ИККИ уже дважды возбуждало ходатайство перед НКВД «о соответствующем вмешательстве по освобождению этих товарищей». Авторы письма обращались лично к Молотову «сделать все, что в Ваших силах, для освобождения наших товарищей... речь идет о спасении очень видных и заслуженных функционеров революционного движения»¹¹⁶. Насколько известно, в Москве в конце концов оказался лишь Копржива, остальные до конца войны находились в концлагерях.

Яковлев, таким образом, приложил максимум усилий в деле освобождения указанных коммунистических деятелей из фашистских застенков, но не преуспел в этом, как, впрочем, и другие, и очень переживал свою неудачу. 1 декабря он направил Молотову новое личное послание с просьбой о кратковременной командировке в Москву. Изложив историю своего пребывания в Праге и происшедшие за это время события, он с горечью отмечал: «Весь этот сгусток событий я пережил без должной помощи и советов со

стороны НКВД. ... Об этом я пишу Вам, не стесняясь. За последнее время я получил два нагоняя от т. Потемкина, мной не заслуженных. Предупреждения и упреки поставили меня в такое положение, что мне стало трудно работать, не выяснив, в чем дело. После своей жалобы Вам на т. Потемкина, не отвечавшего мне пять месяцев на письма и телеграммы о пятерых арестованных в Праге друзьях, я получил от Вашего заместителя упрек и обвинения в политической мягкости. Эта приписка была сделана в телеграмме без всякой видимой необходимости. С чехами, совершенно отчетливо отдавая себе отчет в возможных провокациях по указанию хотя бы английских кругов, я веду себя чрезвычайно осторожно. Однако указание т. Потемкина „Прекратите Вашу возню с чехами“ ставит меня в исключительно тяжелое положение в работе. Сейчас в Праге очень сложная и серьезная обстановка. Я хочу попросить только совета, ориентации в событиях, выяснения моей линии поведения в дальнейшем. Может быть, учитывая мои широкие знакомства с чехами, которые я почти порвал, мне все же будет лучше вообще покинуть Прагу. Стоит также целый ряд вопросов организационных, о которых Вам писал т. Шкварцев после моего визита в Берлин». Резолюция в верхнем левом углу документа гласила: «т. Потемкину (зачеркнуто и сверху написано „Деканозову“) т. Молотов согласен. Козырев 16.XII.39. Телеграмма послана т. Яковлеву 17.XII.39. Яковлев выезжает 23–25.XII. См. телеграмму от 18.XII». Внизу (чернилами): «Подлинное письмо т. Яковлева послано Деканозову, копия т. Потемкину»¹¹⁷. Яковлев, по всей видимости, «человек» Литвинова, вернулся в Москву и начал работать референтом в Центральноевропейском отделе НКВД «под крылом» бывшего наркома. Как и ранее, из-под его пера выходили очень толковые материалы: отчеты, справки, обзоры, касавшиеся положения дел в протекторате и Словакии. До этого, после удаления из отдела всех «людей» Литвинова, здесь даже не было сотрудника, знающего чешский язык. Интересно отметить, что Яковлев, еще в качестве Генконсула, был принят 3 января в ИККИ Димитровым, заслушавшим его «информацию о Чехословакии»¹¹⁸. Генконсульство СССР в Праге после отъезда Яковлева возглавил незадолго до этого прибывший сюда бывший вице-консул Куликов, работник, возможно, менее опытный, менее инициативный, но, может быть, и понявший, что этого от него и не требуется. Материалы, присылаемые им в НКВД в 1940 г., отличались по характеру, качеству, степени аналитичности в худшую сторону от тех, которые готовил Яковлев.

Численный состав Генконсульства в 1940 г. увеличился: если на 7 апреля 1939 г. он составлял 32 человека с членами семьи, то год спустя — 55 человек¹¹⁹.

Не менее сложно проходила реорганизация советского Торгпредства в Праге. Об этом будет рассказано в главе, посвященной советско-чешским экономическим отношениям в 1939–1941 гг.

¹ Dejiny Slovenského národného povstania (далее — DSNP). Bratislava, 1984. Zv. 3. S. 16.

² См. подробнее: Марьина В.В. Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 201–225; История Словакии / Перевод со словацкого и английского. М., 2003. С. 316–319; Bystrický V. Nacistické Nemecko a vznik Slovenského štátu // Vojenská história. Bratislava. 2001. № 2. S. 41–61.

³ Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1990. Т. 1. С. 280–281.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ Tomašek D., Kvaček R. Casa Emíl Hácha. Praha, 1995. S. 39.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 542. Л. 72.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 089. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 161.

⁹ Protokol o schůzi ministerské rady 15.03.1939 o 3 hodin ranni // Dějiny a současnost. 1969. № 3. S. 1–2.

¹⁰ <http://hrono.rspu.ryazan.ru/sobyti/1939cseh.html>. Эти цифры были названы в выступлении Гитлера 23 апреля 1939 г. (http://militera.lib.ru/research/martirosyan_ab/index.html).

¹¹ См.: Марьина Валентина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 6–12.

¹² Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 287.

¹³ Правда. 15 марта 1939 г. С. 12.

¹⁴ Следует отметить, что о нежизнеспособности Чехословацкого государства говорил в своем выступлении по радио 15 марта и Чемберлен.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 149–152.

¹⁶ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 9. Л. 37.

¹⁷ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). М., 1978. Т. 3. С. 607–608.

¹⁸ Там же. М., 1981. Т. 4. Кн. 1. С. 15–20.

¹⁹ Марьина В.В. СССР и чехословацкий вопрос. 1939 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 97.

²⁰ АВП РФ. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 74.

²¹ Там же. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 50–51.

²² Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 297. Майский ознакомил Галифакса с нотой 19 марта, т. е. до ее опубликования.

²³ Там же. С. 293.

²⁴ Там же. С. 306.

²⁵ ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. С. 14.

²⁶ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 329–330.

²⁷ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 19.

²⁸ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 288–289, 328.

²⁹ Там же. С. 274–275.

³⁰ Там же. С. 293, 323, 331, 332, 335 и др.

³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 35. Л. 93.

³² Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 444–445. О готовности руководителей Англии пойти на новые уступки Гитлеру, т. е. продолжить политику «умиротворения» агрессора, свидетельствуют их многочисленные заявления и действия весной–летом 1939 г. (Там же. Т. 2. С. 125–127, 131–134, 395–396, 400–402).

³³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 42–43 (далее — ČSVDJ. Díl 1).

³⁴ Ibid. S. 50–52.

³⁵ Примерно так же описывал события и чехословацкий представитель в Лиге Наций Я. Копецкий, который продолжал выполнять свои функции, поскольку ни со стороны пражского Министерства иностранных дел, ни со стороны германского МИД Лига Наций не получила уведомления о прекращении деятельности чехословацкого делегата. Чехо-Словакия сохраняла свое членство в ЛН вплоть до ее формального роспуска в 1946 г. Этот факт был использован чехословацкой эмиграцией для утверждения в умах мировой общественности в годы войны идеи континуитета Чехословацкой республики.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 36. Л. 47–49, 61–64. См. также: Němeček J. Okupace českých zemí 1939 a Společnost národů // Moderní dějiny. 1997. № 5. Příloha 1 a 2. S. 149–164.

³⁷ ČSVDJ. Díl 1. S. 69–70.

³⁸ Цит. по: Němeček J. Okupace českých zemí 1939 a Společnost národů // Moderní dějiny. Sborník k dějinám 19. a 20. století. 5. Praha, 1997. S. 151.

39 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Díl 1, 2. Praha, 1947. Díl 1. S. 222.

40 Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Londýn, (1943?). Sv. 1. S. 64.

41 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 49.

42 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Díl 1, 2. Praha, 1947. Díl 1. S. 198–199; Němeček J. Československá diplomatická mise v Moskvě (březen — prosinec 1939) // Moderní dějiny. 1996. № 4. S. 2.

43 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 200.

44 Ibid. S. 203.

45 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 3, 6–7.

46 ČSVDJ. Díl 1. S. 43–44; Němeček J. Československá diplomatická mise... S. 5.

47 ČSVDJ. Díl 1. S. 44 (сноска 1).

48 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 50–53.

49 Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII. Ч. 1. М., 1992. С. 221.

50 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 26.

51 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 206.

52 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 01. П. 20. Д. 218. Л. 8–9.

53 Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 28–29.

54 ČSVDJ. Díl 1. S. 48.

55 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 10.

56 Мир гадал о причинах смещения Литвинова с поста народного комиссара иностранных дел. Неясности были и у партактива. На совещании руководителей кафедр марксизма-ленинизма 14 июля 1939 г. Мануильский «успокоил» недоумевающих так: «Меня спрашивают, почему т. Литвинов ушел, да потому, что тов. Молотов самый замечательный народный комиссар, а т. Литвинов был хуже, не беспокойтесь, т. Литвинов не остался без работы. Я должен сказать, что такого народного комиссара, который у нас сейчас, наша страна давно хотела, потому что это ближайший соратник т. Сталина, он прошел большую политическую школу, школу у замечательных людей, людей-гениев, Ленина и Сталина» (РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 92. Л. 43).

57 В связи с этим Фирлингер сообщал Бенешу 25 июля 1939 г.: «Достаточно известно, как сдержанны были советские учреждения в своих действиях и сообщениях что касается общественности и представительских учреждений. В последнее время, после ухода Литвинова, эта сдержанность еще усилилась, так что московский дипломатический корпус до сих пор не может уяснить даже действительных причин отставки Литвинова, с которым из комиссариата ушла большая часть его прежних опыт-

ных сотрудников, кроме заместителя комиссара Потемкина. Из этого здешний дипломатический корпус в общем делает вывод о далеко идущих изменениях советской внешней политики». Однако, писал Фирлингер, «по моему мнению, это не совсем правильно. ... Мне хорошо известно, что Литвинов советовал в принципиальных вопросах быть неуступчивыми по отношению к Западу, твердо настаивая на принципе коллективной безопасности в рамках Лиги Наций. Эти его методы были, вероятно, признаны чересчур негибкими и недостаточно активными. Партия понимает риск, который мог бы проистекать для Союза, и сознает, что подобная негибкая политика могла бы лишь усилить фашизм» (Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. Díl 1. S. 238; ČSVDJ. Díl 1. S. 63–64). Как видим, это точка зрения в корне отличается от утверждений ряда современных исследователей о причинах отставки Литвинова, связанной с намерениями советского руководства взять курс на сближение с гитлеровской Германией. Может быть, наоборот, дело было в желании активизировать переговоры с Западом? Об этом же, в частности, косвенно свидетельствует и реплика Молотова во время приема Димитрова в Кремле 26 апреля 1939 г., где речь шла о первоммайском воззвании ИККИ. Сталин тогда неслестно отозвался о Мануильском («Он был троцкист!») и считал его статью в «Правде» «Сталин и мировое коммунистическое движение» «вредной, провокационной». Молотов при этом заметил: «Да, провокационная статья, опубликованная точно в момент, когда мы ведем переговоры с Англией» (Георги Димитров. *Дневник* (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 172). Все, что мешало в тот момент успешному ходу этих переговоров, в том числе излишняя «революционность» политики Коминтерна, жесткая политика и критичность Литвинова в отношении западных держав, по мнению советского руководства и Сталина, не могло идти на пользу дела.

⁵⁸ ČSVDJ. Díl 1. S. 49 (примечание 1).

⁵⁹ Ibid. S. 49–50 (примечание 1).

⁶⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 30–34; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 31–33.

⁶¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 36. Л. 25–26.

⁶² ČSVDJ. Díl 1. S. 60.

⁶³ Следует отметить, что еще 2 февраля 1939 г., отвечая на письмо и. о. начальника главного управления геодезии и картографии при СНК СССР, Потемкин писал: «НКИД полагает, что на советских географических картах Чехо-Словакия может быть показана в новых границах, в соответствии с тем, как это изображается на картах, изданных сейчас в Чехо-Словакии» (АВП РФ. Ф. 138. Оп. 16. П. 33. Д. 1. Л. 1).

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 26–27.

⁶⁵ Fierlinger Z. *Ve službách ČSR*. Díl 1. S. 242.

⁶⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 28–30.

⁶⁷ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 27, 30.

⁶⁸ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 275.

⁶⁹ Ibid. S. 271.

⁷⁰ Цит. по: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 21. П. 34. Д. 3. Л. 23. Судя по главам, посвященным Советскому Союзу, автору была свойственна идеализация советской действительности, искренняя вера в правильность советской внутренней политики и оправдание, в частности, политических процессов, как меры, необходимой в интересах безопасности СССР.

⁷¹ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 279–283.

⁷² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 32–33.

⁷³ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 283.

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 35–40.

⁷⁵ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 295–296, 303.

⁷⁶ Ibid. S. 298, 305.

⁷⁷ Ibid. S. 303–304; ČSVDJ. Díl 1. S. 101–102.

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 38.

⁷⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 42. Д. 11. Л. 230.

⁸⁰ Цит. по: Dějinná kříževatka. Slovenské národní povstání, předpoklady a výsledky. Praha, 1964. S. 63.

⁸¹ Němeček J. Československá diplomatická mise v Moskvě... Příloha 27. S. 34; Příloha 30. S. 36. Очерк о взаимоотношениях СССР и Словакии см. далее.

⁸² Křen V. V emigraci. Zapadní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969. S. 491.

⁸³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 55.

⁸⁴ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 313.

⁸⁵ Němeček J. Československá diplomatická mise v Moskvě... Příloha 42. S. 42.

⁸⁶ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 314–315.

⁸⁷ Křen V. V emigraci. S. 492.

⁸⁸ Beneš E. Paměti. Praha, 1947. S. 221.

⁸⁹ Цит по: Křen V. V emigraci. S. 507.

⁹⁰ Odboj a revoluce // Zprávy. 1969. № 1. S. 79.

⁹¹ Rudé právo. 1939–1945. Praha, 1971. S. 67.

⁹² Fierlinger Z. Od Mnichova po Košice. Praha, 1946. S. 55–56.

⁹³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 50.

⁹⁴ Согласно списку сотрудников Генконсульства СССР в Праге и Торгпредства СССР, направленному имперскому протектору Богемии и Моравии 8 мая 1939 г., в состав первого входило 16 человек, в том числе два чехословацких подданных (Беер Курт, референт печати и переводчик,

Кашпаровский Фр. — дворник), второго — 13 человек (см.: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 16а. П. 34. Д. 1. Л. 6–70).

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 67–72.

⁹⁶ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 26; Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 6–7.

⁹⁷ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 32.

⁹⁸ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 8.

⁹⁹ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 66.

¹⁰⁰ Экзекватура — согласие правительства одного государства принять у себя лицо, предложенное другим государством, в качестве постоянного дипломатического представителя.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 12–13.

¹⁰² Там же. Л. 64.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 26.

¹⁰⁴ Там же. Л. 31–32.

¹⁰⁵ Там же. Д. 1. Л. 137.

¹⁰⁶ Там же. Д. 1. Л. 139–140. Об Англии и Франции Яковлев не сообщал ничего. Но по сведениям Фирлингера, сообщенным им в НКВД 22 июня, вопрос о преобразовании миссий этих стран в консульства был решен положительно и «предприняты шаги в Берлине для получения экзекватуры». Однако, подчеркивал Фирлингер, это «не рассматривается в Англии как признание нового положения вещей в Чехо-Словакии де-юре. Некоторые английские политические деятели смотрят на такое обращение, как на косвенное признание де-факто... американское правительство не намерено пока последовать за Англией и Францией в этом вопросе» (АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 19).

¹⁰⁷ Например, вопреки запрету встречаться с представителями запрещенных партий, Яковлев дважды, 8 и 25 сентября, встречался по его инициативе со словацким поэтом-коммунистом Л. Новомеским (см.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 143–144, 188–189).

¹⁰⁸ В ответ на сообщение в НКВД об издевательском отношении к советским гражданам при явке их в отделение гестапо по паспортным делам, Яковлев получил указание (15.05): «...по этим делам вы могли бы сделать соответствующее представление властям, если бы оказалось, что мы заинтересованы в этих советских гражданах и что за них следует давать бой местным властям. Если, разумеется, эти граждане никакой ценности для нас не представляют, то нам кажется не совсем целесообразным идти на обострение отношений по этим делам» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 4. Л. 17).

¹⁰⁹ Возможно, это была реакция на ранее сообщенные Яковлевым в НКВД (22.06) сведения о трех группировках в словацком правительстве: во-первых, «люди, симпатизирующие идее чехословацкого государства,

но находящиеся в руках немцев и танцующие под их дудку» (Тисо, Сивак, и Чатлош, в известной мере — Стано и Затько). Они могли бы «возглавить антинемецкое течение, но для этого нужно, чтобы чувствовалась слабость Германии, а не ее сила в Словакии»; во-вторых, «мадярофилы, но держатся пронемецкого венгерского течения» (Тука, Мах); в-третьих, «откровенные германофилы» (Дурчанский, Мургаш) (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 109–110). Как будет ясно из дальнейшего, позиции этих политиков претерпевали со временем изменения.

¹¹⁰ Там же. Д. 2. Л. 35–37.

¹¹¹ Там же. Д. 1. Л. 120.

¹¹² Там же. Л. 148.

¹¹³ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 51–53.

¹¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 541. Л. 79.

¹¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 54.

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 541. Л. 92–95.

¹¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 69–70.

¹¹⁸ Георги Димитров. Дневник. С. 188.

¹¹⁹ Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 500. Оп. 8. Д. 230. Л. 34–35, 97.

Глава 2

СССР и чехо-словацкая политическая эмиграция

Ранее уже говорилось, что после Мюнхена Э. Бенеш, как и многие его сторонники, эмигрировали на Запад (в Англию, Францию, США), где и до этого существовала довольно крупная чехо-словацкая диаспора. В Париже до оккупации Франции продолжал свою деятельность посол Ш. Осуски, в Лондоне (до 1 января 1939 г.) — посол Я. Масарик, который вскоре подал в отставку и уехал вслед за Бенешем в США. Советский посол в Англии И.М. Майский, хорошо знавший Масарика и нередко встречавшийся с ним, особенно в период мюнхенского кризиса, продолжал общаться с ним и после Мюнхена, о чем свидетельствуют соответствующие записи в личном дневнике Майского. Свои впечатления о сговоре Англии, Франции, Германии и Италии в Мюнхене он изложил 30 сентября так: «Трудно сразу охватить истинное значение того, что только что совершилось, однако я чувствую и понимаю, что сегодня ночью пройдена какая-то огромной важности историческая веха. Количество скачком перешло в качество, и мир сразу изменился... Утром встал с тяжелой головой, и первое, что пришло на ум — это: надо немедленно же съездить к Масарику. Когда я зашел в его приемную, в ней никого не было. Через минуту слышались торопливые шаги и в комнату как-то боком вошел хозяин. Что-то странное и неестественное было во всей его высокой, сильной фигуре. Точно она внезапно обледенела и потеряла обычную гибкость движений. Масарик бросил беглый взгляд на меня и начал было в привычно светском стиле: Какая сегодня хорошая погода, не правда ли? Бросьте погоду, — я невольно махнул рукой. — Я пришел к Вам не за этим. Я пришел выразить в этот исключительно тяжелый для вашего народа момент свое глубокое сочувствие ему и свое глубокое возмущение позорным поведением Англии и Франции. По всей высокой фигуре Масарика будто прошел какой-то ток. Лед мгновенно исчез. Неподвижность дрогнула.

Он как-то смешно качнулся и вдруг совершенно неожиданно упал мне на грудь с горькими рыданиями. Я был ошеломлен и немного растерян. Целуя меня, сквозь слезы, Масарик бормотал: они продали меня в рабство немцам, как негров когда-то продавали в рабство Америке. Понемногу Масарик успокоился и стал извиняться за проявленную слабость. Я крепко пожал ему руку»¹.

В тот же день Майский побывал у постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана, который «стал настойчиво допрашивать» его, что он думает о случившемся. «Я не стал миндальничать, — записал Майский. — Я со всей резкостью заявил, что считаю Мюнхен тяжелым поражением Англии и Франции, что вчера вечером пройдена важная историческая веха, знаменующая начало новой эпохи в европейской истории, эпохи гегемонии Германии, и что результатом этого будет цепь дальнейших отступлений „западных демократий“, а может быть, и распад их нынешних империй»². 28 октября 1938 г. Майский поехал к Масарику поздравить его с 20-летием независимости Чехословакии. Тот сообщил ему, что подал в отставку, но по просьбе чехословацкого правительства будет исполнять свои обязанности еще до 1 января, «потом будет жить в Лондоне, от времени до времени наезжая в Америку, где он провел многие годы в качестве эмигранта. ... Собирается писать, читать лекции, выступать по радио. Проживу как-нибудь, — добавил он. — Буду эксплуатировать доброе имя моего отца³. Оно ведь доброе! Сейчас это кое-что значит. Добрых имен на свете все меньше остается»⁴. А 19 декабря Майский дал Масарику прощальный обед и записал в дневнике: «30 декабря он уходит в отставку: не может служить новому чехословацкому правительству. Потом едет в США, где в течение 2–3 месяцев будет выступать с лекциями, докладами и т. п., повидает также Рузвельта. Хочет немного просветить американцев насчет европейских дел, а также заработать чуточку денег. Собственных средств у Масарика, видимо, нет или имеется очень мало, а жить надо. Рассчитывает привезти 2–3 тысячи фунтов. Этого, по его расчетам, ему должно хватить года на три. А дальше видно будет... Планы Масарика пока неясны. Он говорил мне только: Хочу делать что-нибудь полезное для демократии, для прогресса»⁵.

Майский после Мюнхена весьма критически относился к политике Англии и Франции в отношении Чехо-Словакии. 25 ноября 1938 г. он писал Литвинову: «Несмотря на мюнхенские решения, Англия (и Франция) на протяжении двух последних месяцев со-

вершенно устранились от какого бы то ни было активного участия в решении вопроса о судьбах Чехословакии. Германии и Италии предоставлена полная свобода действий в определении границ Чехословакии, ее экономической политики, ее внутреннего режима и так далее. О гарантии границ Чехословакии Англией и Францией официальные круги здесь больше не вспоминают»⁶. Того же мнения придерживался и советский посол во Франции Я.З. Суриц, который сообщал М.М. Литвинову 27 декабря 1938 г.: «О существовании Чехословакии здесь после Мюнхена вообще стараются основательно забыть»⁷.

Не прерывали советские послы в Англии и Франции общения с представителями чехо-словацкой политической эмиграции и накануне краха ЧСР, о чем свидетельствует, в частности, сообщение (6 марта 1939 г.) Г. Рипки Э. Бенешу в США, где тот находился с 9 февраля по 18 июля 1939 г. по приглашению Чикагского университета для чтения лекций. Советский Союз после Мюнхена, несомненно, рассматривал Бенеша как виднейшего политического представителя Чехо-Словакии за границей, хотя сведений о его контактах с Майским до отъезда экс-президента ЧСР в США нет. Возможно, это объяснялось тем, что советское руководство было «сердито» на Бенеша за его колеблющуюся позицию касательно советской помощи ЧСР в период Мюнхена, но с Масариком, как говорилось выше, Майский общался. В начале марта посол впервые пригласил к себе единомышленника Бенеша Г. Рипку, чтобы выяснить его мнение о положении в Чехо-Словакии («Я стремился объяснить положение вещей так, что пражское правительство во всем, что неприятно, действует под грубым нажимом Берлина. Однако я заметил, что он (Майский. — В. М.) проявляет значительную осторожность и собственно недоверие в отношении правительства Берана», — значится в письме). Далее Майский сообщил Рипке о признаках некоторого изменения отношения к России со стороны Англии («она хочет иметь и русскую карту у себя на руках»), но отметил, что «на Западе все еще существуют иллюзии о возможном „соглашении“ с Германией». Посол интересовался, когда Бенеш возвратится в Лондон и надолго ли он намерен здесь остаться. Майский говорил, писал Рипка, что «с интересом следит, как Вас всюду приветствуют в Америке, и что внимательно читал только что вышедшую книгу Сетона-Ватсона [о Чехословакии]. Он спрашивал также о Масарике и Алисе и Ольге [Масариковых]... Он просил передать Вам почтительное приветствие. Было бы хорошо,

если бы Вы поручили мне передать ему Ваши приветствия. Он просил меня оставаться с ним в контакте»⁸. Однако в Дневнике Майского отсутствуют записи о каких-либо встречах с представителями чехо-словацкой политической эмиграции в первые месяцы после 15 марта 1939 г., хотя таковые, видимо, имели место, о чем будет сказано далее.

После 15 марта 1939 г. Бенеш решил возглавить за границей борьбу за восстановление Чехословакии. 16 марта он, за подписью «Бенеш, бывший президент Чехословацкой республики, профессор Чикагского университета», направил телеграммы на имя Ф.Д. Рузвельта, Н. Чемберлена, Э. Даладье и М.М. Литвинова с протестом против «тяжкого международного преступления», совершенного по отношению к чешскому и словацкому народам, и просил не признавать акт насилия. Протест был послан также Генеральному секретарю Лиги Наций Й. Авенюлю⁹. В тот же день на большом митинге в Чикаго Масарик, который в это время тоже находился в США, зачитал торжественную прокламацию Бенеша, первый публичный манифест политического содержания после его отъезда за границу, в котором декларировалась борьба за реставрацию Чехословацкой республики¹⁰. Цель борьбы формулировалась так: «Свободная Чехословакия в свободной Европе». Основным принципом освободительной программы было признание непрерывности (континуитета) правового существования ЧСР и ликвидация Мюнхенского соглашения¹¹. 20 апреля Бенеш выступил перед делегацией чехословацкого Национального совета в Чикаго, где изложил главные принципы организации освободительного движения: объединение действий всех, независимо от партийной и социальной принадлежности, а также от вероисповедания, чехословаков (он, как известно, придерживался теории единого чехословацкого народа), направленное на восстановление республики; создание единственного и внутренне единого руководства для этого за границей; решение вопросов будущего устройства свободной республики самим чехословацким народом¹². В решении этих задач Бенеш рассчитывал как на содействие западных держав, хотя его надежды на «мюнхенцев» были невелики, так и на Советский Союз. «Моим желанием, — сообщал он Фирлингеру в марте 1939 г., — является действовать в полном согласии с Советским Союзом»¹³. 22 июня Бенеш сообщал на родину своим сторонникам: «Ситуация наша хорошая и в Америке, и в России. В Америке, я сказал бы, почти блестящая. С февраля я работаю здесь... день за днем, неделя за

неделей, без отдыха. Я проехал все Соединенные Штаты, посетил примерно 20 университетов, важнейшие университеты (Иель, Принстон, Колумбия, Колорадо, Trinity College, Калифорния и др.) присвоили мне звание почетного доктора и при этом при массовом участии американской интеллигенции организовывали огромные манифестации в нашу поддержку. Общественное мнение примерно на 95% за ЧСР и ее восстановление. Правительство оккупацию не признает и, если дело дойдет до войны, будет на нашей стороне. Точно так же принципиально за нас будет и Россия»¹⁴.

Прогнозируя развитие событий в мире и не исключая начала войны, Бенеш писал в Прагу 21 августа 1939 г.: «Что касается России, то хотя сегодня нельзя сказать о ее окончательной позиции и действиях, но, безусловно, в конце концов, она пойдет против Германии и политически будет в любом случае выступать за нас и нас поддерживать»¹⁵.

Сведения о состоянии и развитии чехо-словацкого политического движения за рубежом поступали в Москву по разным каналам: из чехо-словацкого представительства¹⁶, из советских посольств в Париже, Лондоне и Вашингтоне. Так, Фирлингер, который, как уже говорилось, находился в апреле–июне 1939 г. во Франции и Англии, в меморандуме от 18 мая 1939 г. на имя зам. наркома иностранных дел В.П. Потемкина сообщал о планах и намерениях чехо-словацкой политической эмиграции на Западе. Он писал, что политика Национального комитета, который намеревался создать Бенеш, «будет основываться на тесном сотрудничестве с Соединенными Штатами, Англией и Францией, и особенно на тесном сотрудничестве с СССР, преобладающее и, можно сказать, решающее влияние во всех вопросах международного характера, касающихся Чехословакии, всеобщее признано. Д-р Бенеш хочет по всем вопросам консультироваться с СССР и руководствоваться его советами и рекомендациями»¹⁷. Представляется, что тут Фирлингер из тактических соображений, в надежде рассеять возможные подозрения советского руководства в отношении исключительно прозападной ориентации Бенеша, весьма преувеличивал его готовность следовать московским «инструкциям». А экс-президент, намереваясь проводить самостоятельную политику и понимая всю сложность и малую реальность этого в создавшихся условиях, в лучшем случае готов был прислушиваться к рекомендациям Москвы, учитывать позиции Советского Союза, балансируя на схожести интересов и противоречиях Запада и СССР. В указанном меморан-

думе также говорилось, что, поскольку протекторат не признан СССР, Бенеш полагает необходимым придерживаться концепции о сохранении в силе союзнических договоров между Чехословакией и Францией и между Чехословакией и СССР (от мая 1935 г.) и что «Чехословацкое государство считает себя союзником СССР». Это заявление весьма интересно, поскольку свидетельствовало, что Бенеш после расчленения Чехословакии, отстаивая принцип ее государственной правопреемственности, под этим углом зрения рассматривал и вопрос о союзнических отношениях с СССР. Он не хотел «сжигать» с таким трудом ранее «наведенные мосты». От этой позиции Бенеш не отказывался, как будет ясно из дальнейшего, и позже, когда СССР, исходя из своих национально-государственных интересов, практически не поддерживал идею самостоятельной Чехословакии (по крайней мере, официально). О планах чехо-словацкой политической эмиграции на Западе Фирлингер подробно рассказывал сотрудникам НКВД и после возвращения в Москву в конце июня 1939 г.

Информировал Молотова по этим вопросам и Майский, который 9 июня 1939 г. писал: «Ко мне обратились здешние чехи с следующим неофициальным запросом: около середины июля ожидается возвращение Бенеша в Европу и в связи с этим предполагается создать что-то вроде чехословацкой политической директории, во главе с Бенешем, за границей, с представительствами во всех тех странах, где дипломатические миссии Чехословакии не были переданы Германии». В связи с этим «чехи» обращались к Майскому с просьбой выяснить положение чехословацкого представительства и Фирлингера в Москве¹⁸.

В апреле Бенеш установил личные контакты с американскими политиками, настроенными на его поддержку, а 28 мая был принят президентом США Рузвельтом. 22 июня он сообщал об этом своим сторонникам на родине: «Я вел секретные переговоры с Рузвельтом. Мы обсудили с ним всё — прошлое и будущее. Он не признает оккупацию, считает наше государство все еще самостоятельным. ... Буду снова в Вашингтоне между 27 июня и 2 июля. Встречусь с Хэллом (госсекретарем США. — В. М.) и, очевидно, с Рузвельтом и другими [представителями] влиятельных кругов. Обсужу с ними все вещи до мелочей и ожидаю в целом благоприятные результаты»¹⁹.

Встречался, согласно воспоминаниям Бенеша, он и с советским послом в Вашингтоне К. Уманским, который, по его словам,

единственный из полномочных представителей великих держав в США поддерживал с ним связь и информировал о советской политике²⁰. В установлении этих контактов, возможно, сыграла роль и рекомендация Фирлингера, содержащаяся в его послании экс-президенту от 7 мая 1939 г.: «Сегодня для СССР очень много значит сотрудничество с США. ... Ваша деятельность в США и информация, которую Вы можете дать американцам, весьма ценна и полезна и будет, конечно же, оценена в Москве по достоинству. Поэтому было бы хорошо, если бы Вы в этом плане могли действовать и если бы Москве об этом было известно»²¹. Уманский тоже следил за деятельностью Бенеша в США. 14 апреля он сообщал в НКВД: «Бенеш очень активен, много выступает, сколачивает нечто вроде неофициального временного правительства, но, чтобы не дразнить американских гусей, в определенные организационные формы это не облекает. О нас и о нашей роли в сентябре (1938 г. — *В. М.*) он во всех речах говорит хорошо»²². 1 июня 1939 г. Уманский передал советскому правительству Меморандум Э. Бенеша по чехословацкому вопросу²³. 22 июня экс-президент сообщал на родину: «Я поддерживаю контакт с Россией через здешнего посла Уманского, и я доволен их действиями. Мой протест в Женеве Россия поддерживала решительно и последовательно. В Лондон выезжаю 12 июля, там буду и далее с Россией поддерживать связь, и не исключено, что, если начнется война, должен буду поехать в Россию. Все будет зависеть от ситуации»²⁴. До его отъезда в Европу он еще несколько раз встречался с Уманским, который направлял в Москву отчеты об этих встречах.

В июле 1939 г. Бенеш вернулся в Европу, где, по его представлениям, легче было вести конкретную борьбу за реализацию намеченных им задач и проще связываться с оккупированной страной. Экс-президент поселился в Лондоне, наезжая в Париж по мере необходимости. К этому времени, несмотря на чрезвычайную пестроту и разномастность (как политическую, так и социальную) чехословацкой эмиграции и продолжавшееся в ее среде соперничество за лидерство, фигура Бенеша, как политического деятеля, приемлемого для большей части сторонников восстановления Чехословакии и способного возглавить движение за реализацию этой идеи, явственно выдвинулась на передний план. Помимо него на лидерство претендовали также словаки Ш. Осуски и М. Годжа, которые в конце концов вынужденно сдали свои позиции. У Бенеша было гораздо больше сторонников, разделявших его представления о

будущем восстановленной Чехословакии и направлениях ее внешней политики.

Главное и принципиально важное положение, из которого исходил Бенеш, определяя свое отношение к Советскому Союзу, состояло в том, что Чехословакия, малое государство в центре Европы, должно иметь хорошие отношения как с Западом, так и с Востоком. Позиция Бенеша основывалась на реалистическом и адекватном понимании им жизненно важных государственных и национальных интересов Чехословакии. В новых условиях он хотел использовать тот небольшой положительный опыт взаимоотношений с Россией (он часто употреблял этот термин как синоним Советского Союза), который был накоплен его страной ранее. Эта принципиальная позиция фиксировалась и современниками Бенеша, хорошо его знавшими. Так, Б. Локкарт, позже английский представитель при Временном чехословацком правительстве в Лондоне, писал в своих воспоминаниях: «Он был всегда западником и западником остался... Вся политика Бенеша была основана на согласии между англо-американцами и русскими»²⁵. По существу подтверждал эту характеристику и Майский: «Бенеш не испытывал большой радости от ориентации на Восток. Его душа срослась с Западом, но как патриот, он не видел для своей страны иного выхода кроме сотрудничества с Востоком. Чтобы обеспечить в будущем самостоятельность Чехословакии, он готов был проглотить и горькую пилюлю советско-чехословацкого сближения»²⁶.

И все же... все же на момент возвращения Бенеша в Европу его отношения с французским и английским правительствами, по его мнению, были гораздо хуже, чем с США и Россией. «Во Франции и Англии, — писал он на родину 22 июня 1939 г. — не такая благоприятная ситуация. Стремление к компромиссу [с Германией] все еще велико, страх перед войной значителен, хотя они и чувствуют ее неизбежность. Я не строю никаких иллюзий в отношении **нынешних** правительств этих государств. Их совесть по отношению к нам нечиста, они знают, как навредили нам, и поэтому нас не любят. Они выискивают также наши ошибки, чтобы оправдать свои непростительные действия. Но мы закрываем на это глаза и хотим привлечь их на свою сторону. Если же начнется война, то произойдут большие изменения в правительствах, а затем и в отношении нас все значительно изменится. А в будущем мы не забудем ничего из случившегося»²⁷. Это — «не забудем ничего из случившегося» — и утвердило Бенеша в мысли об «укреплении мостов», наве-

денных ЧСР в отношениях с Советским Союзом после заключения советско-чехословацкого договора 1935 г. Тем более что наблюдались признаки желания советского руководства поддерживать не только чехословацких коммунистов, но и укреплять контакты с теми чехословацкими кругами, которые выступали за национальное единство в борьбе за восстановление ЧСР.

7 мая 1939 г. Фирлингер сообщил Бенешу, что, уезжая в конце апреля 1939 г. из Москвы, он получил «де-факто признание нового нашего сопротивления во главе с Вами»²⁸. Согласно воспоминаниям Фирлингера, перед его отъездом Всесоюзное общество культурных связей с заграницей устроило прием в его честь, на котором помимо представителей НКВД присутствовали видные деятели советской культуры (А. Толстой, А. Фадеев, А. Корнейчук и др.), а из чехословацких граждан, находившихся в СССР, профессор З. Неedly и депутат парламента Б. Шмераль, работавший тогда в Исполкоме Коминтерна. Выступавшие на приеме говорили о тесной дружбе СССР и Чехословакии и задачах совместной борьбы против нацистского насилия. «Важное заявление, — по словам Фирлингера, — сделал депутат Шмераль, который подчеркнул солидарность чехословацкого сопротивления за границей и просил меня сообщить президенту Бенешу о решимости наших соотечественников, живущих в Москве, вести совместную борьбу за освобождение Чехословакии»²⁹. Видимо, имея в виду эту информацию, Бенеш сообщал на родину 22 июня 1939 г.: «Напоминаю, что Россия сама подчеркивает, что для нее речь идет не о том, чтобы находиться в контактах и вести переговоры лишь с нашими коммунистами, но и с другими, и, главное, с нашим центральным руководством»³⁰.

Свое отношение к Советскому Союзу Бенеш, по его словам, всегда рассматривал «под углом зрения общеевропейской политики»³¹. Восстановление Чехословакии — а это являлось главной и основной целью его деятельности в годы войны — он связывал с изменением расстановки сил на европейском континенте в результате войны и поражения в ней Германии. Эта мысль была особенно четко сформулирована им в декабре 1940 г.: «Нам война была необходима, и я в этом смысле делал все, чтобы она началась. Я не был подстрекателем войны, но видел, что только путем войны можно уничтожить этих гангстеров и избавиться от всех ужасов, которые они натворили»³². Поэтому он всячески приветствовал англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. о совместных

усилиях по предотвращению дальнейшей агрессии фашистской Германии. Поэтому же новый внешнеполитический курс Москвы на сближение с Берлином, ставящий под угрозу успех дела восстановления Чехословакии, естественно, не мог вызвать симпатий Бенеша. Но он, как прозорливый политик, никогда не верил в искренность советско-германской «дружбы», видя в действиях советского руководства лишь тактический шаг и полагая, что в конечном счете Гитлер не откажется от своей идеи похода на Восток, а Советский Союз займет свое место в едином с западными державами фронте борьбы против немецкого фашизма.

По приезде в Европу Бенеш установил контакт с Майским и был приглашен им на завтрак (Бенеш говорил об обеде) 23 августа. «У меня завтракал Бенеш. Маленький, худощавый, подвижной с живыми глазами и седеющими волосами человек. Беседовали вдвоем». Поблагодарив Майского за акцию в связи с телеграммой в Лиге Наций, Бенеш сообщил ему о своих планах создания чехословацкого правительства в эмиграции и чехословацкой армии во Франции, об отношении к этим планам США и Англии, о своих тесных связях с Родиной. «Он казался несколько озабоченным сообщением прессы о визите Риббентропа в Москву для подписания пакта о ненападении, но не обнаруживал большого волнения»³³, — записал Майский в личном Дневнике. Ныне опубликованная запись разговора, сделанная Бенешем, позволяет судить о некоторых различиях (по сути и в акцентах) в подходах собеседников к обсуждавшимся проблемам. Например, Бенеш интересовался, признает ли СССР чехословацкое правительство в эмиграции, создать которое он надеется, и выразил желание иметь чехословацкие воинские формирования на Востоке. Бенеш зафиксировал интерес Майского к личности генерала Л. Прхалы, эмигрировавшего из протектората и обосновавшегося в Польше (он стал одним из основателей Центрального комитета чехов и словаков в Польше). Далее, Бенеш достаточно подробно изложил аргументы Майского, касавшиеся заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.: Англия и Франция обращались с СССР «несносно, как с дальними бедными родственниками», прислав на переговоры мелкого чиновника; поляки тоже вели себя «несносно — хотели получить материал, танки, пушки, снаряжение, но ни один советский солдат не мог вступить на польскую землю — оскорбительно и несносно. Немцы захватят всю Польшу, а русские не смеют даже двинуться — абсурд». Майский полагал, что после подписания со-

ветско-германского пакта о ненападении Гитлер нападет на Польшу не ранее чем через две недели. На вопрос Бенеша, что в этом случае будет делать СССР, Майский ответил: «Мы, конечно, не останемся в стороне» и сказал, что случившееся в сентябре 1938 г. «фатально и для других, что Польша уже платит [за это] и еще будет платить». Бенеш спрашивал и о том, обсуждался ли вопрос о Чехословакии во время переговоров СССР с западными державами, на что Майский ответил, что «дело так далеко еще не зашло». Свои впечатления о беседе Бенеш сформулировал так: «Они хотят войны, готовили это сознательно и полагают, что уже ни Польша, ни Германия, ни Англия не могут пойти назад и что война будет — свои действия они резервируют. Из всего этого я не вынес такого плохого впечатления и полагал, что они (русские. — В. М.) оставили для себя возможность вести и далее переговоры с Западной Европой, но на другой день, когда я познакомился с текстом пакта, мне показалось, что дело обстоит хуже, что они дорогу себе перекрыли, что это достаточно грубая тактика, направленная на то, чтобы втянуть в войну Гитлера. ... В целом это означает, что они просто думают, что началась борьба между капитализмом, нацизмом и фашизмом, и что грядет мировая революция, которую они поднимут в подходящий момент, когда другие будут ослаблены войной»³⁴. Насчет нацеленности Москвы и Коминтерна на мировую пролетарскую революцию после 23 августа 1939 г., как будет ясно из дальнейшего, Бенеш был прав.

До конца 1939 г. состоялось еще несколько встреч Майского с Бенешем. Он имел достаточно широкие связи в западных политических кругах, и для советского руководства, видимо, представляла интерес информация о реакции на новый внешнеполитический курс СССР не только чехословацких эмигрантских кругов, а вообще Запада.

Следующая беседа Майского с Бенешем состоялась спустя примерно месяц, 21 сентября 1939 г.³⁵. Теперь уже Бенеш принимал гостя. «Был у Бенеша на 26 Gwendolen Avenue, Putny. Тихая улица, тихий уютный домик среднего интеллигента, тихие шаги скромной прислуги в доме, но дух этого дома совсем не тихий», — записал Майский в Дневнике. Поскольку опубликована и запись беседы, сделанная Бенешем, есть возможность их сопоставить³⁶. В Дневнике Майского упор сделан на том, что рассказывал Бенеш о «своих делах». Подробно изложен вопрос о чехословацком легионе, интернированном на занятой Красной Армией восточной тер-

ритории Польши и просьба Бенеша помочь переправить его во Францию, позиция британского правительства в вопросе создания чехословацкого правительства в эмиграции. Майского интересовало также отношение Бенеша к вопросу о вступлении советских войск на польскую территорию. Позиция собеседника в этом вопросе зафиксирована Майским следующим образом: относится «с полным одобрением. Он понимает и целиком сочувствует нашей политике. СССР иначе не мог поступить. Он просит только об одном: устроить так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. Это очень важно. Я не знаю, каково будет правительство в будущей свободной Чехословакии, — воскликнул Бенеш, — но это для меня и безразлично. Я не имею возражений против советского правительства. Лишь бы Чехословакия была свободна и независима. Лишь бы она избавилась от германского ига». Ничего подобного, конечно, в записи Бенеша нет. Что это? Выдумка Майского? Видимо все же — фиксация сказанного, которое пришлось по душе советскому полпреду. Что касается Бенеша, то, скорее всего, это тактический ход, рассчитанный на получение поддержки со стороны СССР в вопросе создания чехословацкого правительства в эмиграции. По-разному в обеих записях изложен и вопрос о будущем Подкарпатской Руси. Майский: «Что же касается Рутении (Карпатской Украины), то она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословацкой республики Бенеш мысленно всегда считал „Рутению“ будущей частью СССР». Бенеш: изложив позицию Майского относительно территорий, занятых Красной Армией («все эти земли заберем мы», «мы эти земли в любом случае оставим себе, это — наше»), он сам задал вопрос о Подкарпатской Руси. В ответ Майский усмехнулся. Бенеш же заявил: «Это наша земля (zeme), мы имеем право на нее... Для нас есть только два решения: или она будет нашей, или, в случае, если они (СССР. — В. М.) будут нашими соседями и если потребуют ее, то мы ничего не имели бы против этого. Ни поляки, ни венгры, и особенно последние, ее не должны иметь». Отличие в изложении позиции Бенеша тут очевидно. И, скорее всего, она точнее (в контексте его последующих заявлений по этому вопросу) представлена в записи Бенеша, хотя не исключено, что в процессе устной беседы он мог излагать свои мысли несколько иначе. Важно то, что впоследствии, когда в марте 1945 г. в Москве обсуждался вопрос о судьбе Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины), Бенешу, чтобы напомнить ему его преж-

ную позицию, был представлен документ, основанный на категоричной формулировке записи Дневника Майского. Это — лишнее свидетельство того, что записи бесед как исторический источник не могут быть абсолютизированы, что они требуют критического подхода и сопоставления с другими документами в целях если не окончательного выяснения, то хотя бы приближения к истине. Подтверждением этого могут быть и слова Майского: «...записи разговоров делаются постскрипту по памяти и никогда нельзя быть уверенным в их точности»³⁷.

В Дневнике Майского нашли некоторое отражение и взгляды представителей английской элиты относительно будущего Чехословакии. Например, единомышленник Н. Чемберлена Г. Вильсон, главный советник британского правительства по вопросам промышленности, оказывавший влияние и на внешнюю политику страны, развивал перед Майским 28 октября 1939 г. свои представления о будущем Германии: она должна превратиться в «свободную федерацию немецких государств», а «Чехословакия также могла бы стать членом германской федерации примерно на правах британского доминиона». На обеде у знакомых Майского супругов Эллиот 30 октября речь велась о восстановлении Польши и Чехословакии, но «конечно, не в их прежних границах». Из разговора с английским газетным магнатом, деятелем консервативной партии У. Бивербруком 15 ноября: «Польша? Чехословакия? Какое нам до них дело?» Галифакс хотя и заявил Бенешу, что восстановление Чехословакии является одной из «целей войны» союзников, но о признании временного чехословацкого правительства только «обещал подумать». Во Франции вынашивались планы расчленения Германии и создания после войны Австро-Венгерской монархии с Отто Габсбургом во главе. В ее состав должны были войти Австрия, Бавария, Венгрия и Чехословакия³⁸. Отсюда понятна заинтересованность Бенеша в поддержке СССР в вопросе восстановления Чехословакии в предмюнхенских границах. Майский тоже был осторожен в этом вопросе, и запись Бенеша 21 сентября гласит: «Я снова просил его помочь нам, не оставлять нас, [говорил], что мы на них рассчитываем, что рассчитываем на их соседство»³⁹.

Вернувшись в Европу, Бенеш приступил к организации руководящего органа чехословацкого движения Сопrotивления за границей с намерением в будущем преобразовать его во временное правительство. Англия отнеслась к идее осторожно, и в начале октября Бенеш отправился во Францию, которая дала согласие на

формирование чехословацких воинских частей на своей территории. 17 октября был создан Чехословацкий национальный комитет (ЧНК), что позже было принято к сведению английским и французским правительствами. Во Франции отношение лично к Бенешу было весьма настороженным, здесь он не нашел поддержки. Даладье отказался принять его и не скрывал, что возможное в будущем чехословацкое правительство вряд ли будет признано Францией. 20 октября раздосадованный холодным приемом Бенеш возвратился в Англию. Перед отъездом он посетовал Я. Смутному: «Мне представляется ситуация во Франции в весьма черном свете. Тем, что французы делают в отношении меня, они фатально вынудят меня обратиться к Москве»⁴⁰.

Однако линию Москвы в отношении чехо-словацкой политической эмиграции на Западе в ближайшем будущем Бенеш оценивал очень осторожно, что явствует из его послания на родину своим сторонникам 10 октября: «Находясь в состоянии войны на стороне Англии, Франции и Польши, мы не можем иметь иного официального отношения к Советам, чем наши союзники. Москва нам, чехословакам, ничего особенного и не обещала, и не гарантировала, лишь различные советские государственные деятели в своих выступлениях заверяли, что в позиции Москвы в отношении ЧСР ничего не изменилось после 15 марта, когда СССР отказался признать оккупацию. Наше отношение к СССР остается на линии чехословацкой внешней политики последних лет: лояльность, взаимные симпатии и дружба в ожидании, что СССР не сделает ничего, чем мог бы нам навредить в своей сегодняшней политике. Своей заграничной акцией мы не хотим осложнить когда-либо и как-либо свое дружественное сотрудничество с СССР. Скорее всего, мы будем его прямыми соседями. Для сотрудничества мы оставляем дверь открытой. Целью Союза является, очевидно, революционизация и коммунизация Европы. ... Он ожидает революцию в Германии. Однако опасается, что западные демократии выступили бы против немецкой революции, а тем самым и против Советов»⁴¹. После поражения Польши Бенеш писал на родину: «Наша тактика должна состоять в сохранении равновесия между Англией, Францией, Россией и Америкой и должна содействовать тому, чтобы дело не дошло до возможного конфликта с Советами, как в 1918 г.»⁴².

25 октября Майский встретился с Масариком. Разговор шел о переговорах Бенеша в Париже, о войне, о советско-английских от-

ношениях после подписания 23 августа советско-германского пакта о ненападении. В частности, Масарик записал: «Сталин не так глуп, чтобы верить Риббентропу, и М[айский] не верит, что Россия будет помогать Германии иначе, чем экономически, причем в очень незначительной степени. ... Ожидать какой-либо благотворительности России по отношению к Германии было бы наивным. Что касается ЧС[Р], то Майский убежден, что русская политика последних недель для нас благоприятна⁴³ и что в конце концов все образуется нам на радость... Майский, хотя и был достаточно осторожен в критике Германии, но было ясно видно, что он верит в поражение Германии и что нынешние действия России являются переходной и выжидательной тактикой»⁴⁴.

Последний раз в 1939 г. Бенеш встретился с Майским 21 ноября 1939 г., о чем есть запись в Дневнике посла: «Завтракали вместе с Бенешем. Он недавно вернулся из поездки в Париж и подробно рассказал мне о своих злоключениях». Далее речь шла о негативном отношении к Бенешу и идее создания временного чехословацкого правительства со стороны французского правительства и осторожно-выжидательном со стороны британского правительства, об образовании «Национального комитета» и формировании во Франции чехословацкой армии. «Все эти неудачи с „демократиями“, — записал Майский, — неизбежно отбрасывают Бенеша к СССР. Он и раньше мне много говорил о необходимости для ЧС поддерживать тесные связи с СССР, но никогда еще не был так определен, как сегодня. Бенеш заявил, что не мыслит себе дальнейшего исторического существования ЧС без самой близкой, самой нераздельной связи с СССР. Он давал понять, что при известных условиях допускает федеративную связь между своей страной и Советским Союзом. Именно ввиду таких соображений Бенеш считает абсолютно необходимым установление общей границы между ЧС и СССР. Это может быть достигнуто двумя путями: включение Карпатской Украины либо в состав ЧС, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной. Имейте в виду, — сказал Бенеш, — что, если бы на протяжении войны в Германии произошла социалистическая революция, если бы в результате ее в Германии разыгралась гражданская война, если бы в этой войне „Запад“ стал поддерживать контрреволюцию, а „Восток“ — революцию, — ЧС, конечно, оказалась бы на

стороне „Востока“»⁴⁵. Последнее подтверждается и разговором Бенеша с корреспондентом ТАСС в Лондоне А. Ротштейном 13 ноября 1939 г.⁴⁶

В декабре 1939 г., как уже говорилось, прекратило существование чехословацкое посольство в Москве, Фирлингер отбыл в Лондон, а в СССР прибыл словацкий посланник; началась советско-финская война, которая страшно осложнила и без того натянутые советско-английские отношения и вызвала волну антисоветских настроений в мире. В Дневнике Майского за 1940 г. не зафиксировано ни одной встречи с представителями чехословацкой эмиграции, хотя Бенеш и он обменялись несколькими письмами⁴⁷. Однако и в это время контакты на неофициальном уровне имели место (Майский встречался с Фирлингером и бывшим чехословацким военным атташе в Англии Я. Каллой), вопросы сотрудничества обсуждались представителями советской и чехословацкой разведок⁴⁸.

В Дневнике Майского в 1940 г. имеются лишь «глухие» ссылки на контакты с чехословацкими деятелями типа «из чешских источников сообщают», «чехи сообщают». Например, 20 января советский полпред записал: «Положение Бенеша довольно затруднительное. До сих пор политика его состояла в том, чтобы балансировать между англо-французами, с одной стороны, и сов[етским] пра[вительством], с другой. Теперь в связи с признанием Словакии Советским Союзом и лишением Фирлингера его официального положения в Москве эта задача сильно усложняется. Бенеш боится, что он будет „съеден“ Англией и Францией, в результате чего могут повториться ошибки 1914–1918 гг. Поэтому настроение у Бенеша сейчас довольно пессимистическое»⁴⁹. Неясно, то ли это комментарий Майского к полученной информации, то ли мнение самого информатора.

Впоследствии в своих мемуарах Майский писал: «Хотя с конца 1939 г. дипломатических отношений между Советским и чехословацким правительствами не было, я все-таки продолжал встречаться „в неофициальном порядке“ с Бенешем, Масариком и Фирлингером. Мне казалось это целесообразным ввиду возможных изменений отношений между СССР и Германией в ходе войны: кроме того, Бенеш располагал очень ценной информацией о положении в Германии и Центральной Европе, которой он охотно делился с нами. Чаще всего я встречался тогда с Фирлингером и имел при этом много случаев убедиться в его высоких качествах как че-

ловека и политика. Между нами установились весьма дружественные отношения, которые сохранились и в дальнейшем»⁵⁰.

Официальные контакты Москвы с чехословацкой политической эмиграцией на Западе, таким образом, прервались, но в СССР продолжала работать и действовать коммунистическая эмиграция, которая активно проводила политику, вырабатываемую ИККИ в соответствии с советским политическим курсом. Как уже говорилось ранее, Исполком Коминтерна в целом с небольшими замечаниями одобрил политику КПЧ, проводимую ею после Мюнхена. Однако после 14–15 марта тон оценок заметно изменился и стал более критическим. Представляется, что немаловажную роль тут сыграло письмо корреспондента ТАСС в Праге Монины, направленное им на имя Димитрова и Мануильского 24 апреля 1939 г. Документ представляет собой рукописный анализ политики КПЧ с сентября 1938 г. по март 1939 г. К рукописи прикреплена записка: «Возвратил т. Пономарев. Второй экземпляр имеется у т. Димитрова». Б.Н. Пономарев тогда являлся ответственным работником аппарата ИККИ. Остановимся на письме подробнее для того, чтобы показать его влияние на дальнейший ход событий. Автор перечислял ошибки КПЧ в период Мюнхена: «1. Излишняя доверчивость к Бенешу и его повседневным заверениям»; «2. Увлечение всякого рода соглашениями и переговорами с лидерами коалиционных партий вместо организации фактически создавшегося на предприятиях, на улицах и т. д. национального фронта борьбы за оборону республики, вместо организации новых массовых выступлений»; «3. Слабая связь с организациями, находившимися под влиянием Бенеша...»; «4. Совершенно недостаточная связь с руководством армии, которое при известных обстоятельствах можно было толкнуть на более решительную позицию...»; «5. Неумение быстро приспосабливаться к менявшейся иногда в течение 2–4 часов... обстановке, быстро менять лозунги». Критике подверглось поведение Готвальда, Шмерала, которые «даже не выступили в постоянном комитете парламента с декларацией», а после принятия правительством мюнхенского решения «т. Готвальд написал декларацию, с которой должен был выступить в парламенте (я даже передал ее текст для советской печати), но не огласил».

После Мюнхена, полагал автор письма, КПЧ хотя и «удалось организовать отступление... и в основном сохранить свои кадры», но она допустила «ряд существенных ошибок»: «1. Из бесед с руководящими работниками КП, в частности, редакторами партийной

печати, для меня стало ясно, что партактив неправильно расценивает правительство Берана как орган возможного сопротивления дальнейшей агрессии Германии. Беран считался „хорошим чешским фашистом“, заинтересованным в борьбе против германских притязаний. ... Сыровы до последнего момента считался „рукой Бенеша“ в правительстве. Предатель, а возможно и старый австро-венгерский шпион Гаха возносился как скрытый масариковец, демократ, ориентирующийся на Англию и Францию и т. п. Среди коммунистов раздавались голоса за сотрудничество с Бераном. ... Такая линия (не знаю, кем она была продиктована, я не имел возможности беседовать с непосредственными руководителями КПЧ) только дезорганизовала партию и массы, привела к тому, что коммунистическая партия не предвидела возможности быстрого конца Чехо-Словакии и пришла к 15 марта не совсем подготовленной. А приближение решающих событий можно было предвидеть». Вторым недостатком работы КПЧ, по мнению автора, было «неумение превратить „Партию труда“ (создана на основе объединения коммунистов с социал-демократами. — В. М.) в орудие создания общедемократического национального фронта». КПЧ, как считал Монин, «вела совершенно недостаточную агитационную работу»: «за полугодие октябрь—март было выпущено всего 5–6 листовок, за исключением „Глас лиду“ и одной газеты в Моравской Остраве, компартия фактически не имела органов печати. ... За первые три недели оккупации не было выпущено ни одной листовки. Единственным орудием антигитлеровской пропаганды являются московские радиопередачи, которые продолжают слушаться тысячами людей (на эти передачи имеется много жалоб, о которых я говорил т. Готвальду)». Автор письма обращал внимание еще на два обстоятельства: во-первых, «в кругах партактива вызвал большое недовольство одновременный отъезд после Мюнхена всех лидеров Компартии, в том числе и лиц, которые могли оставаться в Чехо-Словакии еще несколько месяцев»; во-вторых, «сейчас необходимо „удалить“ из Чехии наиболее угрожаемых работников КПЧ и германской компартии. Между тем эта работа проводится очень неорганизованно, неосторожно (т.т. приходят в посольство, буквально окруженное агентами гестапо), не удалось организовать переправку людей через границу. Между тем до 19 апреля без пропуска гестапо можно было свободно выехать из Чехо-Словакии в Польшу — пограничная охрана (чехи) не требует никаких пропусков». «Если потребуется, — заканчивал автор письма, — могу привести допол-

нительные факты по всем затронутым вопросам»⁵¹. Не известно, был ли Монин принят лично руководством ИККИ, но представляется, что именно его письмо стало толчком к принятию решения о новой постановке чехо-словацкого вопроса на заседании Исполкома. В сделанных им позже выводах относительно политики КПЧ прослеживаются явные параллели с мнением автора письма.

Заседание ИККИ состоялось в мае 1939 г. Материал для него готовил прибывший из оккупированной страны В. Сынек; с докладом выступал Я. Шверма, самокритично подчеркнувший, в частности, ошибки КПЧ в период Мюнхена и в последние месяцы перед оккупацией. По его словам, эти ошибки имели оппортунистический характер и проистекали как из неправильной оценки ситуации (иллюзии в отношении правительства Берана), так и из неверного представления о дальнейшем развитии событий (недооценка возможности новой германской агрессии), что вело к пассивности и забвению революционной работы в массах. КПЧ намерена была возглавить борьбу против оккупантов за воссоздание самостоятельной демократической Чехо-Словацкой республики. Участники дискуссии сосредоточились главным образом на слабостях и ошибках политики КПЧ, подвергнув ее острой критике. Г. Димитров, подчеркнув в заключительном слове, что речь идет не о каком-либо суде над партией, а о помощи ей, отметил, что в политике КПЧ выразительно проявилась оппортунистическая нить: перед Мюнхеном — надежда на то, что Бенеш не капитулирует, после Мюнхена — убежденность в том, что правительство Берана сможет хотя бы формально сохранить самостоятельность республики, а после оккупации — ориентация на то, что спасение придет извне⁵². На заседании было принято решение об организации заграничного секретариата КПЧ в Париже (ряд видных коммунистических деятелей эмигрировали во Францию) и выработан документ под названием «Инструкции о политической работе партии за границей», который фактически являлся политической платформой КПЧ. В национально-освободительный фронт борьбы включались рабочие, крестьяне, мелкобуржуазные слои, а также группы буржуазии, готовые к борьбе против оккупантов и за восстановление независимости Ч-СР; предполагалось сотрудничество с представителями чехо-словацкого заграничного сопротивления на Западе, прежде всего с Бенешем, но при условии, что рабочий класс и компартия станут гегемоном национально-освободительной борьбы. Подчеркивалось, что компартия не будет упускать из вида «перспективу

великих событий, которые будут сопровождать банкротство гитлеризма, свержение фашистских диктатур, освобождение угнетенных народов, победу свободы. Партия будет иметь в виду перспективу великого наступления международного рабочего класса под руководством Коммунистического интернационала и во всей своей деятельности... будет иметь в виду прежде всего то обстоятельство, что на востоке далее крепнет социалистическая держава, Советский Союз, как решающая сила в организации будущей Европы и будущего мира». Говорилось о готовности к поддержке возможной антигитлеровской коалиции, в которой СССР станет решающим фактором⁵³.

В мае 1939 г., выполняя решение ИККИ, Я. Шверма, В. Широкий и В. Сынек по швейцарским паспортам отправились из Москвы в Мурманск и далее во Францию. Сынек затем переехал в оккупированную страну, чтобы руководить подпольной работой. Шверма, Широкий и Б. Келер (он находился в Париже) должны были наладить партийную работу среди эмигрантов на Западе. Созданный здесь Заграничный секретариат КПЧ имел курьерскую связь с Прагой, а также курьерскую и радиотелеграфную связь с Москвой. В начале июля из Москвы приехал в Париж и словацкий коммунист В. Клементис, который согласно первоначальному плану должен был отправиться в США для работы в среде чехословацкого землячества, но этого не случилось, и он остался в Заграничном секретариате КПЧ в Париже. Секретариат поддерживал связи с Французской коммунистической партией, с центрами чехословацкой эмиграции во Франции (Шверма, по некоторым сведениям, встречался с Бенешем), с бывшими чехословацкими добровольцами в Испании, оказавшимися на французской территории, с представителями немецкой, австрийской, югославской и т. д. коммунистической эмиграции⁵⁴.

Резкая смена советского внешнеполитического курса, его нацеленность на сближение СССР с Германией повлекли за собой столь же резкое изменение политической линии Коминтерна, чутко реагировавшего на все колебания советской внутренней и внешней политики⁵⁵. Сталин требовал от руководства ИККИ (а он, отчасти в силу свойственной тогда коммунистам дисциплинированности, отчасти в силу искренней убежденности в правильности любых шагов первого в мире социалистического государства и его харизматически непогрешимого лидера, отчасти в силу страха перед возможными последствиями несогласия, подчинялся этим требова-

ниям) неукоснительно следовать за конъюнктурой советской дипломатии и фактически принудил отказаться от линии на создание самого широкого национального антифашистского фронта, от открытого разоблачения гитлеровского фашизма.

7 сентября 1939 г. состоялась беседа Сталина, Молотова и Жданова с руководством ИККИ, во время которой Сталин изложил свои взгляды на начавшуюся после нападения Германия на Польшу 1 сентября войну и политику Коминтерна в новых условиях. Советский лидер заявил, что война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира. «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», — сказал Сталин. Противопоставление демократического режима фашизму до войны, согласно его утверждению, было правильно, а во время войны «деление капиталистических стран на фашистские и демократические потеряло прежний смысл». Говоря о позиции Советского Союза в начавшейся войне, Сталин подчеркнул: «Мы можем маневрировать, подталкивая одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»⁵⁶. Он предложил Коминтерну и компартиям отказаться от лозунга о едином национальном (в ряде стран он назывался народным. — В. М.) фронте борьбы против фашизма, снова был выдвинут лозунг создания единого народного фронта снизу⁵⁷, т. е. произошел по существу возврат к сектантским лозунгам конца 1920-х — начала 1930-х гг. В упомянутой беседе с Димитровым Сталин, в частности, сказал: «Стоять сегодня на позициях вчерашнего дня (единый народный фронт, единство нации) — значит, скатываться на позиции буржуазии. Этот лозунг снимается»⁵⁸. В конце 1939 г. из документов КПЧ исчез призыв к созданию антифашистского фронта на широкой национальной основе. В понятие народный фронт, создаваемый снизу, уже не включалась патриотическая антифашистская часть буржуазии, а лишь рабочие, крестьяне, ремесленники и трудовая интеллигенция⁵⁹.

9 сентября Секретариат ИККИ одобрил тезисы о политике и тактике компартий в связи с начавшейся войной, которая характеризовалась как империалистическая, несправедливая с обеих сторон. Готвальд, как член секретариата, принимал участие во всех его заседаниях и подготовке указанных тезисов. Кстати, видимо, по его настоянию, в протокол заседания был включен пункт 2.б: «Послать отдельным Компартиям (Чехословакии и др.) некоторые дополнительные указания»⁶⁰. Ему же было поручено подготовить сообщение и составить проект заключения для заседания ИККИ об отно-

шении компартий к национальным легионам, как именовались добровольные военные формирования эмигрантов-антифашистов для участия в войне на стороне Англии и Франции. Задание было выполнено. Вопрос рассматривался на заседании Секретариата ИККИ 15 сентября, который постановил принять предложенный проект решения и поручить Готвальду «на основе прений внести изменения, чтобы совершенно четко и ясно было выражено наше отрицательное отношение к добровольному вступлению коммунистов и революционных элементов в национальные легионы». В соответствии с этим указанием Готвальд добавил в проект решения положение о том, что легионы имеют своей целью подавление революционного движения в собственных странах, что коммунисты не берут на себя никакой ответственности за создание чешских и австрийских легионов, а, будучи насильственно мобилизованы в них, а также призваны в английскую или французскую армии, должны бороться против империалистической войны в тесной связи и под руководством компартии соответствующей страны⁶¹.

Выработанный Коминтерном курс, предполагавший выход из войны на путях пролетарской революции и иллюзорно рассчитывавший на политическую зрелость рабочего класса, особенно немецкого, готового якобы объединиться в борьбе против мирового империализма с пролетариатом поработанных стран, не был адекватен тогдашним реалиям. Компартии, оказавшись в сложной и противоречивой ситуации, были дезориентированы и пытались «совместить несовместимое» — приспособить новую политическую линию Коминтерна к конкретным условиям своих стран и решению первоочередной важности задачи — борьбы против внешнего фашизма и его внутренних приспешников. В шифрограммах⁶², направленных за подписью Готвальда после просмотра их Димитровым в Прагу, излагалась новая линия Коминтерна и давались рекомендации по развертыванию национально-освободительной борьбы, указывалось на недопустимость ее подмены «заграничной акцией Бенеша», проводимой в интересах «империалистов и врагов Советов», а также поддержки этой акции⁶³.

КПЧ, следуя указаниям Коминтерна и своего московского руководства, стремясь реализовать взятый ими курс, все более оказывалась в изоляции от широких слоев населения оккупированных Чешских земель. Резкая критика западных держав, ведущих, хотя и пассивную, войну против фашистской Германии, а также Бенеша как «агента империализма», курс на социалистическую револю-

цию, нереальная ориентация на союз с пролетариатом Германии и покоренных ею стран в борьбе с «прогнившим империализмом», безоговорочная поддержка и оправдание всех зигзагов внешнеполитической линии Советского Союза и его курса на союз с гитлеровской Германией, новый всплеск беспощадной критики социал-демократизма и так называемого ревизионизма — все это, несмотря на бескомпромиссно антинацистские позиции, не прибавляло популярности коммунистам, вело к их изоляции и окончательному разрыву с «бенешевским лагерем» Сопротивления. Оценивая сложившуюся для КПЧ ситуацию, коммунист Б. Райцын, приехавший из оккупированной Праги в Москву, писал осенью 1940 г.: «Мы плыли против течения»⁶⁴.

В недрах ИККИ осенью 1939 г. родилась и идея тесной координации действий компартий Германии, Австрии и Чехословакии. 21 октября появилась их совместная декларация «Против империалистической войны, за социализм и национальное освобождение народов». В ней говорилось, что коммунисты «прилагают все усилия к тому, чтобы спаять освободительную борьбу рабочего класса Германии с национально-освободительной борьбой чехов, словаков, австрийцев и поляков в прочное единство, направленное против германского империализма»⁶⁵. Руководство Коммунистической партии Германии внесло и предложения об организации работы указанных трех партий, направленные на жесткую координацию и согласованность их действий⁶⁶. Из доклада Готвальда на заседании ИККИ 23 ноября 1939 г. о деятельности КПЧ явствовало, что партия старается проводить тактику совместной борьбы чешского и немецкого рабочего класса, но, по его мнению, «пока еще не заметно, чтобы национальное освобождение ожидалось как результат революционной борьбы, освободительной борьбы немецких рабочих. Перспективы, что немецкие рабочие в борьбе против режима совершат революцию, и в связи с этим также будет освобождена Чехословакия, этой перспективы чешский рабочий класс еще не видит»⁶⁷. В заключительном слове Димитров отмечал, что объединение трех партий в единую еще преждевременно и даже вредно, что так называемая «Великая Германия» — это нечто временное, что ее создание находится под вопросом. Далее он подчеркнул разницу в положении трех стран и в связи с этим различие задач, стоявших перед немецкой, австрийской и чехословацкой компартиями. Наконец, советовал иметь в виду, что немецкая компартия — это партия рабочего класса господствующей нации, и отско-

да понятно соответствующее отношение к ней со стороны масс и рабочего класса, включая коммунистов, в Чехословакии и Австрии. Он полагал, что «объединение трех партий при таком положении в единую не усилит, а ослабит ее». Вместе с тем Димитров говорил о необходимости контактов между этими партиями, координации их действий и взаимопомощи на основе единой платформы⁶⁸. 27–29 ноября 1939 г. проходили заседания германо-чешско-австрийской комиссии, работавшей по этим вопросам⁶⁹. Идея тесного взаимодействия, а в будущем возможного слияния трех вышеуказанных компартий не получила дальнейшего развития, поскольку она не была адекватна действительности, но главное — политическая линия руководства Коминтерна в это время исключала борьбу против государственного руководства нацистской Германии.

В то время как руководство коммунистической чехословацкой эмиграции, сосредоточившись главным образом в Москве, обсуждало в ИККИ вопросы стратегии и тактики КПЧ, рядовые политэмигранты, разбросанные по городам и весям Советского Союза, вели борьбу за выживание. Пока в СССР существовало чехословацкое полпредство, о них худо-бедно кто-то думал, хотя большой помощи, кроме решения паспортных вопросов, они получить не могли. Что это были за люди и сколько их было? Имеющиеся в распоряжение автора материалы не дают пока возможности ответить на эти вопросы. Согласно Фирлингеру, опиравшемуся, очевидно, на данные о переоформлении паспортов, летом 1939 г. в СССР насчитывалось примерно 2 тыс. чехословацких эмигрантов. В действительности, думается, их было больше. Они оказались в Советском Союзе по разным причинам и разными путями. Некоторые работали здесь до 15 марта и не собирались возвращаться в оккупированную страну, другие эмигрировали из протектората (до 19 апреля пройти через польско-чешскую границу не составляло особого труда) в Польшу, а после присоединения ее восточной части (Западной Украины и Западной Белоруссии) к СССР оказались на его территории, третьи ушли тоже в Польшу из оккупированной Венгрией Подкарпатской Руси, а также из Словакии, не желая признавать новых порядков и надеясь затем перебраться в СССР и получить здесь помощь и т. д. Надо сказать, что многие из беженцев, особенно жителей Подкарпатья, оказались вскоре в лагерях НКВД, как незаконно (нелегально) перешедшие советскую границу. Другие же небольшими группами были расселены по всей территории Советского Союза.

Вот сведения о политэмигрантах, сообщенные Д.З. Мануильским заведующему отделом пропаганды ЦК ВКП(б) 4 ноября 1940 г.: в Москве и под Москвой находятся около 900 политэмигрантов; в Ленинграде, Харькове, Горьком, Челябинске — 4 австрийца, 13 немцев, 22 чеха, 17 испанцев; в Ворошиловграде — 15 австрийцев, 2 немца, 10 чехов; в Ростове-на-Дону — 260 испанцев, 4 чеха; в Сталинграде — 20 чехов; в Дяткове (УССР) — 14 чехов; в Свердловске — 8 чехов. Сведения эти, конечно весьма неполные, были сообщены для того, чтобы обратить внимание отдела на слабую политико-воспитательную работу, которая проводится среди политэмигрантов. Мануильский просил дать указание обкомам ВКП(б) перечисленных городов приступить к организации политической учебы политэмигрантов. Для чтения лекций по международным вопросам и марксистско-ленинской теории предлагалось использовать ответственных работников ИККИ, а финансовые расходы возложить на ЦК МОПР СССР. В качестве лекторов на чешском языке предлагались В. Копецкий, Я. Шверма, Я. Прохазка (отв. редактор чешской секции Издательства литературы на иностранных языках, член ВКП(б)), Р. Сланский, Б. Шмераль (член Интернациональной контрольной комиссии) ⁷⁰.

Некоторое представление о положении рядовых чехословацких политэмигрантов дает докладная записка, подготовленная бригадой в составе В. Копецкого, Волкова (из аппарата ИККИ), Слепова и Кроснаржа (из ЦК МОПР), обследовавшей в сентябре 1940 г. по заданию руководства ИККИ положение эмигрантов в Сталинградской области. Здесь их насчитывалось 78 человек, в том числе 36 членов КПЧ, 3 комсомольца, 20 беспартийных, 15 социал-демократов; 30 человек работали на тракторном заводе в Сталинграде. Все они прибыли в область в марте 1940 г. из Западной Украины вместе с беженцами и с документами беженцев. Из бесед с партийным руководством области члены бригады выяснили, что «положение чешских эмигрантов в значительной мере затруднено тем, что обком ВКП(б) не знал их политического лица (подчеркнуто в тексте. — В. М.), не знал, что большинство из них признанные политэмигранты... Дело еще осложнилось тем, что среди них есть (15 человек) социал-демократов, и тем, что они приехали в область вместе с беженцами из Польши». Директор треста мясомолочных совхозов, в которых работали 70 эмигрантов, заявил: «Мы просто не знаем, что это за люди и что с ними делать. Если бы мы знали, что большинство из них коммунисты, мы бы их использовали со-

всем по-другому». Как указывалось в записке, «за последнее время в связи с указанием ЦК МОПР СССР Сталинградскому обкому МОПР об оказании материальной помощи целому ряду товарищей, работающих в совхозах (на основании просьбы отдела кадров ИККИ), в этом вопросе стала вноситься некоторая ясность».

Большинство обосновавшихся в совхозах, в том числе писатель с женой, два архитектора, шесть юристов, три редактора, двадцать банковских служащих, двое портных и др., работали не по специальности, а в качестве сельскохозяйственных рабочих. Но врачи, бухгалтеры, например, использовались как специалисты. Некоторые были поставлены на такую работу, где могли приобрести «хорошую производственную профессию (трактористы, штурвальщики, слесаря)». Относительно бытового положения констатировалось, что у большинства оно неудовлетворительное: заработок колебался от 100 до 250 рублей в месяц, питание хотя и дешевое, но по качеству крайне неудовлетворительное (очень редко бывали мясные блюда и почти совершенно отсутствовали жиры). При этом на жилищные условия жалоб не поступало: холостяки жили по 2–3 человека, семейные — отдельно. Проверяющие докладывали, что с политэмигрантами «почти не ведется никакой политической и культурной работы и не ведется изучение русского языка». Подчеркивалось, что «большинство товарищей самостоятельно изучают Краткий курс истории ВКП(б)».

Как неудовлетворительное оценивалось и положение политэмигрантов (жилищные условия, питание, медицинское обслуживание, политическая и культурно-массовая работа), устроившихся на тракторном заводе. Среди них появились такие настроения: «...на нас смотрят, как на иностранцев, а не как на политэмигрантов, в нас здесь не нуждаются, мы здесь лишние», и разговоры о том, что «в других странах политэмигранты живут лучше, чем мы», «безработные в Чехословакии живут лучше, чем мы». Как сообщалось в докладной записке, в результате бесед членов бригады в обкоме ВКП(б), в райкомах, в местных парторганизациях отношение к политэмигрантам изменилось «коренным образом». Так, Сталинградский областной отдел народного образования дал принципиальное согласие на использование на преподавательской работе тех из занятых неквалифицированным сельскохозяйственным трудом, кто знал по несколько иностранных языков. Обком ВКП(б) направил специальное письмо в райкомы об улучшении работы с политэмигрантами. Члены КПЧ получили указание «занимать ведущую роль

в группах эмигрантов»⁷¹. К сожалению, автор не располагает материалами о положении рядовых чехословацких политэмигрантов в других областях СССР.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 163–164.

² Там же. Л. 164. В телеграмме о беседе с Кадоганом, направленной Майским в НКВД СССР, реакция советского полпреда изложена более сдержанно (см.: Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. Документы и материалы. М., 1990. С. 30).

³ Речь идет о первом президенте Чехословакии Т.Г. Масарике, умершем в 1935 г.

⁴ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 194.

⁵ Там же. Л. 223.

⁶ Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 115.

⁷ Там же. С. 161.

⁸ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. (далее — ČSVDJ). Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 40–41.

⁹ Ibid. S. 42–43; Ответ Рузвельта 27 марта гласил: «Милый др. Бенеш!.. Хотя правительству Соединенных Штатов известно, что Чешские и Моравские земли были оккупированы немецкими военными силами и находятся сегодня под фактическим немецким управлением, оно не признало это положение законным (jako právní stav). Искренне Ваш Ф.Д. Рузвельт» (Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Praha, 1946. S. 433–434).

¹⁰ Бенеш не признавал названия Чехо-Словакия и в своих документах на протяжении всей войны продолжал пользоваться термином Чехословакия, Чехословацкая республика, ЧСР. Эти же названия употребляются, как правило, и во всех советских дипломатических документах после 22 июня 1941 г.

¹¹ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 21.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ ČSVDJ. Díl 1. S. 44.

¹⁴ Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 22.

¹⁵ Dr. Edvard Beneš. Tři roky druhé světové války. Projevy a dokumenty z r. 1938–1942. Vydal týdeník «Čechoslovak» v Londýně. S. 23.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 12–15.

¹⁷ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S. 225.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 5. Д. 36. Л. 25–26.

- 19 Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 22; ČSVDJ. Díl 1. S. 43 (примечание 1 к док. № 3).
- 20 Beneš E. Paměti. Praha, 1947. S. 196.
- 21 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 220.
- 22 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 77. В то же время Уманский нелицеприятно отзывался о личности чехословацкого посла в США В. Гурбана, который «строит из себя сейчас патриота, в сентябре (1938 г. — В. М.) же был пораженцем, а затем подлаживался к немцам. Ему верить не приходится» (Там же).
- 23 ČSVDJ. Díl 1. S. 57–60 (на английском языке).
- 24 Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 22.
- 25 Цит. по: Křen J. V emigraci. Zapadní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969. S. 502.
- 26 Ibid. S. 503.
- 27 Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 22.
- 28 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 209.
- 29 Ibid. S. 210.
- 30 Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 23.
- 31 Beheš E. Paměti. S. 10.
- 32 Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943 (далее — ДНČР). Díl 1, 2. Praha, 1966. Díl 2. S. 595.
- 33 АВП РФ, Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 219–222. Опубликовано в: Документы внешней политики. 1939. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1. С. 644–646.
- 34 ČSVDJ. Díl 1. S. 74–75.
- 35 АВП РФ, Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 257–258. Опубликовано в: Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 121–122.
- 36 ČSVDJ. Díl 1. S. 86–87.
- 37 АВП РФ, Ф. 017а, Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 7.
- 38 Там же. Д. 6. Л. 258, 302–304, 321, 330–331.
- 39 ČSVDJ. Díl 1. S. 87.
- 40 ДНČР. Díl 1. S. 42.
- 41 ČSVDJ. Díl 1. S. 95.
- 42 Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 36.
- 43 Как видно из вышеизложенного, эта констатация Майского не соответствовала действительности. 27 октября Фирлингер сообщал Бенешу: «Хотя представительство функционирует и далее, в последнее время Наркоминдел занял в отношении нас осторожную позицию, что объясняется настойчивостью Берлина в вопросе признания Словакии и Протектората» (ČSVDJ. Díl 1. S. 92).
- 44 ČSVDJ. Díl 1. S. 90–91.

45 АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 330–331. Опубликовано в: Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 326–327.

46 ČSVDJ. Díl 1. S. 92 (примечание № 4 к док. № 29).

47 Ibid. S. 115, 139.

48 Ibid. S. 117, 120, 150, 155, 157, 159, 166, 167, 169.

49 АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 21.

50 Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. Ташкент, 1987. С. 494.

51 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 542. Л. 64–77.

52 Hájková A. Strana v odboji. Z dějin ilegálního boje KSČ v letech 1938–1942. Praha, 1975. S. 137–138.

53 Za slobodu českého a slovenského národa. Bratislava, 1956. S. 108–134. В сборнике документ опубликован под названием «Smernice o politickej práci strany v zahraničí, vydané zahraničným sekretariátom KSČ v Paríži v júli 1939». В фонде Г. Димитрова РГАСПИ документ имеет название «Новое положение в Чехословакии и задачи партии. Директивы» 14 июня 1939 г. Имеется также проект директив на немецком языке, правленный Готвальдом с датой: 31 мая 1939 г. (см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1283. Л. 94–104, 105–118). На русском языке документ в более сжатом виде опубликован под названием: Директивы Секретариата ИККИ «Новое положение в Чехословакии и задачи партии». 14 июня 1939 г. (перевод с немецкого ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС). См.: VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны (Сборник документов). М., 1975. С. 493–501.

54 Hájková A. Op. cit. S. 139–141.

55 См. подробнее: Коминтерн и советско-германский договор о ненападении. Аналитический материал // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12; Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 годах // Новая и новейшая история. 1992. № 6.

56 Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. М., 1994. С. 10–11.

57 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296. Л. 718.

58 Фирсов Ф.И. Ук. соч. С. 19; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296. Л. 156, 158.

59 Rudé právo. 1939–1945. Praha, 1971. S. 66.

60 Коминтерн и Вторая мировая война. С. 90.

61 Там же. С. 95–99.

62 Микрофильмы депеш, опубликованных в Чехословакии в 1967 г., хранились в Архиве ЦК КПЧ (ф. 81), а их оригиналы (на немецком языке) в РГАСПИ (ф. 495).

63 Depeše mezi Prahou a Moskvou. 1939–1941 // Příspěvky k dějinám KSČ. 1967. № 3. S. 375–433.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 13. Д. 57. Л. 81. Информация опубликована в: *Z ročatku odboje*. Praha, 1969. S. 69–110.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296. Л. 152–158.

⁶⁶ Коминтерн и Вторая мировая война. С. 192–194.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1298. Л. 72–85.

⁶⁸ Там же. Отдельно пронумерованное в приложении к делу 1298 выступление Г. Димитрова. Л. 22–23.

⁶⁹ Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 186.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 421. Л. 20, 21, 25.

⁷¹ Там же. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 2–12.

Глава 3

Пакт Молотова–Риббентропа и внешняя политика СССР 1939–1940 гг.: чехо-словацкий резонанс

Англо-франко-советские переговоры

Приверженцы идеи восстановления Чехословацкого государства, как в эмиграции, так и в оккупированных Чешских землях, связывали возможность ее реализации преимущественно с помощью извне, рассматривали ее в контексте развития событий в Европе и мире. Э. Бенеш желал объединения сил западных держав и СССР во имя «войны Европы с Гитлером», которая представлялась ему единственным возможным путем воссоздания ЧСР, «другой надежды на освобождение не было»¹. Пожалуй, наиболее точно эту мысль (повторим ее снова) сформулировал экс-президент позже, в декабре 1940 г.: «Нам война была необходима, и я в этом смысле делал все, чтобы она началась. Я не был подстрекателем войны, но видел, что только путем войны можно уничтожить этих гангстеров и избавиться от всех ужасов, которые они натворили»². Говоря о положении в протекторате, советский генконсул В. Яковлев сообщал в НКВД 30 апреля 1939 г.: «Настроение чехов таково: „ждем войны, она нас выручит“. ... Колоссальной, подчеркиваю, колоссальной популярностью пользуется чешское радио в Москве»³. Международное положение и особенно состояние дел на европейском континенте тщательно анализировались чехословацкой политической эмиграцией. Поэтому Э. Бенеш с большим интересом следил за всеми перипетиями англо-франко-советских переговоров летом 1939 г., проецируя их ход прежде всего на решение чехословацкого вопроса и опасаясь, что в случае их неудачи «мы снова будем принесены в жертву». О благотворном влиянии курса СССР на достижение договоренности с западными державами в плане объединения усилий представителей различных политических направлений за границы в борьбе за освобождение Чехословакии говорил 7 мая 1939 г. и З. Фирлингер. Правда, его беспокой-

ство за исход англо-франко-советских переговоров возросло после публикации 29 июня 1939 г. статьи А.А. Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР»⁴.

Надежды на то, что западные державы и Советский Союз, преодолев имеющиеся между ними противоречия, смогут создать единый фронт против Гитлера все более крепили и в оккупированных Чешских землях, где летом 1939 г. набирало силу движение Сопrotивления⁵. 12 августа Яковлев сообщал в НКВД: «В массах небывало выросли симпатии к Советскому Союзу. Все от мала до велика слушают советские радиопередачи на чешском языке»⁶. Одновременно стали распространяться слухи относительно того, что одним из вопросов, по которому не удалось прийти к соглашению, является чехословацкий вопрос. Так, в частности, полагал и Бенеш, который в письме В. Гурбану в Вашингтон 14 августа 1939 г. отмечал: «Советы поддерживают нас, во время переговоров с англичанами они вступились за нас — это было одной из трудностей — и обещают быть твердыми, ясными и бескомпромиссными в нашем вопросе»⁷. Нелегальная газета «В бой» («V boj»), отражавшая настроения левой части некоммунистического движения Сопrotивления, объясняя задержку с подписанием соглашения, отмечала в начале августа 1939 г.: «Россия хотела знать, как партнеры по соглашению представляют себе организацию европейских государств. Лондон отметил, что... будет за восстановление этого государства (Чехословакии. — В. М.) в послеюнхенских границах. Москва не согласилась с этим и предложила, чтобы наши прежние границы... были восстановлены». В следующих номерах газеты, комментируя поездку в СССР германской делегации для ведения переговоров по экономическим вопросам, говорилось, что немцы настаивают на прекращении переговоров России с западными державами и занятии ею нейтральных позиций, взамен чего Германия якобы готова не претендовать на территорию всей прежней Чехословакии. Немецкой делегации будто бы рекомендовалось передать «дружеский совет» германскому правительству немедленно «освободить» Чехословакию и согласиться на ее существование в прежних границах. Говорилось даже об ультиматуме, который будет передан Германии по этому вопросу⁸. Комментарий создавал впечатление, что между Англией, Францией и СССР господствует единство мнений в отношении Германии и что они требуют освобождения ею чехословацкой территории⁹. Таким хотелось видеть положение дел авторам статей, но, к сожалению, это не

отвечало действительности: как следует из известных автору документов, ни во время советско-немецких, ни во время англо-франко-советских переговоров чехословацкий вопрос, тогда однозначно периферийный, вообще не поднимался. Возможно, подобные не соответствующие действительности утверждения проистекали из того, что информация о них была чрезвычайно скудна, а также из того, что в ту пору в Чешских землях вообще велика была вера в Советский Союз, содержание ноты которого Германии по поводу ликвидации Чехословакии стало широко известно. Авторитет СССР, великой славянской державы, был тогда очень высок во всех слоях чешского общества, в том числе и весьма далеких от идей социализма. По Праге циркулировали слухи о кратковременной поездке Бенеша в Москву и его встрече со Сталиным для обсуждения чешского вопроса¹⁰, что порождало необоснованные надежды на заступничество СССР. «Симпатии к СССР исключительные», — писал В. Яковлев М.М. Литвинову 12 июля 1939 г.¹¹ Временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов записал в своем дневнике 4 июля 1939 г. о настроениях в Праге: «Резкий перелом в антинемецкую сторону... от прежней покорности и примирения с судьбой ничего не осталось. Исчезло и прежнее раздражение по адресу Франции и Англии, а также Бенеша. Все с огромным вниманием следят за ходом англо-советских переговоров, рассчитывая, что англо-франко-советский союз, в конечном счете, принесет разгром Германии и освобождение Чехии. О Бенеше говорят, что он „уехал со стыдом, а вернется со славой“. Настроение таково, что „если половина народа погибнет в борьбе, то из остальной половины получится толк“»¹². В одной из листовок (без подписи), которые тогда распространялись в оккупированной стране, говорилось: «В случае немецко-польского конфликта Протекторат будет занят русскими войсками... Ультимативным путем ЧСР должна быть очищена от немецких войск, включая Судеты... Россия оговорила для себя право решать будущее ЧСР, главным образом в финансовых вопросах»¹³. И еще одно свидетельство надежд чехов на Россию, на ее договоренность с западными державами: это — запись разговора В. Яковлева с бывшим руководящим чиновником МИД ЧСР, обозначенным «О», от 12 августа 1939 г. Собеседник Яковлева, по его словам состоящий «в руководстве тайной организацией чехов», хорошо связанной с западной эмиграцией (Бенешем, Рипкой), «заявил, что все круги чехов с нетерпением ожидают подписания договора, ибо понимают, что дальнейшая судьба Чехо-

словакии будет решаться на международной арене или во внутренних потрясениях Германии, в этом договоре чехи видят свое спасение. ... „О“ понимает, что убеждение широких масс чехов, будто советская сторона требует немедленного восстановления Чехословакии в ее старых границах — иллюзорно, однако он и все руководящие круги чешского национального движения имеют сведения, что советский проект договора содержит декларативное непризнание оккупации ЧСР Германией. ... „О“ сказал, отражая настроения чехов в Протекторате и свое собственное, что все с месяца на месяц ждут войны или какого-либо события, которые потрясли бы Германию и освободили чехов»¹⁴. Иллюзорность этих надежд и представлений вскоре стала очевидной.

Но существовали и другие оценки, касавшиеся переговоров СССР с западными державами. Они исходили, скорее всего, от коммунистов или левонастроенных жителей протектората. Так, некто Йозеф Вацлавик из Праги в письме Молотову от 31 июля 1939 г. (перевод с чешского) советовал: «Не следует забывать, что западные великие державы пойдут на альянс с Советами только по нужде. Советы не должны забывать, что западные мародеры обладают большой долей презрения к своему восточному союзнику. Отношение Москвы к западным союзникам должно быть приблизительно таким, как между торговцами. Поменьше западных визитов в Москве. С почтением и пр. С пожеланием больших успехов Йозеф Вацлавик»¹⁵.

Советско-германский пакт о ненападении.

Начало Второй мировой войны и новый курс Коминтерна

21 августа, незадолго до полуночи, германское радио, прервав свои передачи, сообщило о договоренности между правительствами Германии и СССР заключить пакт о ненападении. 22 августа эта новость появилась на страницах всей официальной прессы протектората. «В Праге вокруг киосков, продающих газеты, толпы народа, — сообщал Генконсул СССР В. Яковлев из Праги. — На улицах собираются группы людей, обсуждающих сообщения газет. Большинство уверяет друг друга, что сообщения газет не отвечают действительности; принимаются чехами с неодобрением»¹⁶. В другом его сообщении от 29 сентября говорилось: «Подготовка и заключение пакта СССР с Германией было воспринято в Праге с растерянностью и произвело на близкие СССР круги тягостное

впечатление. Когда стало известно о возможности заключения пакта, собралось (23 августа. — В. М.) неофициальное совещание чешского правительства с обсуждением отношения к пакту. Все министры высказались в том духе, что пакт ускорит события в Европе, лишь один Гавелка заявил, что пакт означает длительную гегемонию Германии в Европе. Из этого должна исходить политика чехов»¹⁷. Следует отметить, что немецкие оккупационные власти были заинтересованы в том, чтобы немедленно довести до сведения чешского населения факт заключения советско-германского пакта. Приказ цензуры от 24 августа подчеркивал не только возможность, но и желательность «как можно более скорого опубликования специального выпуска газет с этим сообщением», учитывая его значение «для международной ситуации, Рейха и Протектората»¹⁸. И действительно, печать протектората в последнюю декаду августа уделяла этому событию большое внимание, оценивая его в основном как серьезный успех германской внешней политики¹⁹.

Заключение советско-германского пакта о ненападении 23 августа и оценка Советским Союзом начавшейся Второй мировой войны как империалистической вызвали шок и недоумение как чешского подполья, так и чехословацкой политической эмиграции на Западе. В секретном сообщении немецкой службы безопасности от 29 сентября 1939 г. говорилось: «На чешские слои, враждебные Германии, пакт произвел удручающее впечатление... оптимизму чехов, который с мая по август непрерывно возрастал, был нанесен сильнейший удар»²⁰. Примерно в то же время нелегальное руководство КПЧ информировало в депеше, направленной К. Готвальду в Москву: «Мелкая буржуазия и частично рабочий класс пока еще дезориентированы в вопросе характера войны и политики Советского Союза»²¹. Наконец, Фирлингер, поддерживавший связи с родиной, сообщал Бенешу 26 августа 1939 г.: «Я должен сознаться, что не ожидал подобного радикального ответа Москвы на непрестанные оттяжки и закулисные переговоры со стороны западных держав... У меня было впечатление, что настроение тут решительное и что Москва хочет идти с Западом до самого конца. ... Очевидно, что пакт о ненападении, подписанный Москвой и Берлином, породил панику среди наших людей. Особенно официальный комментарий советской печати в связи с событиями будет непонятен нашей общественности. Внешне пакт выглядит, как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве»²².

Подпольная газета левого направления, в которой печатались и коммунисты, «Информационная служба национального освобождения», констатируя смятение и переполох, вызванные заключением советско-германского пакта «не только у нас, но во всем мире», вместе с тем призывала не поддаваться панике и подождать пока будущее покажет, «что этим СССР, собственно, хотел достичь». Газета призывала не верить нацистской печати, изображающей пакт как почти союзнический договор, а верить «себе, своему дорого оплаченному опыту, не терять головы» и видеть в немецком нацизме «открытого врага Европы номер один»²³. В специальном приложении к выпуску от 23 августа, посвященном заключению пакта и озаглавленном «Выстрел против Чемберлена», говорилось о необходимости противопоставить фантазиям и дезориентации «холодный анализ фактов и их взаимозависимости» и выражалось убеждение, что дипломатические советско-немецкие переговоры «не дают чехам никакого повода для беспокойства»²⁴. Старалась успокоить общественность и газета «В бой», которая советовала осторожно судить о пакте. Говорилось о пощечинах, нанесенных России поведением прибалтийских стран, Польши и Англии, что и продиктовало России необходимость «повернуться лицом назад и заключить с Германией пакт о ненападении», который был вынужден обстоятельствами. Пакт назывался «блестящим шагом советской дипломатии», от которого проиграет не Россия, а Германия²⁵.

В информации, направленной неизвестным корреспондентом чешской редакции московского радио 18 сентября 1939 г. из Праги и анализирующей настроения широких народных масс после подписания пакта, говорилось: «Заключение этого пакта было бесспорно тяжелым шоком для широких слоев, особенно непролетарских. Среди рабочих уже несколько дней спустя пакт оценивался совершенно разумно, хотя многие и из числа рабочих подпали под влияние геббельсовской пропаганды, которая непрерывно представляла этот пакт как союзнический и постоянно твердила о совместных действиях Берлин — Рим — Москва». Особенно дезориентированы были мелкобуржуазные слои. Следует обратить внимание, отмечал корреспондент, на одно суждение, которое имеет широкое распространение: «СССР до сих пор проводил моральную политику, чистую и ясную, а сегодня он уже этого не делает»²⁶.

Неоднозначно было воспринято заключение советско-германского пакта и чехословацкими коммунистами, которые также оказались в состоянии «растерянности умов». Сохранившиеся под-

польные коммунистические издания (газеты, листовки) позволяют сделать вывод, что нелегальное руководство КПЧ и актив партии защищали внешнеполитическую линию Советского Союза, стремились ее разъяснить. Представляется, что нелегальное руководство компартии было осведомлено о подписании советско-германского пакта и о возможном в связи с этим повороте в политике Коминтерна еще до 23 августа 1939 г. Скорее всего, в основе этой информации лежали слухи о секретных переговорах между СССР и Германией относительно заключения пакта, особенно интенсивно распространявшиеся во второй декаде августа, а также о состоявшемся (по некоторым сведениям) 19 августа совещании Политбюро ЦК ВКП(б) вместе с представителями руководства Коминтерна (Д.З. Мануильским и Г. Димитровым), где Сталин якобы заявил о том, что СССР склонен подписать пакт с Германией и что политика Коминтерна в будущем должна исходить из этого факта; возможно, сведения такого рода фабриковались и немецкими оккупационными властями, чтобы снизить накал усилившегося движения Соппротивления в Чешских землях. О том, что нелегальное руководство если не знало, то и не исключало возможность подписания пакта, свидетельствует, в частности, листовка, адресованная чешскому рабочему классу или (так в оригинале. — В. М.) чешскому народу и озаглавленная «Господин Риббентроп едет подписывать крах „Майн Кампф“, или „Дранг нах Остен“» не состоялся. Содержание листовки, по существу, предвосхищало все последующие заявления КПЧ по поводу пакта, внешней политики СССР и линии Коминтерна. В листовке сообщалось о подписании между Советским Союзом и Германией торгового соглашения и о намерении вести переговоры о заключении пакта о ненападении. «Многие из вас, — говорилось в листовке, — охвачены отчаянием: „это — конец наших надежд на свободу“, „большевики вступили в союз с фашистами“ и т. д. Ничего такого большевики не сделали». «Мы заявляем: сегодня свобода чехов ближе, чем была вчера». Авторы листовки утверждали, что «целью Советов является не допустить соглашения между Лондоном, Парижем и Берлином, направленного против Москвы», что «Москва готовится к решительному акту в Европе», что «победу одержит европейская социалистическая революция — народ — Советы», что «из этого родится новая свобода чехов, республика с правительством рабочих и крестьян»²⁷.

О подготовке к заключению советско-германского пакта говорилось и в другой коммунистической листовке, озаглавленной

«Советы делают английским капиталистам последнее предупреждение», датированной 23 августа²⁸. Поэтому, видимо, можно говорить, что пакт не был абсолютной неожиданностью для нелегального руководства КПЧ, уже 24 августа занявшего по отношению к нему четкую позицию одобрения и поддержки. Этот документ был затем опубликован в нелегальной газете «Руде право» (она начала выходить в августе) в конце сентября 1939 г. Нелегальное руководство компартии считало, что, заключив пакт, СССР «открыл дорогу своей собственной политике мира, защиты своих интересов, а также малых и угнетенных народов». Значение подписания пакта с точки зрения задач, стоявших перед чешским народом, оно определяло следующим образом: «Мы усматриваем в этом поступке СССР решительный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и вести ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики. Мы будем вести эту борьбу. Мы уверены в помощи международного рабочего класса и в поддержке Советского Союза»²⁹.

В других документах КПЧ осени 1939 г. (и более поздних) внешняя политика Советского Союза в этот период также оценивалась положительно, а пакт трактовался как «гениальный шаг», наносящий удар всему капиталистическому миру. «Между коммунизмом и нацизмом, — говорилось в листовке „К германосоветскому пакту“, датированной 16 сентября 1939 г., — нет мира, даже если непрестанно меняющаяся ситуация и требует каких-либо пактов... мы тверды в борьбе с нацистскими оккупантами»³⁰. Эта позиция нелегального руководства КПЧ, хотя и стала широко известна в Чешских землях из многочисленных подпольных изданий и устной пропаганды, сначала, видимо, не получила поддержки рядовых коммунистов. В депеше нелегального руководства КПЧ Готвальду 31 августа 1939 г. сообщалось: «Новая ситуация вызвала частично панику. Мы немедленно приняли меры к объяснению ситуации массам и к активизации борьбы против оккупантов. ЦК КПЧ выступил в связи с этим с двумя заявлениями»³¹.

Но положение компартии, ее работа в массах, агитация в пользу Советского Союза и разъяснение его политики осложнялись тем, что в Чешских землях курсировало множество самых разнообразных, подчас противоречивших друг другу слухов, широким фронтом и по разным направлениям шла обработка общественного мне-

ния. Официальные чешские власти Протектората Богемия и Моравия, одобряя советско-германский пакт, призывали народ к лояльности в отношении Германии и сотрудничеству с оккупантами. В кинотеатрах демонстрировались кинофильмы о «вечной дружбе» между Германией и СССР, об их растущем экономическом сотрудничестве, усилилась антикоммунистическая и антисоветская пропаганда правой части чехословацкой политической эмиграции на Западе, включившейся в начавшуюся здесь против СССР кампанию. Утверждалось, например (и нацисты не опровергали эти, возможно, ими же сфабрикованные «утки»), что Готвальд и Шмераль прибыли из Москвы в Прагу, что коммунисты установят сотрудничество с гестапо, что компартия будет легализована, а ее члены выпущены из тюрем и концлагерей, а в случае их включения в кампанию против Англии и Франции получают «теплые местечки». Вместе с тем СССР обвинялся в предательстве чешского народа, дела демократии, политики коллективной безопасности, в союзе с Гитлером во имя раздела мира³². Поскольку радиопередачи Запада в Чешских землях, несмотря на запрет, слушали многие, можно понять, насколько дезориентировано было общественное мнение.

Разброд в умах усилился в связи с началом Второй мировой войны, с оценкой ее характера Коминтерном и вытекающим отсюда изменением тактики коммунистического движения. В депеше, направленной в Прагу за подписью Секретариата ИККИ 8 сентября 1939 г., говорилось: «Современная война является войной империалистической, несправедливой, одинаковая вина за которую лежит на буржуазии всех воюющих стран. ... Война радикально изменила ситуацию. Разделение государств на фашистские и демократические утратило прежний смысл. В соответствии с этим должна измениться и тактика. Тактика коммунистических партий во всех воюющих странах в этот период состоит в том, чтобы выступать против войны, разоблачать империалистический характер войны... Коммунистические партии должны всюду перейти в решительное наступление против предательской политики социал-демократии»³³. 14 сентября в дополнение к этой директиве в Прагу ушла депеша, подписанная Готвальдом: «КПЧ использует теперешнюю войну для развертывания национально-освободительной борьбы чехословацкого народа. Она выступает против использования этой освободительной борьбы в империалистических интересах англо-французского военного блока, как это делают бенешевцы»³⁴. Заграничная акция Бенеша находится сегодня на службе

империалистов и врагов Советов. Поэтому не допускайте, чтобы национально-освободительное движение на родине было подчинено этой заграничной акции или ее поддерживало. От иноземного ига нас освободят не империалисты, Чемберлен и Даладье... а сам чехословацкий народ, объединившись с немецким и австрийским рабочим классом, свергнет Гитлера и добьется национального и социального освобождения. Советский Союз есть и останется единственным настоящим другом поработенных народов, в том числе и народов Чехословакии»³⁵.

Нелегальное руководство КПЧ обсуждало ситуацию, возникшую в связи с нападением фашистской Германии на Польшу, еще до того, как поступили депеши из Москвы³⁶. Отражением этих дискуссий стало, видимо, и сообщение, направленное Готвальду 10 сентября 1939 г., где, в частности, говорилось: «Точка зрения в нашем воззвании по случаю начавшейся войны: агрессором является гитлеровская Германия. Для нас это означает активизировать борьбу против главного врага, поддерживать борьбу против Гитлера, но в то же время резко отмежевываться от западной реакции... Важно, чтобы все стремились нанести поражение фашистскому агрессору. Долой империалистическую войну, да здравствует совместная борьба народов!»³⁷. В обращении в связи с началом войны³⁸, распространенном в виде листовки, говорилось, что пакт «сломает Гитлеру хребет», что «близится час нашего освобождения» и что наряду с польским и французским фронтом необходимо открыть третий фронт «против гитлеровской Германии — внутри страны» (т. е. в Чешских землях)³⁹.

Этот мотив (Германия — агрессор) исчезает из более поздних документов нелегальной КПЧ, приведенных уже в соответствии с линией Коминтерна и возлагающих ответственность за войну как на фашистскую Германию, так и на западные державы. В статье «Руде право» «Как мы должны вести свою борьбу за свободу. О внутреннем и заграничном сопротивлении» (она была распространена и в виде листовки) еще не содержалось резких выпадов против Бенеша, поскольку, как там отмечалось, не было ясно, действует ли он в согласии со всеми чехословацкими гражданами за рубежом или прежде всего с Осуским, Бехине, Шрамеком и Гождей (по мнению коммунистов, правыми представителями чехословацкой политической эмиграции), опирается ли он в своей деятельности на Чемберлена или на широкие слои английского и французского народов. Выдвигался лозунг «Никогда с реакцион-

ными кликами капиталистического Запада, а совместно с народом Германии и западных держав бороться за свою свободу». Однако, наряду с осторожными высказываниями в отношении Бенеша, уже сразу в ряде коммунистических листовок формулируется крайне отрицательная оценка его личности и деятельности, которая со временем становится преобладающей: «Бенеш — агент английских лордов и парижских банкиров, прислужник мирового капитала, которому вообще нет никакого дела до чешского национального освобождения»⁴⁰.

Среди части членов КПЧ ни советско-германский пакт, ни резко изменившаяся линия Коминтерна не вызвали сколько-нибудь большого удивления и растерянности. Это были коммунисты, по мнению чешского историка Й. Новотного⁴¹, прежде всего рабочего происхождения. Воспитанные на уважении к партийной дисциплине, они безоговорочно верили в правильность всего того, что делалось Советским Союзом, считали его пакт с Германией тактическим маневром, «ловушкой» для Гитлера и т. д. Колебания и сомнения в этой среде если и возникали, то довольно быстро рассеивались. Для оправдания и объяснения смены внешнеполитического курса СССР использовалась в основном аргументация, содержащаяся в официальных советских документах и коминтерновских материалах. Но поскольку она не всегда была убедительной и не позволяла «свести концы с концами», делались попытки и собственного толкования происходившего. Согласно информации коммуниста Б. Райцина, переданный руководству КПЧ в Москве, один из партийных функционеров объяснил заключение пакта «определенным изменением отношения к фашизму, точнее, к нацизму: опыт, дескать, показывает, что в нацизме содержатся некоторые элементы социализма, которые делают его нам ближе, чем западные капиталистические демократии»⁴². Появление таких взглядов Райцин объяснял демагогическими кампаниями, проводимыми нацистской печатью, которая широко оперировала социалистической фразеологией.

Подпольная остравская «Правда» в статье «Сильная Германия Молотова или законы советской политики» факт занятия Германией приоритетного места в интересах Советского Союза объясняла тем, что «она стала слабейшим звеном в цепи капиталистических держав, окружавших СССР», что «именно в Германии эта цепь будет разорвана, а немецкий пролетариат станет партнером СССР, создав новую советскую державу в Европе — в Германии». Свое-

образно истолковывались условия прочного мира в Европе⁴³: немецкий народ должен свергнуть существующий режим, создать другую Германию, социалистическую — советскую. Такая Германия будет сильной, такую Германию хочет СССР и Молотов, такую Германию хотим иметь и мы своим соседом». Далее следовал призыв содействовать разложению фашистского рейха, зажечь факел революции. «Чем меньше из тактических соображений может говорить Москва, — писал автор статьи, — тем больше должны говорить и особенно делать мы»⁴⁴.

В ситуации быстро менявшейся международной обстановки, дезориентированного общественного мнения коммунисты, действовавшие в подполье, должны были осмысливать новую линию Коминтерна на пролетарский выход из войны, на социалистическую революцию и приспособлять ее к условиям оккупированных Чешских земель. Задача эта была непростая и неблагодарная, потому что этой линии не понимали не только широкие слои населения (к тому времени наличие в протекторате антифашистского национального единства стало фактом), но и многие, и не только рядовые коммунисты. Райцин, например, указывал в своей вышеупомянутой информации, что «идеологическая сумятица, охватившая массы, неизбежно перекинулась на менее зрелых членов партии и даже на функционеров»⁴⁵. В оккупированной гитлеровцами стране, конечно, трудно было объяснить факт заключения советско-германского пакта, но еще труднее оправдать курс на поражение Англии и Франции в войне с фашистской Германией. Как писал Райцин, «с самого начала войны массы народа были охвачены желанием поражения нацистской Германии, и под влиянием бенешевцев, английских и французских радиопередач⁴⁶ желали победы Англии и Франции. Дело не в том, что они забыли о Мюнхене, — наоборот, Чемберлен и Даладье пользовались их „симпатиями“ чуть больше, чем Гитлер, — но они просто хотели, чтобы кто-то нанес поражение немецкому фашизму»⁴⁷, и единственной их надеждой в тот момент оставались западные державы.

Сыграла свою роль активная деятельность Бенеша и его сторонников на Западе по восстановлению Чехословацкой республики, с одобрением воспринимаемая в оккупированной стране. Здесь стал известен и ответ Чемберлена на упомянутую телеграмму Бенеша. Британский премьер, отметив, что «страдания чешского народа не забыты», писал о своей вере в то, что «победа принципов, во имя которых мы взяли за оружие, вызовет чешский народ из

чужеземного ярма»⁴⁸. В страну доходили слухи о формировании на Западе чехословацких легионов, образовании там Чехословацкого национального комитета и его усилиях по созданию временного чехословацкого правительства в эмиграции. Поэтому курс на поражение западных держав в войне с Германией, а также объявление Бенеша «врагом, находящимся на службе западного империализма», не могли встретить понимания ни в широких слоях чешского населения, ни даже среди рабочего класса. «Рабочие верили лишь английским и французским сообщениям, — писал Райцин, — день за днем утешали себя тем, что западные державы все же нанесут поражение Германии, опасались дальнейших немецких успехов. ... В этой сумятице наши аргументы не находили благоприятной почвы. Мы (коммунисты. — В. М.) плыли против течения»⁴⁹. О том же, собственно, говорилось и в сообщении Яковлева в НКВД 21 сентября 1939 г.: «Старые друзья СССР и круги бывших коммунистов полагают, что СССР предает дело интернационализма, не могут оторваться от психоза многолетней антигерманской политики СССР. Поворот выбил этих людей из колеи. В Генконсульство поступают письма (почти ежедневно), резко осуждающие новую политику СССР. Обвиняют нас в идеологическом союзе с фашизмом. Фашистская пресса использует эти настроения, протаскивая мысль, что коммунисты СССР бросили идею интернационализма и идут на выучку к фашистам»⁵⁰.

Видимо, осведомлен об этих настроениях был и Готвальд, который, выступая на заседании Секретариата ИККИ в конце ноября 1939 г. и анализируя положение в стране, отмечал, что в партии нет пока полной ясности в понимании политики Советского Союза, что тем более не готовы к ее пониманию массы и что этот вопрос требует еще разъяснений⁵¹.

Новый внешнеполитический курс СССР и крутой поворот в политике Коминтерна вызвали растерянность многих коммунистов не только в стране, но в эмиграции, главным образом на Западе. Что касается Заграничного руководства КПЧ в Москве, то оно в целом согласилось с новой линией (об этом свидетельствуют и депеши, направленные в тот период в Прагу), но между чехословацкими коммунистами в Москве единодушия по этому вопросу, видимо, не было⁵². Секретариат КПЧ в Париже, который возглавлял Я. Шверма, по воспоминаниям В. Широкого, не получал тогда никаких директив Коминтерна и московского руководства КПЧ, и чехословацкие коммунисты во Франции (как и в Англии) должны

были самостоятельно определить свою политическую линию, учитывая позицию французской компартии, а в Лондоне — соответственно компартии Великобритании⁵³. Заключение советско-германского пакта оказалось для коммунистов, как и для всей чехословацкой эмиграции, полной неожиданностью и поэтому, особенно сначала, вызвало бурные дискуссии, непонимание и даже протест. Свое несогласие с этим шагом советского правительства выразил находившийся тогда в Париже В. Клементис, за что и был исключен из партии с формулировкой: за измену Советскому Союзу, отступление от линии партии, Коминтерна и коммунистического движения, нарушение партийной дисциплины. Это было предпринято с согласия московского руководства КПЧ. В депеше, ушедшей в Москву из Праги 10 апреля 1940 г., говорилось: «Вило (Вильям Широкий вернулся в Словакию для ведения подпольной работы. — В. М.) сообщил словацким товарищам, что Клементис для нас перестал существовать. Просим дать точную информацию». Ответная депеша Готвальда гласила: «Клементис выступает против советско-германского пакта. Он был против Советского Союза и в вопросе о Финляндии (имеется в виду советско-финская война. — В. М.). Он — за войну на стороне англо-французского империализма против Германии. Он — за подчинение нашей партии Бенешу... Мы исключили его из партии»⁵⁴. Против пакта высказались во время дискуссии и некоторые представители коммунистической эмиграции в Англии⁵⁵. Однако в конце концов подавляющее большинство чехословацких коммунистов на Западе согласилось с новым внешнеполитическим курсом СССР, рассматривая его как «неизбежное зло», исходя из своей убежденности в правильности советской внешней политики и из представлений об обязанности коммунистов в любой ситуации становиться на защиту первого в мире социалистического государства, а также просто подчиняясь партийной дисциплине.

После заключения советско-германского пакта в обстановке развернувшейся антисоветской и антикоммунистической кампании (особенно во Франции), начавшихся массовых арестов коммунистов положение коммунистов-эмигрантов, в том числе и чехословацких, крайне осложнилось. Многие из них были интернированы, в том числе и Клементис. Но и в этих трудных условиях вера их в Советский Союз, в принципиальность его антифашистских позиций не исчезла. Один из единомышленников Бенеша Г. Рипка в своих записях о разговорах со Швермой 29 августа 1939 г. отметил

его слова о том, что «борьба против агрессоров продолжается», что «немецкий фашизм остается для коммунистов врагом номер один», что СССР «не вступил в союз с гитлеризмом и... будет и далее поддерживать борьбу чехословацкого народа против немецкого фашизма»⁵⁶.

Преодолев или глубоко запрятав сомнения, КПЧ в общем выразила доверие новому внешнеполитическому курсу Советского Союза. Факт определенной консолидации в рядах компартии фиксировали и немецкая служба безопасности, и пражская тайная полиция, в документах которых сообщалось, что заключение советско-германского пакта вначале осложнило и нарушило деятельность нелегальной КПЧ, но ей «удалось быстро преодолеть смтение в рядах своих сторонников и с успехом изобразить пакт как шаг к большевистской мировой революции»⁵⁷. Эта оценка подтверждается и содержанием многих коммунистических листовок, распространявшихся после вступления Красной Армии на территорию Польши и присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. В одной из них говорилось: «Продвижение границ СССР в нашу сторону — это сигнал Москвы: мы приближаемся... Вступление Красной Армии в Европу — это лишь начало. Следующие действия будут подобны землетрясению, после которого не останется ни Гитлера, ни Чемберлена, ни Даладые — восстание миллионных масс до сих пор угнетенных европейских народов»⁵⁸. В циркуляре подпольного руководства КПЧ для ее членов, одобрявшем советско-германский пакт, который «расстроил шулерские планы Англии и Франции в отношении Советского Союза», констатировалось, что в результате этой дальновидной политики границы СССР продвинулись на 500 км в Европу, что освобождены украинцы и белорусы, что «Советский Союз является победителем в Польше», а «гитлеровская Германия идет к своему краху, и наступает время революционных сил. Как только созреют условия, Советский Союз подаст немедленно Западу руку помощи и обеспечит победу социалистической революции. Попытка интервенции в социалистическую (будущую) Германию окончится не только полной победой немецкой революции, но и катастрофой западных империалистов». «Революции, победе Советов в Европе, — говорилось в циркуляре, — уже никто не воспрепятствует. Последняя победоносная для нас битва близится»⁵⁹.

Однако определенное преодоление разброда среди коммунистов, восприятие ими войны как империалистической с обеих сто-

рон, а также изменение стратегии и тактики мирового коммунистического движения, нацеленного теперь не на сплочение антифашистских сил, а на выход из войны путем социалистической революции, не содействовало решению главной на том этапе задачи — развертывания национально-освободительной борьбы чешского народа, объединению всех участвовавших в ней социальных слоев и политических течений, вело сначала к резкой критике, а затем и разрыву с некоммунистическим крылом антифашистского Сопrotивления во главе с Бенешем. Все это имело следствием изоляцию коммунистов, мешало завоеванию ими доверия широких народных масс, несмотря на то, что КПЧ по-прежнему, что констатировалось и в немецких документах⁶⁰, оставалась активнейшей силой в борьбе против оккупантов.

Курс СССР на альянс с фашистской Германией и начало Второй мировой войны вызвали острые споры и в рядах некоммунистического движения Сопrotивления как в оккупированных Чешских землях, так и за рубежом. Хотя появились и мнения крайне правого толка, особенно характерные для части чехословацкой эмиграции во Франции, в целом в кругах ответственных чехословацких политиков оценки советско-германского пакта были достаточно сдержанными. Первая реакция Бенеша и его сторонников на заключение пакта была изложена в послании начальника канцелярии экс-президента Я. Смутного в страну 24 августа: «Мы смотрим на новую ситуации весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта... наша тактика и действия останутся прежними, невзирая на меняющуюся ситуацию и развитие [событий]. Будем по-прежнему энергично готовить военное сопротивление и участвовать в войне против Германии на стороне того, кто бы ее не начал и не вел»⁶¹. Занять осторожную позицию в оценке пакта советовал Бенешу и Фирлингер. 26 августа 1939 г. он писал в Лондон: «Обвинять сегодня Москву в предательстве, по меньшей мере, чрезмерно... мы должны выждать, прежде чем сможем понять его (пакта. — В. М.) истинное значение и смысл»⁶². Того же мнения, видимо, придерживался и сам Бенеш, который был осведомлен о советско-германских контактах еще до подписания пакта. В его заметках о беседе с В.М. Молотовым 9 июня 1942 г. по этому поводу говорится следующее: «Я заметил далее, что об их (СССР. — В. М.) переговорах с Германией я знал уже весной 1939 г. и понимал это, поскольку видел, что творят Даладье

и Чемберлен; и я никогда их (СССР. — В. М.) действия открыто не критиковал и об этом открыто не говорил. ...я был уверен, что Советский Союз будет в войне на нашей стороне, поскольку я ждал нападения Германии на Советский Союз в любом случае. Молотов мне заявил, что они это также определенно ожидали, но хотели оттянуть [время] и подготовиться»⁶³. Отвечая на вышеуказанное послание Фирлингера, Бенеш писал 28 августа 1939 г.: «Советско-немецкий пакт здесь привел к сложной ситуации и некоей революции против Советов... мы должны выждать развития событий, прежде чем проявится общая ситуация... Я сам обо всем этом окончательного мнения еще не составил и все еще надеюсь, что сотрудничество с Советским Союзом, в конечном счете, сохранится и что Советский Союз нам поможет»⁶⁴. 1 сентября Бенеш в послании на родину так излагал свое мнение о пакте и новой стратегической линии Москвы на социалистическую революцию: «Советы полагают, что дальнейшее военное развитие в Европе нельзя предотвратить. Очевидно, они хотели вовлечь Западную Европу в конфликт с Германией и действовать таким образом, чтобы война началась прежде не против них, как в 1914 году, а между Западом и Германией, чтобы в течение какого-то времени стоять в стороне и чтобы иметь возможность вмешаться в подходящий момент в соответствии с собственным желанием и по мере необходимости. На слова Гитлера о том, что между Германией и Россией — вечный мир, не обращайтесь внимания. То, что Советы ожидают социальный переворот в духе своей политики, очевидно... Может статься, что здесь они просчитаются. Я думаю, что они неправильно судят о Западной Европе, как и в 1918 году, когда ожидали мировую революцию. Западная Европа в социальном и экономическом отношении еще достаточно сильна, и социальной революции будет весьма решительно противиться., в то время, как Польша, Германия и Центральная Европа находятся в гораздо более опасном положении»⁶⁵.

Ни начало Второй мировой войны, ни вступление Красной Армии на территорию Польши не изменили этих осторожных оценок. Более того, в наступлении Красной Армии на Запад, в том, что новые западные границы СССР оказались в нескольких десятках километров от Словакии, Бенеш усматривал возможность благотворного влияния на решение чехословацкого вопроса. Во время встречи с Майским 22 сентября 1939 г. он выражал пожелание, «чтобы советские войска дошли до наших границ». «Бенеш заявил,

что полностью понимает и одобряет наши действия в Польше, настойчиво просил урегулировать вопрос о Западной Украине таким образом, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. При этом он подчеркивал, что не имеет возражений против советской власти в Чехословакии, если только она будет свободна от германского ига», — сообщал Майский в Москву 23 сентября 66.

«Западный поход» Красной Армии

Следует сказать, что вступление Красной Армии на территорию сражающейся Польши и установление новых границ СССР хотя и не вызвали всеобщего одобрения, но приветствовались достаточно широкими слоями чешского населения, которое связывало с этим надежды на освобождение от немецкой оккупации. «Настроение в Праге, особенно после того, как стала известна демаркационная линия, превосходное, — значилось в сообщении Генконсульства СССР из Праги. — Говорят о первой зоне (наступления Красной Армии на Запад. — В. М.) Сталина, за которой последуют и другие, в том числе и Протекторат»⁶⁷. 21 сентября Яковлев писал в НКВД: «Сейчас, после вступления Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину, в кругах чешской интеллигенции, не отличавшихся ранее левыми взглядами, находится понимание советской политики. Некоторые в „шутку“ говорят, что они лишь завидуют белорусам и украинцам»⁶⁸. Старый «чешский легионер» Свобода, председатель чешской центральной торговой комиссии, в беседе с Яковлевым 27 сентября утверждал, что «среди его друзей теперь царит одно желание, именно, чтобы Красная Армия дошла вплоть до Кракова, создав этим общую границу с чехами. Наряду с этим, до сих пор многие не могут представить себе, куда и как далеко пойдет СССР в своей новой политике»⁶⁹. Анализируя настроения чехов в протекторате в связи с внешней политикой СССР («Выводы о настроениях, которые я Вам пишу, являются результатом ежедневных разговоров, которые нам всем приходится вести с самыми разнообразными слоями людей в Праге»), Яковлев писал в НКВД Александрову 1 октября 1939 г.: «Когда было опубликовано сообщение о демаркационной линии, делящей Польшу на две части через Варшаву, чехи, не скрывая, ликовали, расценивали эту линию, как линию будущей границы и говорили о политическом поражении Гитлера. Около карт, вывешенных на улицах Праги, собирались толпы че-

хов. Немецкие круги были очень сдержанны. Теперь в связи с установлением границы на этнографической линии (белорусы, украинцы) настроения изменились. Политически неподготовленные массы чехов и левобуржуазные круги жалеют, что СССР отказался от части Польши, в кругах, близких к компартии, это, наоборот, произвело лучшее впечатление. Акт СССР, отказавшегося по тем или иным соображениям занять территорию, населенную поляками, находит только понимание в близких нам кругах. Этот акт подрывает почву под ногами фашистской пропаганды, пытавшейся действовать на массы утверждением, что СССР встал на путь „красного империализма“. Эта идея под всевозможными соусами преподносилась немцами в чешской и словацкой печати»⁷⁰.

Настроения, о которых сообщал Яковлев, были особенно характерны для рабочих, что явствует, в частности, из приветствий и писем, полученных Генконсульством СССР по случаю 22-й годовщины Октябрьской революции. Всего их насчитывалось 165, в том числе 109 — из Моравской Остравы и 34 — из Праги. Их авторы выражали свои симпатии к СССР, веру в справедливость его политики, надежду на помощь в освобождении от немецкого ярма. В некоторых письмах содержалась просьба «оккупировать Чехословакию вашими войсками», «присоединить Чехословакию к СССР», оказать помощь для «обеспечения нашей пролетарской революции, которую мы готовим всеми силами», выражалась готовность «бороться за новую советскую Чехословацкую республику»⁷¹.

Коммунистические листовки той поры составлены примерно в таком же духе. Так, в одной из них, одобряющей «поход Красной Армии в Европу», говорилось, что СССР не мог допустить захвата Гитлером всей Польши и его укрепления на советских границах, что «приближение границ СССР к нам — сигнал Москвы чехам: мы приближаемся»⁷². Ожидание близящейся советской помощи было характерно, видимо, не только для определенных слоев трудящихся в силу их солидарности с первой страной Советов, но и для представителей других групп населения, к примеру левой части интеллигенции и офицерства⁷³. Оккупанты, уловив это радостно-приподнятое настроение части чешского населения, отдали распоряжение находившейся под их полным контролем официальной чешской печати не писать «о русском вопросе» на первых полосах и обойтись без собственных комментариев событий. Были конфискованы некоторые выпуски пражских газет за произвольное освещение этих событий. Оценочные статьи, одобренные немецкой

цензурой, писали о том, что «Россия и Германия, отодвинув на второй план идеологические разногласия, вступили на путь сотрудничества в интересах мира», отмечали, что новый советско-германский договор («О дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г.) «является дальнейшим логическим шагом после пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом»⁷⁴.

Наряду с одобрительными оценками факта установления новых западных границ СССР частью чешской общественности, наличествовал и негативный взгляд на происшедшее. Так, например, некоторые функционеры бывшей социал-демократической партии расценивали это как угрожающее «наступление большевизма в Европе», говорили о том, что «СССР предал борьбу против фашизма», что «диктатуры везде одинаковы» и т. д.⁷⁵ В упомянутом письме из Праги на московское радио говорилось о нарастании депрессии в связи с быстрым захватом гитлеровцами Польши и «удивлении действиями Красной Армии». Сегодня можно грубо разделить население на два лагеря, констатировал корреспондент. Представители одного утверждают, что Сталин надул Гитлера, что в конце концов СССР и Германия схлестнутся, что продвижение Красной Армии направлено прежде всего против Гитлера. Этот лагерь, считал неизвестный автор письма, подписавшийся инициалами К.К., составляют рабочие и симпатизирующие. Другой лагерь осуждает действия СССР, придерживаясь тезиса об оборонительном характере войны со стороны Англии, Франции и Польши (это мнение, по словам автора письма, разделяет большинство чешского народа). Главная особенность сегодняшних настроений — или настроений с момента заключения пакта о ненападении — это смятение и потеря ясной ориентации, констатирует автор корреспонденции. И хотя он отмечает, что «многое тут исправила небывалая активность компартии», но в то же время подчеркивает наличие большого замешательства в ее рядах и среди рабочих⁷⁶.

Сообщая в НКВД о событиях в Праге 28 октября 1939 г., Яковлев писал: «В массах трудящихся, и в первую очередь среди рабочих и значительной части студенчества, идеологическая дезориентация по отношению к политике СССР кончилась. ... Большую роль в укреплении и возвращении симпатий к СССР сыграла наша национальная политика в Прибалтике и выборы в Западной Украине и Западной Белоруссии. В руководящих кругах чехов происходит размежевание в отношении Германии. Премьер, генерал Элиаш, стал пользоваться репутацией ярого врага всяких усту-

пок немцам. ... К нашему Генконсульству, охраняемому сильными отрядами полиции, прорвав кордоны, нахлынула многотысячная волна демонстрантов. Они неслись (буквально) к нашим воротам с пением национального гимна. Около здания консульства толпа хором кричала: „Да здравствует Сталин!“, „Да здравствует СССР!“, „Хотим к СССР!“, „Долой Германию!“. Полиция оттеснила толпу, размахивая резиновыми дубинками» ⁷⁷.

Трудно сказать, какие настроения в чешском обществе тогда преобладали: прозападные или прорусские. Во время массовых демонстраций 28 октября 1939 г. провозглашались лозунги: «Долой Гитлера!», «Да здравствует Бенеш!», «Хотим Сталина!». Наряду с национальным гимном «Где мой дом» и песней «Гей, славяне» пели «Интернационал» и гимн Советского Союза ⁷⁸. Ясно одно, что симпатии к СССР чешского населения, подорванные новым внешнеполитическим курсом Москвы, начали постепенно восстанавливаться, о чем свидетельствовали не только советские и чешские, но и немецкие документы. В одном из них, сообщавшем о подготовке в Чешских землях к 21-й годовщине создания Чехословакии (28 октября 1918 г. — В. М.), говорилось: «Массе чешского народа... свойственна надежда на освобождение к 28 октября, переход протектората к Советскому Союзу, возвращение президента Бенеша». Как характерный для настроений чешского населения приводился пример: 17 октября город Табор оставила немецкая полицейская часть, и это явилось импульсом к демонстрациям, так как распространились слухи, что немцы покидают протекторат, а Красная Армия вступает в Чехию ⁷⁹.

О неоднозначных настроениях в стране была осведомлена чехословацкая эмиграция как в Москве, так и на Западе. 20 октября Фирлингер писал Бенешу: «Будет лучше, если мы станем сохранять публичную сдержанность в вопросе нашего отношения к Советскому Союзу», а 12 ноября подробно обосновал указанную позицию: «Хорошо бы избегать какой-либо критики советской политики и Советского Союза, который будет иметь в нынешних условиях сильное влияние на послевоенное устройство отношений в Центральной Европе» ⁸⁰. Бенеш также не склонен был к скоропалительным выводам и предпочитал выжидательную политику. 21 октября он сообщал в Прагу: «Что касается СССР, то предполагается, что он не вступит в войну на стороне Германии. Он будет проводить и далее свою нынешнюю политику, т. е. направленную на территориальные, политические и социальные перевороты в

свою пользу. Мы ожидаем, что в данный момент он поставит перед Германией вопрос об освобождении и ухода из Чехословакии (в чем экс-президент сильно ошибался. — *В. М.*)... Наша тактика должна состоять в поддержании равновесия между Англией, Францией, Россией и Америкой и воспрепятствовании тому, чтобы начался конфликт с Советами, как в 1918 году»⁸¹. В необходимости осторожности и сдержанности в оценках поворота во внешней политике СССР Бенеша убеждали и контакты с И.М. Майским. Я. Масарик так передавал Бенешу содержание разговора с последним 22 октября 1939 г.: «Хотя Майский был и очень осторожен в критике Германии, но было ясно, что он верит в ее разгром и что теперешняя акция России является временной и выжидательной тактикой»⁸².

Представляется, что на позиции Бенеша в ту пору оказывали влияние не только взгляды советского посла в Англии, но и позиция некоторой части английских политических кругов, близких к У. Черчиллю. Именно она была предпочтительнее для чехословацкого экс-президента, не доверявшего после Мюнхена Чемберлену и Даладье. Черчилль тогда склонен был к весьма взвешенной оценке внешней политики Советского Союза. Выступая по радио 1 октября 1939 г., он говорил: «Россия проводила холодную политику собственного интереса... То, что русские армии стоят на этой линии, было явно необходимым с точки зрения безопасности России от нацистской угрозы»⁸³. А позже в своих мемуарах Черчилль писал: «Невозможно сказать, кому он (советско-германский договор от 28 сентября 1939 г. — *В. М.*) внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. ... В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на Запад исходные позиции германских армий с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. ... Им (русским. — *В. М.*) нужно было силой или обманом оккупировать прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной»⁸⁴. В Гитлере, нацизме он тогда усматривал большего врага, чем в Сталине, коммунизме, что, в частности, следует и из его беседы с Майским 6 октября 1939 г. Именно потому, что свои взгляды Черчилль не скрывал и они были довольно широко известны, остано-

вимся на них подробнее, цитируя запись в Дневнике Майского: «Некоторые из моих (Черчилля. — *В. М.*) друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм». Вспомним о том, что в ранее упоминавшейся беседе с Майским 22 сентября 1939 г. Бенеш тоже говорил о возможности установления советской власти в освобожденной Чехословакии, а в беседе 21 ноября — о возможности ее вхождения в СССР на федеративных началах ⁸⁵. В упомянутой беседе Черчилль высказывался и в отношении советской политики в Прибалтике: «По существу же последние действия совпра (советского правительства. — *В. М.*) в Прибалтике соответствуют интересам Англии, ибо они сокращают возможный „лебенсraum“ Гитлера. Если балтийские страны должны потерять свою самостоятельность, то лучше, если бы они включались в советскую, а не в германскую государственную систему. К тому же включение этих стран в орбиту СССР соответствует тенденциям истории и географии, а стало быть, стабилизации и миру в Восточной Европе». Таково тогда было мнение будущего английского премьера, являющееся следствием его абсолютного неприятия гитлеровского нацизма как «большого зла» и предпочитавшего коммунизм и советский строй как «меньшее зло». «Основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают, — говорил он. — Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами. Бритпра (британское правительство. — *В. М.*) принимает наше (советское. — *В. М.*) заявление о нейтралитете как положительный факт, и только хотело бы, чтобы это был дружественный нейтралитет. ... Сталин сейчас играет большую игру и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?» ⁸⁶. В беседе с Майским 13 ноября 1939 г. Черчилль вернулся к оценке советско-германского пакта: «Ваш пакт о ненападении с Германией развязал войну, но я не в претензии на вас. Я даже доволен. Я давно уже чувствовал, что нужна война с Германией, без вашего пакта мы колебались бы, тянули бы, и, может быть, дотянули бы до того момента, когда уже не могли бы выиграть войны. А теперь мы ее выиграем, хотя это и будет нам дорого стоить» ⁸⁷. Таковы были тогда взгляды Черчилля, которые, как представляется, Бенеш не мог не учитывать, раскладывая собственноручный политический пасьянс. Он был на стороне анг-

лийской партии «войны» во главе с Черчиллем и против партии «мира» во главе с Чемберленом, которая, по представлениям единомышленника последнего Х. Вильсона, могла предложить Чехословакии в будущем лишь «стать членом германской федерации примерно на правах британского доминиона»⁸⁸. Черчилль же, согласно его заявлениям, не мыслил себе будущего мира без Чехословакии. К тому же он с большим уважением относился к Бенешу как к политику. Об этом, в частности, свидетельствовал тот факт, что по приезде чехословацкого экс-президента в Англию в его честь был устроен обед, на котором присутствовали 40 представителей английского политического истеблишмента во главе с Черчиллем, по словам Я. Смутного, «большая часть тех, кто создает английское общественное мнение». Черчилль в приветственной речи заявил, что «пока Чехословакия остается под ярмом, в Европе не будет мира», и обещал, что «пока жив, будет искупать тот ужасный грех», который был совершен в отношении Чехословакии. «Я не знаю, — сказал он, — как будут развиваться события, и не могу сказать, что Великобритания сегодня начнет войну за Чехословакию. Я знаю лишь, что будущий мир не будет построен без Чехословакии». При этих словах, по словам Смутного, у Черчилля текли по лицу слезы. Интересно отметить, что с согласия присутствовавших на обеде их выступления не были переданы печати. «Время чересчур напряженное, — записал Смутный, — и д-р Бенеш полагает, что следует действовать осторожно»⁸⁹. Так он и поступал, делая свои публичные заявления.

Рассудительность в оценке пакта и советской внешней политики была свойственна и многим другим представителям чрезвычайно разношерстной западной чехословацкой эмиграции. Ее парижский бюллетень сразу после заключения пакта писал: «Не стоит волноваться по поводу того, что произошло между Германией и Советской Россией, поскольку ни Россия, ни западные державы не сказали еще последнего слова»; «ситуация недостаточно ясна, чтобы ее можно было анализировать и кого-то осуждать»; подписание пакта не означает, что «Россия покинет европейские демократии и что она находится в едином фронте с Германией»⁹⁰. Последнее утверждение, видимо, было основано на заявлениях руководителей советской внешней политики о том, что советско-германский пакт «не является несовместимым с союзом о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом» и что переговоры с западными державами могли бы быть продолжены⁹¹.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Бенеш однозначно положительно и с полным пониманием относился к советско-германскому пакту и советской политике. Во-первых, он усматривал в пакте вред делу восстановления Чехословакии; во-вторых, он считал, что пакт осложнит возможность сплочения антигитлеровских сил на международной арене и в чехословацком обществе, в частности взаимодействие с коммунистами, что и произошло. 28 сентября он писал Фирлингеру: «Сотрудничество с коммунистами будет еще более затруднено, поскольку здесь (на Западе. — В. М.) к этому сейчас и в будущем страшно чувствительны»⁹².

Не только единомышленники Бенеша, но и его политические соперники в эмиграции придерживались осторожных оценок, анализируя советскую внешнюю политику и заключение советско-германского пакта. В частности, Ш. Осуски писал 26 августа 1939 г. в газете «Чехословацкая борьба» («Československý boj»): «Нельзя исключать мнение, что Советская Россия в своих собственных интересах будет вынуждена раньше или позже присоединиться к Англии и Франции»⁹³. Вместе с тем и среди сторонников Бенеша были люди, которые по крайней мере в частной переписке более резко и непримиримо оценивали заключение пакта. К их числу относился и Рипка, о чем свидетельствует его письмо Смутному от 29 августа 1939 г.: «Трудно понять, почему русские заключили пакт с Германией. Ведь от них никто не требовал, чтобы они прямо начали войну. Разве что они заключили пакт, будучи убеждены, что таким способом ускорят войну и одновременно отведут ее от себя. Если же Сталин думает, что в подходящий момент разожжет пожар социальной революции, то он ошибается. То, что он сегодня вступил в союз с Германией, лишило его всякого морального, политического престижа в европейском рабочем классе»⁹⁴. Среди чехословацкой эмиграции на Западе нередки были в тот период и антисоветские, антикоммунистические голоса: особенно этим отличалась часть высших армейских кругов и некоторые деятели национальных социалистов и социал-демократов⁹⁵. Впрочем, не они задавали тон в эмигрантских кругах, связанных с публичной деятельностью. Об этом свидетельствует, в частности, сообщение Фирлингера в Лондон 12 октября 1939 г.: «Слушаю сейчас регулярно чешские радиопередачи из Лондона... констатирую с радостью, что наше радио избегает принципиальной критики сегодняшней политики Советского Союза. Я знаю, что сам президент смотрит на вещи очень спокойно и хорошо взвешивает негативные и позитивные стороны нового развития»⁹⁶.

Такое же сдержанное отношение к политике СССР было, видимо, характерно в целом и для сторонников Бенеша в оккупированных Чешских землях, где, как уже говорилось, недоумение от заключения советско-германского пакта сочеталось с надеждой на то, что в создавшейся ситуации Москва, находясь в дружественных отношениях с Берлином, найдет возможность облегчить положение чешского народа, а в подходящий момент прийти ему на помощь. Эти настроения особенно усилились после присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и Западной Белоруссии и установления новых западных границ СССР. К такому выводу пришел чешский историк Б. Пекарек, изучив содержание 933 листовок (в том числе 525 некоммунистических) и 55 подпольных газет различной политической ориентации, в том числе 21 некоммунистической и 5, в издании которых участвовали коммунисты и представители других политических течений. Для нелегальных некоммунистических изданий антисоветские настроения осенью 1939 г. не были характерны⁹⁷. Комментируя заключение пакта, газета «В бой» называла его «блестящим» и «гениальным» «ходом советской дипломатии» и отмечала, что он более выгоден СССР, чем Германии. В одном из номеров в начале октября эта газета выступила с критикой необъективных оценок внешней политики Советского Союза: если антикоммунисты видят в пакте повод для нападок «на Россию, предавшую чехов и поляков и забывшую их», то коммунисты, стремясь «оправдать Россию, делают это так, что лишь вредят, а не содействуют делу». «Россия имеет свою собственную концепцию, — писала газета, — и не оглядывается при этом ни на интересы Германии, ни на интересы Англии... Как это понимать? Очень просто. Россия хочет, чтобы в Европе был мир. Однако не из-за альтруизма, а просто потому, что это соответствует ее интересам. В собственных интересах она остановила продвижение немцев на Восток, что более, чем англичан, удивило немцев». В другом октябрьском номере газета «В бой» оценивала советско-германский пакт как крах восточной политики нацистов⁹⁸. Весьма сдержанной, как представляется, была оценка пакта и премьером правительства протектората генералом А. Элиашем (он поддерживал контакты с Бенешем), который в интервью для немецкого официоза газеты «Новый день» («Der neue Tag») заявил лишь, что протекторат поддерживает точку зрения о том, что заключение пакта свидетельствует о победе внешней политики Германии, и подчеркнул, что «с чисто чешской точки зрения» привет-

ствуется экономический аспект немецко-русского сотрудничества: «Мы должны, поскольку включены в германскую империю, интересоваться тем, чтобы неисчерпаемые запасы сырья из СССР обогатили экономическую жизнь во всей империи, а тем самым и в Протекторате Чехии и Моравии»⁹⁹.

В начале октября 1939 г. Чешские земли залила «листовочная волна», которая не спадала и в ноябре. Листовки, как коммунистические, так и некоммунистические, имели один характер: обращение за помощью к СССР (в первых) или к России (во вторых). В этих последних, адресованных «товарищам и славянам», высказывалась и мысль о присоединении Чехословакии к СССР в форме протектората: «Мы — славяне и поэтому по праву требуем протектората СССР»¹⁰⁰. Представляется, что резкое изменение внешнеполитического курса Советского Союза, вызвавшее, особенно вначале, недоумение, а также вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии не оказали в целом негативного влияния на отношение чешского некоммунистического антифашистского лагеря к СССР. Возможная помощь ожидалась как с Запада (в связи с начавшейся войной), так и с Востока, особенно по мере того, как война западных держав стала обнаруживать свой «странный» характер. В письме, полученном Бенешем в ноябре 1939 г. от одного из видных деятелей некоммунистического крыла движения Спротивления, говорилось: «Вопреки пакту с Германией Россия у нас пользуется большой любовью. Пакт рассматривается как удавка, подготовленная Гитлеру русской стороной»¹⁰¹.

Представляется, таким образом, что колебания, сомнения, неуверенность в оценке внешнеполитической линии Советского Союза, резко критическое и даже негативное отношение к ней, свойственные после заключения советско-германского пакта в той или иной мере всем слоям чешского общества (в том числе рабочему классу и коммунистам), постепенно уступали место новой волне прорусских, просоветских настроений. «Кредит доверия» к Советскому Союзу одних слоев населения по классовым мотивам, других — благодаря традиционному чувству славянской взаимности, третьих — в силу полученного в период Мюнхена опыта был так велик, что ни советско-германский пакт, ни прочие внешнеполитические акции СССР того времени не могли погасить веру чехов в то, что помощь придет с Востока.

*Реакция словаков на пакт
и советскую внешнюю политику*

Что касается Словакии, то здесь положение было несколько иное: колебаний было меньше. Официальные власти безоговорочно одобрили советско-германский пакт и новый советский внешнеполитический курс¹⁰². Газета «Словацкая политика» («Slovenská politika»), орган словацкого правительства, 19 сентября писала с надеждой: «Немецко-русский пакт будет способствовать улучшению нашего международного положения»¹⁰³. Его подписание было торжественно отмечено в Братиславе. Словацкая армия приняла участие в «польском» походе вермахта. Это трактовалось как «кульминация справедливой борьбы за возвращение территорий»¹⁰⁴, аннексированных Польшей в 1920 и 1938 гг. Известному выступлению В.М. Молотова 31 октября 1939 г., в котором Германия характеризовалась как миролюбивое государство, стремящееся к скорейшему окончанию войны, а западные державы осуждались, как инициаторы военных действий, «Словацкая политика» (3.11.1939) посвятила передовицу под названием «Ясные слова из Москвы»¹⁰⁵.

Но некоторые антисоветски настроенные слои населения оказались застигнутыми врасплох. «Пакт вызвал в Словакии смятение. Пактом многие недовольны. Особенно вооружены против пакта сельские попы, представляющие в Словакии реальную политическую силу и заявляющие, что они — стена против коммунизма», — говорил в беседе с Яковлевым 8 сентября 1939 г. словацкий поэт-коммунист Л. Новомески¹⁰⁶. Оригинальное мнение о пакте, по словам Яковлева, высказал Новомескому шеф пресс-бюро словацкого правительства Я. Смерек, который «считает пакт важным и полезным», поскольку, дескать, «СССР намерен уничтожить компартии в Европе, но зато создаст общее полевание масс и этим добьется большевизации Европы». Ф. Дюрчанский, министр иностранных дел Словакии, и его круги, как считал Новомески, использовали пакт в своих интересах: «Из министерства иностранных дел был немедленно изъят матерый враг СССР Гарин-Михайловский, работавший там референтом русского отдела. На его место теперь Дюрчанский пригласил Лацо Новомеского, заявляя, что это будет приятно русским. Круги Дюрчанского наивно сожалеют, что нет в Словакии бывшего коммунистического депутата Клементиса и коммуниста-поэта Понивана (правильно — По-

ничана. — В. М.). Они были бы хорошими послами Словакии для СССР»¹⁰⁷. «Друзья СССР, — по словам Новомеского, — плохо понимают значение пакта и видят в нем направление (так в документе, видимо, правильно исправление. — В. М.) курса политики СССР».

Действующие в подполье коммунисты, единственная оппозиционная сила в стране, сначала действительно были дезориентированы. К тому же именно тогда в компартии, включая и московское руководство КПЧ, возникли неясности в вопросе о будущем Чехословацкого государства. Если еще летом 1939 г. необходимость его восстановления не подвергалась сомнению, то осенью 1939 г. об этом уже речь не шла. В принятом в ноябре 1939 г. совместном Воззвании коммунистических партий Германии, Австрии и Чехословакии о возрождении последней не говорилось ни слова, но выдвигалось требование полного и свободного права «на самоопределение австрийцев, чехов, словаков и поляков»¹⁰⁸. В связи с созданием самостоятельного государства большинство коммунистов Словакии высказалось против лозунга «За свободную Словакию в свободной Чехословакии и в новой Европе», рекомендованного ранее московским руководством КПЧ. Считая, что этот лозунг в сложившихся условиях не будет поддержан и поэтому «не годится для Словакии», они выдвинули требование борьбы «За свободную Словакию, против немецких оккупантов»¹⁰⁹. А осенью 1939 г. в связи с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР и приближением его границ к Словакии стал появляться лозунг «За советскую Словакию», получивший более широкое распространение несколько позднее и осужденный московским руководством КПЧ как сектантский. Однако от поддержки требования восстановления Чехословацкой республики оно также решило отказаться, что несколько позднее, в марте 1940 г., и было сформулировано в депеше, направленной Готвальдом в страну: «Наши предвоенные лозунги следует изменить. Лозунг „восстановления Чехословакии“ сегодня скрывает империалистические и антисоветские планы. Национальный вопрос сегодня стоит иначе, сводится к проблеме чехов и словаков. Мы решительно подчеркиваем, что для нашей партии действителен лозунг о полном праве на самоопределение для чехов и для словаков. Право на самоопределение означает право на самостоятельное государственное существование. Для чехов — бороться за восстановление национальной и государственной свободы. Для словаков — бороться за полный

суверенитет нынешнего Словацкого государства. Борьбой за право наций на самоопределение отличается наш путь от пути мирового империализма и Бенеша. ... Поэтому следует отказаться от старых лозунгов в отношении Словакии. Словацкое государство — реальная основа для борьбы за полную свободу словаков. Будущие отношения между чешским и словацким государствами являются вопросом самоопределения обоих народов и зависят от военных событий (и результатов — дописал Г. Димитров. — В. М.). Термин Чехо-Словакия следует толковать в этнографическом смысле и как выражение освободительного движения обоих народов»¹¹⁰.

«Западный поход» Красной Армии порождает надежды на ее быструю помощь в деле освобождения словацких трудящихся от ярма эксплуататоров. Прорусские настроения в Словакии осенью 1939 г. весьма усилились и охватили довольно широкие слои ее населения. Распространялись слухи, что вскоре Советская Россия займет бывшую Подкарпатскую Русь, Словакию, Моравию и Чешские земли («эти земли славянские, а славяне все должны быть вместе»). В одной из коммунистических листовок приветствовалось установление советской власти в Западной Украине: «Это — гениально продуманная политики великого Сталина... Именно эта политика вынудила первый раз отступить Гитлера, отказаться от востока и повернуть оружие против своих западных капиталистических союзников». Словацкий народ, говорилось в листовке, «от всего сердца приветствует праздник освобождения Западной Украины. Эта победа утверждает и словацкий народ в надежде, что придет и его день»¹¹¹. Среди части словацких правящих кругов, осознавших, что Гитлер не намерен предоставлять действительную самостоятельность Словацкому государству, а видит в нем лишь марионеточное образование, стала вызревать мысль о необходимости использовать Советский Союз как противовес укреплению германского влияния в Словакии. Отношения с СССР были поставлены на официальную ногу, когда в Москву в начале декабря прибыл словацкий посланник Ф. Тисо. На позитивное отношение к СССР словаков (кроме, может быть, немногочисленных тогда сторонников Бенеша) не повлияли, насколько известно автору из имеющихся в его распоряжении документов, ни советско-финская война, ни ликвидация чехословацкого представительства в Москве, чего нельзя сказать о настроениях чехов и чехословацкой эмиграции на Западе.

Советско-финская война

30 ноября 1939 г. СССР начал войну против Финляндии. Мировое общественное мнение было на стороне обороняющихся финнов, вооруженные силы которых оказывали яростное сопротивление частям Красной Армии. Мир захлестнула волна антисоветских настроений. 3 декабря представитель Финляндии в Лиге Наций потребовал созвать ее заседание для осуждения советских действий. Созданный в Париже Чехословацкий национальный комитет (ЧНК) во главе с Бенешем оказался перед нелегкой задачей: добиваться участия в заседании или отказаться от этого. При обсуждении указанного вопроса на заседании комитета 7 декабря Рипка изложил мнение Бенеша, считавшего необходимым осмотрительно подойти к принятию решения, поскольку «в будущем мы могли бы оказаться в достаточно неприятной ситуации хотя бы по отношению к России» (напомним, что тогда еще существовало чехословацкое постпредство в Москве). Слова Рипки дополнил генерал Р. Виест: «Д-р Бенеш сказал, что Заседание (Лиги Наций. — *В. М.*) выскажется против советской России, нейтралы будут скорее всего молчать, а мы оказались бы в ситуации только против России»¹¹². Принятое единогласно и направленное в Совет Лиги Наций «дипломатическое» решение ЧНК содержало извинения за невозможность по техническим причинам принять участие в заседании. В радиোগрамме на родину 8 декабря 1939 г. Бенеш сообщал: «В женеvском заседании ЛН (Лиги Наций. — *В. М.*) ЧСР не участвует. ... Обсуждение на заседании сведется к выступлению против России за ее нападение на Финляндию. По тактическим соображениям мы избираем тактику осторожную и выжидательную»¹¹³. Совет Лиги Наций исключил СССР из ее членов. Таким образом, Бенеш, по сути, остался верен своей политике: осторожность и исключение каких-либо действий, которые могли бы быть истолкованы как враждебные по отношению к СССР и негативно повлияли бы на его позицию в чехословацком вопросе.

Не поддался Бенеш и на давление, которое оказывалось на него в связи с развернувшейся на Западе, и особенно во Франции, антисоветской кампанией. Так, министр французского правительства Ж. Мандел (Mandel) в разговоре с Рипкой в феврале 1940 г. заявил: «Я полагаю, что для вас будет самым полезным, если общественность узнает, что на том или другом участке фронта находятся ваши солдаты. Это важнее, чем все остальное. И поскольку

сегодня какие-то части поляков участвуют в боях в Финляндии, было бы хорошо, если бы и вы как можно раньше послали прямо на фронт некоторые свои части»¹¹⁴. В ЧНК этот вопрос не обсуждался, но в печати появлялись (и, видимо, немало) заявления с резкой критикой политики СССР и в поддержку Финляндии. Находящийся в Англии чешский публицист К.Б. Палковский, в прошлом вице-председатель «Общества культурных и экономических связей с новой Россией», в связи с этим писал Бенешу в январе 1940 г.: «Прошу Вас, не можете ли Вы посодействовать тому, чтобы оставили хоть немного этот Советский Союз в покое, мы будем в нем когда-нибудь опять нуждаться. Приватно каждый может восхищаться Финляндией, как хочет. Я ею также восхищаюсь и желаю ей всего наилучшего, чтобы из всего этого счастливо вышли, но не следует об этом постоянно оповещать мир»¹¹⁵. Оправдывал действия СССР, опираясь при этом на советскую аргументацию их необходимости, Фирлингер¹¹⁶. В официально-сдержанной позиции в отношении советско-финской войны могли, по мнению Я. Немецка, играть роль и иные мотивы, кроме желания на всякий случай не раздражать Москву: все скандинавские страны после 15 марта 1939 г. заняли негативную позицию в вопросе дальнейшего существования чехословацких представительских учреждений. Первую скрипку в этом играла именно Финляндия, которая сразу же заявила о недействительности чехословацких паспортов и ликвидации чехословацкого постпредства¹¹⁷.

В эмигрантской печати на Западе появилось немало статей, осуждавших СССР и выражавших поддержку, хотя и символическую, Финляндии. Заодно резкой критике подвергалась политика Коминтерна и коммунистов. Так, Рипка опубликовал в газете «Чехословацкая борьба» (*Československý boj*) 16 февраля 1940 г. статью «Коммунисты на старой дороге», в которой говорилось: «Чешские и словацкие коммунисты изменили свою тактику. Когда Москва шла против Берлина, они включились в единый национальный фронт сопротивления нацистам... Когда же советская политика изменила свою ориентацию, заключив договор о дружбе с Третьей империей, Коминтерн, который давно является послушным орудием советской политики, приспособил свои инструкции к этому повороту». Заканчивая статью, Рипка писал: «Коммунисты советуют нам искать своего естественного союзника в Советском Союзе и надеяться на его помощь. Они требуют чересчур многого: мы должны отвергнуть тех, кто воюет против наших врагов, и по-

ложиться на тех, кто „нейтрально“ наблюдает за тем, как нацисты закабаляют, душат и губят наш народ?»¹¹⁸.

Можно констатировать, что среди чехословацкой политической эмиграции на Западе не существовало единства мнений в оценке советско-финского конфликта, но официальная позиция ее руководства в лице ЧНК и Бенеша всегда оставалась сдержанной. О том, как в чехословацких эмигрантских кругах на Западе в действительности оценивалась советско-финская кампания, свидетельствует послание на родину «СССР и Финляндия» (без подписи) от 14 марта 1940 г.: «Советская военная кампания против Финляндии показала, если даже делать осторожные выводы, что СССР плохо подготовил эту кампанию, т. е. что выбрал для нее плохое время с военной точки зрения, и что он просчитался, полагая, что Финляндия подчинится нажиму так, как это сделали другие государства под немецким нажимом... Советские военные операции против Финляндии не оправдали надежд и с военной точки зрения. Еще при вступлении советских войск на оккупированную территорию Польши раздавались критические голоса, касающиеся недостатков в организации советской армии, а также узкой и односторонней подготовки советского офицерского корпуса. Эти недостатки были также причиной неудач советских войск на финском фронте. С одной стороны находилась малая армия, но хорошо подготовленная, во главе с хорошим офицерским корпусом и защищавшая свою землю с энтузиазмом, в то время как с другой стороны советская армия наступала без воодушевления, и на всех ее действиях явно сказывались организационные недостатки и слабость командования. С трудом достигнутые успехи оплатил СССР огромными потерями»¹¹⁹. Эта оценка, скорее всего, исходила от представителей военных кругов чехословацкой эмиграции и была достаточно объективна, совпадая в основных чертах с суждениями современных российских исследователей проблемы.

Сдержанно оценивала войну в связи с указаниями цензуры и официальная пражская печать, хотя в сообщениях некоторых изданий о событиях в Финляндии просматривались антисоветские тенденции, а большинство газет выражали симпатии к ней помещением информационных статей об этой стране¹²⁰. Исполняющий обязанности советского генконсула в Праге сообщал в секретариат В.М. Молотова 29 января 1940 г.: «Настроения большинства чешского населения находится под влиянием англо-французской пропаганды. Московские радиопередачи на чешском языке не имеют

прежнего влияния и почти все чешские радиослушатели принимают лондонские и парижские передачи на чешском языке. ... Антисоветская пропаганда этих радиостанций имеет широкое распространение, и антисоветские настроения начинают проникать не только в мелкобуржуазные слои, но также в слои чешского рабочего класса. ... в вопросе финляндского конфликта отдельные слои рабочих стоят против коммунистов. Многие рабочие уже поняли сущность финляндского конфликта, но тот факт, что они не видят „быстрых успехов“ Красной Армии и усиленная антисоветская пропаганда с Запада удерживают в их сознании скептическое отношение к СССР и даже антисоветские настроения»¹²¹.

На страницах подпольной «Руде право» в это время появились статьи, резко критикующие развернутую на Западе антисоветскую кампанию. Советско-финская война воспринималась коммунистами не как локальный конфликт, а как начало столкновения между социализмом и капитализмом. В статье «Красная Армия освобождает Финляндию» (начало февраля 1940 г.) говорилось о помощи, которую «Советский Союз оказывает тяжело угнетаемому финскому народу против клики империалистических агентов, помещиков и капиталистов», приветствовалось установление правительства «выдающегося деятеля Коммунистического Интернационала, бывшего профессора хельсинкского университета Отто Куусинена», выражалась надежда на победу финского народа и Красной Армии. Было опубликовано приветствие ЦК КПЧ правительству Финской демократической республики¹²².

Определенные колебания в оценке советско-финской войны, видимо, наблюдались в Словакии. Об этом, в частности, свидетельствовала листовка Коммунистической партии Словакии, озаглавленная «О чем идет речь в Финляндии» и обращенная к прогрессивным, но «недостаточно разбирающимся в империалистической демагогии словакам». Говорилось о двоякого рода неясностях: во-первых, почему СССР использовал вооруженные силы против Финляндии; во-вторых, почему он не проявляет в Финляндии достаточную инициативу и напористость, излишне затягивая решение финского вопроса, что «наносит удар по престижу Советского Союза и вредит доброму имени Красной Армии». Далее следовали разъяснения по этим вопросам с позиций классового подхода к ним, излагались аргументы СССР и его предложения Финляндии, оцененные как справедливые, оправдывалась неспешность действий Красной Армии. «Но пусть никто не сомневается в том, — го-

ворилось в листовке, — что Красная Армия оправдывает возлагаемые на нее надежды. Ясно, что если это потребуется в интересах революции, то она в полной мере проявит свою легендарную мощь и свои блестящие способности». Подчеркивалось, что в Финляндии «устанавливается социалистический строй, строй братства народов, вечной свободы и счастья»¹²³. О «благородных» и «справедливых» действиях Советского Союза «по отношению к малому народу» говорилось и в листовке, распространяемой в Жилине в декабре 1940 г.¹²⁴.

Открыто враждебную позицию по отношению к СССР заняла сначала нелегальная газета левой части некоммунистического движения Сопротивления «В бой». В начале декабря 1939 г. она писала: «Россия, чтобы оправдать войну, использовала нацистскую терминологию. ... Мы симпатизируем Финляндии. Мы избавились от последней дружеской привязанности к России. Наш идол — славянская держава — завоевывает мир таким же способом, как пангерманизм». Затем следовали размышления о том, как будет развиваться советская политика и не дойдет ли дело до союза Германии и СССР с целью дальнейших завоеваний. В январском (1940 г.) номере той же газеты делалась попытка без инвектив разобрататься в причинах ориентации Советского Союза «на дружбу» с Германией, и немалая вина в этом возлагалась на политику западных держав («...английские капиталисты дождалась союза Германии и России, хотя этого никогда не ожидали. За ошибки английских капиталистов будет расплачиваться весь мир. Проверка русской силы в Финляндии пока свидетельствовала не в пользу России, и... Англия Россию уже не опасается. Она организует теперь все государства, чтобы после сведения счетов с Германией могла противостоять большевистской России»). В февральском номере (1940 г.) газеты появилась небольшая, но резкая заметка о ликвидации чехословацкого полпредства в Москве и признании Советским Союзом Словацкого государства де-юре, из чего делался вывод о признании Москвой оккупации Чехословакии: «Это, видимо, излечит последних большевиков у нас, если еще не излечило нападение на маленькую Финляндию и союз (СССР. — В. М.) с Германией». Но оценки газеты не отличались стабильностью в своем отношении к СССР: негатив сменялся позитивом, инвективы — надеждой на помощь. В мартовском номере (1940 г.), с одной стороны, Советский Союз осуждался за жесткие условия мира с Финляндией, которые отдали эту «изувеченную» страну «на ми-

лость Советам», проводились параллели с мюнхенской политикой Германии в отношении Чехословакии. С другой стороны, выражалась надежда, что СССР все же не является союзником Германии, а, наоборот, выжидает подходящего момента для столкновения с ней: «Удовлетворение Советов тем, как сегодня гарантирована защита Ленинграда, свидетельствует не об антифинской или антишведской, а об антинемецкой позиции»¹²⁵.

Таким образом, для чешской некоммунистической нелегальной печати, были, скорее всего, характерны критичность в отношении советско-финской войны, особенно на первом ее этапе, чередующаяся со стремлением понять истинные причины внешней политики СССР и надеждой на то, что он в конце концов выступит против Германии и сыграет важную роль в освобождении Чехословакии. Эти мотивы стали усиливаться параллельно с развязыванием Гитлером войны на Западе и стали очевидными после падения Франции. В депеше, полученной Готвальдом из Праги после заключения мира с Финляндией, говорилось: «Мирный договор с Финляндией здесь имел широкий отклик и вызвал большие симпатии к Советскому Союзу»¹²⁶. Весной снова стали шириться слухи о близком столкновении СССР с Германией, о шагах, предпринимаемых Бенешем для налаживания отношений с Москвой. В одной из листовок «Голос чехословацкого народа» в июне 1940 г., например, утверждалось, свидетельствуя о выдаче желаемого за действительное: «Наш президент господин д-р Бенеш посетил недавно Россию, чтобы, во-первых, оказать содействие сближению СССР и Англии и, затем, чтобы организовать сосредоточение и (договориться. — В. М.) о положении части нашей армии в СССР»¹²⁷.

Поворот в общественном мнении летом 1940 г.

Продолжающееся весной 1940 г. бездействие западных армий вызывало в чешском обществе, как в стране, так и за рубежом, беспокойство, опасения и горькую иронию. Особенно сильно на его настроение повлияло поражение Франции. Иллюзии о близкой свободе в результате победы западных держав над Германией рухнули. С одной стороны, это посеяло в оккупированных Чешских землях чувство безнадежности, пессимизма, апатии, усилило настроения в пользу лояльности в отношении Германии и конформизма, о чем оповещался и Лондон: «Трусливость правительства и

бюрократии (протектората. — *В. М.*) не могут не оказывать влияния на народ, который весьма наблюдателен, и хотя эту трусливость сам остро осуждает, но не настолько невосприимчив, чтобы не мог сам заразиться»¹²⁸. С другой стороны, снова начали крепнуть надежды на помощь с Востока, а СССР опять стал рассматриваться, как самая надежная и серьезная опора чешской борьбы за свободу. Еще в июне 1940 г. «Центральное руководство внутреннего сопротивления», организация, объединившая в протекторате все антифашистские политические силы, кроме коммунистов, сообщало в Лондон, что «во всех слоях народа опять начинают просыпаться надежды на СССР, от которого люди ожидают помощи», что всюду верят в возможность конфликта между Россией и Германией, в результате которого «нам снова удастся восстановить свою самостоятельность», что «симпатии к Советам проявляют и люди, занимающие высшие посты в администрации и видное положение в экономике, владельцы крупных состояний»¹²⁹.

8 июля 1940 г. представители некоммунистического Сопротивления отправили в Лондон другую депешу: «Для всех слоев характерно мнение, что только СССР может спасти народ. Те, которые отвергали Советы ранее, теперь предпочитают их власть медленной гибели народа от немцев»¹³⁰.

Коммунисты, очень воспрянувшие духом после поражения Франции, говорили о нем с явным восторгом. Так, передовая июльского номера подпольной «Руде право» начиналась словами: «Капиталистическая Франция — одна из сильнейших капиталистических держав — рухнула». Прогнозировался «приход раньше или позже социальной революции», который никто не задержит. «И если падает один из могущественнейших столпов мирового капитализма, — писала газета, — то у чешского народа нет доводов к сожалению. Наоборот, он видит, что пути капиталистического окружения Советского Союза все более решительно рвутся элементами нарастающего революционного кризиса»¹³¹. Ничего подобного тогда ни в мире, ни в Европе не наблюдалось, желаемое просто выдавалось за действительное в соответствии с новой линией Коминтерна на выход из войны путем пролетарской революции и в стремлении эпатировать прежде всего социально слабые слои общества, но не только их. Б. Райцин в своем докладе руководству КПЧ о настроениях в протекторате говорил о трех группировках среди симпатизирующих Советскому Союзу. Во-первых, это рабочие, любовь которых к СССР обусловлена классовыми мотивами

(они выступают за Советы, хотят и сами активно бороться и установить дома «новый порядок»). Во-вторых, широкие средние слои, которые видят в СССР друга и «любят его как славянское государство и хотят, чтобы пришли русские» (в тот период стал крылатым лозунг «Пусть нас возьмет Россия»). В-третьих, это люди, «которые никогда не отличались любовью к СССР и даже были его врагами», представители средних слоев и буржуазных кругов, не желавшие примириться с нацизмом, с германизацией, с национальным угнетением и говорившие: «Пусть уж придут русские (или большевики), они хоть и заберут у нас имущество, но оставят нам родной язык»¹³².

Не только падение Франции, но и другие события лета–осени 1940 г. оказали влияние на умонастроения чехов в стране и в эмиграции (о положении и настроениях в Словакии см. отдельную главу), в том числе события в прибалтийских странах, присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины. Как свидетельствуют имеющиеся в распоряжении автора документы, происшедшее не вызвало в чешском обществе резкого осуждения. В то время как, согласно сообщению Генконсульства СССР в НКИД, освещение этих вопросов в печати было очень сдержанным, «целиком информативным, без комментариев»¹³³, подпольная пресса оценивала новое расширение территории СССР весьма положительно с точки зрения перспектив национального освобождения Чехословакии. В упомянутом докладе Райцина говорилось, что эти события стали «большим импульсом для постоянно улучшающегося настроения народа и особенно отношения к СССР», что в пропаганде «шепотом» говорилось преимущественно о Красной Армии, о Советах и опять появилась масса фантастических слухов (Красная Армия идет в Румынию, Польшу, Закарпатскую Украину и даже в Словакию)¹³⁴. Депеша, полученная Готвальдом из Праги 4 июля 1940 г., гласила: «Иллюзии о Западе быстро исчезают. Действия Советов в Прибалтике и Бессарабии вызвали огромное воодушевление. В особом воззвании мы популяризируем политику Советского Союза»¹³⁵. И это было действительно так. Передовая в июльском номере «Руде право», озаглавленная «Красная Армия несет мир и свободу», преподносила события в Прибалтике в духе сообщений и оценок советской печати: «Мы радуемся счастью своих братьев в Литве, Латвии и Эстонии, посылаем братским народам свои горячие поздравления. Мы с воодушевлением поздравляем славную Красную Армию, которая еще дальше отодвинула на

Запад границы мира и свободы»¹³⁶. В августовском номере газеты в статье «Советы — единственное спасение» говорилось, что в освобождении Бессарабии, Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии «народ видит поддержку своей собственной освободительной борьбы и образ своего собственного близкого будущего»¹³⁷. Слово «народ» тут, видимо, было не случайно, поскольку надежда на то, что помощь в ближайшем будущем придет с Востока, охватили довольно широкие слои населения. В сообщении немецкой службы безопасности за сентябрь 1940 г. говорилось: «Надежды на будущее — Россия. ... Симпатии к Советскому Союзу проявляют сегодня как буржуазный, религиозно настроенный средний чех, так и атеистически мыслящий революционный марксист. Все преграды, ранее определяемые мировоззрением, по-видимому, преодолены во всем чешском лагере, кроме консервативного крестьянства, в связи с широкой политической верой в великую славянскую державу — Россию»¹³⁸. Те же мотивы звучали и в сообщении одного из видных деятелей подпольной организации пробенешевского толка «Защита нации» Балабана в Лондон в октябре 1940 г. Отмечая, что широкое распространение симпатий к Советской России вовсе «не свидетельствует о том, что большая часть населения склонна к большевизму», он вместе с тем считал, что «тех, кто предпочел бы большевизм сегодняшней ситуации, большинство», что позиция многих представителей состоятельных слоев определяется словами: «Лучше — к большевикам, чем под немцами потерять свой народ»¹³⁹. О том же, по сути, сообщал и Райцин московскому руководству КПЧ осенью 1940 г. Согласно его явно преувеличенному, но обозначившему тенденцию словам, «90% пражского населения не хочет ничего иного, кроме как прихода Красной Армии, вместе с которой хочет бороться за освобождение от нацистского ига»¹⁴⁰. Кроме того, социально слабые слои населения, как в Чешских землях, так и в Словакии, будоражили слухи о проводящихся на присоединенных к СССР территориях преобразованиях, направленных на улучшение жизни трудящихся: говорилось об экспроприации фабрик, о бесплатном разделе помещичьей земли между крестьянами, о повышении заработной платы и т. д. Все это подогревало русофильские и советофильские настроения, волна которых не опала и в начале 1941 г., что подтверждается информацией из Праги в Лондон, в которой в качестве довода этих настроений указывалось: «Москва не возьмет у нас ни язык, ни землю, а Берлин — и то, и другое. Форма власти изменится, но через 30–50 лет комму-

низма не будет (точность пророчества поразительна. — В. М.), а народ останется, в то время как при немцах он через 20 лет сгинет»¹⁴¹.

«Русская» политика Э. Бенеша

Важным событием лета 1940 г. стало признание 24 июля 1940 г. правительством У. Черчилля, сменившего Н. Чемберлена на посту премьера, Бенеша в качестве президента ЧСР и сформированного им временного чехословацкого правительства, английским представителем при котором стал Б. Локкарт. Это не могло не вселять уверенность в успехе дела восстановления Чехословакии после войны как в оккупированной стране, где, как отмечалось выше, росли прорусские, а у части население и просоветские настроения, так и в эмигрантских кругах на Западе. Возродилась надежда на улучшение отношений с Советским Союзом. Близкий к Бенешу социал-демократ Б. Эчер, опубликовавший в 1940 г. на французском языке книгу «Чехословацкая проблема (информация, анализ, заключение)», переведенную для служебного пользования в СССР, характеризовал позицию Бенеша по отношению к Советскому Союзу как «всегда положительную» и отмечал: «В октябре 1939 г. во время свидания с ним, отвечая на мой прямой вопрос, он сказал: придет момент, когда СССР объявит свою благоприятную позицию в вопросе восстановления нашей республики. Этот тезис он повторил недавно по случаю образования чехословацкого правительства в Лондоне и его признания Британским правительством»¹⁴². И все же отношение президента в это время к Москве не было ни простым, ни однозначно положительным, а наоборот — сложным и противоречивым, отмеченным постоянными колебаниями и маневрированием, что определялось многими факторами как международного, так и внутреннего порядка. Подъем русофильских настроений в стране, ожидание помощи со стороны великой славянской державы основывались тогда лишь на желании и надежде получить такую помощь: ведь Советский Союз пока не давал повода для вывода о возможности изменения своей внешнеполитической линии, по-прежнему нацеленной на союз с Германией и нейтралитет в войне. Находившийся в доверительных отношениях с Бенешем начальник его канцелярии в Лондоне Я. Смутны так оценивал (очевидно, как и президент) вероятные рассуждения России после поражения Франции: «Хотя Германия и победила Францию,

но над Англией до сих пор не одержала победу. Для нас, русских, важен вопрос, будет ли Германия и далее готовиться к вторжению в Англию или же решится лучше напасть на нас. Из этого для нас, русских, вытекает необходимость поддерживать Германию в ее действиях против Англии и попытаться устранить грозящую нам опасность. То есть политика, которую Россия до сих пор проводила, и далее была признана единственно правильной и пока успешной, и она решила идти этим путем дальше»¹⁴³.

Что ж, эти размышления, логически реконструировавшие поведение советского руководства в тех условиях, не были лишены оснований, но все же ощущение близящегося советско-немецкого конфликта становилось по мере развития событий все острее. Именно оно и послужило дополнительным толчком к всплеску русофильских и славянофильских настроений, которые, усиленные опасностью проводимой в протекторате активной германизацией, охватили самые широкие слои чешского общества и не могли не учитываться Бенешем и его окружением. В одном из писем Я. Смутного в конце января 1940 г. говорилось: «Во внешней политике определенные изменения бесспорного содержания произошли в связи с полным переходом России на сторону Германии, а следовательно, на сторону враждебного нам фронта. ... Несмотря на это, следует сохранять спокойное отношение к советской России, не упрекать ее в том, что произошло, поскольку 1) формально Россия не находится в состоянии войны с нашими союзниками Англией и Францией и, следовательно, и с нами, 2) до сих пор неизвестны также и мотивы всей советской политики. Поэтому мы должны изменение советской ориентации сегодня оценивать пока так: при нынешней конstellляции [сил] мы не можем рассчитывать на помощь советской России в реализации наших требований. Однако мы даем себе отчет в том, что советская Россия безо всяких сомнений своим союзом с Германией преследует цель революционизировать и коммунизировать не только Германию, но и всю Центральную Европу»¹⁴⁴.

Симпатии к Советскому Союзу в оккупированной стране, то несколько ослабевавшие, то набиравшие силу в зависимости от развития международных событий и внешнеполитических акций Москвы (например, визит Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. не вызвал одобрения, а негативное отношение СССР к балканской политике Германии воспринималось с воодушевлением), были характерны для чешского общества вплоть до нападения фашистской

Германии на Советский Союз, когда они достигли небывалой высоты. Все это, безусловно, было известно и Бенешу, поддерживавшему тесную связь с «домом», и не могло не отражаться на его «русской политике», рождая стремление к контактам, пусть даже и частного характера. С советским послом И.М. Майским сам президент, как уже говорилось, после ликвидации чехословацкого представительства в Москве не встречался. Но лица из ближайшего его окружения (Г. Рипка, З. Фирлингер, Я. Масарик, Ф. Моравец и др.) общались как с послом, так и с другими советскими людьми в Англии. Так что опосредованные контакты по различным поводам имели место. 6 февраля, например, с Майским беседовал, и видимо уже не в первый раз, с Фирлингером, который передавал ему могущие представлять интерес для посла сведения, полученные из Праги, и другую информацию. 4 апреля 1940 г. Майский принял бывшего чехословацкого военного атташе в Лондоне подполковника Я. Каллу, который, помимо прочего, пытался выяснить вопрос о возможности неофициального пребывания в Москве чехословацкого дипломатического представителя под видом журналиста, коммерсанта и пр. Калла обосновал свое предложение тем, что «отношение чехов к России не изменилось». Майский обещал передать эти предложения в Москву, а о ее политике, согласно записи беседы Каллы, заявил: «Неправда, что мы имеем договор с Германией. У нас руки не связаны, и мы не хотим их связывать в будущем. Мы не хотим быть втянутыми в войну и стали бы союзниками Германии лишь в том случае, если бы Англия и Франция напали на нас»¹⁴⁵. Рипка, по некоторым сведениям, 13 апреля 1940 г. сообщал о наказе, который ему якобы был передан советской стороной для передачи Бенешу: «...советское правительство продолжает поддерживать программу восстановления Чехословакии... приблизительно в исторических границах. Мы не должны дать себя обмануть агитацией Коминтерна»¹⁴⁶.

В Дневнике Майского в 1940 г. имеются лишь «глухие» ссылки на контакты с чехословацкими деятелями типа «из чешских источников сообщают», «чехи сообщают». Например, 20 января советский полпред записал: «Положение Бенеша довольно затруднительное. До сих пор политика его состояла в том, чтобы балансировать между англо-французами, с одной стороны, и сов[етским] пра[вительством], с другой. Теперь в связи с признанием Словакии Советским Союзом и лишением Фирлингера его официального положения в Москве, эта задача сильно усложняется. Бенеш боится,

что он будет „съеден“ Англией и Францией, в результате чего могут повториться ошибки 1914–1918 гг. Поэтому настроение у Бенеша сейчас довольно пессимистическое»¹⁴⁷. Неясно, то ли это комментарий Майского к полученной информации, то ли мнение самого информатора. После падения Франции Майский зафиксировал появление следующих настроений в чехословацкой эмиграции: «Они сейчас совершенно потеряли веру в союзников. Если раньше Бенеш, как он объяснял мне, хотел балансировать между союзниками на Западе и СССР на Востоке, то теперь чехословаки все больше жмутся к СССР и видят в нем свое единственное спасение. Они теперь готовы сказать: „Пусть будет советская ЧС, но ЧС!“»¹⁴⁸.

12 сентября в Дневник вклеен написанный от руки документ, озаглавленный «Беседа с Бенешем» и подписанный инициалами А.Р. Это — информация, подготовленная корреспондентом ТАСС в Англии Александром Ротштейном. Она, судя по пометкам красным карандашом, была внимательно изучена Майским и ввиду ее важности вклеена в Дневник¹⁴⁹. Начинается документ так: «I. Он меня вызвал, чтобы поставить Майскому два вопроса: 1. Нельзя ли пролить больше света на отношение советского правительства к чехословацкому временному правительству (подчеркнуто, как и далее, в оригинале. — В. М.); 2. Нельзя ли установить какой-нибудь неофициальный контакт с советским правительством, в какой угодно форме? Майскому как будто неудобно встречаться с ним лично». Далее говорилось о причинах, побудивших Бенеша «поставить эти вопросы именно теперь: он теперь признан главой чехословацкого государства... Он должен иметь собственную самостоятельную политику. Для этого ему необходимо знать отношение СССР к Чехословакии и к нему. Его линия остается неизменной: он не мыслит себе существование Чехословакии без дружбы с СССР. Об этом он говорил с Черчиллем и с королем, в присутствии Черчилля. Оба раза Черчилль категорически заявил, что ни в коем случае он не допустит конфликта с СССР...» Затем сообщалось о предложениях, полученных «людьми Бенеша» в «одной скандинавской стране», в Праге и Бухаресте от советских лиц, об установлении неофициальных контактов и направлении чехословацкой военной миссии в СССР. «Бенеш понимает, — говорилось в информации, — причины крайней сдержанности, с которой советское правительство относится к британскому правительству, но эта сдержанность не обязательно должна быть распространена на Чехословакию. Ни Че-

хословакия, ни он лично этого не заслужили (тут он перечислил все свои усилия с 1917 г. установить дружбу с СССР). Он находится в постоянном контакте со своей страной, получает ежедневно 20–30 писем и знает, что народ за него и за СССР. Вместе с тем, советское признание Словакии было горьким разочарованием для многих. Величайшей катастрофой для Чехословакии, против чего он боролся бы до конца, была бы советско-британская война. Если в результате нынешней войны в Чехословакии будет советская революция, и народ этого пожелает, он это примет и уступит место коммунистам. Советская Чехословакия будет все-таки Чехословакией, а под германским игом она не будет существовать вообще. Бенеш не менее четырех раз в течение беседы как будто случайно говорил, что он лично готов поехать в Москву, и несколько раз также заявил, что если бы чехословацкому временному правительству была бы дана возможность работать на территории СССР, оно могло бы туда переехать». Кроме того, Бенеш «жаловался на чехословацких коммунистов», которые разлагают армию, отрицал свою причастность к аресту британскими властями «т.т. Крейбих и Бейер». Пока не известно, сообщал ли Майский об этой информации в Москву, но официальной советской реакции не последовало. Возможно, косвенным отражением этого явилась активизация советско-чехословацких контактов по линии разведок в конце 1940 — начале 1941 гг. (о контактах советской и чехословацкой разведок см. специальную главу далее).

В октябре продолжались и, видимо, достаточно регулярные встречи Майского с Фирлингером, который по поручению Бенеша передавал послу интересующую его информацию. 2 октября состоялась очередная беседа, о которой Фирлингер записал: «Переданные мною информации Майского заинтересовали. ... На вопрос, в какой степени информации надежны, я ответил, что д-р Бенеш считает источник надежным». Разговор коснулся также чехословацко-польских отношений и политики поляков в отношении СССР. Фирлингер заявил: «Черчилль хочет повлиять и на поляков. Он явно не хочет, чтобы поляки и далее выступали против Советского Союза. ... Одновременно, однако, англичане нажимают на д-ра Бенеша, чтобы он достиг договоренности с поляками. Речь идет даже о федерации. Д-р Бенеш отмечает все, что было бы направлено против [Советского] Союза. (Об этом мы говорили с Майским уже раньше довольно подробно)». Разговор, и не в первый раз, велся о том, что будет в Европе после войны. Фирлингер заверил по-

сла: «...что касается Советского Союза, то д-р Бенеш намерен оставаться, как всегда, лояльным; он думает, однако, о будущем Чехословакии и поэтому считает своей обязанностью сохранять хорошее и лояльное отношение к Англии, которая включила сегодня восстановление Чехословацкого государства в свою программу»¹⁵⁰. 17 октября Фирлингер передал Майскому некоторые сведения из немецкого источника, касавшиеся состояния Красной Армии, а также о появлении немецких военных частей на территории Болгарии и Румынии. И снова в связи с предстоящими переговорами о возможной после войны чехословацко-польской конфедерации разговор касался польского эмигрантского правительства и советско-польских отношений¹⁵¹. 25 октября Фирлингер встречался в советском посольстве с Ротштейном и первым секретарем М.В. Коржем. Первый констатировал, что «наше сотрудничество начинает хорошо развиваться, поскольку Москва хочет во всем нам помогать». В обеих беседах затрагивались вопросы, касавшиеся положения в мире, политики Англии в отношении СССР: «Я сказал, что слышал, будто Форин Офис выражал желание сотрудничать, но СССР не проявляет никакой заинтересованности в политическом сотрудничестве». Корж проявил осторожность, сославшись при этом на Майского, когда собеседник предложил ему хотя бы раз посетить Бенеша, у которого постоянно «лежит на душе вопрос об отношении к СССР»¹⁵². В октябре же Фирлингер еще раз встречался с Коржем, теперь уже по поручению Рипки, передавая советскому посольству некоторую информацию, касающуюся международных событий, в частности фактической немецкой «оккупации» Румынии. Речь шла также о советско-английских, о чехословацко-польских отношениях, о необходимости в связи с последним непосредственных контактов Майского с Рипкой, на что последовал осторожный отказ со стороны советского дипломата¹⁵³. Майский получал информацию и о приготовлениях Германии к войне против СССР, в частности о предполагаемом строительстве автострады из Моравии в Польшу. «У меня сложилось впечатление, — записал Фирлингер после встречи с Майским 18 декабря 1940 г., — что вся информация о вероятных враждебных замыслах Германии против Советского Союза воспринимается советской стороной всегда серьезно, что с возможностью конфликта в будущем они считают»¹⁵⁴. На коллегии Министерства иностранных дел чехословацкого правительства в это время неоднократно рассматривался вопрос о внутреннем положении СССР, о существующих якобы

противоречиях в его руководстве. По словам Рипки, «в Москве идет борьба между теми, кто против Германии, и теми, кто против Англии. Борьба внутри политбюро и внутри партии продолжается. Уже только по этой причине Сталин будет, вероятно, маневрировать, чтобы избежать конфликта»¹⁵⁵.

В начале 1941 г. чехословацко-советские контакты в Лондоне по-прежнему имели место: Фирлингер встречался с Майским¹⁵⁶, Рипка с Ротштейном. Говорилось о том, что советско-чехословацкие отношения во многом определяются отношениями между СССР и Англией, и о том, что после прихода в декабре 1940 г. в Форин Оффис А. Идена можно надеяться на их улучшение. Ротштейн, в частности, скептически отнесся к этой возможности и заявил: «Нам остается единственная надежда: что нас с англичанами сблизит Гитлер», и далее: «Гитлеру после катастрофического провала в войне с Англией не остается ничего иного, как повернуть чем скорее, тем лучше против СССР. ... Мы хорошо информированы о приготовлениях, которые Гитлер проводит против нас». Корреспондент, по словам Рипки, подчеркнул, что «отношение Москвы к нам не является негативным», что «тон советской печати и радио по отношению к чехословацкому народу остается дружеским». Рипка парировал ссылкой на вовсе не дружественные статьи в коммунистической печати, изобилующей нападками на Бенеша, и добавил, что «не понимает, как Москва может быть так близорука, не осознавая принципиального значения Чехословакии в Центральной Европе и для СССР». Он высказал опасение, что «красная Москва также мало осознает наше международное значение и стратегическую нашу ценность для России, как и царская Москва». После слов Рипки о том, что нынешняя политика СССР дезориентирует даже рабочих-коммунистов в оккупированной стране, Ротштейн, как следует из записи беседы, сделал «интересное замечание», заявив, что «я (Рипка. — В. М.), дескать, был бы удивлен, как эта политика дезориентирует и советский народ. Это — только безграничное доверие, которое народы Советского Союза питают к государственной дальновидности Сталина и которое пересиливает критику этой политики». Рипка подчеркнул, что, невзирая на поведение коммунистов, «необходимо, чтобы и в дальнейшем отношения между Советским Союзом и Чехословакией были дружественными»¹⁵⁷.

Эту же позицию озвучил Рипка и на заседании Государственного Совета 7 марта 1941 г.: «Для нас и для других народов нашего

региона главным врагом является Германия. Политику, направленную против России, мы не станем проводить, если Россия не выступит против нас. Мы будем стремиться к дружественным отношениям с Россией, хотя и не знаем, удастся ли это. Мы полностью понимаем польскую точку зрения. Поляки подверглись нападению. Мы приветствовали бы попытку польской стороны урегулировать споры с Россией. Насколько можем, мы готовы помочь»¹⁵⁸. Несмотря «на прежние предубеждения» английского премьера против России о желании договориться с ней говорил и Бенеш в беседе с Черчиллем 18 апреля 1941 г.¹⁵⁹. А примерно за месяц до нападения гитлеровской Германии на СССР состоялась беседа ответственного работника чехословацкого МИД Я. Крауза с М.В. Коржем, в которой первый секретарь советского посольства отметил отсутствие какого-либо прогресса в советско-английских отношениях: «Черчилль не оправдал советских надежд, — значит в записи беседы. — Он является представителем классовой политики и антирусского направления, как и его предшественник. ... Россия в нынешней ситуации стремится обеспечить прежде всего свои государственные интересы, а идеологические вопросы имеют для нее второстепенное значение». Корж раздраженно говорил об английской печати, которая «стремится нагнать страх на Россию, указывая на наличие 90 [немецких] дивизий на ее восточных границах. В действительности их 108, и у России не бежит мороз по коже. Гитлер подумает, прежде чем напасть на государство, географическая конфигурация которого препятствует его завоеванию и которое в военном отношении готовилось к этому многие годы». Советский дипломат, согласно записи беседы, подчеркнул, что «Советский Союз полон решимости продолжать политику нейтралитета и не вступит в эту войну ни на немецкой, ни на английской стороне. Он (СССР. — В. М.) не верит в возможность немецкого нападения, а если бы это произошло, то намерен защищаться. Это — империалистическая война, в которой социалистический союз так же далек от одной стороны, как и от другой. ... Главной проблемой союза является сохранить мир для 200 миллионов людей и единственное в мире социалистическое государство»¹⁶⁰.

Так, согласно ныне известным документам, выглядели советско-чехословацкие отношения в последний год перед нападением гитлеровской Германии на СССР. И та, и другая сторона, несмотря на формальное их отсутствие, старались сохранить, насколько это было возможно, подобие дружественных контактов. Однако суще-

ствовали и факторы, сдерживавшие эти стремления и заставлявшие, в частности Бенеша, быть чрезвычайно осторожным в своем отношении к СССР, а иногда и обозначать шаги к отступлению от намеченной линии. Как ясно из вышеизложенного, Бенеш очень внимательно следил за тем, чтобы его политика в отношении России не расходилась кардинально с английской политикой в этом вопросе. Отсюда — постоянное обращение к анализу развития советско-английских отношений. Это и понятно, ведь чехословацкое правительство находилось в Лондоне, Англия являлась единственной страной, признавшей его пусть и в качестве временного, а чехословацкое государство, на континуитете которого настаивало правительство, объявило себя союзником западных держав в войне против Германии. В послании своим сторонникам на родину 19 августа 1940 г. Бенеш писал: «В настоящее время только Англия поддерживает нас в международном плане и содействует практически нашему заграничному сопротивлению... Поэтому мы не можем делать с Россией то, что поставило бы под угрозу наши отношения с Англией. Черчилль ни в коем случае не хочет идти против России, наоборот, рассчитывает на сотрудничество. Мы хотим, чтобы и наше сотрудничество с Советами шло параллельно развитию сближения Советов и Англии»¹⁶¹. Вместе с тем, подчеркивая линию на сотрудничество с Англией, Бенеш отмечал: «Мы — не прихвостни и не рабы, мы — с каждым, кто против Гитлера. Если они (Советы. — В. М.) пойдут против Гитлера, мы будем с ними сотрудничать»¹⁶².

И еще был фактор, который, как представляется, сдерживал Бенеша в его практических шагах по налаживанию контактов с советской стороной. Это понимание того, что если для Чехословакии взаимоотношения с СССР в тот период являлись одним из краеугольных камней ее внешней политики, то для Советского Союза чехо-словацкий вопрос был одной из многих составляющих, причем далеко не самой главной, его внешнеполитической линии. Бенеш был реалистом в политике и всегда учитывал это обстоятельство при построении своих внешнеполитических концепций. 7 октября 1940 г. он сообщал на родину: «Я не строю никаких иллюзий относительно желаний и возможности в скором времени вмешаться и помочь нам. Прошу, чтобы у Вас их также не было»¹⁶³. Более подробно Бенеш характеризовал политику Москвы в ноябре 1940 г., анализируя итоги визита В.М. Молотова в Берлин. Он отмечал, что «со стороны Советов это (визит Молотова. —

В. М.) и сегодня не означает переход на сторону „оси“, не означает отказ от эгоистической русской политики, которая внешне выглядит, как нейтральная, один раз делая реверанс в сторону Берлина, другой — Лондона, причем всегда дает ... понять, что они ближе Берлину». Объясняя причину такой политики, Бенеш считал, что, во-первых, Россия «боится сегодняшней огромной военной силы Германии, хочет, по крайней мере в ближайшее время, избежать конфликта с ней и делает вследствие этого ей тут и там уступки», во-вторых, «не верит, что Англия проиграет войну и будет совершенно обессилена. Но относится к ней с прежним недоверием, характерным для последних 20 лет, и особенно времени Чемберлена. Кроме того, полагая, что в Германии в любом случае произойдет революция, которую Россия, вероятно, поддержала бы, «она боится, что буржуазная Англия выступит против этой революции». Поэтому Бенеш считал, что Советский Союз будет постоянно и долго лавировать, желая затяжной войны, истощения ее участников и наступления континентальной революции, «в которую имеет силы и желание вмешаться».

Характеристика внешней политики СССР того периода и ее побудительных мотивов была в целом достаточно точной, и, исходя из нее, Бенеш реалистически оценивал отношение Москвы к чехо-словацкому вопросу: «На нас она (Россия. — *В. М.*) не будет обращать особого внимания, мы для России — фактор хотя и не незначительный, но второстепенный, так же, как это было во время последней войны (т. е. Первой мировой. — *В. М.*) для царизма. Для царизма мы были чересчур левы и демократичны, для Советов будем эвентуально чересчур правы, буржуазно отстали и лишь национально-революционны. ... В общеевропейском плане их политика по отношению к нам определяется географией». Поэтому Бенеш рекомендовал своим сторонникам в стране «не ломать голову» над действиями России. «Если выиграют Англия и Америка (в это время обозначилась возможность вступления США в войну против Германии. — *В. М.*) и мы с ними, — небезосновательно считал он, — то Россия опять будет поддерживать нас, поскольку Советы не отважатся идти против них, как сегодня не отваживаются идти против Германии». Исходя из этого, Бенеш не оценивал тогдашнюю политику СССР в чехо-словацком вопросе «ни как благоприятную, ни как катастрофическую» и, понимая ее умом, естественно, не одобрял сердцем. С горечью он отмечал, что «даже наши рабочие» не могут забыть компромиссов Советов с Гитлером,

поездки Молотова (в Берлин), признание Тисо и Туки (идеолог фашистского крыла Словацкой народной партии), «отказ от советского мартовского заявления относительно ЧСР (советская нота от 18 марта 1939 г. — *В. М.*) без нашей к тому вины», «высылку нашего посла из Москвы, в то время как Англия и особенно США наших послов сохранили». Бенеш также сетовал на крайне сдержанное, если не негативное отношение «к нам» советских учреждений в Лондоне. Говоря, что «все это нельзя забывать», он в то же время подчеркивал, что «мы ни в коем случае ни в чем не пойдем против России»¹⁶⁴.

Оценка советской внешней политики того периода как эгоистической и расчетливой, неискренней и конъюнктурной по отношению к малым государствам содержалась и в неоконченном аналитическом исследовании начальника канцелярии Бенеша Я. Смутного (конец апреля 1941 г.). «Из единства линии, которую Россия начала в своей политике 26 (правильно 23. — *В. М.*) августа 1939 г. и которой следует до сегодняшнего дня, — писал он, — можно сделать вывод, что она будет следовать ей и дальше. ... Русские думают, что путем экономических уступок, периодических угроз и последующего доказательства своей гипердобротой воли и важности отвратят Гитлера от его явных намерений повернуть на восток». Оценивая, в частности, действия СССР в период агрессии Германии против Югославии, Смутный писал, что, желая «скорее исправить плохое впечатление от нескольких своих шагов, которые могли бы повлиять на немцев», Россия, «невзирая ни на какую этику и мораль, отказалась признать югославского посланника, с которым еще несколько дней назад ночью спешно подписывала пакт о дружбе, и заявила, что король и правительство государства, оккупированного немцами, перестали быть властью, и поэтому разорвала с ними отношения»¹⁶⁵.

Оценка советской внешней политики как особо не заинтересованной в решении чехо-словацкого вопроса, несомненно, являлась одной из причин колебаний и непоследовательности самого Бенеша в реализации курса на сотрудничество и с западными демократиями, и с Советским Союзом, позднее (в 1943 г.) вылившегося в формулу: «...Опирайтесь на 50% на Восток и на 50% на Запад, а не на 100% на Запад»¹⁶⁶. Но существовал и еще один фактор, порождавший сдержанность Бенеша в его «русской» политике: он опасался агрессивной коммунистической идеологии с ее экспроприаторскими и уравнилельно-распределительными тенденциями,

грозящими смести все наработанное до сих пор цивилизацией. Он боялся вытекавших из этой идеологии экспансионистских устремлений Москвы, нацеленных сначала на разжигание и поддержку мировой революции, а затем установление социалистического строя советского образца. Бенеш не без основания полагал, что ядовитые семена «большевизма», упав на подготовленную войной и пауперизацией широких народных масс социальную почву, особенно в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, могут дать буйные всходы. Ему было хорошо известно, что именно в этом направлении работали коммунисты в оккупированной стране. Являясь активнейшей антифашистской силой, они в то же время в соответствии с линией Коминтерна держали курс на социалистическую революцию. Подпольная «Руде право» писала в передовой статье «Уроки первого года нынешней империалистической войны»: «Сегодня существует лишь единственный действительный выход для чешского народа: национальная и социальная свобода, социалистическая система по примеру единственной свободной страны, страны Советов! Единственным законным и способным руководителем чешского народа на пути к свободному и счастливому будущему является чешский рабочий класс со своей бесстрашной коммунистической партией. ... Наша свобода будет либо социалистической, либо никакой!»¹⁶⁷. Широко распространенные русофильские настроения подпитывали и коммунистические лозунги о присоединении «социалистической Чехословацкой республики» и «советской Словакии» к СССР. Бенеш, невзирая на все нападки на него со стороны коммунистов, не отвергал возможности сотрудничества с ними. Но, конечно, он не был и не мог быть, несмотря на некоторые конъюнктурные заявления, например в беседе с Майским осенью 1939 г., сторонником установления в возрожденной Чехословакии социалистического строя советского образца, а тем более присоединения своей страны к СССР. Вместе с тем, будучи уверен в возможности социальных взрывов, революционных потрясений в послевоенной Европе, в том числе и в Чехословакии, Бенеш считал неизбежным и необходимым глубокое радикальное преобразование общества и строя, существовавших до войны. Об этом он неоднократно заявлял и в своих выступлениях, и в посланиях на родину, а несколько позднее изложил свои взгляды в книге «Демократия сегодня и завтра»¹⁶⁸. В обобщенном виде его представления о направлении и результатах предстоящих преобразований сводились к следующему: «Я полагаю, — писал он

своим сторонникам в Праге 7 октября 1940 г., — что наша республика выйдет из всего этого в социальном плане весьма радикализированной, политически глубоко изменившейся, но все же лишь как логическое, ясное и сознательное продолжение первой республики»¹⁶⁹.

Все отмеченные выше обстоятельства и факторы, а также колебания международной конъюнктуры, взаимно переплетаясь и накладываясь друг на друга, создавали сложный фон отношений Москвы и чехословацкой политической эмиграции на Западе в последний год перед нападением гитлеровской Германии на СССР.

¹ Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Díl 1. Praha, 1966. S. 111 (далее — ДНЦР).

² Ibid. Díl 2. S. 595.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 81.

⁴ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S. 219, 266.

⁵ См.: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М., 1995. С. 25–61.

⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 16. П. 33. Д. 4. Л. 147.

⁷ Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Československa do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Praha, 2002. S. 181.

⁸ V boj. Edice ilegálního časopisu. I díl. 1939. Svazek 3. Praha, 1992. S. 427–429.

⁹ Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. № 1. S. 73, 74.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 33.

¹¹ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 115.

¹² Там же. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 86.

¹³ Центр хранения историко-документальных коллекций (ранее — Центральный государственный особый архив). Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 356. Ныне передан Российскому государственному военному архиву (РГВА) (далее — РГВА, ЦХИДК).

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 122–123.

¹⁵ Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 27.

¹⁶ Там же. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 4–5.

¹⁷ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 190–191.

¹⁸ Там же. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 48.

¹⁹ Там же. Л. 2–7.

²⁰ Цит. по: *Odboj a revoluce. Zprávy. 1966. № 4. S. 98.*

²¹ *Děpeše mezi Prahou a Moskvou 1939–1941 // Příspěvky k dějinám KSČ. 1967. № 3. S. 394 (далее — Дёпеše).*

²² *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl I. Praha, 1998. S. 76–77 (далее — ČSVDJ).*

²³ *Informační služba národního osvobození. Č. 14. Uzavěrka. 23.08.39 (АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 34. Д. 6. Л. 27, 82).*

²⁴ *Ibid. Zvláštní příloha k č. 14. 23.08.39 (Там же. Л. 84).*

²⁵ *V boj. Svazek 4. S. 476.*

²⁶ *АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 34. Д. 6. Л. 72.*

²⁷ *РГВА, ЦХИДК. Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 172.*

²⁸ *Rudé právo. 1939–1945. Praha, 1971. S. 34.*

²⁹ *Ibid. S. 32.*

³⁰ *РГВА, ЦХИДК. Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 420.*

³¹ *Děpeše. S. 388.*

³² *Reicin V. Situacia a odboj v Protektorátě v letech 1939–1940 // Z počátků odboje. 1938–1941. Praha, 1969. S. 101.*

³³ *Děpeše. S. 390.*

³⁴ В день объявления Англией войны Германии Бенеш направил главам правительств Великобритании, Франции и Польши телеграмму: «Мы, чехословацкие граждане, считаем, что наша страна находится в состоянии войны с немецкими военными силами» (Beneš E. *Šest let exilu a druhé světové války. Praha, 1946. S. 427).*

³⁵ *Děpeše. S. 392–393.*

³⁶ По сообщениям гестапо, дискуссия о характере начавшейся войны велась уже на расширенном заседании нелегального руководства КПЧ в Праге 1 сентября 1939 г. (см.: *Rudé právo. 1939–1945. S. 22).*

³⁷ *Děpeše. S. 391.*

³⁸ Обращение не имело подписи, но весь дух его и стиль свидетельствуют о том, что его составляли коммунисты.

³⁹ *РГВА, ЦХИДК. Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 335.*

⁴⁰ *Там же. Л. 200.*

⁴¹ *Odboj a revoluce. Zprávy. 1966. № 4. S. 102.*

⁴² *Reicin V. Op. cit. S. 105.*

⁴³ См. доклад В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (*Большевик. 1939. № 20. С. 4).*

⁴⁴ *РГВА, ЦХИДК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 655. Л. 80.*

⁴⁵ *Reicin V. Op. cit. S. 104–105.*

⁴⁶ Ежедневное вещание из Лондона и Парижа на Чешские земли и Словакию началось 8 сентября 1939 г.

- ⁴⁷ Reicin B. Op. cit. S. 98.
- ⁴⁸ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. S. 435.
- ⁴⁹ Reicin B. Op. cit. S. 99.
- ⁵⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 190.
- ⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 18. Д. 1298. Л. 83.
- ⁵² Křen J. V emigraci. Praha, 1969. S. 552; Historie a vojenství. 1969. № 3. S. 428–429.
- ⁵³ Křen J. Op. cit. S. 535.
- ⁵⁴ Děřeše. S. 414, 417. В конце войны Клементис был восстановлен в партии и занимал важные государственные посты (накануне своего ареста в марте 1950 г. он был министром иностранных дел Чехословакии). Но его позиция в отношении советско-германского пакта была поставлена ему в вину во время судебного процесса по делу Р. Сланского, когда Клементису, наряду с другими подсудимыми, был вынесен смертный приговор.
- ⁵⁵ Křen J. Op. cit. S. 552.
- ⁵⁶ Там же. S. 537. Вскоре Секретариат КПЧ в Париже был ликвидирован, а его члены переехали в Москву.
- ⁵⁷ Komunistický odboj ve světle dokumentů. Sborník dokumentů. Díl 1. Praha, 1971. S. 88–89.
- ⁵⁸ РГВА, ЦХИДК. Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 132.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 384–388.
- ⁶⁰ Komunistický odboj ve světle dokumentů. S. 247.
- ⁶¹ Цит. по: Křen J. Op. cit. S. 49.
- ⁶² Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 279–280.
- ⁶³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha 1998. S. 351 (далее — ČSVDJ).
- ⁶⁴ Ibid. S. 81–82 (примечание 3 к док. № 22).
- ⁶⁵ Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 28.
- ⁶⁶ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 122; См. также запись в Дневнике Майского от 22 сентября 1939 г. (АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 257–258).
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 40.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 190.
- ⁶⁹ Там же. Л. 187.
- ⁷⁰ Там же. Л. 150–151.
- ⁷¹ Там же. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 59–65.
- ⁷² РГВА, ЦХИДК. Ф. 501. Оп. 3. Д. 299. Л. 132.
- ⁷³ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 40.

- 74 Národní politika. 29.09.1939 (установочная статья «Немецкий и русский народы»); Naše zprávy. 4.10.1939 (передовая статья «Историческая вежа»). См.: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 72.
- 75 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 40; Z ročatků odboje 1938–1941. Praha, 1969. S. 101.
- 76 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 34. Д. 6. Л. 72.
- 77 Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 156–161.
- 78 Z ročatků odboje. 1938–1941. S. 498.
- 79 Ibid. S. 498.
- 80 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 297, 305; ČSVDJ. S. 102.
- 81 Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 36.
- 82 ČSVDJ. S. 91.
- 83 Цит. по: Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 33.
- 84 Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М., 1955. С. 357–358.
- 85 АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 257–258, 314–317.
- 86 Там же. Л. 272–275.
- 87 Там же. Л. 317.
- 88 Там же. Л. 302–303.
- 89 Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Praha, 2002. S. 164–165.
- 90 Československé zprávy. 26.VIII.1939. № 49. S. 1, 2. Бюллетень издавался в Париже группой прогрессивных чехословацких журналистов. Коллекция: РГАСПИ. Ф. 495.
- 91 См.: История внешней политики СССР. 1917–1975. Т. 1. 1917–1945. М., 1976. С. 392.
- 92 ČSVDJ. S. 81–82 (примечание 3 к док. № 22).
- 93 Цит. по: Křen J. Do emigrace. Praha, 1963. S. 551.
- 94 Цит. по: Křen J. V emigraci. S. 46–47.
- 95 Ibid. S. 47; Laštovička B. V Londýně za války. Praha, 1978. S. 20.
- 96 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 295.
- 97 Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. № 1. S. 71.
- 98 Ibid. S. 74–75, 76.
- 99 Цит. по: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 7.
- 100 Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. № 1. S. 76.
- 101 Janaček F. Dva směry v začiatkoch národného odboja. Bratislava, 1962. S. 216.
- 102 АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 8.

- ¹⁰³ Цит. по: там же. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 28.
- ¹⁰⁴ Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ (Postoje k Rusku v slovenske politike 1934–1944). Bratislava, 2002. S. 91.
- ¹⁰⁵ Ibid. S. 95.
- ¹⁰⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 142–143.
- ¹⁰⁷ В одном из сообщений в Москву Г.М. Пушкин писал, что Дюрчанский не следует политике Гитлера в отношении коммунистов, что, несмотря на официальное запрещение деятельности коммунистической партии, «большинство коммунистов на свободе и работают даже в словацких государственных учреждениях» (АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 29).
- ¹⁰⁸ Rudé právo. 1939–1945. S. 65–66.
- ¹⁰⁹ Dějinná křižovatka. Slovenské národné povstání, předpoklady a výsledky. Praha, 1964. S. 32–34.
- ¹¹⁰ Děpeše. S. 412–413.
- ¹¹¹ Štátný Archiv. Bratislava. Štátné zastupiteľstvo. Sg. 5664/1939.
- ¹¹² Цит. по: Němeček J. Československý zahraniční odboj a sovětsko-finská válka 1938–1940 // Moderní dějiny. Sborník k dějinám 19. a 20. století. 3. Praha, 1995. S. 146.
- ¹¹³ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. S. 42.
- ¹¹⁴ Цит. по: Němeček J. Československý zahraniční odboj a sovětsko-finská válka 1938–1940. S. 149.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. S. 305–308.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 150.
- ¹¹⁸ Ibid. S. 154–155.
- ¹¹⁹ DHČР. Díl 1. S. 88.
- ¹²⁰ АВП РФ. Ф. 0138в. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 22.
- ¹²¹ Там же. Ф. 01386. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 5.
- ¹²² Rudé právo. 1939–1945. S. 53–55.
- ¹²³ Slovenský Národný Archiv. AÚML ÚV KSS. F. ÚV KSS. A.j. 30.
- ¹²⁴ Ibid. PR karton 359. Sg. 147/64.
- ¹²⁵ См.: Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. № 1. S. 77–80 (исследование В. Пекарека об освещении в некоммунистической печати 1938–1945 гг. отношения к СССР).
- ¹²⁶ Děpeše. S. 414.
- ¹²⁷ Odboj a revoluce. Zprávy. 1969. № 1. S. 80.
- ¹²⁸ DHČР. Díl II. S. 553.
- ¹²⁹ Ibid. S. 553–554.
- ¹³⁰ Pasák T. Česká společnost po Mnichovu a za druhé světové války // Vlastivědný sborník Podbrdská, 4. Příbram, 1970. S. 35.

- 131 Rudé právo. 1939–1945. S. 87–88.
- 132 Z počátků odboje... S. 103–104.
- 133 АВП РФ. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 56–57.
- 134 Z počátků odboje... S. 102.
- 135 Děřeše. S. 419.
- 136 Rudé právo. 1939–1945. S. 86–87.
- 137 Ibid. S. 96.
- 138 Komunistický odboj ve světle dokumentů. Praha, 1971. Díl II. S. 110–111; см. также: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 82, 84 (перевод несколько отличается, не по сути, от перевода автора).
- 139 Odboj a revoluce. Zprávy. 1967. № 2. S. 94.
- 140 Z počátků odboje... S. 103–104.
- 141 Odboj a revoluce. Zprávy. 1967. № 2. S. 95.
- 142 АВП РФ. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 82.
- 143 DHČР. Díl I. S. 210.
- 144 ČSVDJ. S. 116.
- 145 Ibid. S. 121–122.
- 146 Цит. по: Křen J. V emigraci. S. 495.
- 147 АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 21.
- 148 Там же. Л. 198.
- 149 Там же. Л. 296.
- 150 ČSVDJ. S. 152.
- 151 Ibid. S. 155–157.
- 152 Ibid. S. 157–159.
- 153 Ibid. S. 159–161.
- 154 Ibid. S. 168.
- 155 Ibid. S. 164, 168.
- 156 Ibid. S. 172–173, 181, 185.
- 157 Ibid. S. 174–178.
- 158 Ibid. S. 184.
- 159 Ibid. S. 186–187.
- 160 Ibid. S. 188–189.
- 161 Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. S. 75.
- 162 DHČР. Díl I. S. 139.
- 163 Ibid. S. 131.
- 164 Ibid. S. 141–142.
- 165 Ibid. S. 211–212.

¹⁶⁶ Ibid. S. 361, 362.

¹⁶⁷ Rudé právo. 1939–1945. S. 114–116.

¹⁶⁸ Beneš E. Demokracie dnes a zítra. Londýn, 1942. См также перевод части этой книги В. Марьиной с ее предисловием: Бенеш Э. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1. № 3.

¹⁶⁹ DHČP. Díl I. S. 132.

Глава 4

СССР — Протекторат Богемия и Моравия: экономические отношения 1939–1941 гг.

Расчленение Чехо-Словакии, резкая советская нота Германии по этому вопросу имели непосредственным следствием «замораживание» экономических отношений между СССР и оккупированными Чешскими землями, интенсивность которых к этому времени уже значительно упала. После 15 марта эти отношения находились под пристальным вниманием нацистских властей и использовались ими в политической игре для нажима в своих интересах на правительства как протектората, так и СССР. Москве и Праге экономическое сотрудничество тогда представлялось взаимовыгодным. Сразу после оккупации, несмотря на декрет рейхсканцлера от 22 марта 1939 г., подтверждавший силу старых договоров Чехо-Словакии, заводы «Шкода», крупнейший чешский партнер советской военной промышленности, получили предписание германских военных властей не выполнять поставки в СССР по ранее заключенным с ним договорам. 5 апреля 1939 г. М.М. Литвинов направил советскому полпреду в Германии А.Ф. Мерекалову телеграмму, в которой сообщалось, что генерал Баркгаузен, представитель германского командования в протекторате, чинит препятствия исполнению фирмой «Шкода» двух прежних договоров с СССР. Полпреду предписывалось обратиться в МИД Германии с требованием «дать немедленно соответствующие указания о прекращении подобных действий»¹. Статс-секретарю германского МИД Э. Вайцкекеру, по существу первому заместителю И. Риббентропа, была передана нота по этому вопросу. Тот, согласившись разобраться в деле, заявил, что, хотя «Германия имеет принципиальные политические разногласия² с СССР», все же «хочет развивать с ним экономические отношения»³. 5 мая 1939 г. заведующий восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии К.Ю. Шнурре сообщил временному поверенному в делах

СССР в Германии Г.А. Астахову следующее: «Германское правительство пришло к заключению о необходимости выполнения заводом „Шкода“ договоров, заключенных с Торгпредством СССР в Праге. Соответствующие указания уже даны военным властям и управлению заводов „Шкода“»⁴. Фоном для принятия такого решения, по всей видимости, являлось стремление Берлина улучшить отношения с Москвой, внешним проявлением чего стало «заметное изменение тона германской прессы» в отношении Советского Союза. Астахов, согласно его письму в НКВД от 12 мая, считал это «заигрыванием со стороны немцев» и полагал, что «у нас нет пока оснований доверять серьезности этого „сдвига“, хотя мы всегда готовы идти навстречу улучшению отношений»⁵.

В это же время Москва приняла решение о реорганизации советского торгпредства в Праге и превращении его в отделение берлинского торгпредства при сохранении за ним всех прав, предусмотренных торговым соглашением 1935 г. между СССР и Чехословакией. Об этом 15 мая Астахов сообщил Шнурре, который, затронув тему улучшения германо-советских отношений, предположил, что «вопрос будет решен положительно»⁶. Возможность улучшения отношений с Германией, несомненно, заинтересовала советское правительство, о чем свидетельствует беседа В.М. Молотова, сменившего 3 мая М.М. Литвинова на посту народного комиссара иностранных дел, с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 20 мая 1939 г. Посол заверил наркома, что германское правительство желает урегулировать экономические отношения с СССР и продолжить (ранее, как говорилось выше, такие попытки уже имели место) переговоры по этому вопросу. В ответ Молотов заявил, что «для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база», не уточнив, что понимается под этим. «Во время всей этой беседы, — значит в ее записи, — видно было, что для посла сделанное мною заявление было большой неожиданностью. ... Посол... стремился получить более конкретные разъяснения о том, какая именно политическая база имеется в виду в моем заявлении, но от конкретизации этого вопроса я уклонился», сказав «об этом надо подумать и нам, и германскому правительству»⁷.

30 мая 1939 г. Астахов был принят Вайцзекером по вопросу о реорганизации советского торгпредства в Праге. Прежде чем давать согласие, заявил он, германское правительство хотело бы знать, есть ли «намерение у советского правительства развивать

экономические отношения в Праге. На эту тему говорил и Риббентроп, беседуя с фюрером». Астахов ответил, что «в настоящее время у нас имеется достаточно экономических дел в Чехии (не только у „Шкода“), чтобы оправдать существование отделения торгпредства. ... Сов[етское] пра[вительство] не намерено тратить деньги на содержание отделения, которое оставалось бы без дела. Экономических операций в Чехии на ближайшее время достаточно». Вайцекер снова попытался выяснить, что означают слова Молотова о политическом базисе, необходимом для ведения экономических переговоров. Астахов не взял на себя смелость «давать точную интерпретацию заявления наркома»⁸. Не спешил ее давать и Молотов. В его докладе на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР» 31 мая 1939 г. наряду с пространными размышлениями о желательности создания дееспособного фронта «миролюбивых стран против наступления агрессии» говорилось: «Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказаться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия»; что прерванные торговые переговоры с Германией могут возобновиться⁹.

Гитлер тоже был полон решимости сделать это. «В течение последних недель, — согласно записи беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии П. Клейстом 19 июня 1939 г., — Гитлер обстоятельно занимался Советским Союзом и заявил Риббентропу, что после решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый раппальский этап¹⁰ и что необходимо будет с Москвой проводить определенное время политику равновесия и экономического сотрудничества»¹¹. Однако согласия на реорганизацию советского торгпредства в Праге немцы давать не спешили. Еще 26 июня 1939 г., согласно телеграмме Астахова в НКВД, оно существовало «без легальной базы»¹². Гитлер выжидал. 28 июня состоялась новая встреча Молотова с Шуленбургом, на которой посол снова пытался выяснить представления наркома по вопросу о «создании политической базы в отношениях между Германией и СССР». Шуленбург подчеркнул, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил далее, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера». Молотов не спешил с положительным ответом, заявив, что «Советский Союз стоял и стоит за улучшение отношений или, по крайней мере, за

нормальные отношения со всеми странами, в том числе и с Германией»¹³. Но уже появились явные признаки того, что предложения Берлина Москва рассматривает всерьез, о чем со всей очевидностью свидетельствовала статья А.А. Жданова в «Правде» 29 июня 1939 г. «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР», в которой констатировалось, что «переговоры о заключении эффективного пакта взаимопомощи против агрессии зашли в тупик»¹⁴. Статья, несомненно, имела принципиальный характер и высвечивала возможную перспективу сближения СССР с Германией, которая постоянно давала понять, что она готова изменить политику в отношении Советского Союза¹⁵. 22 июля 1939 г. Народный комиссариат внешней торговли СССР сообщил о возобновлении в Берлине советско-германских переговоров о торговле и кредитах¹⁶. 24 июля, встречаясь с Астаховым, Шнурре с немецкой пунктуальностью изложил представления германской стороны о темпах германо-советского сближения: первый этап — завершение торгово-кредитных переговоров; второй этап — нормализация отношений по линии прессы, культурных связей, поднятие взаимного уважения; третий этап — политическое сближение. Решение вопроса о реорганизации советского торгпредства, по словам Шнурре, германское правительство связывает с ответом на вопрос об экономических намерениях СССР в протекторате. Он подчеркнул, что «дело не в самом вопросе об отделении торгпредства, он несложен, а в том, что этот вопрос попал в орбиту вопросов, которыми непосредственно заинтересовался фюрер» и на которые СССР уклоняется дать ответ¹⁷. Нажим Берлина на Москву в целях улучшения советско-германских отношений усилился. До сведения советского руководства было доведено то, что Германия готова пойти на уступки касательно политики в Прибалтике, о том, что она не собирается нападать на СССР и что главным ее врагом на сегодняшний день является Англия¹⁸. Телеграмма Молотова Астахову 29 июля гласила: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения. В этом смысле Шнурре, вообще говоря, прав. ... Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»¹⁹. Ему вторил Риббентроп, который во время встречи с Астаховым 3 августа заявил, что «благополучное завершение кредитных переговоров может послужить началом улучшения политических отношений». Основной предпосылкой этого, по мнению

министра, являлась «уверенность, что одна сторона не станет вмешиваться во внутренние дела другой. Германское правительство не считает национал-социалистскую идеологию предметом экспорта, и если советское правительство придерживается аналогичной точки зрения, то главное препятствие к нормализации отношений отпадает»²⁰. 11 августа Молотов сообщил Астахову о готовности советского руководства вести переговоры с немцами в Москве по всем вопросам, касающимся советско-германских отношений. 15 августа в беседе с Шуленбургом советский нарком впервые затронул вопрос о заключении советско-германского пакта о ненападении, на что посол ответил, что «с Риббентропом пока этот вопрос не обсуждался. Германское правительство не занимает по этому вопросу ни положительной, ни отрицательной позиции». В памятной записке, врученной Шуленбургом Молотову в тот же день, говорилось о том, что «Риббентроп готов на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить г-ну Сталину точку зрения фюрера», что непосредственный обмен мнениями не исключает возможности «заложить фундамент для окончательного приведения в порядок советско-германских отношений»²¹.

19 августа между СССР и Германией было подписано кредитное соглашение. Германским фирмам передавались дополнительные заказы на сумму 200 млн германских марок. Предметом этих заказов являлись «исключительно поставки для инвестиционных целей, т. е. преимущественно: устройство фабрик и заводов, установки, оборудование, машины и станки всякого рода, аппаратостроение, оборудование для нефтяной промышленности, оборудование для химической промышленности, суда, средства для передвижения и транспорта, измерительные приборы, оборудование лабораторий». Сюда же относились «обычные запасные части для этих поставок», «договоры о технической помощи и пуске в ход установок». Кроме того, предусматривались так называемые текущие поставки, включавшие сырые материалы, полуфабрикаты, некоторые запасные части, химические изделия, предметы потребления и ежедневного обихода. При размещении заказов торговое представительство и импортные организации СССР пользовались свободой выбора фирм. Германское правительство брало на себя обязательство оказывать необходимое содействие при размещении заказов, в контроле сроков их выполнения и качества товаров. Советский Союз должен был поставить в Германию в течение двух лет товаров на сумму 180 млн марок, в том числе товаров сельско-

го хозяйства (кормовые хлеба, жмыхи, льняное масло — 31 млн марок), лесного хозяйства (лес — 74 млн марок), промышленности (платина, марганцевая руда, бензин, смазочные масла, бензол, парафин, пакля, хлопок-сырец, хлопковые отходы, тряпье для пряжи, лен, конский волос, фосфаты, асбест, химические и фармацевтические продукты и лекарственные травы, смолы, рыбный пузырь, пух и перо, щетина, сырая пушнина, шкуры для пушно-меховых изделий, меха, тополевое и осиное дерево для производства спичек — 95 млн марок). По уполномочию советского и германского правительств соглашение подписали соответственно заместитель торгпреда в Берлине Е. Бабарин и К. Шнурре²². По советским данным, в рамках кредитного соглашения к 22 июня 1941 г. Советский Союз поставил Германии товаров на сумму 142,3 млн марок, а Германия — с отгрузкой в СССР — на сумму 106,7 млн марок, в том числе по военным заказам на 721,6 тыс. марок из 58,4 млн марок по кредитному соглашению²³.

В рамках указанного соглашения, а также двух последующих советско-германских соглашений о взаимных поставках (11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г.) развивались экономические отношения СССР с протекторатом. Но еще перед подписанием первого из указанных документов, в начале июля 1939 г., германские власти в знак их «доброего расположения» к Советскому Союзу согласились на поездку в Москву представителей заводов «Шкода», которые к этому времени уже оказались прибранными к рукам германского капитала. В 1938 г. общая доля иностранного капитала французского концерна «Шнейдер-Крезю» в акционерном обществе заводов «Шкода» составляла 50,46%. После Мюнхена позиции французского капитала в Чехо-Словакии значительно ослабли. К концу 1938 г. были распроданы все акции Шнейдера, а в начале 1939 г. образовался мощный трест по производству оружия «Шкодовка — Збройовка — Эксплозия», владельцем которого стал чешский Живнобанк. 1 сентября 1939 г. трест был официально включен в акционерное общество по производству оружия и военного оборудования, в действительности полностью подчиненное концерну «А.Г. Рейхсверке — Герман Геринг»²⁴. Вице-президентом акционерного общества заводов «Шкода» и после 15 марта оставался благорасположенный к Советскому Союзу инженер В. Громадко. Немцы, как уже говорилось выше, разрешили «Шкодовке» продолжать сотрудничество с СССР на основании ранее подписанных договоренностей, но, естественно, под контролем германских вла-

стей. В конце июля — начале августа представители чешской промышленности прибыли в Москву для переговоров, некоторые из которых встречались с чехо-словацким полпредом в СССР З. Фирлингером (В. Громадко, Й. Крейчи, Ч. Гатлак, Й. Шквор). По их словам, сотрудничество СССР и протектората в промышленной области имело многообещающие перспективы²⁵. Чехи получили заказ на ряд промышленных изделий (транспортиры, обрабатывающие станки, прессы), велись переговоры о поставках материалов военного характера: строгальные станки для корабельного строительства, машинное оборудование и орудия для кораблей, зенитные орудия и танки. Немецкие власти не имели тогда возражений против этого²⁶. 10 августа Фирлингер сообщал Я. Смутному в Лондон: «Переговоры со „Шкодовкой“ завершились успешно, новым 150-миллионным контрактом, кредит на один год. Шуленбург говорил Громадко, что он должен вести торговлю любой ценой»²⁷.

Промышленные круги протектората приветствовали подписание кредитного соглашения и заключение пакта о ненападении между СССР и Германией, рассчитывая на облегчение и улучшение экономических отношений между обеими странами. Однако эти же круги не желали включения в советско-германский переговорный процесс о торговых отношениях, будучи заинтересованы в свободе собственных переговоров и собственных соглашений. Этого добивалась прежде всего «Шкодовка», опасавшаяся, что включение торговли протектората в советско-германские соглашения может негативно сказаться на возможности закупок сырья за границей для чешской промышленности. Этого же опасались и предприятия металлообрабатывающей промышленности протектората. Ее представители обратились 22 сентября 1939 г. в министерство промышленности, торговли и ремесел с письмом, в котором выясняли возможность углубления торговли с Советским Союзом с целью хотя бы частичного возмещения ввоза «некоторых чрезвычайно необходимых металлов из стран, которые недоступны для нашего импорта». Речь шла о палладии, цинке, никеле, меди, алюминии, сурьме и олове²⁸. Берлинские власти пока не возражали против определенной меры самостоятельности ряда крупных фирм протектората в сношениях с СССР. Прямые закупки сырья в Советском Союзе избавляли германские власти от необходимости снабжать эти предприятия сырьем и другими материалами для выполнения полученных ими заказов.

После подписания пакта Молотова — Риббентропа и заключения советско-германского договора «О дружбе и границе» советское торгпредство в Праге получило статус отделения советского торгпредства в Берлине и продолжало выполнять свои функции, пользуясь некоторой степенью автономности. Как уже говорилось, Советский Союз был заинтересован прежде всего в поставках из Чешских земель военных материалов для обновления артиллерийского парка, оснащения кораблей, создания танковых войск и авиации. Чешские фирмы рассчитывали получить из Советского Союза необходимые им сырье, и особенно металлы, руду, нефть, фосфаты, хлопок, лен, кудель, кожи, зерно и т. д.

В октябре 1939 г. в Москву отправилась очередная делегация представителей чешской промышленности. «Шкодовку» и другие машиностроительные предприятия представлял В. Громадко, Центральный союз промышленников — Т. Дуффек, фирму Т. Бати — Мастны. Из записей Громадко об этих переговорах известно, что 1 октября его принимал нарком оборонной промышленности Б.Л. Ванников. Беседа касалась прежде всего заказов, связанных с оснащением артиллерийского парка и производством снарядов. 3 октября Громадко встречался с наркомом Сергеевым (не ясно, кто такой), а 5 октября с наркомом машиностроения И.А. Лихачевым, с которым обсуждались вопросы о поставках автомобилей, боевых машин, железнодорожных локомотивов и вагонов, оборудования для холодной прокатки и о продаже лицензии на генераторы с газовым двигателем. Заключительные переговоры о военных и прочих заказах опять велись с Ванниковым. Речь шла о ходе выполнения ранее подписанных договоров, о заключении новых соглашений и дальнейшей программе сотрудничества.

С представителями делегации встречался и Фирлингер, который 9 октября сообщил об этом в Лондон, приложив информацию о развитии экономических связей СССР с Чешскими землями. «В протекторате, — писал он, — создана организация крупнейших заводов, которые заинтересованы в экспорте в Советский Союз. Речь в целом идет примерно о двадцати предприятиях, таких как Шкодовка, Ческоморавска, брненская Збройовка, Рингхоффер, Витковице, Зигмунд и т. д. Предприятия Бати присоединились к этой организации лишь из солидарности, поскольку ведут свою экспортную торговлю самостоятельно. Переговоры о новой организации ведут в Москве директора Шкодовки, к которым присоединился секретарь Союза [промышленников] Томаш Дуффек. Его

задача — выяснить возможность получения сырья из Советского Союза. В Москве находятся также представители фирмы Батя (дир. Мастны), которые хотят, с одной стороны, разместить здесь свои заказы на чулочно-вязальные машины, с другой, получить сырье, как, например, кожа и хлопок». Фирлингер сообщал о том, что экспортные чешские организации ведут переговоры о заказах на сумму приблизительно 20 млн долларов (главным образом обрабатывающие станки, компрессоры для подводных лодок, турбины и т. д.). Одновременно полпред выражал сомнение в том, что в СССР удастся получить все сырье, на которое рассчитывали чешские предприниматели («Нашу промышленность в этом смысле постигнет серьезное разочарование. Союз промышленников был прямо завален просьбами об обеспечении сырьем из Советского Союза. Существовали иллюзии, что можно обеспечить [себя] даже жирами и [другими] продуктами. Особенно чешскую текстильную промышленность, которая вскоре останется без хлопка, ожидает с этой стороны значительное разочарование»). Причины этого, по мнению Фирлингера, состояли в следующем: «Все, что могли или хотели советские власти в этом смысле предложить, было передано в распоряжение немецкой делегации (она в это время тоже вела переговоры в Москве. — *В. М.*), которая хотя и хвастается определенными успехами, но в действительности разочарована». Хлопок, который будет поставляться в Германию, изъят, согласно советским заявлениям, из резервов отдельных советских фабрик²⁹. Железная руда, о поставках которой идут советско-немецкие переговоры, плохого качества. Из цветных металлов Советский Союз может поставлять или очень немного, или совсем ничего не может, поскольку не покрываются даже быстро растущие внутренние заказы. Из нефтепродуктов немцам обещано, дескать, поставить примерно 800 тыс. т, из зерновых — преимущественно кормовой ячмень («Первоначальные сообщения мировой печати о миллионах тонн не соответствуют явно действительности, поскольку это количество представляет общий примерный вывоз всех зерновых в прошлые годы»). Кроме того, по словам Фирлингера, немецкая делегация столкнулась с транспортными трудностями в связи с загруженностью советских железных дорог и различиями в ширине железнодорожной колеи. Полпред полагал, что сотрудничество с Германией необыкновенно выгодно Советскому Союзу. Далее Фирлингер указывал на возможную конкуренцию немецких товаров, более дешевых по сравнению с «хотя и более качественными чеш-

скими товарами»³⁰. Согласно сообщению «Правды» от 9 октября 1939 г., во время пребывания в Москве немецкой экономической делегации состоялось соглашение о том, что «СССР незамедлительно приступит к снабжению Германии сырьем, а Германия — к выполнению поставок для СССР»³¹.

В немецких кругах переговоры чехов в Москве вызвали беспокойство. Свидетельством этого, по мнению чешского историка З. Сладека, являлась телеграмма Шуленбурга в Берлин 13 октября о том, что Громадко заключил соглашение на 50 млн рейхсмарок и что советские закупочные организации, отдавая предпочтение концерну «Шкода», намерены оказать ценовое давление на имперские фирмы. Он рекомендовал, чтобы «Шкодовка» не вносила свои предложения в случаях, когда они сталкиваются с предложениями немецких фирм. В Берлине учли рекомендации и приняли решение строго контролировать в этом плане предприятия протектората. Сладек полагает, что этот мотив сыграл важную роль в возникновении «Объединения для торговли с СССР», консорциума, временного соглашения между рядом чешских компаний. В обосновании о его создании говорилось: «...отдельные машиностроительные фирмы в Протекторате при переговорах с центральными русскими организациями согласились на худшие условия, чем другие машиностроительные фирмы Протектората, и эти худшие условия были использованы русскими в качестве ориентира в дальнейших переговорах. Учитывая это, нижеуказанные фирмы согласились создать Объединение, целью которого является единство действий при получении и осмыслении русских офертов (официальных предложений. — В. М.). ... В целях целесообразности, и даже необходимости, чтобы фирмы Протектората действовали при вывозе за рубеж согласованно с имперскими фирмами, берлинские контрольные органы в отдельных случаях давали знать, что было бы хорошо, если бы при переговорах с ними фирмы Протектората являлись на эти переговоры по возможности уже договорившись между собой»³². Немецкий капитал явно опасался конкуренции чешских компаний.

3 ноября 1939 г. состоялось первое заседание Объединения, одну из ведущих ролей в котором играла «Шкодовка». Ее чешские акционеры, несмотря на окрики из Берлина, не желали поступиться своей частичной самостоятельностью и упорно увиливали от согласования действий с германским центром под предлогом, что это может неблагоприятно отразиться на заключении сделок, затянув

их. В планы заводов «Шкода» входило расширение сотрудничества с СССР. 15 ноября на очередном заседании Объединения Громадко сообщил, что в целях получения русского сырья увеличиваются поставки в Советский Союз за счет отсрочки поставок в государства, не экспортирующие сырье — Германию, Голландию, Бельгию и Италию. В ноябре представители руководства «Шкодовки» снова посетили СССР с целью углубления сотрудничества. Громадко и Крейчи, в частности, вели переговоры о поставках нефти, что очень беспокоило берлинские круги. Шнурре телеграфировал в Москву, что подобное соглашение не должно сказаться на поставках нефти в Германию и что в вопросах цен следует действовать согласованно с имперским центром. Крейчи сообщил в Прагу, что переговоры о машинах и сырье будут идти медленно, поскольку «переговоры с Рейхом не вступили в завершающую стадию». Кроме того, Москву не устраивали высокие цены продукции из протектората и длительные сроки поставок. Представитель фирмы «Батя» был более успешен в переговорах: получив заказ на обрабатывающие станки в размере 1 млн долларов, компания намеревалась потратить их на закупку кожи.

Москва была заинтересована в развитии связей с предприятиями чешской военной промышленности еще и потому, что немцы, несмотря на соглашение о сотрудничестве в области производства вооружений, под разными предлогами не допускали ознакомления русских со своими новейшими разработками. Генерал-полковник Кейтель, например, заявил статс-секретарю Вайцзеру 5 декабря 1939 г., что «список русских требований растет необъятно и необоснованно; поэтому переговоры с русскими неизбежно будут становиться все более и более трудными. Русские, например, хотят станки для производства боеприпасов, в то время как ОКВ (Германское верховное командование. — В. М.) не может поделиться такими станками ни при каких обстоятельствах ввиду теперешнего военного положения. То же самое относится и к поставкам военно-воздушных и военно-морских материалов». Вайцзер подтвердил, что МИД также намерен «сдерживать требования русских»³³. СССР, по всей видимости, надеялся получить сведения о последних разработках в области вооружений от чешских фирм.

Таким образом, после августа 1939 г. промышленные круги протектората активизировали свое стремление участвовать в торговле с СССР, что объяснялось их непосредственно экономическими потребностями, и в первую очередь заинтересованностью в по-

лучении сырья. Тенденция конкурировать с немецкими промышленниками в немалой степени беспокоила последних и заставляла их использовать административные меры в борьбе с чешскими фирмами «за место под русским солнцем». Однако, несомненно, они пытались и выиграть от развития советско-чешского экономического сотрудничества. Одна из ведущих чешских газет «Ческе слово» («České slovo») 17 ноября 1939 г. поместила статью немецкого информационного бюро в Праге «Прагер Цайтунгсдинст» о торговле протектората с СССР. В статье говорилось, что сейчас имеются все возможности для ее развития: «Торговые круги полагают, что русский рынок сможет возместить потерю протекторатом ряда западноевропейских рынков». Русское торгпредство в Праге, отмечалось в статье, является филиалом берлинского торгпредства, но ведет торговые переговоры по указанию из Москвы. Далее констатировалось, что «Россия решительно отвергает ввоз предметов широкого потребления и ввоз всего, что она производит сама. Она требует, наоборот, всего того, что идет на оборудование заводов. Это — машины, различные приспособления и некоторые полуфабрикаты»³⁴. Советский генконсул в Праге В. Яковлев в декабре 1939 г. считал, что «направление работы всей фирмы [„Шкода“] сейчас определяется военными нуждами Германии». Во время ужина, устроенного директором концерна Баксантом 9 декабря 1939 г. для сотрудников советских генконсульства и торгпредства, Яковлев выяснил следующее: «Что касается советских заказов, то чехи согласны их выполнять при снабжении их советским сырьем лишь в том количестве, которое нужно для выполнения заказов СССР. Однако немецкое руководство дало инструкциям поехавшему в Москву президенту заводов Шкода Громадко — требовать сырья в значительно большем количестве, чем это требуется для выполнения советских заказов». Этот документ, обнаруженный в фонде В.М. Молотова, видимо, привлек его внимание: вышеприведенный абзац был на полях отмечен красным карандашом³⁵.

Начавшаяся Вторая мировая война, хотя и приобретшая «странные формы» со стороны Англии и Франции, наложила свой отпечаток на характер торговых взаимоотношений между странами, особенно в сфере платежей: долгосрочные кредиты стали редкостью, торговля, по словам Сладека, велась по принципу «из рук в руки». Это коснулось и советско-чешских экономических взаимоотношений. Фирмы протектората охотно брались за советские заказы, но требовали, чтобы СССР авансировал их немедленно. Со-

ветские торговые организации в принципе с этим соглашались, но требовали, в свою очередь, гарантий, что выплаченные задатки будут возвращены в случае неисполнения производителем своих обязательств. Национальный банк согласился дать такие гарантии в отношении предприятий Объединения. Однако эти и другие трудности во взаимоотношениях, возникшие в связи с войной, привели к снижению советских заказов, полученных «Шкодовкой» в начале 1940 г. Немцы были заинтересованы в развитии торговли с СССР, в том числе и его торговли с протекторатом, но постоянно имели в виду возможность конкуренции со стороны чешских промышленных предприятий. Итогом пребывания в Москве немецкой экономической делегации во главе со Шнурре стало подписание 11 февраля 1940 г. нового Хозяйственного соглашения между Германией и СССР. Соглашение охватывало период в 27 месяцев, причем советские поставки должны были быть сделаны в течение 18 месяцев и компенсированы германскими поставками в течение 27 месяцев, что германская сторона расценивала как свой успех на переговорах. Шнурре сообщал в МИД Германии 26 февраля, что такое решение вопроса стало возможным «лишь после упорной борьбы», что «только личное послание Имперского министра иностранных дел Сталину привело к окончательному урегулированию вопроса». В соответствии с соглашением СССР в первые 12 месяцев обязывался поставить сырья на сумму примерно в 500 млн марок, в том числе 1 млн т кормовых злаков (120 млн марок), 900 тыс. т нефти (115 млн), 100 тыс. т хлопка (90 млн), 500 тыс. т фосфатов, 100 тыс. т хромовой руды, 500 тыс. т железной руды, 300 тыс. т железного лома и чугуна, 2400 кг платины, а также марганцевую руду, металлы (медь, никель, олово, молибден, вольфрам, кобальт), лес и прочее сырье. В соглашение не включался советский экспорт в протекторат на сумму примерно в 50 млн марок. Германские поставки в СССР включали промышленные товары, промышленную технологию и установку оборудования, а также военные материалы³⁶. Стоимость советских военных заказов составляла 133,23 млн марок. Согласно советским данным, по состоянию на 22 июня 1941 г. СССР поставил Германии по этому соглашению товаров на сумму 310,3 млн марок, Германия — в СССР 287,6 млн марок, в том числе по военным заказам — на 81,57 млн марок³⁷. Весной 1940 г. намечались и торговые переговоры с чехами. В связи с этим НКВД дал задание советскому генконсульству в Праге представить обзор экономического положения протектората, осветив прежде всего

вопрос о сырьевой базе чешских предприятий, в частности заводов «Шкода», брненской Збройовки, Польди-Хютте (так в документе), Бати, и выяснив, как обстоит дело с возможностью получения чешскими фирмами сырья из-за границы. В течение февраля–марта 1940 г. НКВД неоднократно напоминал советскому генконсулу Куликову о необходимости предоставления указанных сведений: в этих материалах «мы сейчас остро нуждаемся в связи с возможностью торговых переговоров с чехами»³⁸.

Новое Хозяйственное соглашение между СССР и Германией, подписанное 10 февраля 1941 г., предусматривало дальнейшее расширение товарооборота между обеими странами³⁹. В начале апреля 1941 г. Шнурре констатировал рост активности советской стороны в выполнении поставок⁴⁰. Докладывая 15 мая 1941 г. в МИД Германии о состоянии экономических отношений с СССР, Шнурре указывал: «Как и в прошлом, сложности возникли в связи с выполнением германских обязательств о поставках в СССР, особенно в сфере вооружений. Мы и впредь не сможем придерживаться сроков поставок. Однако невыполнение Германией обязательств начнет сказываться лишь после августа 1941 г., так как до тех пор Россия обязана делать поставки авансом. Осложнения возникли, в частности, в связи с невыполнением контрактов о поставках для военно-воздушных сил, поскольку имперский министр авиации не предоставил обещанных и уже запрошенных самолетов. ... Примерно 70 немецких инженеров и механиков под руководством адмирала Фейге участвуют в строительстве в Ленинграде крейсера [„Лютцов“⁴¹]. «Положение с поставками советского сырья, — считал Шнурре, — до сих пор представляет удовлетворительную картину». Речь шла в основном о зерне, нефти, хлопке, цветных металлах. Шнурре полагал, что «мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 г. ... В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно...»⁴².

Более дешевые по стоимости немецкие товары (на 30–50%), к тому же поставляемые в более короткие сроки и большими партиями, составляли значительную конкуренцию чешской продукции⁴³. В течение 1940 г., и особенно в последние месяцы перед нападением Германии на СССР, давление, в том числе и административное, на чешских промышленников с немецкой стороны уси-

лилось. С начала 1940 г. берлинские власти стали ограничивать девизную самостоятельность чешских предприятий, заинтересованных в торговле с СССР, и ассортимент разрешенных к вывозу товаров. Доля экспорта в СССР была ограничена 30% от общего количества продукции, производимой на экспорт. Генконсул СССР в Праге Куликов в справке об общем политическом положении в протекторате, представленной Молотову в феврале 1940 г., сообщал: «Утверждают, что руководство предприятий Шкода 9 февраля получило приказ верховного военного командования германской армии (ОКХ) немедленно прекратить все поставки вооружений другим государствам»⁴⁴. В начале апреля 1940 г. тот же Куликов отмечал: «Недостаток сырья и начавшиеся военные действия Германии на севере, в Дании и Норвегии, дали повод к тому, что фирма Шкода объявила нашему торгпредству форсмажор и о том, что она не может нести расходов, вытекающих из договоров за несвоевременную поставку»⁴⁵. После принятия в декабре 1940 г. решения о войне против СССР (план «Барбаросса») нацистские власти запретили поставки военных материалов Советскому Союзу из протектората. Членам советских приемных комиссий возбранялся вход на предприятия, выполнявшие заказы вермахта. Весной 1941 г. практически прекратилось выполнение советских военных заказов, хотя интерес СССР к продукции чешских предприятий сохранился. В. Громадко запретили выезд в СССР, после нападения Германии на СССР он был арестован и заключен в тюрьму⁴⁶. Следует отметить, что приезд в СССР чешских торговых делегаций использовался советскими органами не только для переговоров по экономическим вопросам, но и для выяснения общего положения дел в протекторате, а также получения других важных для Москвы сведений. Именно поэтому ее интересовали данные о членах этих делегаций. 17 мая 1940 г., например, НКВД дал указание генконсулу в Праге: «В случае, если в СССР выедет торговая делегация чехов, немедленно, как только Вам будет известен ее состав, сообщите телеграфно политические характеристики делегатов»⁴⁷. Некоторые русо- и славянофильски настроенные представители чешских фирм, в частности Громадко, тоже использовали свои поездки в Москву для информирования советской стороны о положении дел на предприятиях военной промышленности в протекторате, а также о ставших им известных германских планах. Так, например, управляющий заводами «Шкода» Шквор, будучи в Москве незадолго до нападения гитлеровской Германии на Югославию, сообщил о под-

готовке рейха к нападению на СССР, о чем стало известно в результате контактов чешских и немецких промышленников⁴⁸.

Данные о масштабах экономических связей, содержащиеся в статистических справочниках СССР и протектората, как выяснил исследовавший проблему З. Сладек, расходятся. Согласно чешским источникам, несмотря на все препоны, чинимые немецкой стороной, общий товарооборот между СССР и протекторатом увеличился: если с марта 1939 г. по март 1940 г. ввоз из СССР составлял 39 млн крон, а вывоз в СССР — 79 млн крон, то с марта по декабрь 1940 г. эти данные соответственно выглядели как 138,3 и 126,4. В январе–сентябре 1941 г. ввоз упал до 117 млн крон, а вывоз — до 78,3 млн крон. Советские данные, основанные преимущественно на сведениях советского торгпредства, как считает Сладек, не учитывали все сделки, заключенные чешскими промышленниками вне протектората, а также совместно, например, с немецкими предприятиями. Структура советско-чешской торговли выглядела следующим образом: из СССР в протекторат в 1939 г. ввозились преимущественно сырье растительного и животного происхождения (44,4%, главным образом кожи) и продукты питания (39,9%), вывозились в 1939 и 1940 гг. станки и оборудование (примерно 90%). Сладек пришел к выводу, что надежды, возлагаемые представителями экономических кругов протектората на торговлю с СССР, были значительно преувеличены. Действительные ее результаты были гораздо скромнее, что явилось результатом ограниченных возможностей чешских предприятий, «припираемых к стене» как конкуренцией немецких фирм, так и обязательными к исполнению указаниями со стороны центральных имперских органов, контролирующей экономику протектората⁴⁹.

Весьма неполная из-за нехватки соответствующих данных картина экономических связей СССР с протекторатом может быть дополнена сведениями из обширного материала «Протекторат Богемия и Моравия», подготовленного бывшим советским генконсулом в Праге В. Яковлевым в декабре 1940 г. к докладу на референтском совещании в НКВД. В документе говорилось: «Торговля чехов с СССР строится на заинтересованности советского хозяйства в получении продукции высоко развитой чешской индустрии, в частности, военной. Со своей стороны СССР продает хлеб, лен и нефтепродукты. ... После оккупации Чехословакии Германией объем торговли чешской промышленности с СССР сохранился. За истекшие 9 месяцев 1940 г. СССР закупил в протекторате товаров на

45 225 тыс. рублей (около 226 140 тыс. крон), а продал на 17 422 тыс. рублей (около 87 110 тыс. крон). Главный предмет вывоза в СССР составляют станки (токарные, фрезерные, револьверные). Чехи намерены поддерживать торговлю и далее. Их интересует получение из СССР главным образом стратегического сырья»⁵⁰. Из этих данных следует, что в 1940 г. ввоз в СССР товаров из протектората почти в три раза превышал вывоз, что свидетельствовало о заинтересованности Советского Союза в продукции чешской промышленности. Впрочем, чешские статистические ежегодники фиксировали лишь незначительное превышение чешского экспорта в СССР над импортом: соответственно 138,8 млн крон и 126,4 млн крон, что, в свою очередь, свидетельствовало о достаточно сбалансированном советско-чешском товарообороте. Но, как сказано выше, в 1941 г. торговля протектората с СССР начала постепенно свертываться. Думается, одной из причин этого являлось, помимо прочего, также чрезмерное напряжение советского хозяйства в стремлении удовлетворить все экономические запросы рейха, в частности касающиеся поставок сырья, что не способствовало реализации надежд чешских промышленников в этой области и, как следствие, снижало их интерес к развитию торговли с СССР.

Мощная чешская индустрия, естественно, использовалась Германией для оснащения вермахта, объемы и направления которого пыталась отследить советская разведка. Хотя это тема самостоятельного исследования, но в качестве иллюстрации приведем данные из сводки разведуправления Генштаба Красной Армии, направленной наркомму авиационной промышленности СССР Шахурину 12 февраля 1941 г.: «2. Авиационный завод Шкода „Авиа-1“ в Праге (Протекторат) производят новые двухмоторные бомбардировщики Б-71 с моторами „Авиа-Идрс“ мощностью по 650 л.с. каждый. Максимальная скорость самолета 400 км/час, экипаж 3 человека. Вооружение: 2 пулемета, из которых один расположен в кабине впереди летчика и второй в хвостовой части фюзеляжа. Завод выпускает от 10 до 15 таких самолетов в месяц. На втором заводе Шкода „Авиа-2“ в Куновицы производится ремонт учебных самолетов Юнкерс-34 и истребителей Б-584 (Чехословацкий истребитель авиа 534; максимальная скорость 406 км/час). Завод ремонтирует по 15 самолетов в месяц (7 — W-34 и 8 — Б-534).

3. На авиационном заводе фирмы Злин в Отроковице (Протекторат) налажено производство немецких учебных самолетов Клем-35. Моторы для этих самолетов поставляет чехословацкая фирма

Татра. Винты доставляются из Германии. Завод выпускает около 16 таких самолетов в месяц. На заводе чувствуется недостаток сырья.

4. Чехословацкая фирма Татра занята в настоящее время производством противогазов. Она получила заказ на производство 1 000 000 противогазов.

5. Германская авиационная фирма Юнкерс приступила к строительству нового самолетостроительного завода. Предполагают, что этот завод будет самым большим в мире. Заводы Шкода получили заказ на большое количество станков для этого завода (из них 150 автоматов). Место расположения завода пока неизвестно...»⁵¹.

В спецсообщении разведуправления Генштаба Красной Армии от 11 марта 1941 г. о направлениях развития вооруженных сил Германии и изменении в их состоянии говорилось, в частности, что на пражских заводах ЧКД производятся для Германии легкие танки марки «38-Т», что этот и завод «Шкода» в Пльзене значатся в числе наиболее крупных предприятий по производству танков. Сообщалось, что фирма «Зброевка» выполняет для вермахта большой заказ на 15-мм пулеметы, предназначенные для стрельбы по зенитным целям, производит испытания противотанковых ружей калибра 7,62, 15 и 16 мм⁵². К обслуживанию вермахта была подключена и развитая в Чешских землях химическая промышленность. На вооружение германской, румынской и словацкой армий поступали сотни чешских бронеавтомобилей, танкеток и легких танков. Последние, по мнению специалистов, считались тогда лучшими в мире, «идеальной машиной для блицкрига». На вооружении вермахта состояли чешские танки «Прага» и «Шкода» — в немецком обозначении PzKpFw38(t) и PzKpFw35(t), где буква «t» являлась аббревиатурой от слова «Tscheche», «Чехия». По некоторым сведениям, ко времени нападения Германии на Советский Союз бронетехника чешского производства составляла четвертую часть парка всех 17 немецких танковых дивизий первого эшелона. Быстроходные, высокоманевренные 10,5-тонные «Шкоды» и 8-тонные «Праги», прекрасно зарекомендовавшие себя при захвате гитлеровцами Польши, Франции, Югославии, первоначально доминировали также на германо-советском фронте и были сняты с производства только после появления советского танка Т-34. Продукция чешского производства составляла весьма значительную часть всего немецкого парка бронетехники до конца войны⁵³.

О советско-словацких экономических связях говорится в главе об отношениях СССР и Словакии в 1939–1941 гг.

¹ Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. Том 1. М., 1990. С. 360.

² В записи беседы Мерекалова с Вайцзекером от 17 апреля 1939 г. говорится об идеологических разногласиях (Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 174).

³ Год кризиса 1938–1939. Том 1. С. 389.

⁴ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 179.

⁵ Год кризиса 1938–1939. Том 1. С. 457.

⁶ Там же. С. 465.

⁷ Там же. С. 482–483.

⁸ Там же. С. 518–519.

⁹ Там же. С. 523–527.

¹⁰ Согласно договору, подписанному в Рапалло 16 апреля 1922 г., между РСФСР и Германией восстанавливались дипломатические отношения, а также предусматривалось развитие экономических связей между странами на основе принципа наибольшего благоприятствования (Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 223–224).

¹¹ Год кризиса 1938–1939. Том 2. С. 40–41.

¹² Там же. С. 61.

¹³ Там же. С. 65–66.

¹⁴ Там же. С. 71–73.

¹⁵ В этой связи интересен малоизвестный документ, полученный советским полпредством в Берлине, о чем Астахов 4 июля сообщил в НКВД. Это неофициальное, анонимное письмо было напечатано на машинке «на хорошей бумаге и вложено в конверт официального вида». «Нам прислан не подлинник, — писал Астахов, — а копия, пропущенная сквозь копирку навыворот и читаемая лишь насквозь или через зеркало. ... Документ этот характерен тем, что стоит в связи с давно уже циркулирующими в городе слухами о введшихся, якобы, советско-германских переговорах о разделе Польши». Приводился полный текст письма, в котором говорилось: «1. Германское имперское правительство будет приветствовать, если правительство СССР пойдет навстречу предложениям о непосредственной договоренности в отношении будущей судьбы Польши и Литвы. 2. Германское имперское правительство при этом исходит из предположения, что оба правительства имеют вполне понятное желание восстановить свои границы 1914 года или снова вернуть себе области, присоединенные к другим странам. 3. Германское имперское правительство считает, что при достижении согласованности обоих правительств ничто не могло бы вос-

препятствовать непосредственному выполнению названных в пункте 2 желаний. В частности, бесцельным было бы как сопротивление стран, интересы которых были бы при этом задеты, так и интервенция третьих государств. 4. Перед началом взаимных действий целесообразно было бы договориться о демаркационной линии, которую обе стороны обязуются не переступать, а также прохождении будущей общей границы. 5. В отношении границ германское имперское правительство, исходя из интересов государственной обороны, желало бы незначительного распространения границы 1914 г. до линии реки Варты. 6. В качестве компенсации за несравненно большую часть территории, получаемой СССР, германское имперское правительство претендует на занятие Литвы. 7. В отношении бывших русских областей теперешнее положение должно сохраниться. 8. Осуществление этого проекта улучшило бы существенным образом не только позиции обоих контрагентов, но также в результате установления общей границы, имело бы своим следствием значительное усиление веса СССР как союзника в глазах западных демократий» (АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 79–84). Письмо, по сути, являлось первым наброском германских предложений СССР о разделе Польши и политике в Прибалтике, которые затем в уточненном виде вошли в секретные приложения к советско-германскому пакту о ненападении 23 августа 1939 г. Автору не известно, каково происхождение документа и было ли знакомо с ним высшее советское руководство.

¹⁶ Известия. 22 июля 1939 г.

¹⁷ Год кризиса 1938–1939. Том 2. С. 120–121.

¹⁸ Там же. С. 136–139.

¹⁹ Там же. С. 145.

²⁰ Там же. С. 157.

²¹ Там же. С. 229–231, 232–233.

²² Там же. С. 280–291.

²³ Год кризиса 1938–1939. Том 2. С. 404 (примечание 150).

²⁴ Král V. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v českých zemích. 1938–1945. Díl II. Praha, 1958. S. 72, 102.

²⁵ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl I. Praha, 1947. S. 257.

²⁶ Sládek Z. Hospodářské styky mezi pomnichovskou ČSR a Sovětským Svazem (1938–1941) // Slovanské historické studie. XVI. Praha, 1988. S. 146.

²⁷ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 73.

²⁸ Sládek Z. Hospodářské styky... S. 148.

²⁹ Глава германской экономической делегации Шнурре, находившейся в это время в Москве и принятой 8 октября 1939 г. председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым, сообщал в МИД Германии: «Поставки сырья, требуемого нами, ввиду неудовлетворительной ситуации со снабжением внутри России, могут быть выполнены лишь за счет собственного

потребления русских» (СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. / Составитель Ю. Фельштинский. Copyright © 1983 by Telex.

30 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl I. S. 291–293.

31 Правда. 9 октября 1939 г. (см. в: СССР — Германия 1939–1941. С. 16).

32 Sládek Z. Hospodářské styky... S. 149–150.

33 СССР — Германия. 1939–1941. С. 32. В ноябре 1940 г. А.И. Микоян в беседах со Шнурре с досадой жаловался, что немцы не хотят «принимать заказы на поставку необходимых советскому правительству военных материалов, поставляя в то же самое время военные материалы Финляндии и другим странам» (там же. С. 93).

34 Цит. по: АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 125.

35 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 91.

36 СССР — Германия. 1939–1941. С. 36–39.

37 Уже к 1 августа 1940 г. в соответствии с данным соглашением германские военные поставки в СССР составили 44,9 млн марок. В качестве образцов были поставлены самолеты «Хейнкель Хе-100», «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», «Юнкерс Ю-88», «Дорнье До-215», «Бюккер Бю-131», «Бю-133», «Фокке-Вульф», авиационное оборудование, 2 комплекта тяжелых полевых гаубиц, батарея 105-мм зенитных пушек, средний танк «Т-3», 3 полугусеничных тягача, различные виды стрелкового оружия и боеприпасы, приборы управления огнем и т. д. См.: Год кризиса 1938–1939. Том 2. С. 404 (примечание 150).

38 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 1, 12.

39 СССР — Германия. 1939–1941. С. 142.

40 Там же. С. 154.

41 До июня 1941 г. крейсер так и не был построен.

42 СССР — Германия. 1939–1941. С. 162–164.

43 Sládek Z. Hospodářské styky... S. 155.

44 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 16.

45 Там же. Л. 27.

46 Sládek Z. Hospodářské styky... S. 156–158.

47 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 1. П. 1. Д. 1. Л. 13.

48 Sládek Z. Hospodářské styky... S. 158.

49 Ibid. S. 159–161.

50 АВП РФ. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 100–101.

51 <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/1941/voll/0241.html>; 1941 год: в 2 кн. Кн. 1. М., 1998. Док. № 271.

52 <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/1941/voll/0341.html>; 1941 год. Кн. 1. Док. № 316.

53 <http://www.gazeta-slovo.ru/slovo.nsf/327532c>.

Глава 5

Чехо-словацкий легион Л. Свободы: интернирование и судьба

История пребывания в СССР легиона под командованием подполковника Л. Свободы, входившего в состав польской армии и добровольно перешедшего на сторону Красной Армии, когда она 17 сентября вступила на территорию Восточной Польши (ныне — Западная Украина и Западная Белоруссия), до сих пор изучена неполно и фрагментарно. Основным и весьма ценным источником для исследования истории легиона являются дневники и мемуары Л. Свободы¹. На последних, однако, лежит отпечаток того времени, когда они создавались, и поэтому некоторые из утверждений автора нуждаются в сопоставлении с ныне доступными архивными материалами и подлежат корректировке. Что касается пребывания легиона в советских лагерях, то оно описано Свободой лишь в общих чертах. С открытием доступа в российские архивы появилась возможность осветить указанный вопрос более подробно, привлекая для этого материалы Главного управления по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР. Ранее дела управления находились в Центре хранения историко-документальных коллекций (так называемом «особом архиве») (ЦХИДК), теперь этот фонд передан в Российский государственный военный архив (РГВА). Указанный источник дает возможность показать отношение советских властей к интернированным чехам и словакам, выявить пути и время их перемещения из одного лагеря в другой, судить о настроении легионеров и об условиях их жизни, точно определить время и списочный состав отправляемых из СССР (по терминологии советских документов той поры — «выдворяемых из СССР») групп интернированных чехов и словаков, а также проследить судьбу тех из них, кто остался в Советском Союзе. Некоторые материалы по теме удалось обнаружить в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), хотя, видимо, пока здесь еще не все доступно исследователям.

Ярмолинцы

После расчленения Чехо-Словакии в марте 1939 г. многие из ее граждан, как уже говорилось, предпочли жизнь в изгнании, эмигрировав либо на Запад, либо на Восток. Это были люди различного возраста и социального положения, разных политических и религиозных воззрений. Одни из них рассчитывали просто переждать трудные времена, другие готовы были включиться в борьбу за освобождение своей страны от оккупантов и восстановление ее независимости. Среди последних находился и сорокачетырехлетний подполковник распушенной гитлеровцами после 15 марта чехо-словацкой армии Людвик Свобода. Сразу после оккупации он вступил в подпольную организацию бывших чехо-словацких военнослужащих — впоследствии она получила название «Защита нации», — затем в начале июня 1939 г. тайно, в тормозном отсеке товарного вагона, пересек чешско-польскую границу в районе Моравской Остравы, чтобы попасть в Польшу. Она являлась до сентября 1939 г. главным «перевалочным пунктом» чешской и словацкой эмиграции (основную ее часть в то время составляли военные) на Запад, преимущественно во Францию, Англию, США. Летом 1939 г. в чешском подполье уже было известно, что бывший президент страны Э. Бенеш готов возглавить за границей борьбу за восстановление ЧСР.

Первые группы чехословацких граждан, оказавшиеся на территории Польши, сосредотачивались в Кракове. Здесь с июня 1939 г. находился представитель ЧНК, бывший чехо-словацкий посол в Польше Ю. Славик. По некоторым данным, через Краков до сентября 1939 г. прошло 10 тыс. чешских и словацких эмигрантов². Польские власти долгое время тянули с решением вопроса о создании чехо-словацкой воинской части в стране, хотя и пошли навстречу просьбам о предоставлении чешским и словацким добровольцам казарм и военного полигона в Малых Броновицах под Краковом. С 19 июня группой чехо-словацких добровольцев тут командовал Л. Свобода. К середине августа 1939 г. в лагере сосредоточилось около 3 тыс. чешских и словацких эмигрантов-военнослужащих, 2 тыс. из которых по просьбе чехо-словацких эмигрантских кругов в Париже были направлены во Францию³. Только после нападения гитлеровской Германии на Польшу ее президент Й. Мосьцицкий 3 сентября 1939 г. издал декрет о создании чешского и словацкого легиона в Польше во главе с генералом Л. Прха-

лой. По этому случаю были направлены телеграммы Мосьщицкому и Бенешу. В первой выражались благодарность и желание воевать плечом к плечу с польской армией «против общего врага, Германии». Во второй Бенеш приветствовался как президент и давалась клятва «плечом к плечу с братьями-поляками и другими союзниками выдержать в борьбе до тех пор, пока немецкие захватчики оружия не сложат и родину не освободят»⁴. Но вооружить и обмундировать легионеров из-за катастрофического развития событий на польско-германском фронте не удалось. Польские власти передали легиону, по воспоминаниям Свободы, 12 легких и 4 тяжелых пулемета, 5400 патронов, и 100 саперных лопат, а по данным ГУПВИ, и того меньше: 9 ручных и 4 тяжелых пулемета, 4500 патронов, но ни винтовок, ни револьверов не было⁵. 11 сентября польское верховное командование, которому подчинялась чехо-словацкая часть, перемещенная к тому времени поближе к советско-польской границе в Лесну под Барановичами (622 человека)⁶, издало приказ о спешной эвакуации лагеря. И еще в тот же день транспорт с легионерами и группой гражданских сотрудников чехо-словацких представительских органов отбыл в направлении Ровно — Львов, где воинская часть должна была пополниться издавна там проживавшими волынскими чехами, довооружиться и принять участие в боях.

12 сентября Ю. Славик сообщил в Лондон о том, что Прхала направил в Ригу д-ра Палковского, который намерен отправиться в Москву для переговоров о вооружении чешских и словацких легионеров и о возможном их переходе в случае необходимости на территорию СССР. Славик опасался, что эта акция может не дать результатов и поэтому обратился к советскому послу в Польше Н.И. Шаронову и советскому военному атташе полковнику П.С. Рыбалко (впоследствии маршал) с просьбой добиться разрешения на переход легиона в СССР с целью его дальнейшей переправки на Запад. Советские дипломаты 11 сентября отбыли на родину, обещав Славика выяснить этот вопрос и по возвращении в Польшу через 4–5 дней дать ответ. Шаронов, по словам Славика, считал, что легионеры в СССР должны быть интернированы и позже по просьбе чехословацкой стороны (Фирлингера, Бенеша) переправлены на Запад. «Рыбалко обещал по этому вопросу прямо поговорить с Ворошиловым, — сообщал Славик. — Подчеркиваю, что иного выхода на случай опасности я не вижу. Румынская граница от Барановичей чересчур далеко. Литва или Латвия, полпредов которых здесь нет, тоже, по мнению Советов (советских диплома-

тов. — В. М.), французов и англичан, не нашли бы мужества пропустить наши легионы через [свои] границы. Остаются только Советы, и я думаю, что лучше быть интернированным, чем повешенным»⁷. Однако ситуация сложилась так, что ни Шаронов, ни Рыбалко уже не вернулись в Польшу, в пределы которой 17 сентября на основании секретных соглашений СССР с Германией вступили части Красной Армии.

Перемещенный на территорию нынешней Западной Украины чехо-словацкий легион, точнее, его подразделение, вооруженное тяжелыми пулеметами, по приказу польского командования участвовало в обороне г. Тарнополя (с 1944 г. — Тернополь). 16 сентября командовавший легионом Л. Свобода отдал приказ этому подразделению в случае приближения немецких войск к городу отступать на юг вдоль тогдашней советско-польской границы. Если же это окажется невозможным, то следовало перейти на территорию СССР, и заявить о себе советским властям как о политических эмигрантах. Затем надлежало выяснить, не находится ли весь легион на территории СССР и в случае положительного ответа стремиться к воссоединению с ним⁸. В немецких документах того времени чехо-словацкие легионеры именовались «толпой изменников, бежавших из протектората». Переход на территорию Румынии, как первоначально предполагалось, при тогдашних ее отношениях с Германией был чреват опасностью быть выданным гитлеровцам. На практике этого не случилось, и часть чехо-словацкого легиона во главе с Прхалой, оказавшаяся на территории Румынии, затем была переправлена на Запад. Л. Свобода избрал другой вариант: пройти пешком 45 км, отделявших Тарнополь от границы, и перейти на территорию СССР. В справке лейтенанта госбезопасности, начальника 2-го, Учетного отдела ГУПВИ НКВД СССР Маклярского, составленной в феврале 1940 г., развернувшиеся далее события описываются так: быстрый разгром польской армии германскими войсками вызвал серьезное опасение командования легиона — как бы не попасть в плен к немцам. Л. Свобода направил специального курьера к Славiku за разрешением перейти на советскую территорию и там интернироваться. Тот обратился к Шаронову и Рыбакову⁹ с просьбой о том, чтобы пропустить легион в СССР, а оттуда — в Румынию. 16 сентября Славик сообщил командованию легиона, что он не возражает против предложенного варианта, и распорядился двигаться «к русской границе». 18 сентября у местечка Раковец (Тарнопольского воеводства) легион «был пленен

частями РККА» (так значится в указанной справке Маклярского) ¹⁰. Позднее, в своем письме в НКВД в конце ноября 1939 г., Л. Свобода так описывал случившееся: «18 сентября с. г. мы были уже под охраной Ваших войск, освобождающих Западную Украину и Западную Белоруссию. Мы были сердечно приняты и окружены заботой» ¹¹. Как это выглядело на практике, показано ниже.

Интересен эпизод, описанный Л. Свободой в мемуарах. В первый же день пребывания легиона на территории, занятой Красной Армией, командир легиона с группой офицеров «удостоились чести» беседовать с Л.З. Мехлисом, в то время начальником Политуправления РККА. Тогда Свобода не знал, кто был беседовавший с ними «высокий военный начальник», и узнал Мехлиса во время случайной встречи с ним на освобождаемой Красной Армией территории Словакии в январе 1944 г. На вопрос Мехлиса в сентябре 1939 г., «зачем вы сюда пришли?», Свобода, по его словам, ответил: «...чтобы когда-нибудь, когда вы будете воевать с нацистами, которые оккупировали нашу родину, сражаться плечом к плечу с вами за свое освобождение». Я еще не успел договорить, — вспоминал Свобода, — как понял, что мой ответ пришелся не по вкусу начальнику. Он покраснел и «разразился» тирадой: «Кто вас так обманул? Кто? Кто вам мог сказать, что мы идем против Германии? Вы ведь знаете, что у нас есть с Германией договор о ненападении! Мы не готовимся напасть на Германию, мы пришли, чтобы занять Западную Украину, поскольку она наша, а в двадцатом году ее у нас поляки не по праву отняли» ¹².

В свою часть Свобода в тот день не вернулся, а был отправлен в сопровождении двух бронемашин, выделенных командиром корпуса КА, в г. Каменец-Подольск, куда вскоре прибыл и легион. Сначала он был размещен здесь в Ворошиловских артиллерийских казармах, а 7 октября временно перемещен в села Ольховцы, Гусятин, Врховец ¹³. Узнавший из телеграммы Славика об интернировании легиона Фирлингер 18 сентября попросил о срочной встрече с А.М. Александровым, заведующим Центральноевропейским отделом НКВД. Полпред сообщил, что в районе Тарнополя за линией советских войск оказалось около тысячи чешских солдат, и просил оказать им дружественный прием, а если возможно, направить их в Англию или во Францию, отметив при этом, что согласия этих стран он еще не имеет ¹⁴. Обнаруженный в фонде «Секретариат В.М. Молотова» документ свидетельствует, что советский нарком иностранных дел был в курсе происшедшего. Бенеш через Майско-

го также обратился к советскому правительству 22 сентября с просьбой «позаботиться о чешских legionерах и считать понесенные при этом расходы займом, оказанным Чехословакии, которая в результате нынешней войны, несомненно, должна возродиться». При этом Бенеш выразил пожелание направить legionеров, если возможно, из СССР во Францию. Майский заверил, что передаст в Москву просьбу, но выразил сомнение в том, что СССР, будучи нейтральной страной, «может заниматься транспортом legionеров во Францию». «Помощь же legionерам в СССР, конечно, окажем», — заверил советский посол¹⁵.

Как уже говорилось, примерно в это же время, 15 сентября 1939 г., вопрос об отношении к национальным legionам обсуждался и на заседании ИККИ. Основным докладчиком являлся Готвальд, которому и поручили составить проект решения таким образом, «чтобы совершенно четко и ясно было выражено наше отрицательное отношение к добровольному вступлению коммунистов и революционных элементов в национальные legionы». Негативно оценивалось, в частности, и создание чешских legionов как орудия «в руках английского империализма». Если же, говорилось в решении ИККИ, французское и английское правительства законодательными или иными принудительными мерами заставят эмигрантов сражаться на их стороне, то чешские коммунисты и политэмигранты «вступят в национальные legionы и будут бороться там за их превращение в ходе войны в инструмент национальной и социальной освободительной борьбы своих народов против германского, английского и французского империализма»¹⁶. Помета Г. Димитрова на первой странице документа гласила: «Распространено». Трудно сказать, стало ли это решение известно рядовым коммунистам, но те из них, кто оказался в составе legionа Л. Свободы, как станет ясно из последующего, руководствовались именно этими рекомендациями.

Что касается советских властей, то указанное решение не оказало какого-либо воздействия на их отношение к чехо-словацким legionерам, конкретной судьбой которых занималось ГУПВИ НКВД СССР. Оно было создано 19 сентября 1939 г., т. е. на второй день после начала «западного похода» Красной Армии. Возглавлял Управление капитан госбезопасности П.К. Сопруненко. В начале октября 1939 г. высшее советское руководство (в одних документах говорится о заседании Политбюро ЦК ВКП(б), в других — СНК СССР, возможно, было и то, и другое) рассмотрело вопрос о судь-

бах интернированных. В решении Политбюро от 2 октября (пункт 6) говорилось: задержанных чехов, примерно 800 человек, отпустить при условии взятия у них подписки, что они не будут воевать против СССР. 29 октября нарком внутренних дел Л.П. Берия информировал наркома иностранных дел В.М. Молотова, что подготовительная работа по выдворению легионеров уже закончена, все «чехи» дали подписку, что не будут воевать против СССР, и 553 из них выразили желание отбыть через Румынию во Францию¹⁷.

В то же время бывший чехо-словацкий военный атташе в Бухаресте полковник Г. Пика договаривался с румынскими властями о разрешении перехода легионеров, находившихся в СССР, на территорию Румынии, что следует из его сообщения либо в Лондон, либо в Париж (вероятнее всего, генералу С. Ингру) в середине октября: «Я договорился с румынской службой безопасности, что она разрешит переход небольшими группами наших добровольцев из Советского Союза в Румынию, где они были бы дискретно дислоцированы вблизи Констанцы и оттуда отправились бы в Марсель. Поэтому я просил господина посла Фирлингера снабдить наших добровольцев чехословацкими паспортами — как гражданских беженцев — и отправить их группами в Румынию»¹⁸. 10 октября Пика отправил телеграмму Фирлингеру: «Несколько сотен наших добровольцев находятся на территории к востоку от Луцка. У них нет никаких средств, и они ждут Ваших указаний. Направьте срочно чиновника полпредства для обеспечения всех на месте чехословацкими паспортами. Их следует рассматривать как гражданских беженцев и отправить в Румынию небольшими группами через многие пограничные пункты перехода»¹⁹. Фирлингер пытался связаться с легионерами, но ему это не удалось. 31 октября он сообщил Рипке в Лондон: «Западная Украина и Западная Белоруссия до сих пор наглухо закрыты для всякой связи с Советским Союзом. Невозможна никакая почтовая или телеграфная связь. Наша просьба о посылке кого-нибудь в Луцк до сих пор не выполнена. Поэтому мы не могли установить связь и с нашими земляками или добровольцами (имеются в виду легионеры. — В. М.), но у меня сложилось впечатление, что советские органы, особенно военные, о них заботятся и будут стремиться их переправить каким-либо образом в Румынию»²⁰.

Москва, как выяснил Пика, действительно обратилась к Румынии с просьбой разрешить переход 120 офицерам и приблизительно 540 солдатам чехо-словацкого легиона (из Польши), которые

будут снабжены советскими документами и выездной визой и часть которых хотела бы остаться в Румынии, но большинство желает уехать во Францию и вступит в ряды чехословацкой воинской части. Министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку, по словам Пики, опасался принять такое решение из-за боязни ухудшения отношений с Германией и полагал, что советские власти сами могли бы отправить легионеров на Запад через Одессу. Кроме того, он опасался, что Россия может прислать под видом легионеров коммунистов для ведения пропаганды в Румынии. Несмотря на то что Гафенку обещал Пике дать благоприятный ответ Москве, Румыния так и не разрешила переход на ее территорию чешских и словацких легионеров из Советского Союза²¹. 15 ноября 1939 г. С. Ингр сообщил из Парижа в Лондон: «Советы просят Румынию дать согласие на переход нашего польского легиона через Румынию по советским паспортам и визам. Румынское правительство опасается, как бы тем самым не оказался нарушенным [ее] нейтралитет. Прошу, как об этом просит Дора (криптоним Г. Пики. — В. М.), принять меры, чтобы Россия или гарантировала дискретность, или отправила транспорты прямо в Бейрут»²².

Не удалось ничего сделать и Фирлингеру, чтобы напрямую помочь легионерам. 25 ноября он писал Рипке в Лондон: «Что касается наших добровольцев, так называемого польского легиона, то я мог только выяснить, что одна, меньшая группа находится в Чешском Квасилове, а другая — в Гусятине. ... Мы неоднократно писали и телеграфировали, стремясь установить связь, но напрасно. Советские органы явно намерены разрешить это без нашего прямого содействия. ... У меня впечатление, что здешние органы в результате наших многочисленных интервенций имели огромное желание отправить наших людей в Румынию, как об этом и просили. Но в последнее время со стороны Румынии опять возникают трудности... Я думаю, что излишне чересчур бранить советские органы, поскольку у меня впечатление, что тут было стремление весь вопрос решить без шума»²³.

Пока наверху решался вопрос о том, как поступить с чехо-словацкими легионерами, их конкретной судьбой занималось ГУПВИ, отдавшее ряд распоряжений о размещении их по лагерям. Во всех возникших в сентябре лагерях действовали «особые отделения по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных», на которые согласно директиве наркома внутренних дел Л.П. Берия возлагалось создание агентурно-осведомительной сети для выявления

среди военнопленных контрреволюционных формирований и освещения их настроений. Массовое поступление военнопленных с 25 сентября по 7 октября 1939 г. привело, как сообщал Сопруненко Берии 23 октября, «к значительной перегрузке лагерей». Возникли проблемы «с размещением военнопленных», «повсеместно отмечалась большая скученность из-за недостатка помещений и нар, плохое обслуживание баней, перебои с питанием, главным образом из-за отсутствия приспособленных для такого количества людей пекарен, кухонь и кухонного оборудования»²⁴. В одном документе более позднего времени значилось, что в 1939–1941 гг. УПВИ НКВД СССР приняло свыше 120 тыс. военнопленных поляков и легион чехословаков Л. Свободы²⁵.

В чрезвычайно трудных условиях оказались также чешские и словацкие легионеры. 6 ноября 1939 г. они были перемещены из Ольховец в местечко Ярмолинцы Каменец-Подольской области. Около 700 человек оказались размещенными в здании военкомата, вместимость которого составляла 450 человек. По сообщению представителя НКВД УССР Зверева, легионеры были раздеты, у них отсутствовали обувь, белье и постельные принадлежности, люди спали на нарах, покрытых соломой. Зверев просил отгрузить в Ярмолинцы по 700 пар нательного белья и обуви, по 700 пальто и телогреек, головных уборов, по 700 комплектов постельных принадлежностей: одеял, матрацев, простыней, наволочек²⁶.

27 ноября Л. Свобода отправил обширное письмо в НКВД СССР с изложением обстоятельств, при которых легион оказался на территории СССР, и условий жизни легионеров в Ярмолинцах. «Наступающая скверная погода и зима, — писал Свобода (стиль письма, написанного по-русски, сохранен. — В. М.), — серьезно угрожают здоровью участников группы. Одежда людей, которые бежали в летних костюмах, находится в плохом состоянии, а обуви совершенно не хватает на 150 человек — они босы. Эта действительность производит неблагоприятное душевное состояние группы. ... Полученная от Вас помощь была дана самым нуждающимся. Просим поэтому о достаточной присылке белья, одежды и, главное, обуви» (подчеркнуто в документе синим карандашом. — В. М.). Письмо заканчивалось так: «Заверяем Вас, что все участники²⁷ группы проникнуты любовью и лаской к Вам и Вашему народу. Верим в справедливость, верим в Вас, потому что в тяжелые времена осени 1938 г. единственно Вы верно защищали наше справедливое дело. Наш народ Вам за это бесконечно благодарен и теперь

надеется на Вашу помощь, которую хотим заслужить собственной работой. Хотим сами бороться за свободу нашего трудящегося народа. Так как в теперешней ситуации нам можно выполнить наши великие и глубокие желания только на земле Франции, просим (подчеркнуто синим карандашом. — В. М.), чтобы из-за этой единственной нашей цели, ради которой мы оставили родную землю, помогли нам как можно скорее». Письмо в двух экземплярах было передано начальнику НКВД в Каменец-Подольске, а копия направлена З. Фирлингеру в Москву²⁸.

28 декабря 1939 г. письмо было направлено заместителю наркома иностранных дел В.П. Потемкину. В секретариат наркома оно поступило 5 января 1940 г. Судя по пометам, письмо обсуждалось в ЦК ВКП(б). Вверху документа — сделанная простым карандашом помета: «Т. Потемкину. Сговорился в ЦК — отправить в Румынию. В. Молотов»²⁹. Примерно в то же время, в декабре 1939 г., в адрес НКВД пришла телеграмма, подписанная «за семьсот человек в Ярмолинцах» подполковником Л. Свободой, с просьбой «ускорить наше отправление, чтобы мы могли исполнять нашу гражданскую обязанность в борьбе за свободу нашего народа»³⁰.

Очевидно, примерно тогда же Л. Свобода оказался в Москве (обстоятельства его приезда и пребывания в Москве автору не известны), где лично общался с «сотрудником НКВД» или «сотрудником НКВД» по фамилии Орлов (возможно — криптоним), добываясь отправки легиона во Францию. Во время одной из таких встреч, согласно его дневниковым записям, Свобода заявил: «Все члены вступили в группу добровольно и без какого-либо давления подписали заявление, что отдают себя в распоряжение руководства чехословацкого заграничного сопротивления во главе с президентом Э. Бенешем, чтобы бороться за освобождение Чехословацкой республики... они должны свое обязательство выполнить». При этом Свобода настаивал на том, что из Советского Союза должны уехать все, чтобы вступить в создаваемую во Франции армию. По поводу тех, кто не захотел бы этого сделать в случае, если СССР предоставит им возможность остаться, Л. Свобода заявил, что он не может забрать их насильно, но, как командир, «объявит всех этих людей трусами, изменниками и дезертирами» и передаст их дела после присоединения к основной армии в военный суд. По словам Свободы, Орлов при этом заявил: «Ваша позиция правильная! Заверяю Вас, что СССР не даст никому согласия на то, чтобы остаться в СССР. Должны уехать из СССР все»³¹.

Многочисленные интервенции и переговоры, касающиеся судьбы легиона, возымели свои результаты, заставив обратить внимание на положение легионеров в плане его улучшения. На имя председателя Экономического совета при СНК СССР А.И. Микояна за подписью Берии пришло письмо с просьбой дать указание об отпуске материалов, необходимых для обмундирования легионеров и обустройства Ярмолинского лагеря³². 20 декабря Микоян направил наркомам легкой и текстильной промышленности СССР — С.Г. Луканину и А.Н. Косыгину — указание (копия — в НКВД СССР Л.П. Берии) «немедленно выделить НКВД за счет других потребителей для обеспечения интернированных офицеров и солдат Чешского легиона бывшей польской армии» по 700 телогреек, ватных шаровар, нательного белья, кожаных ботинок, шапок-ушанок, одеял, простыней. Интернированным был назначен красноармейский паек, в который входили: хлеб ржаной — 500 гр., хлеб пшеничный — 500 гр., крупа — 150 гр., рыба — 75 гр., мясо — 150 гр., растительное масло — 35 гр., животный жир — 20 гр., сахар — 35 гр., чай — 50 гр. в месяц, сало — 30 гр., овощи — 750 гр., мука подболточная — 20 гр.³³.

22 декабря Сопруненко направил телеграмму наркому внутренних дел УССР И.А. Серову, в которой просил, ссылаясь на постановление Экономсовета, содействовать немедленной отгрузке в адрес Каменец-Подольского УНКВД вещей, предназначенных для «интернированных чехов». В тот же день УПВИ НКВД СССР разослало по различным адресам еще несколько телеграмм с аналогичной просьбой. Например, УНКВД Полтавы получило такое указание за подписью Сопруненко: «Прошу немедленно, повторяю, немедленно, отгрузить станцию Ярмолинцы адрес Каменец-Подольского УНКВД наволочек тюфячных 700, подушечных — 1400, также 700 пар портянок теплых. Исполнение телеграфируйте»³⁴. Однако колеса бюрократической машины крутились медленно, и, согласно блокнотным записям Маклярского, «к 29 декабря в Каменец не прибыло ничего»: «Ботинки должен был дать Киев — переадресовал Каменцу; Каменец — Проскурову; Проскуров — снова Киеву. Телогрейки должна была дать Одесса, переадресовала Балте. Вместо 700 байковых одеял дали 500, 200 пикейных»³⁵. Только 20 января 1940 г. Маклярский телеграфировал Хохлову о получении и раздаче белья, простыней, одеял, теплых шапок, но сообщал, что пока не получены ботинки, фуфайки, брюки, отгруженные из Киева и Одессы³⁶.

В докладной записке от 4 февраля 1940 г. тот же Маклярский писал: «Отгрузка обмундирования, выделенного Экономсоветом для чехов, была настолько безобразно организована, что ботинки были получены только 31 января 1940 г., фуфайки — 2 февраля, а ватные брюки по сей день еще не прибыли»³⁷. В конце декабря 1939 г. Сопруненко и комиссар УПВИ Нехорошев направили Берии докладную записку. Ссылаясь на сообщение наркома внутренних дел УССР Серова, они писали, что «интернированные в Каменец-Подольске офицеры и солдаты чехословацкого легиона содержатся неудовлетворительно. Их бытовое положение и надзор за ними не обеспечены». В связи с тем, что, по заявлению Потемкина, «Румынское и Американское посольства отказались от приема интернированных чехословаков и перспектив на отправку их в ближайшее время нет», УПВИ просило разрешения «организовать специальный лагерь для интернированных чехословацких солдат и офицеров»³⁸.

В начале января для размещения легионеров в Ярмолинцах с помощью обкома ВКП(б) было выделено дополнительное помещение пионерского клуба на 135 человек, и Хохлов сообщил зам. наркома внутренних дел СССР Чернышову о том, что «ввиду отсутствия более подходящего помещения» он считает возможным оставить интернированных чехов в Ярмолинцах, «организовав для их содержания лагерь». Чернышов принял это предложение и отдал приказ о создании такого лагеря в Ярмолинцах, утвердив и временный его штат в составе 23 человек³⁹. Однако одновременно 4 января 1940 г. он дал указание Горлинскому (НКВД, Киев) «принять срочные меры по подысканию соответствующего места в пределах УССР для содержания чехов в условиях нормального размещения»⁴⁰. Мотивировалось это тем, что они «размещены в непригодных помещениях».

В это время в лагере находилось 673 легионера и одна женщина⁴¹, в том числе 137 офицеров, 141 подофицер, 25 аспирантов, 17 ротмистров, 17 сверхсрочников, 336 солдат. Среди офицеров были 2 генштабиста, 59 пехотинцев, 33 артиллериста, 19 хозяйственников, 4 летчика, 4 кавалериста, 4 связиста. В целом ранее служили в пехоте 473 человека, в артиллерии — 89, в авиации — 38, в кавалерии — 22, в интендантских и саперных частях, а также в войсках связи — соответственно 23, 17 и 9 человек⁴². Национальный состав легиона был таков: 507 чехов, 62 словака, 104 еврея⁴³.

Несмотря на предпринятые усилия, улучшить бытовые условия интернированных в Ярмолинцах не удавалось. В частности, не

хватало материала для строительства нар, а леса в Каменец-Подольске не было, и надо было доставлять его из других мест. Маклярский в конце января 1940 г. просил в телеграмме Хохлову «форсировать отправку лесоматериала, поскольку срываются необходимые мероприятия по созданию минимальных условий людям»⁴⁴. Не увенчались успехом и поиски на Украине через штабы Киевского и Харьковского военных округов места, где можно было бы разместить чехо-словацких легионеров. «На Украине за неимением помещения разместить негде. Просим разместить в другом округе. Дальнейшее содержание в Ярмолинцах невозможно», — писал Зверев Хохлову 29 января 1940 г.⁴⁵. А Маклярский в докладной записке от 4 февраля 1940 г. подчеркивал, что «жилищные условия, в которых находятся сейчас чехи, абсолютно неудовлетворительные», что «только одна треть людей имеет возможность спать на досках (нарах. — В. М.), остальные — на полу», что «перевод чехов в более просторное помещение вне Украинской ССР необходимо осуществить как можно скорее»⁴⁶. Далее Маклярский сообщал, что «снабжение продовольствием до сих пор осуществляется явочным порядком... такие продукты, как печеный хлеб, мясо и т. п. приходится выделять за счет сокращения выдач населению». Указывал представитель УПВИ и на то, что «отсутствие белья, одежды, большая скученность привели к сильной завшивленности», а организация комплексной санобработки в сложившихся условиях невозможна⁴⁷.

Результатом неудовлетворительных бытовых условий являлось большое количество различных заболеваний. Среди легионеров имелось 8 врачей, в том числе 5 терапевтов, 2 хирурга, 1 стоматолог. Руководил ими штабс-капитан Н. Маллер. Эта группа медиков и обслуживала интернированных. Наиболее характерными заболеваниями были ангина, катар верхних дыхательных путей, фурункулез, ревматизм, а также чесотка и желудочно-кишечные расстройства. Многие страдали от недоедания⁴⁸. Как писал Маклярский, «никакого режима по содержанию чехов нет. До моего приезда в Ярмолинцы они с утра до вечера бродили по местечку, занимаясь спекуляцией, а некоторые из них антисоветской агитацией среди населения». Последнее понятно, так как условия жизни интернированных не располагали к восхищению советской действительностью. После приезда в Ярмолинцы Маклярского и назначения нового начальника пункта Карелина свободный выход за пределы

лагеря был закрыт: по специальному пропуску в город за покупками ежедневно выпускались только 5 человек⁴⁹.

Естественно, что все вышеописанное не могло не сказаться на настроении людей. Маклярский, касаясь этого вопроса, констатировал: «Настроение большинства легионеров отрицательное, главным образом по причинам а) тяжелых жилищно-бытовых условий и б) неизвестности относительно своей дальнейшей судьбы». Автор, указывая на наличие в составе легиона активных антисоветских элементов, отмечал, что систематическая антигерманская пропаганда, проводимая офицерским составом, осуществляется таким образом, чтобы вызвать ненависть не только к Германии, но и к Советскому Союзу, что серьезным источником антисоветских слухов являются радиопередачи английского и французского радио, которые принимаются ежедневно, что распространены различные антисоветские карикатуры. В распоряжении командования легиона в это время имелось два мощных радиоприемника, и ежедневно выпускались подробные печатные бюллетени, в которых излагалось содержание английских и французских передач. «В связи с тем, что политработа нами среди чехов не проводится, — делал вывод Маклярский, — дальнейший рост отрицательных, а равно антисоветских настроений будет продолжаться»⁵⁰.

В качестве примеров антисоветских высказываний приводились, в частности, такие: «Ротмистр Плицек в м. Ярмолинцы среди местного населения распространял клевету на колхозную жизнь и советскую печать, одновременно восхваляя жизнь в Чехословакии»; солдат Гашицкий утверждал, что «за 20 лет своего существования Советская власть ничего полезного для населения не сделала. Мы до сих пор наблюдаем, как здесь люди ходят голодные и плохо одетые, как нищие. Я здесь ни за что не останусь». Еще в конце 1939 г. распоряжением следственной части Управления госбезопасности были арестованы 9 чехов из числа легионеров и отправлены в Москву⁵¹.

Существовали и другие конкретные причины недовольства интернированных и усиления напряженности в лагере. Как уже говорилось, в январе 1940 г. Л. Свобода выехал в Москву. Однако писем от него не приходило, что, как сообщал Маклярский Хохлову 20 января 1940 г., вызывало «нежелательные здесь разговоры», говорили «даже о голодовке протеста». В связи с этим представитель УПВИ считал крайне желательным «организовать письмо Свободы в легион». Еще одной причиной недовольства являлся

вопрос о получении и отправке писем легионерами. Из Каменец-Подольска в Москву, по словам Маклярского, было отправлено более 5 тыс. писем, но ни одно из них обратно не возвращено. «Это совершенно неправильно, — писал он в УПВИ, — ибо значительная часть писем — чисто семейного характера. Такое положение с письмами отрицательно отражается на настроениях чехов, они ждут известий от своих родных, а мы их бюрократически задерживаем. Я считаю, что после проверки письма должны быть немедленно возвращены адресатам» (подчеркнуто в оригинале. — В. М.). Протест легионеров вызвало также их привлечение к работам по разборке костела, что расценивалось, как «гонение на религию». В своих блокнотных заметках Маклярский констатировал: «Если в ближайшее время не будет решен вопрос об отправке за границу, они (чехи. — В. М.) намерены с наступлением теплых погод, получив к этому времени обмундирование, уйти нелегально». И далее: «Настроение очень напряженное. Готовятся и обсуждаются различные формы протеста — голодовки, демонстрации»⁵². В январе 1940 г. легионеры начали регулярно снабжаться советскими газетами; политотдел УПВИ для них выписал газету «Моску Дейли Ньюс», в лагерь была направлена литература на чешском и других иностранных языках.

Маклярский полагал также, что третий отдел УНКВД по Каменец-Подольской области «чрезвычайно скверно» осуществляет оперативное обслуживание лагеря, что «никакой агентуры для освещения легионеров за все время третий отдел не приобрел, ссылаясь на несуществующее запрещение Москвы», «на отсутствие письменных указаний НКВД СССР по этому вопросу». «В качестве основных информаторов, — по словам Маклярского, — используются два легионера, о которых все знают, что они — официальные представители чешской компартии». «Беседуя с этими лицами, — продолжал автор, — я выяснил, что командир легиона подполковник Свобода знает об их связях с командованием пункта и когда ему нужно, чтобы о каком-нибудь факте стало известно нам, он вызывал их к себе, информировал о случившемся, просил сообщить об этом начальнику пункта». Речь шла о Сисермане (в другом документе — Зюсерман) и Вагенткнехте (или Вагенкнехт). Первый являлся секретарем чешского эмигрантского комитета в Катовицах по переброске чехов в Англию. Комитет находился под влиянием коммунистов и субсидировался группой коммунистических депутатов, эмигрировавших в Англию. Второй — один из редакторов

«Руде право» — эмигрировал в Польшу, где по заданию КПЧ вступил в легион для ведения партийной работы. Оба написали письмо в ИККИ с просьбой связать их с представителями Загранбюро КПЧ в Москве. Позднее они были отправлены в Москву⁵³.

Предметом забот УПВИ являлась и еще одна группа чехословацких военнослужащих, которая вследствие более позднего выезда из Кракова не была интернирована вместе с легионом Свободы, а рассредоточилась по Западной Украине. Этой группой, насчитывавшей, по сообщению Маклярского в УПВИ 8 января 1940 г., примерно 180–200 человек, командовал штабс-капитан Б. Лишка, затем — поручик Б. Неквасил. Маклярский писал, что эти legionеры проживают небольшими группками в чешских колониях, что никакой дисциплины среди них нет, а «влияние командно-офицерского состава сведено к нулю», что «чехи находятся вне всякого режима». Часть legionеров намеревалась остаться здесь на постоянное жительство, многие разъехались по всей Западной Украине, а 9 человек нелегально уехали в СССР. «В связи с этим, — писал Маклярский Хохлову, — пребывание чехов на территории Западной Украины, особенно в таком виде, мне представляется нежелательным». Он установил, что группа получила телеграмму от Бенеша, сообщавшего legionерам о том, что они скоро будут отправлены во Францию. Маклярский полагал, что «не исключено наличие регулярной нелегальной связи через Румынию с Парижем и Лондоном, с национальным чешским комитетом». Некоторые лица, по словам Маклярского называвшие себя чешскими коммунистами, вели активную работу по разложению легиона, агитировали за отказ от выезда за границу и за то, чтобы остаться в СССР. Вместе с тем, считал представитель УПВИ, legionеры «развили вредную националистическую деятельность» среди жителей чешских колоний, «призывая к борьбе за создание „независимой Чехословакии“». Дальнейшее нахождение этой группы в Западной Украине Маклярский считал «крайне нежелательным». «Вопрос о чехах требует незамедлительного разрешения, — записал он в своем блокноте. — Шляются по всей Западной Украине, оборудовали в каждом селении свои канцелярии, украшенные национальными флагами, портретами Масарика». Маклярский рекомендовал сосредоточить «всех чехов в одном месте на Украине»⁵⁴.

31 января 1940 г. Чернышов, ознакомившись с письмом Маклярского по этому вопросу, наложил резолюцию: «Нужно послать людей для проверки этих чехов, составить на них списки, прове-

ритель документы на руках у чехов. До этого собирать в одном месте не следует». Указание зам. наркома было выполнено УНКВД по Ровенской области. Проводивший регистрацию легионеров Кириллов сообщал Чернышову, что они проживают в 15 населенных пунктах Ровенской, Волынской и Львовской областей: Квасилов Чешски — 27 человек, Миротин — 40, Глинск — 27, Завидов — 7, Здолбунов — 2, Чешски Страклов — 18, Гульче Чешская — 6, Маневичи — 2, Ровно — 5, Дубно — 1, Луцк — 11, Львов — 1 человек. Всего — 147 человек. Среди них — 15 женщин, в том числе — 5 жен интернированных в Ярмолинцах, и 6 детей. По национальности — 139 чехов, 8 словаков и 1 поляк. В составе группы — 14 офицеров, из военных специалистов — 16 военных летчиков⁵⁵.

В период оформления выяснилось, что существовала еще одна группа легионеров численностью 57 человек, которая входила в состав легиона и должна находиться на территории Западной Украины. Однако ее местонахождение установить не удалось. Большинство легионеров работало в хозяйствах зажиточных чешских колонистов за кров и питание. В селе Квасилов Чешски находились Совет и канцелярия выявленной группы, которые вели учет легионеров и занимались материально-бытовыми вопросами. Было установлено, что группа имела связи с чехословацким полпредством в Москве и с командованием легиона в Ярмолинцах. З. Фирлингер в декабре 1939 г. перед ликвидацией полпредства перевел для квасиловской группы на адрес местных властей 5 тыс. рублей, которые были разделены между легионерами по 5 рублей каждому, а также выслал для них 184 паспорта. Об этом упоминал в своих мемуарах и Фирлингер, отмечавший, что для группы Л. Свободы паспорта выправить не удалось, так как связь с ней была утрачена⁵⁶. Как сообщал Маклярский в составленной им 23 февраля справке о легионерах, находившихся в Западной Украине, эти паспорта «в порядке перлюстрации» были перехвачены НКВД СССР⁵⁷.

Что касается связи с ярмолинской группой, то Маклярский общал о письме Л. Свободы Б. Лишке, направленном в конце декабря 1939 г. и содержавшем следующие директивы: «Назначаю Вас командиром частей, находящихся на оккупированной территории бывшей Польши с правами командира отдельной оторвавшейся части. Составьте полный список всех, которых предполагаете присоединить к нам, т. е. к основной группе, и сообщите мое решение, что все члены группы легионеров, которые откажутся от совместного с нами отъезда во Францию, будут объявлены дезерти-

рами». В упомянутой справке отмечалось также, что в декабре 1939 г. в УНКВД по Ровенской области поступило заявление от kwasиловской группы с просьбой о переводе их в Ярмолинцы. Проводивший регистрацию Кириллов отмечал, что легионеры отнеслись положительно к выезду за границу⁵⁸.

Положение обеих групп чехо-словацких легионеров, как интернированных в Ярмолинцах, так и рассредоточившихся по Западной Украине, было отчаянно тяжелым, что зафиксировано, по существу, во всех справках и документах УПВИ НКВД СССР того времени. В начале февраля 1940 г. Сопруненко и Нехорошев направили Берии письмо, в котором сообщали, что жилищно-бытовые условия чехов, находившихся в Ярмолинском лагере, «абсолютно неудовлетворительные», что «легионеры ведут националистическую деятельность среди жителей чешских колоний, вербуют местных жителей в состав легиона, занимаются антигерманской и подчас антисоветской пропагандой». В связи с тем, что «вопрос об отправке чехов за границу затягивается на неопределенное время», авторы просили разрешения на проведение следующих мероприятий: 1) вывоз всех чехов в один из лагерей для военнопленных с организацией там их трудоустройства; 2) содержание чехов в лагере как интернированных с соответствующим облегченным режимом; 3) для содержания чехов использовать вполне пригодный для этих целей, находящийся в резерве и изолированный от населенных пунктов Оранский лагерь (Горьковской области)⁵⁹. 1 февраля письмо примерно такого же содержания направил Берии и Чернышов⁶⁰. Резолюция Берии на повторной служебной записке Сопруненко и Нехорошева от 20 февраля 1940 г. гласила: «Безусловно чехов нужно содержать не хуже, а лучше, чем военнопленных, и их надо (подчеркнуто в оригинале. — В. М.) сосредоточить вместе»⁶¹. Сразу же, 21 февраля, были представлены и «практические предложения о размещении и обеспечении интернированных чехов»: 1) всех содержать в Оранском лагере⁶², рассчитанном на прием 3 тыс. военнопленных-белофиннов; 2) офицерский состав разместить на кроватях, а рядовых — на двухъярусных нарах; 3) в лагере все будут обеспечены постельными принадлежностями, нательным бельем и своевременной санитарной обработкой; 4) питание организовать по прилагаемым нормам (данные отсутствуют. — В. М.); 5) интернированных чехов содержать под охраной, но разрешать увольнение их из зоны лагеря⁶³. В тот же день, 21 февраля 1940 г., заместитель наркома путей сообщений Н. Дубровин опо-

вестил Чернышова, что НКПС дано указание начальнику Западной и Ковельской дорог о перевозке интернированных чехов⁶⁴. 11 марта Сопруненко сообщил начальнику штаба Управления конвойных войск НКВД, что 700 чехов, находившихся в Ярмолинском лагере, и 150, находившихся в западных областях УССР, по распоряжению Чернышова должны быть направлены для дальнейшего содержания в Оранский лагерь, и просил распорядиться о принятии этого лагеря под охрану конвойной части и о конвоировании интернированных чехов до лагеря⁶⁵. 21 марта Чернышов подписал приказ об организации специального лагеря на 1000 человек, используя для этого бывший Оранский лагерь НКВД для военнопленных с подчинением его УПВИ НКВД СССР⁶⁶.

23 марта, как сообщал Сопруненко зам. наркома внутренних дел Меркулову, чехи из Ярмолинец были отправлены в Оранский лагерь. Начальник УПВИ просил распорядиться об организации оперативно-чекистского обслуживания нового лагеря. В телеграмме на имя Сопруненко, подписанной Зверевым, сообщалось, что эшелон чехов отправлен из Киева 27 марта 1940 г.⁶⁷. В «повагонных списках интернированных чехов», первым среди которых назывался Л. Свобода, значилось 650 человек⁶⁸. Речь, видимо, шла о тех, кто содержался в Ярмолинском лагере, где было 674 человека. Но 3 марта 1940 г. Сопруненко сообщил Мордовцу, исполнявшему обязанности начальника УНКВД по Каменец-Подольской области УССР, что нарком внутренних дел разрешил выехать за границу группе чехословацких легионеров в количестве 23 человек, фамилии и имена которых перечислялись⁶⁹. В отборе этой группы, возможно, принимал участие Л. Свобода во время своего пребывания в Москве. Однако сведений о том, была ли эта группа тогда отправлена за границу, в известных автору материалах УПВИ не обнаружено. Дело в том, что в январе 1940 г. снова активизировались переговоры об отправке чехо-словацких легионеров из СССР за границу транзитом через Румынию или Турцию. 1 января по этому поводу Бенеш передал письмо Майскому, который обещал довести его содержание до сведения Москвы. Переговоры по этому вопросу с румынскими властями, поверенным в делах СССР в Румынии Куколевым, турецким послом в Бухаресте вел в январе и Г. Пика. Все, согласно его письму в Лондон от 26 января, обещали положительно решить вопрос. Одновременно по рекомендации советского посольства в Румынии Пика направил наркому иностранных дел СССР просьбу разрешить посетить места сосредото-

чения чехо-словацких легионеров и немедленно, в случае положительного ответа турецкого правительства, организовать их транспортировку⁷⁰. Но тогда Пика не получил разрешения на посещение СССР ни советской стороны, ни «чехословацкого центра» в Лондоне.

Оранки

Легионеры, направлявшиеся к новому местожительству, были настроены по-разному. Согласно докладной записке Мордовца Сопруненко от 13 марта 1940 г., положение в Ярмолинском лагере значительно улучшилось: весь состав лагеря полностью обеспечен теплой одеждой (брюки, фуфайки), обувью, расширена жилая площадь, помещения побелены, сделаны двухъярусные нары, в комнатах поддерживается нормальная температура, улучшилось питание. В связи с этим, по сообщению Мордовца, среди состава легиона, в особенности рядовых, а частично и командного, появилось стремление остаться на жительство в Советском Союзе и принять советское гражданство, о чем свидетельствовали как разговоры между легионерами, так и их письменные заявления. В последних, по словам автора докладной записки, солдаты писали, что они были неправильно информированы офицерами о Советском Союзе и лишь сейчас узнали, каково положение в действительности, а также что они категорически заявляют о своем нежелании ехать во Францию, поскольку это означает участвовать в войне с Германией в интересах французской буржуазии⁷¹. В этих заявлениях, которые, вероятно, действительно имели место, нашла отражение линия ИККИ и Загранбюро КПЧ в Москве, характеризовавших войну как империалистическую с обеих сторон и взявших курс на пролетарскую революцию как выход из нее, а также позиция Коминтерна и КПЧ по отношению к национальным легионам. С особой отчетливостью это нашло отражение в письме пяти легионеров, адресованном «Найвысшему Совету рады народных Комиссаров в Москве» (письмо написано на ломаном русском языке 8 марта 1940 г.). Его авторы от имени чешских и словацких эмигрантов-коммунистов и сочувствующих им просили «отсоединить их от чехословацкого легиона», так как они не признавали правомерность его существования за границей вообще, и особенно «впереди с Эдуардом Бенешем», и являлись сторонниками учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Авторы жаловались на Л. Свободу, который в

своей речи к legionерам назвал коммунистов и сочувствовавших им антихристами и сказал, что «ему сердце заливается кровью, как появились на наших грудях советские значки». В конце опять повторялась просьба отделить их от легиона и послать куда-нибудь на работу, указывалось, что они с охотой подчинятся советскому закону и с охотой отдадут свои жизни, защищая Советский Союз⁷². Но, как сообщал Мордовец, в легионе существовали и «достаточно широкие настроения отрицательного направления, выражающиеся в недоверии как к нашим представителям, так и к своему штабу»⁷³. О наличии антисоветских настроений, особенно среди legionеров квазиловской группы, писал в докладной записке и начальник УНКВД по Горьковской области Губин. Некоторые из членов этой группы, думая, что их отправляют за границу, открыто проявляли свою враждебность к советской власти и заявляли, что во Франции они расскажут «всю правду о Советском Союзе, т. е. о том, что в СССР голод и беспорядок», что «большевики создали хаос» в Западных областях Украины и Белоруссии и что «население этих областей настроено враждебно по отношению к советской власти». Вследствие того, писал автор, что подполковнику Свободе было разрешено пользоваться в пути радиоприемником, им был организован выпуск печатавшихся на пишущей машинке специальных бюллетеней, так называемых «Деничек», где помещались антисоветские пасквили и клеветнические измышления английского и французского радио: «СССР, подобно Германии, государство империалистическое», «о поражении советских войск в войне с белофиннами», «Германия и Италия, с одной стороны, а Турция во главе Балканских стран, с другой, намереваются сделать нападение на СССР». После выпуска ряда бюллетеней их издание было запрещено оперативным работником, сопровождавшим эшелон. Командование легиона, узнав об этом, все экземпляры «Деничка» приказало сжечь. «Когда стало известно, — писал Губин, — что эшелон движется не на юг, а на север, настроение у всех legionеров, желающих ехать во Францию, упало, а антисоветская агитация значительно свернулась»⁷⁴.

1 апреля 1940 г. в 6 часов утра эшелон прибыл на станцию Шониха Казанской железной дороги, а в 7 часов вечера legionеры добрались до лагеря. По сообщению в УПВИ сопровождавшего эшелон Маклярского и Губина, в Оранки вместе с женщинами (15 жен legionеров и медперсонал) и 6 детьми прибыло 798 (или 797) человек. Среди legionеров было 159 офицеров, 246 младших ко-

мандиров (капралов, ефрейторов, десятников), 371 рядовой солдат. Национальный состав выглядел так: 645 чехов, 77 словаков, 73 еврея, 2 украинца. «Размещены они хорошо. Офицерский состав (все) на кроватях, рядовые — на двухъярусных нарах. Все получили полный комплект постельных принадлежностей, пропущены через баню, дезкамеру. Продовольствием на полтора месяца обеспечены»⁷⁵, — сообщал Маклярский. Село Оранки (Богородского района Горьковской области), давшее наименование лагерю, было расположено в лесистой местности в семи километрах от станции Шониха. Село насчитывало 250 дворов, из которых 190 состояли в колхозе, остальные — единоличники и семьи лиц, занятых на отхожих заработках. Лагерь располагался на территории бывшего монастыря, где имелись шесть двухэтажных каменных корпусов, две церкви, часовня и одноэтажные хозяйственные постройки, в которых размещались баня и пекарня. Вся территория была обнесена каменной стеной с дополнительным проволочным ограждением и оборудованными сторожевыми вышками. Охранная рота состояла из 120 человек. Все это, несмотря на разъяснения, что «перевод в Оранки это не репрессия, а улучшение их положения», не могло не подействовать сначала угнетающе на прибывших.

Однако, по словам Маклярского, «уже сегодня (т. е. в день прибытия, 1 апреля. — В. М.) в результате принятых мер настроение legionеров улучшилось, большинство охотно признает, что здесь гораздо лучше, чем в Ярмолинцах». Об изменении в настроениях интернированных сообщал в УПВИ и Губин: «...после того, как legionеры были размещены в просторных помещениях, пропущены через баню, снабжены бельем и постельными принадлежностями, хорошо накормлены, настроение большинства legionеров резко изменилось в положительную сторону»⁷⁶. Это же, собственно, подтверждается и воспоминаниями Л. Свободы: «Весь лагерь для приема нас был заботливо подготовлен. Жилые помещения, кухня, хозяйственные объекты — все светилось чистотой. Тут не только были умывальники, но еще в тот же день мы могли в деревянном бараке у стены подготовить парную баню, которую называли „одвшиварня“. ... После купания мы получили новое белье, и каждого охватило чувство физического блаженства, которое рисовало будущее в обнадеживающем свете»⁷⁷.

В первые же дни legionеры включились в обустройство лагеря, занялись налаживанием электросети и водопровода. «Мы, — вспоминал Л. Свобода, — организовали медицинский пункт, клуб

и даже кинотеатр, исправили дороги, посадили два ряда березок. Возникла аллея, которую стали называть „Вацлавак“... Перед штабом из флажтоков выложили огромную пятиметровую мозаику⁷⁸ с изображением государственного герба: чешского льва со словацким крестом на груди. Напротив сложили из кусков кирпича символическое изображение серпа и молота»⁷⁹. Legionерам беспрепятственно разрешалось выходить за стены лагеря, не возбранялись контакты с местным населением. Свобода с большой симпатией описывал начальника лагеря капитана Кузнецова: «Вежливый, тактичный человек с тонко развитым пониманием того, как вести себя с людьми в нашем положении, чтобы неизбежные ограничения не оказывались для нас чересчур тяжелыми. ... Представители администрации лагеря, прежде всего благодаря капитану Кузнецову, вели себя по отношению к нам в высшей степени деликатно»⁸⁰. Насколько соответствовала эта характеристика действительности, сказать трудно: ведь работа над воспоминаниями велась сразу после августа 1968 г., в самый разгар так называемой нормализации, но, с другой стороны, надо думать, среди работников НКВД были и люди «с человеческим лицом». Кроме того, Кузнецов, судя по документам УПВИ, был не начальником, а комиссаром лагеря. По воспоминаниям Свободы, лагерное начальство не ограничивало (точнее было бы сказать, сначала не ограничивало) интернированных в их «военном самоуправлении». Дело в том, что штаб легиона во главе со Свободой пытался сохранить его как боеспособную воинскую часть со свойственной ей военной дисциплиной. Были сформированы две роты из военнослужащих, рота новобранцев и техническая рота, в отдельные подразделения выделены артиллеристы и летчики, организована офицерская школа для лиц со средним образованием. Обучение проводилось по 3–4 часа ежедневно⁸¹. Командование легиона выделило специального офицера разведки поручика Петерку для сбора информации о настроениях легионеров.

Начальник штаба конвойных войск НКВД Овчинников сообщил в УПВИ 26 апреля, что «с начала прибытия в Оранский лагерь офицерский состав систематически проводит военные занятия с солдатами по имеющейся у них программе». Нехорошев в политдонесении Меркулову, Чернышову 21 апреля 1940 г. писал, что занятия ведутся по тактике, артиллерийскому и химическому делу, по организационной структуре Красной Армии, по словесности и т. д., что Л. Свобода «вызывает рядовых и вынуждает их занимать-

ся военными дисциплинами», что «ежедневно на пишущей машинке печатаются распоряжения и приказы, которые зачитываются офицерами на поверке, и что проверить содержание приказов еще не удавалось, т. к. рядовые, знающие русский язык, переводить их боятся, а представленный по требованию начальника лагеря перевод вызывает сомнение в его правильности». Поэтому, по словам Нехорошева, «начальник лагеря до получения соответствующих приказаний дал распоряжение прекратить всякие занятия»⁸². В мае в лагерь был направлен инструктор политотдела УПВИ Пронин, получивший указание Нехорошева предложить «руководству лагеря офицерскую школу распустить, строевые занятия легиона прекратить, штаб легиона ликвидировать, чтобы никаких приказов по легиону не издавалось; взять руководство внутренней жизнью лагеря в свои руки»⁸³. На «военном самоуправлении» легионеров, таким образом, приказано было «поставить крест».

Да и среди интернированных далеко не все готовы были подчиняться жестким требованиям Л. Свободы. К этому времени быстро шел процесс расслоения легионеров на три группировки, обозначившийся еще в Ярмолинцах. Наличие этих групп отмечалось в докладной записке Губина, с которой не расходились и другие документы УПВИ. Первая группа, так называемые «французы» (основная масса, 400 человек), находилась, по словам Губина, «под влиянием националистической пропаганды, намеревалась ехать во Францию с целью принять участие в войне с Германией». Вторая группа, так называемые «звездари» (150–200 человек), по своему составу преимущественно пролетарская, «убедившись в том, что Англия и Франция ведут империалистическую войну, проявила желание остаться жить и работать в Советском Союзе и категорически отказывается ехать во Францию». Они заявили, что воевать с Германией будут только с территории Советского Союза, и просили направить их на работу за плату. Третья группа (около 100 человек) — это те лица, которые, по Губину, «заняли линию выжидания и не решаются высказать свое решение открыто»⁸⁴. Многие «звездари», и особенно те из них, которые считали себя не легионерами, а политэмигрантами (коммунисты), были недовольны «военной муштрой» и тем, что командование легиона считает их изменниками и грозит расправиться с ними в будущем. Вместе с тем, по воспоминаниям Свободы, среди коммунистов и симпатизирующих им находились и такие, которые «сами боролись с анархистскими элементами и поддерживали меня в вопросах дисциплины».

Командование легиона стремилось утвердить в легионерах дух патриотизма, убеждение в необходимости хранить верность присяге и делу возглавляемой Бенешем борьбы за восстановление Чехословацкой республики. В документах УПВИ это называлось националистической пропагандой. «Звездари» же, следуя линии Коминтерна и Загранбюро КПЧ, видели в усилиях штаба легиона лишь «происки классового врага». Влияние коммунистов и сочувствующих им, как писал Свобода, было «в части гораздо больше, чем я тогда считал. Их поддерживали за небольшим исключением почти все словаки»⁸⁵.

Обстановка в лагере становилась все более напряженной, усиливалось противостояние не только между «французами» и «звездарями», но и росло недовольство действиями лагерного начальства, ущемлявшего, как казалось основной массе, права интернированных. Как уже говорилось, еще до прибытия в лагерь у легионеров были изъяты радиоприемники. Вскоре после этого по распоряжению начальника УНКВД по Горьковской области осуществилась другая репрессивная акция. Губин сообщал об этом так: «Учитывая, что легионеры имеют много дневников, записей, зарисовок с натуры, схем, карт и других документов, которые могут быть использованы в контрреволюционных целях, было отдано распоряжение о сборе всех этих документов. Но часть их была скрыта, а часть уничтожена». В связи с этим он просил «санкционировать проведение поголовного обыска всех личных вещей легионеров». Кроме того, Губин сообщал, что «общение интернированных с населением ограничено» и что начала работать оперативная группа, направленная в Оранки по распоряжению Меркулова, во главе с лейтенантом госбезопасности Козловым. Этой группой на 6 апреля 1940 г. была «приобретена агентура по с. Оранки из местного населения» (резидентов — 1, осведомителей — 10), а также из вахтерской команды, обслуживающего персонала и конвойной роты (резидентов — 1, осведомителей — 8). Что касается легионеров, то вербовка среди них пока не проводилась из-за отсутствия специальных указаний НКВД СССР, но подготовлены к вербовке около 10 человек. Губин просил ориентировку относительно того, «следует ли приступить к проведению работы по подготовке агентурных кадров из числа легионеров в целях последующего использования их за границей»⁸⁶.

Чтобы пресечь, а еще лучше искоренить контрреволюционные, антисоветские, националистические настроения в лагере власти

решили прибегнуть к испытанному средству — усилить политико-массовую работу среди легионеров. Так, по сообщению Нехорошева Меркулову и Чернышову, за первые 10 дней работы лагеря было проведено 28 бесед по докладу Молотова на VI сессии Верховного Совета СССР, выдано 510 экземпляров доклада Сталина и 360 — доклада Молотова на XVIII съезде ВКП(б), 210 — Конституции СССР, 45 учебников русского языка. Ежедневно выдавалось 100 экземпляров центральных и местных газет⁸⁷. О том, как УПВИ намеревалось перевоспитывать некоторых легионеров, свидетельствует инструкция, направленная Нехорошевым Кузнецову 8 мая 1940 г.: «Политмассовую работу среди интернированных чехов нужно построить так, чтобы основная масса рядовых из легиона хорошо могла разобраться в империалистической грабительской сущности политики всех капиталистических правительств, направленной в первую очередь в защиту интересов буржуазии и против интересов трудящихся своей страны». Напомним, что Коминтерн и КПЧ к этому же разряду в ту пору относили и чехословацкую политическую эмиграцию во главе с Бенешем. «В яркой и убедительной форме» рекомендовалось показывать внешнюю политику советского правительства, «направленную исключительно на укрепление мира между народами». Следовало разъяснять и доказывать чехам, почему именно (далее цитировалось первомайское воззвание Коминтерна) «Англия и Франция, поджигатели войны и их социал-демократические прислужники в бешенстве от того, что Советский Союз занимает позицию нейтралитета в отношении их империалистической войны». (Напомним, что «бенешевцы» объявили Чехословакию воюющей на стороне Англии и Франции против Германии.) «Эту ненависть к стране Советов, — считал политотдел УПВИ, — можно показать на примерах отношения к СССР со стороны командного состава легиона, выходцев из буржуазии, несмотря на то, что им предоставлено право убежища, и это они используют во враждебных целях против СССР». Далее следовали конкретные рекомендации: «...на ярких примерах того, что из себя представляла царская Россия и каким стал теперь Союз Советских Социалистических Республик, рассказать чехам, как выросли культурный уровень и материальное благосостояние трудящихся нашей страны, что развитию производительных сил у нас нет границ, они освобождены от оков буржуазной частной собственности на средства производства и капиталистической эксплуатации. Разъяснять чехам, что все это наш народ готов защищать от любого врага и в

любую минуту, что народ наш един и нет такой силы в мире, которая бы сумела победить народ, объединившийся, сцементированный вокруг своей коммунистической партии и вождя народов тов. Сталина».

Затем шел перечень тем для бесед, который включал следующее: «О внутренних причинах военного поражения Польши», «Начало Второй империалистической войны, ее поджигатели и внешняя политика СССР», «Сталинская Конституция СССР — итог борьбы и побед социализма в СССР» («в этой беседе надо показать, что СССР самая демократическая страна в мире»), «Братский союз народов СССР — осуществление ленинско-сталинской национальной политики», «СССР — могущественная индустриальная держава» («наша главная задача — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении»), «СССР — страна самого крупного в мире социалистического сельского хозяйства», «Материальное и культурное благосостояние трудящихся СССР» («в советской стране трудящиеся живут светлой и радостной жизнью»), «Новая интеллигенция советского народа»⁸⁸. Направленный с инспекционной целью инструктор политотдела УПВИ Пронин в служебной записке Сопруненко и Нехорошеву в конце мая подчеркивал: «Все наши мероприятия политмассовой работы направлены под углом зрения ознакомления интернированных чехов с жизнью Советского Союза». Естественно, что однобокая, да еще расхваливаемая с действительностью пропаганда успехов советского строительства не могла не встретить сопротивления со стороны командования легиона. «Со стороны офицерского состава и штаба легиона, — доносил Пронин, — отношение к нашим мероприятиям весьма отрицательное, враждебное. Они считают, что беседы, проводимые работниками политотделения среди рядового состава легиона, это, как они говорят, разложение морального состояния солдат, что политика — не дело солдат, а дело правительства и политических кругов». Таким образом, делался вывод: «...они считают, что ознакомление с жизнью Советского Союза — это политика». «Со стороны рядового состава, — по словам Пронина, — беседы, вечера вопросов и ответов, лекции, кино находят горячий отклик и симпатии»⁸⁹.

Интересен эпизод, который произошел на одной из лекций, взбудоражил весь лагерь и вызвал неудовольствие УПВИ. Поскольку легионерам мало было известно о международном положении, Л. Свобода обратился к лагерному начальству с просьбой

организовать лекцию на эту тему. Читать лекцию, по воспоминаниям Свободы, прибыл «некий профессор из Горького». Естественно, что, говоря о характере войны, о вине Англии и Франции в ее возникновении, докладчик исходил из существовавших установок. Из его слов вытекало, как писал Л. Свобода, что «мы должны воевать не против наших оккупантов, а против Бенеша. ... Я не смог слушать эти рассуждения. Я встал среди лекции и сопровождаемый офицерами своего штаба покинул комнату. ... Когда это увидели остальные, то поднялись один за другим и тоже ушли. Остались лишь сторонники оппозиции» (т. е. «звездари»). Далее Свобода так передавал свой разговор с начальником лагеря по поводу инцидента: «Простите, кого Вы нам привели? Ведь этот человек о положении в Европе не имеет никакого понятия. Мы прибыли отсюда, знаем своих соседей и в течение столетий бились за свою жизнь в Европе. Каждый из наших парней о положении там мог бы рассказать больше и лучше, чем этот профессор, который ничего в этом не понимает. Он не знает ничего ни о нас, ни о Чехословакии, ни о Европе». «Профессор (возможно, это был один из инструкторов политотдела УПВИ, которые направлялись для чтения лекций в лагерь. — В. М.) уехал оскорбленный и раздосадованный, — продолжал Свобода, — но и мы были взволнованы тем, что кто-то нашу национально-освободительную борьбу может запросто осуждать как империалистическую агентуру»⁹⁰.

Существовали и другие поводы для недовольства легионеров. В частности, им не нравилось питание: они не хотели есть соленое мясо и рыбу, требуя свиное сало и свежее мясо, отказывались от овсянки, называя ее «лошадиным кормом». Этот вопрос был улажен: крупы заменены горохом и бобами, что удовлетворило легионеров, доставлены пшеничная мука и мясо («живым весом»). Лагерь имел свой огород (5 га овощей и картофеля), в образцовое состояние был приведен сад⁹¹. Достаточно хорошо, видимо, был организован досуг легионеров. Л. Свобода вспоминал об этом: «Свободные минуты были обычно заполнены музыкой, песнями, прогулками, спортом. Трижды в неделю нам показывали фильмы». Проводились также вечера отдыха, ходили купаться на ближайшую речку. В середине июня Кузнецов сообщил Нехорошеву, что в лагере созданы две футбольные команды, проводятся игры в волейбол, спортивные состязания, кегельбан, шашки и шахматы⁹².

И все же, видимо, не бытовые условия в основном волновали легионеров, а затяжка с их отправкой во Францию. Как уже гово-

рилось, разрешение на отправку первой группы чехо-словацких интернированных было получено еще во время их пребывания в Ярмолинцах. 3 апреля 1940 г., т. е. в первые дни после прибытия в Оранки, на имя Сопруненко поступила служебная записка, где говорилось, что по согласованию с наркомом внутренних дел ГУГБ НКВД СССР разрешен выезд за границу группе (45 человек) «интернированных на бывшей польской территории легионеров бывшего чехословацкого легиона». Прилагался список группы⁹³. В тот же день Сопруненко направил в Оранский лагерь Маклярскому указание: «Предложите бывшему командиру чешского легиона Свободе Людвигу выделить одного легионера по его усмотрению, которому Свобода должен поручить ходатайствовать в Москве (через отдел виз и регистраций иностранцев ГУРКМ НКВД) о разрешении выезда за границу группе интернированных чехов в количестве 40 человек» (видимо, это опечатка, так как в других документах и в списке значились 45 фамилий). Сообщалось также, что в ближайшие дни поступит указание об отправке в Одессу 45 интернированных чехов, которые должны прибыть туда не позднее 11 апреля. Свободе, которому, как значилось в документе, был известен персональный состав группы, надлежало подготовить ее к отправке. У него же следовало получить деньги на приобретение билетов для всех отправляемых⁹⁴. Из этих указаний следует, что порядок, очередность отправки легионеров из СССР, а также финансовая сторона вопроса, видимо, оговаривались Свободой во время его пребывания в Москве. Следует также отметить, что Свобода связывал эту группу отправляемых с Ярмолинской группой, отъезд которой по каким-то причинам откладывался. Очевидно, что если бы речь шла об одной и той же группе, то и количественный их состав был бы одинаков, но, согласно документам, в первой значилось 23 человека, а во второй — 45. Следовательно, речь шла о другой группе, более многочисленной, вероятно включавшей в себя и первую. 8 апреля 1940 г. группа во главе с соратником Л. Свободы штабс-капитаном Ф. Фантой выехала через Горький и Москву в Одессу. Все это проделывалось совершенно секретно, так как, по словам Л. Свободы, «немцы тогда очень интересовались нами и даже дипломатическим путем требовали нашей выдачи»⁹⁵. Дальнейший маршрут из Одессы на теплоходе «Сванетия» пролегал через Варну, Босфор в Стамбул, через Константинополь — в Бейрут, потом в Марсель и поездом в местечко Агд (на юге Франции), где тогда формировалась чехословацкая воинская часть. В ее

создании руководство чехословацкой эмиграции на Западе и Бенеш видели залог и предпосылку признания временного эмигрантского правительства, символ чехословацкой государственности, на континенте которой они настаивали. Формирование части началось уже в сентябре 1939 г., а в конце этого года уже существовала 1-я чехословацкая дивизия под командованием Р. Виеста, а затем Б. Мирослава-Ноймана. К середине 1940 г. она насчитывала 11 400 человек⁹⁶.

Отъезд первой группы за границу вызвал радостное оживление среди большей части легионеров. Распространился слух, что к отправке готовится новая группа в количестве 160 человек. Но затем дело застопорилось, и многие, в первую очередь офицеры, выражали недовольство этим, обвиняя зачастую начальство лагеря в том, что оно умышленно задерживает отправку. Но причина, конечно, крылась не в этом и не в желании советских властей затормозить отъезд: ведь вопрос был решен на самом высшем уровне, а в осложнении международной обстановки в Европе, где гитлеровцы провели в апреле операцию по захвату Дании и Норвегии и готовили решительное наступление на западном фронте, которое началось 10 мая 1940 г. Оккупировав Бельгию, Голландию и Люксембург, гитлеровские войска устремились к Парижу. Усилилась напряженность на Ближнем Востоке и в бассейне Средиземного моря, т. е. в районах, через которые лежал путь чехо-словацких легионеров во Францию. Все эти события и вызвали задержку в их эвакуации. Легионеры волновались, и в конце мая в Оранжи приехал представитель НКВД, упомянутый выше Орлов, который сказал, что все пути во Францию закрыты и что организация следующего транспорта откладывается пока не будет решено, куда вывозить легион. Орлов, находившийся в лагере несколько дней, интересовался жизнью интернированных, встречался с депутациями от рот и офицерской школы, почти три часа, по воспоминаниям Свободы, беседовал с офицерами, заверив их, что «Советский Союз не будет препятствовать нашему (т. е. легиона. — В. М.) присоединению к заграничным частям». Перед отъездом Орлов сообщил Свободе, что скоро в Москву будут приглашены два офицера легиона, чтобы оформить новую группу для отправления. Эти офицеры направились в Москву 2 июня 1940 г.⁹⁷

Примерно в это же время решался вопрос о судьбе нескольких лиц, ранее отославших письмо в ИККИ с просьбой содейст-

вывать их освобождению из лагеря. 11 апреля в УПВИ было переправлено письмо, пришедшее на имя Ф. Вагенкнехта (Нечасака) и Ю. Зюсермана и подписанное В. Копецким. В письме, отправленном просто по почте 29 марта, сообщалось, что Загранбюро ЦК КПЧ в Москве ходатайствует перед компетентными советскими органами об освобождении их из лагеря и признании политэмигрантами. В приложенном на имя Меркулова заключении содержались краткие биографического характера справки на Вагенкнехта и Зюсермана, а также на Эрвина Иосифовича Гоя, профессора-лингвиста, известного как поэт и писатель под именем Ондра Лисогорский. По поводу последнего говорилось, что после оккупации Чехо-Словакии с согласия руководства КПЧ он эмигрировал в Польшу, где польскими властями был насильно послан в чехословацкий легион. Относительно всех троих рекомендовалось освободить их из лагеря и разрешить им выехать в Москву. 1 июня 1940 г. генеральный секретарь ИККИ Г. Димитров обратился к Меркулову с просьбой отдать распоряжение об освобождении из лагеря «военнопленных политэмигрантов членов КПЧ» Зюсермана, Вагенкнехта и Гоя⁹⁸. Меркулов удовлетворил просьбу Димитрова. 13 июня 1940 г. Сопруненко отдал соответствующее распоряжение Кузнецову с указанием направить перечисленных лиц «в московский Центральный комитет МОПРа», куда они и прибыли 19 июня 1940 г.⁹⁹.

Однако не все соглашались уехать из лагеря, даже если такая возможность предоставлялась. По воспоминаниям Л. Свободы, Советская Академия наук и искусств по просьбе нескольких чехословацких эмигрантов добились от Молотова разрешения на свободу передвижения для находившегося в лагере художника Гофмана и его жены. Ему предлагалось уехать в Москву, где Академия обещала обеспечить ему все условия для жизни и работы (об этом сообщил Свободе Орлов). Но Гофман, поблагодарив за честь, отказался от предложения, заявив, что ему тяжело расставаться с легионом¹⁰⁰. 19 июня 1940 г. по согласованию с наркомом внутренних дел СССР был разрешен выезд за границу еще одной группе легионеров в количестве 56 человек. Список прилагался. 26 июня в Одессу было отправлено 56 человек взрослых и 5 детей¹⁰¹. Эвакуация этой группы совпала по времени с перебазированием интернированных легионеров во вновь организованный Суздальский лагерь.

Суздаль

Причины перемещения интернированных из Оранского в Суздальский лагерь в известных автору документах не обозначены. Скорее всего, это было связано с подготовкой советских лагерей, в том числе и Оранок, к приему нового контингента, поступление которого ожидалось после намечавшихся на лето 1940 г. прежде всего «прибалтийской», а также «бессарабской» акций Советского Союза. 9 июня зам. наркома внутренних дел Чернышов констатировал готовность к приему пленных и интернированных рядом лагерей, в том числе и Оранским, в количестве 5 тыс. человек каждый¹⁰².

18 июня 1940 г. из Оранок в Суздаль выехало, согласно списку, 686 человек¹⁰³. Видимо, перед самым отправлением Кузнецов сообщал Нехорошеву: «Настроение среди интернированных подавленное. Особенно у офицеров, которые ежедневно ждут отправки во Францию. А так как о положении во Франции им известно из газет, то и настроение ежедневно падает»¹⁰⁴. Оно и понятно, Франция находилась накануне капитуляции, которая была подписана 22 июня 1940 г. Суздальский лагерь, куда 20 июня 1940 г. прибыли, согласно спецзаписке начальника лагеря старшего лейтенанта Короткова, 683 легионера, в том числе 83 офицера, 17 ротмистров, 218 унтер-офицеров, 359 рядовых, 5 женщин и 1 ребенок в возрасте до 2-х лет, располагался на территории Спасско-Ефимовского монастыря.

В июле 1940 г. УПВИ разработало и направило на подпись Чернышову «Временную инструкцию о порядке содержания интернированных солдат и офицеров чешского легиона бывшей польской армии»¹⁰⁵. Этот документ, регламентировавший жизнь лагеря, дает представление о правах и обязанностях как интернированных, так и администрации. Поэтому остановимся на нем подробнее. Инструкция предписывала отдельное содержание офицеров и солдат, причем первых — на кроватях, вторых — на двухъярусных нарах. Женщины и дети должны были размещаться отдельно и иметь кровати. Помещения, в которых находились интернированные, не запирались круглосуточно; в зоне лагеря разрешалось свободное передвижение до сигнала отхода ко сну. Категорически запрещалось проживание вне лагеря на частных квартирах. Интернированные могли привлекаться лишь к работам, связанным с обслуживанием нужд лагеря и самообслуживанием.

Начальник и комиссар лагеря имели право разрешать отдельным legionерам отлучки из лагеря на срок не более 5 часов с обязательным возвращением до вечерней поверки. Администрации лагеря давалось право периодически, каждый раз с санкции УПВИ, производить внезапный осмотр помещений на предмет изъятия у интернированных запрещенных для хранения предметов. Legionеры обязаны были строго выполнять правила внутреннего распорядка: 7.00 — подъем, 7.30–9.30 — утренняя поверка, 9.30–18.00 — работа в лагере с перерывом на обед, 18.00–21.00 — культурно-массовая работа, 21.00 — ужин, 22.00–23.00 — вечерняя поверка, 23.00 — отбой¹⁰⁶. Все распоряжения администрации лагеря и охраны также следовало выполнять беспрекословно. Legionерам разрешалось носить форменную одежду, но не допускалось сохранение военной структуры легиона. Запрещались картежные и другие азартные игры, распитие спиртных напитков и употребление наркотиков, хранение оружия.

Интернированные имели право на переписку: отправлять и получать по одному письму в месяц. Вся корреспонденция в обязательном порядке просматривалась политконтролем оперативного отдела лагеря (срок 5 дней). В письмах запрещалось помещать сведения о количестве интернированных, об охране лагеря и режиме содержания, «а также другие сведения, могущие нанести ущерб или вред СССР». Такие письма подлежали конфискации. Отправлять их разрешалось только через канцелярию лагеря. Нарушители лишались права переписки на срок до 2-х месяцев, а при повторных случаях направлялись в штрафной барак. Работники лагеря несли строжайшую ответственность за каждое недоставленное письмо или посылку, а тем более за утерю или хищение, вплоть до предания суду. Интернированным разрешалось пользоваться личными деньгами в размере до 100 рублей в месяц, которые они могли иметь на руках. Они также имели право получать с родины или из нейтральных стран денежные переводы без ограничения сумм. Свидания допускались при наличии письменного разрешения УПВИ НКВД СССР.

Среди мер взыскания значились: водворение в штрафное помещение на срок до 1 месяца, на гауптвахту — на срок до 20 суток, ограничение в праве переписки до 2 месяцев. За совершение преступлений интернированные подлежали уголовной ответственности по законам Советского Союза, причем невыполнение приказаний лиц лагерной администрации, сопротивление их действиям

при исполнении ими служебных обязанностей приравнялось к воинскому преступлению, за которое интернированные подлежали суду военного трибунала. Они имели право подавать в устной и письменной форме жалобы и заявления по любым вопросам начальнику и комиссару лагеря, в УПВИ НКВД СССР, а также в правительственные органы СССР.

После падения Франции и еще до отъезда из Оранок внутри лагеря резко обострились отношения между «французами» и «звездарями». Многие, в том числе и Свобода, ожидали скорого вступления СССР в войну против Германии и полагали, что в этом случае власти намерены использовать легион для борьбы за свободу Чехословакии с советской территории¹⁰⁷. Переезд из Оранок в Суздаль многие легионеры толковали как отправку их в военный лагерь для соответствующего обучения. Естественно, у части интернированных это вызывало радость, а у других — недовольство. Некоторых офицеров возмутила речь Свободы, произнесенная перед отправкой легиона из Оранок, когда он якобы сказал: «Мы идем освобождать рабочий класс Чехословакии от фашистской Германии», а также его слова о том, что отъезжающая за границу, в Сирию, группа будет «вместе с чехословацкой армией защищать французские колонии». Был подан коллективный рапорт (35 человек) о выходе из аспирантской (офицерской) школы, которая, несмотря на ранее упоминавшийся запрет, продолжала существовать. Осведомители доносили об участвовавших после приезда в Суздаль антисоветских высказываниях интернированных офицеров, недовольных к тому же тем, что они были размещены в лагере, где ранее содержались политзаключенные. Заявления имели, например, такой характер: «Социалистическая форма хозяйства хуже капиталистической. В СССР народ голодает, и ничего нет. Коммунисты разрушают исторические ценности (церкви и монастыри). Это — вандализм». «СССР за 20 лет ничего хорошего не создал. Социалистической системой идет только разрушение хозяйства. Порядка в СССР нет, а то можно было бы здесь жить хорошо»; «СССР должен был бы давно воевать против Германии, помогать Франции, но он боится Германии, хорошо зная, что последняя сильнее СССР и разобьет его, как разбила другие страны»¹⁰⁸.

Вместе с тем после падения Франции среди легионеров усилились колебания и сомнения в том, следует ли ехать за границу. Активизировали свою деятельность коммунисты и сочувствующие им. 1 июля 1940 г. Л. Свобода направил сообщение в НКВД о том,

что командование легиона «в полном согласии с рядовым составом» приняло решение о подписке на оборонный заем СССР: 2 тыс. рублей наличными и 2 автомашины «Шкода» стоимостью по 3 тыс. рублей каждая. Подчеркивалось, что это делается спонтанно в память о дружественной поддержке, оказанной правительством СССР Чехословакии в 1938 и 1939 гг., и в благодарность за благожелательное отношение к легиону в период его интернирования. «Интерес СССР о будущем чехословацкого народа, — говорилось в послании, — является для нас гарантией, что Чехословакия будет свободная и что нам будет дана возможность бороться за нашу победу» (стиль послания на русском языке сохранен)¹⁰⁹.

Это было 1 июля, а 2 июля начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П.М. Фитин направил Сопруненко просьбу, мотивируя ее оперативными соображениями, дать указание об отправке в Москву из Суздальского лагеря следующих лиц: Л. Свобода, Г. Гаусгофера, М. Гапалову, А. Ситокласскову, Л. Блиту, И. Кронка. Что конкретно понималось под «оперативными соображениями», сказать трудно, но очевидно это касалось службы разведки, которая, учитывая международную обстановку, активизировала свою деятельность и на «чехословацком направлении». С лета 1940 г., и особенно после падения Франции, между советской и чехословацкой разведывательными службами стали налаживаться контакты (подробнее об этом см. в главе 6). Кроме того, к этому времени еще при содействии французского посольства в СССР был решен вопрос об отправке за границу очередной группы легионеров. Список лиц, которым нарком внутренних дел разрешал выезд за границу, содержал 75 фамилий и открывался фамилией Л. Свободы. Начальству Суздальского лагеря предписывалось в связи с этим направить всех означенных в списке 8 июля 1940 г. через г. Владимир в Москву, а оттуда в Одессу для погрузки на пароход, отходящий утром 12 июля¹¹⁰.

Л. Свобода, очевидно, выехал из Суздаля несколько раньше. Чешский исследователь З. Валиш пишет о том, что он простился с «членами восточной группы чехословацкой армии за границей» 6 июля 1940 г., пообещав, что «позаботится о том, чтобы они не были забыты»¹¹¹. Возможно, в Москве Свобода встречался с представителями советских властей, в том числе и с Орловым. Во всяком случае, в своем сообщении в Лондон в июле 1940 г. он подтверждал позицию советской стороны не задерживать легион ни полностью, ни частично в СССР. «Поскольку некоторые наши люди не

хотят уезжать из СССР, чтобы присоединиться к нашей армии и с ней бороться за освобождение Чехословацкой республики, — общал Свобода, — я потребовал письменно и устно, чтобы эти люди были отделены от основной группы (речь идет о 67 лицах) и оставлены в СССР. Мне было отвечено, что СССР не дает согласия ни на отделение этих людей от основной группы, ни на оставление кого-либо из них в СССР. Мне было заявлено господином Орловым, что они не могут взять на свою совесть и ответственность недопущение нашего участия в заграничном сопротивлении и что обязанностью всех членов группы является участие в борьбе. Наша задержка в СССР, дескать, произошла не по их (СССР. — В. М.) вине. Наше задержание в СССР с целью позднейшего участия в борьбе вместе с армией СССР не принималось в расчет». Оказавшись в Стамбуле, Свобода по приказу чехословацкого военного представителя на Ближнем Востоке генерала А. Гаки (Мезла) задержался там, чтобы поддерживать связь с советским консульством и сообщать, «когда должны прийти следующие транспорты из России»¹¹². В одном из документов говорилось о том, что в июне-июле 1940 г. через КПП Одессы были выдворены две группы: 23 июня — 61 человек, 12 июля — 71 человек¹¹³.

Однако дело с отправкой легиона снова застопорилось. Французское посольство в Москве, которое ведало этим вопросом и обеспечивало эвакуацию, прекратило свое существование после капитуляции Франции. Временное чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне начало переговоры с английскими властями о том, чтобы «заботы» об отправке легионеров из Советского Союза взяло на себя посольство Великобритании в Москве. После получения приказа А. Гаки Л. Свобода попросил советское консульство в Стамбуле остановить отправку транспортов из СССР, чтобы затем, «если создадутся неблагоприятные условия для пребывания чехословацкой эмиграции на Балканах, а возможно, и на Ближнем Востоке, была дана возможность сосредоточения чехословаков на территории СССР». В сообщении военного министра чехословацкого эмигрантского правительства генерала С. Ингра от 14 сентября 1940 г. констатировалось, что эта просьба была направлена «из-за незнания политической ситуации» и что подполковник Свобода, как и генерал Гака и чехословацкие представительские учреждения, получили указание как можно скорее обсудить с соответствующими инстанциями вопрос об отправке «наших людей из СССР»¹¹⁴.

9 октября 1940 г. Свобода писал Гаке о том, что он готов подчиниться приказу и что из СССР «до сих пор никто не прибыл». Л. Свобода объяснил это медлительностью переговоров с британским правительством о том, чтобы «наши люди в России получили визы и деньги». Однако военная обстановка в Европе складывалась таким образом, что у Свободы все чаще возникали сомнения относительно целесообразности направления остатков легиона на Ближний Восток и на Запад. Возможно, ему стало известно и о том, что в начале июня, т. е. еще до капитуляции Франции, премьер польского эмигрантского правительства В. Сикорский направил в Форин Оффис меморандум, где, кроме прочего, говорилось и о возможности создания польской армии в СССР для борьбы с Германией как общим врагом¹¹⁵. Хотя меморандум был через некоторое время отозван, но идея зажила самостоятельно и, очевидно, стала известной и чехословацким эмигрантским кругам как в Лондоне, так и в других местах, в частности в Стамбуле. 2 октября 1940 г. Свобода передал (вероятно, через советское консульство в Стамбуле) предложение советским властям о создании разведывательной группы и организации чехословацких военных формирований в СССР, а также просил о содействии в переправке с территории бывшей Чехо-Словакии находившихся там под угрозой ареста и расправы лиц. Это, по всей вероятности, было согласовано с Лондоном, и в частности с Ингром, который, по сведениям Свободы, отдал приказ о его выезде из Стамбула.

Однако Л. Свобода не считал для себя возможным выполнить такой приказ, объяснив это в письме Гаке 15 октября 1940 г. следующим образом: «Я считаю весьма необходимым остаться в Стамбуле до тех пор, пока вопрос об отправке наших людей из СССР не будет разрешен либо положительно, либо отрицательно. Отрицательно, думаю, в том случае, если бы ситуация изменилась и отправка была бы уже невозможна. Судьбу этих людей я, как командир, весьма близко принимаю к сердцу, и поэтому я очень не хотел бы быть избавленным от этих забот. Если бы меня здесь не было, то мы, вероятно, не смогли бы узнать, почему в СССР это задерживается. После выяснения причин я ходатайствовал перед нашим правительством в Лондоне. Однако до сих пор я не узнал, что предприняло правительство, обеспечило ли в английском посольстве в Москве выдачу виз и денег. Верю, что да»¹¹⁶.

В неведении относительно дальнейшей судьбы легиона осенью 1940 г. находились, очевидно, и советские власти, а также сами

легионеры, которых очень волновал этот вопрос. После отъезда Л. Свободы за командира легиона остался штабс-капитан Ф. Зикмунд (1894 г. рождения). На 23 июля в Суздальском лагере находилось 607, на 10 сентября — 614 интернированных, в том числе 69 офицеров (из них — полицейских чинов 1), 185 представителей младшего комсостава (из них — полицейских и жандармов 3), 358 рядовых, 2 — прочих. Среди легионеров преобладали (351 человек) люди в возрасте от 22 до 30 лет, 87 человек находились в возрасте от 18 до 21 года, 111 — от 30 до 40 лет, 56 — от 41 до 50, 11 — от 51 до 60, 3 — старше 60 лет¹¹⁷. Из 615 человек, числившихся в лагере на 15 декабря 1940 г., было 502 чеха, 75 словаков, 34 еврея. Среди 73 заявивших о своей принадлежности к различным политическим партиям и организациям значилось 22 коммуниста, 29 социал-демократов, 3 являлись сторонниками национально-демократической, 13 национально-социалистической и 1 национальной партии рабочих¹¹⁸.

Настроены легионеры были не лучшим образом: большинство тяготило неизвестность о будущем, отсутствие возможности получить информацию от чехословацкого правительства, а разъяснить им положение дел, похоже, никто из ответственных лиц не считал нужным. Отсюда — недовольство лагерным начальством и взваливание на него вины за задержку с отправкой за границу. В спецдонесении о положении в Суздальском лагере от 19 сентября 1940 г. говорилось об отрицательных настроениях «у подавляющего большинства интернированных», в том числе и у штаба легиона во главе с Зикмундом и его помощником Коутным. Приводились характерные высказывания, например, такого рода: «Я перешел границу Словакии добровольно, убежал от Гитлера, чтобы бороться против него. Я хочу бороться против Гитлера, а не сидеть здесь. Я уеду в любую страну, которая борется против Германии (Родоса, словак)»¹¹⁹.

Вопреки упомянутой временной инструкции о порядке содержания интернированных, им, видимо, разрешалась работа вне лагеря — в близлежащих колхозах, совхозах, пригородных хозяйствах. И один из работавших в совхозе им. Фрунзе мотивировал свое нежелание работать там так: «Капиталистическое хозяйство лучше, чем социалистическое. Здесь больше эксплуатируют рабочий класс, чем в капиталистических странах. Рабочие мало зарабатывают, плохо питаются»¹²⁰. Протестуя против сложившейся ситуации, легионер В. Куринек (1913 г. рождения, чех, командир взвода)

пытался покончить жизнь самоубийством через повешение, о чем в очередном политдонесении в УПВИ от 23 сентября 1940 г. сообщал комиссар лагеря Юдин. У Куринека, которому, согласно донесению, была оказана медицинская помощь, после чего он чувствует себя удовлетворительно, нашли записку на русском языке следующего содержания: «Так дальше жить в интернации и быть бесценным для нашей заграничной борьбы кажется нам напрасным. Знаю, что на другом месте мог бы сделать большую долю работы, здесь только по лагерю шляюсь, когда в это время наши дома ожидают от нас работу за освобождение. Друзья и представители СССР, прошу Вас извините меня»¹²¹. Вне зависимости от того, была ли это действительно попытка самоубийства или его демонстрация, как об этом некоторое время спустя писал тот же Юдин, случившееся свидетельствовало о недовольстве части интернированных своим положением и о стремлении таким образом привлечь к нему внимание соответствующих советских органов.

За некоторое время до этого в лагерь был возвращен ранее вызванный вместе со Свободой в Москву Г. Гаусгофер, который информировал, по словам Юдина, легионеров о том, что ведутся переговоры с посольством Великобритании в СССР «о принятии их группы в английские владения для использования в войне с Германией». Одна часть интернированных, согласно донесению комиссара лагеря, примерно 250–300 человек («Это — офицерство во главе со штабом и реакционно настроенные»), с радостью встретила данное известие. Эта группа стала «усиленно заниматься английским языком и каждый день ожидала скорого освобождения из интернации». Однако, видя, что Гаусгофера длительное время не вызывают в Москву (ему якобы было обещано о вызове обратно в Москву через 5–7 дней), часть интернированных, настаивавших на ускорении отъезда, стала, по словам Юдина, «активизировать свои действия путем попыток в организации различного рода демонстраций и провокаций с расчетом, что это станет известно в Москве». 24 сентября легионер Неквасил организовал делегацию от рот для посылки к начальнику лагеря с требованием немедленно отправить в Москву Гаусгофера, чтобы выяснить, как идут переговоры с английским посольством об отправке интернированных за границу. При этом продолжительность пребывания Гаусгофера в лагере объяснялась незаинтересованностью и неохотой советских властей в деле отъезда группы из СССР. «Все ожидают в отчаянии, — писал Юдин Нехоршеву 15 октября 1940 г., — скорого приезда

т. Орлова, который привезет им какое-нибудь решение об отъезде»¹²².

В противовес требовавшим отъезда в Англию активизировала свою деятельность группа численностью примерно 200–250 человек, включая и так называемых «звездарей», сторонники которой настойчиво пропагандировали мысль о том, что если невозможно будет остаться в СССР, то надо добиваться возвращения на родину. Из этой группы 60–80 человек энергично взялись за изучение «Краткого курса истории ВКП(б)» для того, чтобы успешно пропагандировать в Чехословакии опыт социалистического строительства в СССР. Члены группы составили коллективное заявление на имя наркома внутренних дел, которое было передано лагерному начальству. В нем выдвигалось требование отменить военные построения, на сохранении которых настаивали офицеры во главе со штабом, намеренные продолжать, как говорилось в заявлении, военную «дрессировку» особенно тех, кто положительно относился к советской власти; выражалось желание поддерживать дисциплину и порядок при условии устранения различий в положении интернированных и привилегий для отдельных их категорий (например, штаб легиона), а также привлечения всех легионеров к работе по лагерю и наказания за отказ от нее; предлагалось ликвидировать воинскую организацию интернированных по ротам и создать в корпусах равночисленные группы, во главе которых поставить положительно относившихся к Советскому Союзу.

Однако лагерное начальство не дало хода заявлению. Активистам группы было объяснено, по словам Юдина, что «выставлять подобные требования они не имеют права и что как штаб группы, так и командиры рот требуют только то, что установлено и приказывается нами (т. е. администрацией лагеря. — В. М.)». От составителей заявления (среди них находились Гаворка, Янота, Филиппович, Михалек и др.) потребовали «беспрекословного поддержания порядка и дисциплины в лагере». Юдин отмечал, что администрация лагеря «в рамках наших приказов и установленного порядка» всячески поддерживает «авторитет руководства группы (имелся в виду весь легион. — В. М.) и через него предотвращает подготавливающиеся провокационные выступления, возлагая за это ответственность на руководство группы»¹²³. Если во имя сохранения порядка и поддержания дисциплины в лагере его администрация шла на отдельные компромиссы со штабом легиона (сохранение некоторой видимости воинской части), то в вопросах

проведения политической работы среди интернированных достичь взаимопонимания часто не удавалось. На этой почве нередко происходили стычки и возникали конфликты между командованием лагеря и штабом легиона. В Суздальский лагерь была направлена копия тех вышерассмотренных указаний Нехорошева об организации политико-воспитательной работы, которые в мае 1940 г. он направил в Оранки. «Перевоспитание» интернированных осуществлялось разными способами. В выписанных для лагеря газетах («Правда», «Известия», «Красная звезда») показывались успехи социалистического строительства и политика советского руководства, журналы («Большевик», «Спутник агитатора», «В помощь марксистско-ленинскому образованию») давали возможность постичь азы марксизма-ленинизма¹²⁴. В библиотеке лагеря имелись 626 книг, в том числе 552 политического характера (из них 221 — на чешском языке, 194 — на немецком, 46 — на французском, 88 — на английском, 3 — на русском языках) и 72 — художественные (из них 32 — на чешском языке, 2 — на немецком, 3 — на английском, 34 на русском языке). Командование легиона выражало недовольство тем, что при комплектовании библиотеки не учитывались их запросы, и потребовало разрешить посещение городской библиотеки¹²⁵. Как и ранее, для интернированных организовывались лекции, содержание которых не удовлетворяло главным образом офицеров, что рождало конфликтные ситуации. Так, в спецдонесении оперуполномоченного лагеря Макарова от 29 августа сообщалось о лекции инструктора политотдела УПВИ Шикина, в которой был допущен «ряд грубых ошибок, вызвавших недовольство интернированных». Говоря о Бенеше, лектор назвал его предателем чешского народа и организатором контрреволюционного выступления против Советского Союза. Присутствовавшие на лекции, по словам Макарова, заявили, что после такой характеристики они больше не будут ходить на лекции. В сентябре 1940 г., согласно спецдонесению о недовольстве в Суздальском лагере, интерес к политбеседам резко упал, и на них являлась очень незначительная часть интернированных, заявлявших, что их не интересует политика. В октябре 1940 г. Юдин сообщал Нехорошеву о противодействии проведению культурно-просветительной работы «со стороны реакционно настроенной офицерской части». В частности, приводились слова заместителя Зикмунда Коутного: «Советские люди и этот комиссар обязательно хотят нам показать и навязать свою политику. Они нам портят нервы и никогда не сделают наших людей большевиками»¹²⁶.

Штаб легиона обратился к командованию лагеря с просьбой разрешить организовать лекции силами интернированных по таким темам, как национальный состав населения бывшей ЧСР; географическое положение и экономика Моравии; народное образование в Чехословакии. Юдин, обратившийся к Нехорошеву с просьбой дать указание на этот счет, отмечал большое стремление интернированных «к подобному национальному просвещению». Вместе с тем в докладной записке Нехорошеву от 1 октября 1940 г. комиссар лагеря отмечал, что один из конспектов такой лекции «написан в резко националистическом духе, направленном против Германии». Вообще всякое проявление патриотических чувств расценивалось администрацией лагеря как национализм, и отсюда делались соответствующие выводы. «Политаппарат лагеря, — писал Юдин, — использует все для того, чтобы показать преимущества нашего социалистического государства перед капиталистическим». Вне зависимости от желания или нежелания интернированных лекции и беседы проводились примерно по тому перечню тем, который был обозначен Нехорошевым в мае 1940 г. В ноябре, например, состоялось 11 бесед, на которых присутствовало 1265 человек, т. е. в среднем по 115 человек на каждой¹²⁷.

Вместе с тем лагерное начальство, будучи заинтересовано в поддержании спокойствия и порядка в лагере и не желая усугублять создавшуюся там напряженную атмосферу, не разрешило «звездарям» распространять полученную от Вагенкнехта и Сиссермана (Зюсермана. — *В. М.*) статью из журнала «Дие Вельт» (№ 35 от 23.08.40) под названием «Новый этап в чешском национальном движении», в которой, по словам Юдина, «резко вскрывалось подлинное лицо бывших руководителей Чехословацкой республики, в частности, бывшего президента Бенеша». «Звездари» хотели перевести ее на чешский язык и вывесить на доске последних известий. «Я им это воспретил сделать, — писал Юдин Нехорошеву, — считая, что подобная статья (справедливо описывающая роль бывших руководителей Чешской республики) содействует усилению политической междоусобицы между различными прослойками интернированных вследствие их фетишизма в отношении Бенеша», а также усиливает «злостствующее отношение реакционно настроенной части и руководства легиона к так наз. „звездарям“»¹²⁸.

Без ограничений разрешалось интернированным слушать советские радиопередачи, но что касается иноязычных передач, то

тут действовал, как, впрочем, и в отношении советских граждан, жесткий запрет. Между тем легионеры постоянно настаивали на том, чтобы им дали возможность слушать радиопередачи на чешском языке. Нехорошев в конце концов согласился удовлетворить эту просьбу, но разрешил лишь прослушивание известий, «передаваемых нашими станциями из Москвы». Для этого рекомендовалось выделить из числа интернированных одного-двух человек, «хорошо проверенных во всех отношениях». Их следовало предупредить «о недопустимости передачи текста в извращенном виде и об ответственности за это». Перепечатанные записи передач предлагалось вывешивать в виде информационного листка. Слушать радиопередачи заграничных станций не разрешалось¹²⁹.

Возникали и другие поводы для проявления несогласия многих интернированных, в особенности штаба легиона, с позициями лагерного начальства. В частности, по поводу художественного оформления клуба, который размещался в бывшей церкви. Сначала, когда администрации удалось собрать группу энтузиастов, готовых участвовать в переоборудовании церкви под клуб, офицеры легиона, и особенно штаб, стали доказывать, что «лики святых им не помешают». Когда же они увидели твердое намерение, по словам Юдина, «закрасить всю божескую роспись орнаментами на советские темы», то стремились, подорвав авторитет взявшихся за это энтузиастов, заменить их другими людьми, предлагавшими оформить клуб «в древнегреческом мифологическом стиле». Когда же и это предложение не прошло, то штаб совершенно устранился от участия в оформлении клуба, который в конце концов был оформлен «в советском, революционном стиле»¹³⁰. При клубе существовал актив, который составлял план культмассовой работы, работали хоровой и музыкальный кружки, готовилась к постановке пьеса Гоголя «Ревизор», демонстрировались кинофильмы.

Некоторые интернированные пытались реализовать себя и как специалисты. Так, например, в августе 1940 г. к начальнику лагеря Короткову обратился Р. Мишутка с просьбой помочь ему опубликовать без гонорара в каком-либо издательстве в Москве «Написанную им в лагерях НКВД» брошюру «Что дало словацкое государство Словакии?» (объемом 6 общих тетрадей, на чешском языке). Из краткого перечня вопросов, затронутых в рукописи, явствовало, что автор сосредоточил свое внимание на внутренних причинах, содействовавших расчленению Чехо-Словакии, соци-

ально-политическом положении Словакии в межвоенной ЧСР, обстоятельствах возникновения Словацкого государства и политике его руководителей. По распоряжению Воробьева рукопись была направлена в политотдел УПВИ НКВД СССР. Дальнейшая ее судьба не известна. Вот другой пример: инженер Е. Вайнер сделал замечания на книгу А.Т. Батурина «Сопrotивление материалов». Копия этого письма была направлена в издательство технико-теоретической книги. О себе автор сообщал, что он 10 лет работал ассистентом в испытательной лаборатории при одном из высших учебных заведений в Праге, где занимался иностранной технической литературой. Автор просил направить ему вышедшие в издательстве книги, которые он мог бы отрецензировать¹³¹. Ответа, по всей видимости, не последовало.

Нареканий на питание от интернированных не было: в констатирующем это спецдонесении о настроениях в Суздальском лагере от 19 сентября 1940 г. говорилось, что они «обеспечены всеми необходимыми продуктами, в том числе различными овощами». Не поступало также жалоб на бытовые условия¹³². Недовольство интернированных проистекало главным образом из неясности их положения и дальнейшей судьбы. Предложения Л. Свободы, направленные им из Стамбула советским властям 2 октября 1940 г., особенно что касается создания разведывательной группы, очевидно, стали обдумываться руководством НКВД. 10 октября Сопруненко направил Меркулову список офицеров чехо-словацкого легиона, содержащихся в Суздальском лагере, а 12 октября тот же Сопруненко отдал распоряжение Короткову отправить в Москву по приказу Берии 13 интернированных офицеров. В списке значились капитан Я. Пулпитек (1900 г. рождения), ротмистр В. Смрчка (1904 г.), старший поручик М. Страка (1900 г.), поручик О. Ярош (1912 г., впоследствии Герой Советского Союза), поручик Ф. Ковалек (1916 г.), поручик В. Ружичик (1911 г.), штабс-капитан Ф. Зикмунд (1894 г.), штабс-капитан запаса Ф. Цибуш (1894 г.), капитан запаса М. Коутны (1895 г.), капитан О. Бенда (1892 г.), штабс-капитан Ф. Гросман (1890 г.), капитан запаса В. Зедка (1892 г.), капитан Э. Либрайх (1897 г.). Отправку надлежало произвести на грузовых автомашинах, обеспечив всех теплой одеждой. «Если есть военная форма, всех одеть по форме», — говорилось в распоряжении. Сопровождать машины должен был начальник лагеря, а ожидал их прибытия к зданию, где размещалось УПВИ (Кузнецкий мост, 26), сам Сопруненко¹³³. После их отъезда штаб

легиона возглавил подпоручик Л. Бедржих, бывший сначала адъютантом Л. Свободы, а затем Ф. Зикмунда.

Следует заметить, что примерно в это же время в руководстве НКВД и в советских верхах начала вызревать идея о создании польской армии в Советском Союзе. 10–11 октября 1940 г. 23 польских офицера из Грязевского и Козельского лагерей были доставлены в Москву. Беседы с 11 из них, отобранными для дальнейших переговоров, вели высшие чины госбезопасности, в том числе Меркулов. В их задачу входило отобрать 50 необходимых для создания польской дивизии офицеров, готовых сражаться с Германией, дружелюбно относившихся к Советскому Союзу и склонных считать незаконным польское эмигрантское правительство. Части этих офицеров разрешено было разместиться на частных квартирах, а часть жила под наблюдением под Москвой, в Малаховке¹³⁴. 2 ноября 1940 г. Берия направил Сталину письмо, в котором докладывал, что проделал НКВД «во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах». Большая часть документа была посвящена вопросу о возможности формирования польской воинской части (дивизии) на территории СССР. Относительно «военнопленных чехов» сообщалось, что их в лагере НКВД насчитывается 577 человек (501 чех и 76 словаков), в том числе штабных капитанов и капитанов — 8 человек, младших офицеров — 39, младшего состава — 176 и рядовых 354 человека. «В процессе бесед с отобранными из них 13 офицерами, — говорилось в письме, — установлено, что все они считают своим исконным врагом Германию и хотят драться с ней за восстановление Чехословацкого государства. Себя они рассматривают как военнообязанных чешской армии, своим вождем считают Бенеша, и в случае, если на территории Советского Союза будут организованы какие-либо чешские военные части, вступят в них по приказу Бенеша или, как минимум, своего командира полковника (правильно подполковника. — В. М.) Свободы, ныне находящегося за границей. Свобода нами из-за границы вызван»¹³⁵. Он прибыл в Москву, видимо, в начале ноября 1940 г. а 13 ноября, по распоряжению Сопруненко, Коротков направил в УПВИ учетные дела упомянутых выше 13 офицеров¹³⁶.

27 ноября Л. Свобода отмечал в своем дневнике, что во время встречи с советскими представителями официальное решение правительства СССР ему сообщено не было, но было дано понять, что его «предложения будут приняты и реализованы». Одновременно Л. Свободе задали вопрос, будут ли с его действиями согласны Бе-

неш и правительство, на что он ответил утвердительно и рекомендовал как можно быстрее установить с ними связь и информировать их. Вопрос был не случаен. Советская и чехословацкая разведка налаживали в это время контакты, и Москва знала, что это происходит с ведома и под контролем Бенеша. Осенью в Стамбул прибыли чехословацкие разведчики из бухарестской и белградской резидентур, которые искали связи с советским консульством. Среди них находился и полковник Г. Пика, с которым представители советской разведки уже контактировали в Бухаресте. Именно Пика был уполномочен Бенешем и эмигрантским правительством вести переговоры с советской стороной, а Свобода «не должен был вмешиваться» ни в политические, ни в разведывательные дела. Ему отводилась лишь роль чехословацкого представителя в СССР, ведущего переговоры об эвакуации оставшейся части легиона с территории СССР.

Такова была инструкция, переданная в Стамбул генералом С. Ингром. Об этом информировал Свободу полковник Пика, подчеркнув, что «какие-либо возможные его договоренности в Москве не могут быть для кого-либо обязательными, если они не будут совпадать с намерениями лондонского руководства»¹³⁷. В Стамбуле, который в это время стал крупнейшим центром чехословацкой резидентуры на Балканах, Свобода выполнял посредническую роль при установлении контактов чехословацкой разведки с советским консульством¹³⁸. 12 января 1941 г. Пика сообщил в Лондон, что его следующие депеши будут содержать «строго секретные сообщения Свободы и результаты разговора с советским представителем центра в Москве», который прибудет на несколько дней в Стамбул, чтобы обсудить вопрос о сотрудничестве. 14 января 1941 г. в Стамбул снова прибыл Свобода, в задачу которого входила подготовка встречи представителя Генштаба Красной Армии генерала Фокина (под этой фамилией скрывался начальник разведывательного управления НКВД П.М. Фитин) с чехословацкими разведчиками, в частности с Пикой. Сам Свобода в переговорах не участвовал и в тот же день возвратился в СССР. В депеше, направленной в Лондон, Пика сообщал, что советский проект широко трактуемого сотрудничества в области разведки содержит ряд пунктов, и прежде всего согласие с организацией самостоятельных чехословацких частей на территории СССР, как только это позволит международная ситуация. Советский представитель заявил, по словам Пики, о намерении «дать разрешение на приезд наших людей в

Россию», а также предлагал, чтобы на территории СССР была немедленно сформирована группа офицеров, которая бы под руководством советского Генерального штаба организовала разведывательную деятельность в Чешских землях, на Балканах, в Германии. Командир группы должен был быть наделен полномочиями чехословацким военным министром. Советская сторона просила направить в СССР одного высшего офицера, который прибыл бы непосредственно из протектората и знал бы ситуацию там. Далее, было обещано немедленно открыть границы «всем лицам, которые вынуждены эмигрировать из страны в связи с возможным арестом или готовы добровольно вступить в нашу (чехословацкую. — В. М.) армию»; временно они могли бы быть размещены в лагерях, а потом переправлены в страну, которую определит чехословацкое правительство, или же могут подождать создания чехословацкой части на советской территории¹³⁹. В сообщении Свободы в Лондон, переданном из Стамбула, о позиции советской стороны говорилось следующим образом: «Они были рады решению господина президента (речь шла о принципиальном согласии Бенеша направить в Россию нескольких чехословацких офицеров. — В. М.). Спешат создать разведывательную группу. Для нее все подготовлено. Как и для прибытия наших людей». В это время, по свидетельству Пики, он установил связь с радиопередатчиком «Зоя», который размещался под Москвой на даче, находившейся в распоряжении Л. Свободы и его сотрудников¹⁴⁰.

Естественно, что вся эта «скрытая» сторона дела не была известна интернированным в Суздальском лагере, которых весьма волновала судьба 13 офицеров, отправленных в Москву и находившихся, как следует из документов, в подмосковном Быково¹⁴¹. Несмотря на то что в конце ноября в лагерь пришли письма от Зикмунда и Бенды, свидетельствовавшие, что все офицеры живы и здоровы, беспокойство легионеров не улеглось. По-прежнему сохранялись враждебные отношения между сторонниками и противниками выезда из СССР. Первые, как и ранее, были весьма критически настроены по отношению к советской действительности, что отражалось и в сводках по агентурно-оперативному обслуживанию лагеря. Например, один из интернированных, возвратившись из прогулки в город, заявил, что он больше не пойдет туда, «потому что ему не хочется смотреть на советскую нищету: везде очереди, а продуктов нет; а что в книгах пишут и рассказывают в лекциях — это только фантазии большевиков». Другой легионер считал, что

«в Чехословакии социалистической республики никогда не будет, поскольку у нас, в Чехословакии, рабочие привыкли к лучшей материальной обеспеченности, чем в СССР»¹⁴². Знаком проявления политико-патриотических чувств являлось вывешивание в читальне клуба рядом с портретом Сталина портрета первого президента ЧСР Т.Г. Масарика, причем первый был вскоре снят, а второй оставлен. В связи с этим Нехорошев строго требовал у Юдина сообщить, кто допустил вообще вывешивание портрета Масарика рядом с портретом Сталина, а также почему в лагере было разрешено вывешивание чехословацких флагов¹⁴³.

Наряду с этим, по-прежнему существовало довольно значительное число просоветски настроенных и противившихся выезду из СССР. Среди них особенно часто упоминалась фамилия В. Янота, который, согласно оперативно-информационной справке по лагерю от 1 декабря 1940 г., утверждал: «Многие из интернированных, которые ранее находились под влиянием офицеров, начинают убеждаться в их лживости и неправильном представлении о Советском Союзе и его политике. Многие уже стали понимать, что выход из тяжелого положения народов капиталистических стран может быть только путем установления советской власти, как это сделали в этом году народы Литвы, Латвии и Эстонии»¹⁴⁴. Администрация лагеря, хотя и характеризовала настроения интернированных в целом как удовлетворительные, все же полагала необходимым для смягчения напряженности провести следующие мероприятия, о чем просила разрешения УПВИ в декабре 1940 г.: ввиду «невозможности полной ломки структуры построения» самим назначать руководство группой «из числа более честных и лояльно настроенных»; убрать из лагеря подпоручика Бедржиха, являющегося «организатором отрицательных настроений с целью активного давления на руководство лагеря в разрешении вопроса их пребывания в СССР»; организовать «приезд в лагерь в ближайшее время т. Орлова для разрядки настроения»; ускорить присылку профессора-чехословака для прочтения ряда лекций; организовать присылку писем от группы «13»¹⁴⁵.

Бедржих, очевидно, был настроен весьма решительно в стремлении выяснить дальнейшую судьбу легиона и добиться выполнения требований интернированных к командованию лагеря. 16 декабря он направил в НКВД Орлову, которого считал «самой надежной связью между нами и высшими органами», «IX сводку о положении группы интернированных чехословаков Свободы в

г. Суздаль». Подобные сводки, как значилось в начале, по договоренности со Свободой посылались в НКВД не регулярно, а периодически, когда возникала необходимость в его вмешательстве и когда требовалось сообщить что-либо важное о положении легиона. Бедржих начинал свою сводку с выражения благодарности Орлову за все, что было им сделано для группы в период ее пребывания в СССР. Вместе с тем говорилось о недовольстве, вызванном отсутствием ясности в вопросе о том, что «намерено с нами сделать Ваше правительство» и «что предпринимает наше заграничное правительство для нашего включения в борьбу за самостоятельность Чехословакии». Бедржих сообщал об удовлетворенности положением дел с размещением, обмундированием, питанием легионеров, о налаженном сотрудничестве и взаимопонимании с начальником лагеря Коротковым и его заместителем Гречаниновым, которые ведают этими вопросами, об очень хорошем состоянии здоровья интернированных. Вместе с тем он сожалел о том, что моральное состояние группы не может считаться столь же хорошим. Далее шли жалобы на комиссара лагеря Юдина, который являлся «представителем советской пропаганды и культурного воспитания» и поведение которого «портит отношение наших людей к СССР». Это, вероятно, так и было, поскольку из документов Юдин предстает как недостаточно образованный человек солдафонского типа. Бедржих писал, что большинство интернированных не может примириться и никогда не примирится с тем, что после добровольного перехода на территорию СССР они должны до конца войны пребывать в довольстве и, сокрытые в лагере, отдыхать и бездействовать. Он просил отправить легионеров к заграничной армии, чтобы их судьбой могло распорядиться чехословацкое эмигрантское правительство во главе с Бенешем. Бедржих подчеркивал, что только по приказу этого правительства и лично Бенеша они могут остаться в СССР и «отсюда рано или поздно выполнить свое задание». При этом он предлагал, если необходимо, чтобы в СССР формально «продолжал существовать бывший чехословацкий легион», оставить тех, кто отказался воевать за самостоятельную Чехословакию под руководством Бенеша, будучи уверен, что «Чехословацкую республику восстановят другие силы». Бедржих просил как можно скорее вызвать его и его заместителя поручика Б. Ленца в Москву для выяснения всех этих вопросов. Он сообщал также об обеспокоенности интернированных судьбой группы офицеров, вызванных в Москву, и о том, что если не будут разъяснены

причины этого вызова, то «состояние группы станет еще хуже». Бедржих сетовал на то, что у них отнята возможность слушать радиовещание чехословацкого «заграничного правительства» и в течение 15 месяцев не разрешалась письменная связь с ним, на то, что легиону не передаются письма подполковника Свободы и что Юдин даже запретил им читать «чешские доклады». «Чем нам укрепить наше доверие к Вам? Не тем ли, что Вы нас разместили, одеваете и кормите?» — заканчивал свое послание Бедржих ¹⁴⁶.

Конфликт Юдина со штабом легиона, по всей видимости, набирал силу. Во внеочередной оперативной-информационной сводке по лагерю от 19 декабря 1940 г. подчеркивался «наглый, настойчивый и требовательный тон штаба интернированных и его офицерства». Объяснялось это тем, что «в последний месяц по отношению к интернированным проводилась политика наименьшего сопротивления», в чем обвинялся временно исполняющий обязанности начальника лагеря Гречанинов (в город без всяких ограничений отпускались все, кто обращался с этой просьбой, — от 180 до 300 человек в день). Администрации лагеря стало известно о существовании в легионе так называемого военного трибунала (карны выбор), который занимался осуждением провинившихся перед Чехословацкой республикой, а по существу, как значилось в сводке, перед офицерским составом легиона. Приговоры должны были приводиться в исполнение после отъезда легионеров за границу. Сообщалось, что эта «система запугивания» распространялась в основном на тех, кто был лояльно настроен по отношению к советской власти. Криминал усматривался также в том, что в легионе полным ходом шла подготовка к Рождеству (закупались гуси, куры, накапливалось спиртное). Особо активное участие, несмотря на запрещение проводить праздник, принимали в этом штаб и все офицеры, которые доказывали, что Рождество традиционно празднуется в Чехословакии и всей Западной Европе, а поскольку легионеры находятся на правах интернированных, то запретить им отметить этот праздник нельзя ¹⁴⁷. Вопрос обсуждался в Москве и был решен в пользу легионеров. В связи с жалобой Бедржиха на Юдина в лагерь в январе 1941 г. прибыл сотрудник УПВИ Сейфуллин, чтобы на месте разобраться в сложившейся ситуации. В своей докладной он подтвердил наличие в лагере недовольства не только со стороны штаба легионеров поведением Юдина, но со стороны части интернированных действиями самого штаба. Группа особо радикально настроенных офицеров во главе с Неквасилом и Мичохом

обвиняла штаб в бездеятельности, слабом нажиме на советские органы с целью выезда легиона за границу. В лагере прошли собрания, направленные против штаба группы, была составлена петиция с требованием немедленной отправки из СССР, «хотя бы даже в Германию» (здесь, очевидно, имелся в виду протекторат). Под петицией подписалось около 200 человек. Неквасил претендовал на то, чтобы заменить Бедржиха в должности командира легиона. Недовольна была притеснениями со стороны штаба и просоветски настроенная группа, наиболее активные члены которой (Янота, Адлер, Михалик и др.) организовали распространение марксистско-ленинской литературы среди интернированных и заявляли, что штабные офицеры являются «защитниками интересов капитализма». Разобрав конкретные претензии Бедржиха, представитель УПВИ пришел к выводу, что «командование группы обоснованных материалов против Юдина не имеет», что, отстаивая тезис «армия должна быть выше политики», оно «не любит политотделение и его руководителя Юдина за ведение им политической работы среди интернированных». Вместе с тем Сейфуллин отмечал отдельные «случаи грубого и неумелого проведения нашей политики среди интернированных», в том числе поощрение везде и всюду «звездарей», отказ «в грубой форме» в разрешении праздновать Рождество, беспричинная задержка купленных для лагерной библиотеки книг и т. д.¹⁴⁸

К этому времени, вероятно не без активного участия Свободы, сдвинулось с мертвой точки дело отправки легиона за границу. Ее оформление и финансирование осуществлялись через Английское посольство в Москве. Причем все это проводилось, видимо, в строжайшей тайне от немцев, во-первых, потому, что СССР считался нейтральным государством и, следовательно, не мог, не вызвав неудовольствия Берлина, содействовать формированию чехословацких воинских частей на Западе, предназначенных для участия в войне против гитлеровской Германии; во-вторых, эта акция грозила конфликтом с Третьим рейхом, посольство которого (Ф. Шуленбург) постоянно настаивало на передаче в его ведение всех дел, касавшихся бывших чехословацких граждан. Во всяком случае, вопрос об интернированном легионе тогда был решен советскими властями вопреки легко прогнозируемой отрицательной позиции Германии и так, как считали нужным Бенеш и чехословацкое эмигрантское правительство. 1 февраля 1941 г. Фитин направил Сопруненко указание Меркулова о том, чтобы в Суздаль-

ский лагерь были возвращены 13 ранее вывезенных оттуда и находившихся на даче в Быково офицеров. Одновременно с этим предлагалось направить в Москву Бедржиха и Гаусгофера, что и было сделано 4 февраля 1941 г.¹⁴⁹ 7 февраля Л. Свобода и М. Бедржих встретились в гостинице «Националь», где первый получил подробное сообщение о положении дел в легионе, а второй — приказ заняться формированием транспортов для отправки легиона на Запад. Они вместе наметили тех, кто должен уехать из СССР, а также 90 человек, включая себя, которые должны остаться в Советском Союзе как основа будущей чехословацкой воинской части здесь. Бедржих, вернувшись в лагерь из Москвы, заявил, что Л. Свобода намерен приехать в Суздаль для беседы с рядом офицеров, которые станут костяком при формировании чехословацкой воинской части в СССР¹⁵⁰, хотя пока еще не существовало ясности относительно формального согласия чехословацкого правительства на это. Только 22 февраля Свобода получил сообщение из Лондона о том, что Бенеш и Ингр «не исключают возможности оставить в России некоторых офицеров и врачей»¹⁵¹. Оформление паспортов и виз в английском посольстве занялся Гаусгофер.

15 февраля 1941 г. Фитин сообщил Сопруненко о том, что нарком госбезопасности СССР Меркулов¹⁵² «разрешил продолжить выдворение интернированных чехословаков, содержащихся в Суздальском лагере», и что первая группа выдворяемых в количестве 58 человек должна прибыть в Одессу не позднее 20 февраля с. г. В списке, состоявшем в большинстве из офицеров, значились Б. Лишка, Ф. Зикмунд, Б. Неквасил и др. В группе было много летчиков и авиамехаников¹⁵³. 17 февраля Сопруненко направил председателю правления «Интуриста» Синицыну письмо с просьбой разрешить продать за советскую валюту 58 билетов на теплоход «Сванетия» для интернированных чехов. 18 февраля начальник УПВИ сообщил Берии о том, что они отправлены в Одессу¹⁵⁴. Л. Свобода в письме генералу Гаку от 27 февраля 1941 г. так характеризовал эту группу: «Я надеюсь, что людьми будешь доволен. Подрывные элементы и называемых Тобой „вертихвосты“ я исключил. Они останутся здесь и будут направлены куда-нибудь на работу. Русские в этих людях также не нуждаются (o tyto lide take nestoji)»¹⁵⁵.

В служебной записке Фитина на имя Сопруненко от 22 февраля 1941 г. сообщалось, что Меркулов разрешил «выдворить за границу вторую группу интернированных бывших чехословацких ле-

гионеров в количестве 60 человек» и что их надо доставить в Одессу к 1 марта, чтобы они успели на теплоход «Сванетия», отходящий 2 марта. В списке из 60 человек значились в основном рядовые и младший командный состав¹⁵⁶. Вслед за тем 3 марта Меркулов дал указание отправить из СССР третью группу в количестве 70 человек. На списке — приписка карандашом: «5 человек отказались ехать». В Одессу легионеры прибыли 10 марта, откуда отплыли на «Сванетии» 11 марта. В тот же день было разрешено отправить четвертую группу в количестве 60 человек (в Одессу прибыли 19 марта, отплыли 20 марта), 19 марта — пятой группы (60 человек прибыли в Одессу 28 марта, на борт «Сванетии» погружены 29 марта), а 29 марта — шестой группы в количестве 62 человек (прибыли в Одессу 6 апреля, отправлены на «Сванетии» 7 апреля)¹⁵⁷. 19 апреля из лагеря была отправлена еще одна, седьмая группа, насчитывавшая, по одним сведениям, 85, по другим — 86 человек. В списке же разрешенных на выезд значилось 92 человека¹⁵⁸. На 15 апреля 1941 г. в Суздальском лагере находилось 157 интернированных¹⁵⁹, в том числе 128 чехов, 28 словаков, 1 еврей. 10 считали себя членами КПЧ, 9 — социал-демократической, 2 — национально-демократической, 4 — национально-социалистической и 4 — национальной рабочей партии¹⁶⁰.

Очевидно, советские органы (НКВД, НКГБ, НКО, НКВД), решавшие судьбу интернированного легиона, не всегда действовали согласованно в этом вопросе. Так, представляется, что УПВИ НКВД СССР еще в апреле 1941 г. не знало о ведущихся переговорах относительно создания чехословацкой воинской части в СССР (этот вопрос тогда решался тайно по линии Разведуправления Генерального штаба РККА) и решения Л. Свободы, принятого, очевидно, не без согласования с соответствующими советскими военными органами, об оставлении в СССР 90 легионеров. Иначе нельзя объяснить, почему 14 апреля 1941 г. Сопруненко направил Юдину такое указание: «в связи с тем, что все (подчернуто мной. — В. М.) интернированные чехословацкие легионеры должны выехать за границу, необходимо проводить соответствующую политическую разъяснительную работу с теми из них, кто выезжать отказывается. ... Мы должны добиться такого положения, чтобы выехали все легионеры, но при ведении разъяснительной работы не следует ссылаться на то, что этого якобы требует Советское правительство». Следовало приводить такие основные доводы: командование легиона, которому они должны подчиняться,

решило выехать за границу; советским правительством разрешен выезд всем легионерам, и поэтому все должны ехать. Необходимо предупредить, подчеркивал Сопруненко, что лица, совершившие побег из лагеря и нарушившие тем самым дисциплину, будут привлекаться к ответственности. Для того чтобы разъяснительная работа среди отказывавшихся выезжать за границу была более эффективной, рекомендовалось беседовать с каждым в отдельности¹⁶¹.

В СССР в апреле 1941 г. прибыл Г. Пика для ведения тайных переговоров о создании сначала разведывательной группы, а в перспективе — чехословацкой воинской части. Но думается, что эта последняя идея, обдумывавшаяся ранее в высших военных кругах СССР, к этому времени несколько утратила свою значимость, во всяком случае, ее реализация откладывалась на неопределенное время. Связано это было, видимо, с новым зигзагом в советской внешней политике: Сталин, возглавивший в мае 1941 г. вместо Молотова СНК СССР, решил ослабить нараставшую в советско-германских отношениях напряженность и вернуть их в русло дружбы и сотрудничества. В этой концепции, естественно, не оставалось места иностранным воинским формированиям, которые создавались бы с ведома лондонских эмигрантских правительств и потенциально были нацелены на участие в борьбе с Германией. Возможно, в связи с этим была продолжена и эвакуация чехословацких легионеров. 21 мая 1941 г. Меркулов разрешил выехать за границу еще одной группе в количестве 20 человек (в Одессу они прибыли 30 мая, а 31 мая отплыли на «Сванетии»). К списку из 20 человек была приписана от руки и фамилия Л. Бедржиха¹⁶², который из-за своей строптивости являлся, видимо, «неудобным» для советских властей человеком. Однако он не уехал с группой и остался в СССР. Опись учетных дел интернированных, выбывших из Суздальского лагеря за границу, содержала 449 фамилий¹⁶³. На этом эвакуация легионеров из СССР прекратилась. Однако из лагеря по указанию Меркулова, видимо, для использования в разведке 2 июня 1941 г. были направлены в Москву еще 5 человек: Б. Ленц, И. Махачек, О. Ярош, А. Прохазка, Ф. Цалетка¹⁶⁴.

10 мая Сопруненко направил Берии докладную записку «О политико-моральном состоянии интернированных чехов», в которой сообщались следующие данные: из 803 интернированных бывшего чехословацкого легиона 639 человек отправлены за границу, 3 — освобождены по просьбе ИККИ, 161 — остался в лагере (в том

числе 2 — в бегах). Политико-моральное состояние оставшихся легионеров, по словам Сопруненко, удовлетворительное, отрицательных политических настроений не зафиксировано; основная масса с нетерпением ожидает очередной отправки за границу. Кроме того, согласно докладной, в лагере имелась группа в 15–20 человек, категорически отказывавшаяся выезжать из СССР и заявившая: «Мы не откажемся ехать бороться за свое народное дело, но мы ни за что не хотим ехать с этими офицерами, мы им не доверяем, ибо они ждут случая расправы с нами за наши взгляды на жизнь и на политику капиталистических государств». Эти люди предпочитали строгое наказание за отказ от выезда, даже в виде тюремного заключения на 5–8 лет, считая: «Это нам будет лучше». Первомайские дни, как сообщал Сопруненко, интернированные провели торжественно и празднично. Утром на торжественном построении легиона зачитали приказ штаба по поводу праздника, в котором провозглашалась здравица в честь Сталина и всего советского народа. Состоялся вечер с докладом «1 Май — праздник международной пролетарской солидарности». На нем присутствовало 150 человек. Показывали фильм «Музыкальная история». 2 и 3 мая также прошли празднично: состоялись прогулки, прошел шахматный турнир, демонстрировались кинокартины «Юность Максима» и «Светлый путь»¹⁶⁵.

Видимо, после этой докладной руководство НКВД и НКГБ приняло решение не выдворять из СССР тех, кто этого категорически не желает. Как следует из служебной записки Сопруненко Короткову от 30 мая 1941 г., интернированных легионеров, не желавших ехать за границу, Меркулов разрешил направить на работы в различные районы СССР. «Наиболее надежную часть индустриальных рабочих» решено было послать в Сталинградскую область, где имелась группа политэмигрантов — членов КПЧ, остальных — в Донбасс, некоторые области УССР или Казахстан. Тех, на которых имелись компрометирующие материалы, предписывалось оставить в лагере, а сведения о них срочно выслать в УПВИ для передачи на Особое совещание при НКВД СССР¹⁶⁶. Как известно, сюда направлялись дела лиц, имеющих политические обвинения. Они заочно, без судебного разбирательства приговаривались, как правило, к высшей мере наказания. Администрацией Суздальского лагеря были подготовлены такого рода справки на 9 человек. Среди них числился, например, А. Сржал (1895 г. рождения), который, по его словам, принадлежал с 1921 по 1939 г. к коммунистической

партии. Собранный на него компромат состоял в том, что этот человек, разочарованный воплощением идей социализма в российской действительности, позволил себе антисоветские высказывания. Приводились, например, такие: «Как раньше фараоны на крови своих рабов воздвигали памятники, так и здесь в СССР фабрики и заводы-гиганты стоят на крови и несчастье рабочих», «все хорошее осталось только в гимнах и песнях, а жизнь для людей в СССР — одно бедствие». Поэтому он полагал: «Чем приносить такое несчастье чехословацкому народу, пусть лучше Чехословакия останется под протекторатом Германии»¹⁶⁷. Подобного рода настроения разделяли и другие легионеры, на которых были подготовлены справки для представления на Особое совещание. В известных автору документах нет сведений о том, были ли отправлены эти справки и какова судьба указанных в них лиц.

Из тех, кто остался в Суздальском лагере, преобладающая часть (90 человек) по-прежнему желала выехать за границу. Их список Коротков отослал Сопруненко 2 июня¹⁶⁸. Остальных, не желавших покидать СССР, предлагалось направить в его разные районы: 4 человека (электромонтер, автомеханик, слесарь, электросварщик, работавшие на заводах «Шкода», «Бати», Витковице) — в Сталинградскую область, 4 — на Украину, 21 — в Донбасс, 19 — в Казахстан¹⁶⁹. В приказе штаба легиона от 10 июня 1941 г. говорилось о 53 членах группы, оставленных в СССР для работы. Согласно приказу, эти лица отделались «от Восточной группы чехословацкой армии за границей» как с точки зрения размещения, так и командования, которое назначалось начальником лагеря Коротковым¹⁷⁰. Но уехать из лагеря успели лишь группы, получившие разрешение на выезд в Сталинград (4 человека) и в Караганду (18 человек); 26 человек, готовые жить и работать в Донбассе, задержались в лагере в связи с начавшейся войной¹⁷¹. На этом закончилась история чехословацкого легиона под командованием Л. Свободы, интернированного 18 октября 1939 г., и началась история чехословацкой воинской части в СССР, о чем будет рассказано в специальной главе второй книги.

¹ Свобода Л. От Бузулука до Праги. М., 1969; Svoboda L. Cestami života. Praha, 1971; Svoboda L. Oranky // Historie a vojenství. 1990. № 3.

² Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Praha, 1988. S. 104.

³ Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 22. По другим данным, отправлено было 1159 человек (см.: Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 85 (далее — ČSVDJ)).

⁴ Svoboda L. Cestami života. S. 378; Российский государственный военный архив (далее — РГВА, ЦХИДК). Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 51.

⁵ Svoboda L. Cestami života. S. 375.

⁶ Э. Бенеш в беседе с советским послом в Лондоне И.М. Майским 22 сентября утверждал, что это было сделано по его рекомендации, поскольку, дескать, он был уверен, что поляки потерпят поражение в случае войны с немцами и хотел, чтобы чешский легион в этом случае отступил на территорию СССР (Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 121. Далее — ДВП).

⁷ ČSVDJ. S. 84.

⁸ Svoboda L. Cestami života. S. 414.

⁹ В справке неточно указаны даты и фамилии (например, Рыбаков, надо — Рыбалко; обратился не 14 сентября, а раньше).

¹⁰ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 49–52.

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 37.

¹² Svoboda L. Cestami života. S. 425.

¹³ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 49–52; Český antifašismus a odboj. S. 106–107.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 36, 40.

¹⁵ ДВП. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 121–122; ČSVDJ. S. 86.

¹⁶ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М., 1994. С. 95, 96–98.

¹⁷ Катинская драма. Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 109, 111; Катень. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 118, 119, 404.

¹⁸ ČSVDJ. S. 104.

¹⁹ Ibid. S. 104.

²⁰ Ibid. S. 97.

²¹ Ibid. S. 104.

²² Ibid. S. 103.

²³ Ibid. S. 106–107.

²⁴ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

²⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 3. Л. 45.

²⁶ Там же. Ф. 1.п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 1–2.

²⁷ Это было явным, видимо дипломатическим, преувеличением, что станет ясно из последующего изложения.

²⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 36–38 (опубликовано в: До-

кументы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 55–56).

²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 35.

³⁰ Там же. Л. 33.

³¹ Vališ Z. Ludvík Svoboda (Druhá světová válka) // Historie a vojenství. 1990. № 6. S. 135.

³² РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 2.

³³ Там же. Л. 3–4.

³⁴ Там же. Л. 5–10.

³⁵ Там же. Л. 67.

³⁶ Там же. Л. 28–29.

³⁷ Там же. Л. 83.

³⁸ Там же. Ф. 1ап. Оп. 2. Д. 1. Л. 392.

³⁹ Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 14, 42–43.

⁴⁰ Там же. Л. 15–16.

⁴¹ Данные на русском языке подготовлены, видимо, кем-то из легионеров. Подпись: «Командир воинской группы (неразборчиво)».

⁴² РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 18.

⁴³ Там же. Л. 61. По другим данным, сообщенным тем же Маклярским в феврале 1940 г., в легионе было 537 чехов, 68 словаков, 68 евреев, 1 русин (Там же. Л. 81).

⁴⁴ Там же. Л. 41.

⁴⁵ Там же. Л. 44.

⁴⁶ Там же. Л. 82–83.

⁴⁷ Там же. Л. 82, 84.

⁴⁸ Там же. Л. 38, 48, 84.

⁴⁹ Там же. Л. 86.

⁵⁰ Там же. Л. 87–88.

⁵¹ Там же. Л. 19, 244.

⁵² Там же. Л. 45, 53, 59, 62.

⁵³ Там же. Л. 53, 88, 268.

⁵⁴ Там же. Л. 21, 22, 58, 90, 91.

⁵⁵ Там же. Л. 23, 76, 133.

⁵⁶ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S. 312.

⁵⁷ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 132.

⁵⁸ Там же. Л. 76, 132.

⁵⁹ Там же. Л. 71–72.

⁶⁰ Там же. Л. 95.

⁶¹ Там же. Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 1. Л. 276.

⁶² В октябре 1939 г. в лагере находились поляки (111 человек), которые в начале ноября были перемещены в Козельский лагерь (Катынская драма. С. 129).

⁶³ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 1. Л. 278.

⁶⁴ Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 122.

⁶⁵ Там же. Л. 151.

⁶⁶ Там же. Л. 165.

⁶⁷ Там же. Л. 167, 168.

⁶⁸ Там же. Л. 171–210.

⁶⁹ Там же. Л. 149–150.

⁷⁰ ČSVDJ. S. 115–116.

⁷¹ РГВА, ЦХИДК Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 156–157.

⁷² Там же. Л. 221–223.

⁷³ Там же. Л. 157.

⁷⁴ Там же. Л. 245–246.

⁷⁵ Там же. Л. 214, 240.

⁷⁶ Там же. Л. 215, 246.

⁷⁷ Svoboda L. Oranky. S. 109.

⁷⁸ Среди легионеров находились скульптор Франек, ученик известного чешского скульптора Й.В Мысльбека, художники Гофман и Кржечек.

⁷⁹ Svoboda L. Oranky. S. 110.

⁸⁰ Ibid. S. 109, 118.

⁸¹ Ibid. S. 117; РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 248.

⁸² РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 252; Ф. 3п. Оп. 1. Д. 1. Л. 125–126.

⁸³ Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 5. Л. 318.

⁸⁴ Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 249; Ф. 3п. Оп. 2. Д. 5. Л. 319–320.

⁸⁵ Svoboda L. Oranky. S. 119.

⁸⁶ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 243–244, 249–250.

⁸⁷ Там же. Ф. 3п. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

⁸⁸ Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 1. Л. 38–43.

⁸⁹ Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 5. Л. 319–320.

⁹⁰ Svoboda L. Oranky. S. 118–119.

⁹¹ РГВА, ЦХИДК. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 5. Л. 318–319, 321.

⁹² Svoboda L. Oranky. S. 129; РГВА, ЦХИДК. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 5. Л. 322.

⁹³ РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 224, 225–227.

⁹⁴ Там же. Л. 216, 230.

⁹⁵ Svoboda L. Oranky. S. 111, 114.

⁹⁶ Český antifašismus... S. 276–277.

- 97 Svoboda L. Oranky. S. 129.
- 98 Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 539. Л. 84.
- 99 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1.п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 264–273.
- 100 Svoboda L. Oranky. S. 129.
- 101 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 275–278, 329–331.
- 102 Катынская драма. С. 156.
- 103 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 295–312.
- 104 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 5. Л. 323.
- 105 Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 332–342.
- 106 Катынская драма. С. 131.
- 107 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 281.
- 108 Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 282–283.
- 109 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 164.
- 110 Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 285–287, 319, 323.
- 111 Vališ Z. Op. cit. S. 136.
- 112 Ibid. S. 135–136.
- 113 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 200.
- 114 Vališ Z. Op. cit. S. 135–136.
- 115 Катынская драма. С. 119–120.
- 116 Vališ Z. Op. cit. S. 137.
- 117 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1е. Оп. 01. Д. 3. Л. 209, 226; Ф. 1еп. Оп. 4. Д. 3. Л. 27.
- 118 Там же. Ф. 1е. Оп. 01. Д. 3. Л. 40, 411, 413.
- 119 Там же. Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 3. Л. 117–118.
- 120 Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 407; Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 222.
- 121 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 192–193.
- 122 Там же. Л. 229, 231.
- 123 Там же. Л. 232–233.
- 124 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 1. Л. 83.
- 125 Там же. Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 1. Л. 12, 17.
- 126 Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 374; Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 3. Л. 119; Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 221.
- 127 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 198, 199, 207; Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 288–289.
- 128 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 207.
- 129 Там же. Л. 206.
- 130 Там же. Л. 223.
- 131 Там же. Л. 171–172, 194–196.

- 132 Там же. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 119, 246.
- 133 Там же. Ф. 1еп. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.
- 134 Катинская драма. С. 37.
- 135 Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941–1942 гг. (Из раскритических архивов) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 60–62.
- 136 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 384–386; Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 1. Л. 316–317.
- 137 Vališ Z. Ludvik Svoboda. S. 137.
- 138 Свобода Л. От Бузулука до Праги. С. 25.
- 139 Gebhard J., Koutek J., Kuklik J. Na frontách tajné války. Praha, 1989. S. 294–295.
- 140 Gebhard J., Koutek J., Kuklik J. Na frontách tajné války. S. 299.
- 141 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1а-п. Оп. 5. Д. 2. Л. 75.
- 142 Там же. Ф. 1-е. Оп. 01. Д. 3. Л. 245, 274.
- 143 Там же. Ф. 3п. Оп. 2. Д. 3. Л. 244.
- 144 Там же. Ф. 1а-п. Оп. 3. Д. 3. Л. 286.
- 145 Там же. Л. 290.
- 146 Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 32–40.
- 147 Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 328–331.
- 148 Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 12–23.
- 149 Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 438.
- 150 Там же. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 438.
- 151 Vališ Z. Ludvik Svoboda. S. 137.
- 152 НКГБ СССР был создан 3 февраля 1941 г. и просуществовал до 20 июля 1941 г., когда был снова объединен с НКВД СССР. 14 марта 1943 г. НКГБ воссоздали (Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 475).
- 153 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1е-п. Оп. 6. Д. 9. Л. 33–38.
- 154 Там же. Ф. 1а-п. Оп. 5. Д. 2. Л. 96–97.
- 155 Vališ Z. Ludvik Svoboda. S. 149.
- 156 РГВА, ЦХИДК. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 60–61.
- 157 Там же. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 77–79, 114–116, 123, 173–175, 198, 205, 209; Д. 14. Л. 359–361.
- 158 Там же. Д. 14. Л. 362–365; Д. 9. Л. 221–223.
- 159 На 15 мая в списке значился 161 человек (4 прибыли из тюрем, из других лагерей, возвращены из бегов) (Там же. Оп. 01. Д. 4. Л. 157).
- 160 Там же. Л. 130, 134.
- 161 Там же. Л. 214.
- 162 Там же. Л. 264–266.

- 163 Там же. Л. 268–283.
- 164 Там же. Л. 284–285.
- 165 Там же. Ф. 2а-п. Оп. 5. Д. 1. Л. 39–41.
- 166 Там же. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 337, 368.
- 167 Там же. Л. 393–394.
- 168 Там же. Л. 338–342.
- 169 Там же. Л. 373–391.
- 170 Vališ Z. Ludvik Svoboda. S. 138.
- 171 Там же. Ф. 1еп. Оп. 6. Д. 9. Л. 415–417.

Глава 6

Втайне от Берлина и Лондона (Контакты советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг.)

История разведывательных служб и осуществленных ими операций, несмотря на немалый интерес к ним общественности, в целом малоизвестны, поскольку их деятельность составляет то, что именуется государственной тайной, а материалы, которые могли бы приподнять завесу над ней, чаще всего недоступны исследователям. А между тем результаты деятельности тайных служб нередко оказывают непосредственное влияние на ход истории, на тот или иной поворот событий, на принятие того или иного решения, в том числе и в области внешней политики. Преувеличивать значение этих служб, конечно, нельзя, но и недооценивать не следует.

Чешские исследователи стали заниматься историей разведки еще в 1960-е гг., но после августа 1968 г. эта работа почти на два десятилетия была прервана. И только в 1989 г. увидела свет книга трех чешских авторов Я. Гебхарта, Я. Коутека и Я. Куклика «На фронтах тайной войны. Очерки истории борьбы чехословацкой разведки против нацизма в 1939–1941 гг.». Она написана на основе ранее изданных, в том числе и самими авторами, работ по истории антифашистской освободительной борьбы, включающей и историю разведки¹. Исследование базируется преимущественно на материалах чешских архивов, опубликованных документах, а также мемуарах. В 1990-е гг. изучение истории чехословацкой разведки было продолжено: книги и статьи на эту тему опубликовали А. Бенчик, Я. Кржен, В. Курал, С. Кокошка, Й. Шолц, О. Сладек². Некоторые важные материалы, касающиеся контактов советской и чехословацкой разведок в 1939–1941 гг., содержатся в первом томе публикации «Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг.»³, а также в сборнике документов «Э. Бенеш: послания на родину. Инструкции и указания чехосло-

ваккому внутреннему сопротивлению в годы второй мировой войны»⁴.

Для российского читателя эти исследования интересны тем, что их авторы приводят весьма интересные и пока обнародованные лишь на чешском языке сведения, касающиеся контактов советской и чехословацкой разведывательных служб в 1940 — первой половине 1941 г., т. е. когда дипломатических отношений между советским и чехословацким эмигрантским правительствами не существовало, а разведслужбы помимо своих основных выполняли еще и политические функции. Упомянутые работы основаны только на материалах чешских архивов, и понятно, что без российских источников указанная тема не может быть раскрыта полно и объективно. Деятельность советской стороны представлена в работах чешских историков так, как она отображалась в разведывательной информации, шедшей в Лондон, где находилось тогда чехословацкое эмигрантское правительство. Перепроверить и сопоставить эти сведения с материалами российских архивов пока никто не пытался, очевидно, потому, что о существовании подобных контактов до сих пор было известно крайне мало: ведь такие материалы практически недоступны для большинства российских исследователей. Причины разные: технические, административные, но главное — с этих материалов еще не снят гриф секретности, и когда это произойдет, к сожалению, сказать трудно. Речь идет об архивах Главного разведывательного управления Советской (Красной) армии, отдела внешней разведки НКВД СССР и Комитета государственной безопасности СССР. Тем интереснее может быть материал чешских историков для российского читателя.

Контакты между советской и чехословацкой разведслужбами в начальный период Второй мировой войны возникли не на пустом месте, а имели свою предысторию. В довоенные годы советская и чехословацкая разведки были одними из лучших в мире. Достаточно сказать, что уже перед нападением Германии на СССР Гитлер с горечью констатировал: «Большевики превзошли нас в одной области: в шпионаже»⁵. Что касается второй, то она имела широко разветвленную сеть, прежде всего в Европе: Германии, Франции, Голландии, Дании, Польше, Литве, Латвии и, что особенно важно, в нейтральных в годы войны странах Швейцарии и Швеции. Кадры чехословацкой разведки были хорошо подготовлены в профессиональном отношении, имели богатый опыт; она располагала значительными валютными вкладами в банках Цюриха, Гааги, Сток-

гольма и Риги (22 млн крон)⁶, что оказалось весьма полезным после расчленения Чехо-Словакии и организации движения Сопротивления за рубежом.

Во второй половине 1930-х гг., после признания СССР со стороны Чехословакии де-юре и заключения в мае 1935 г. союзного советско-чехословацкого договора, начало налаживаться сотрудничество и между разведслужбами обеих стран. Советский экс-разведчик П.А. Судоплатов, являвшийся в рассматриваемые годы зам. начальника отдела внешней разведки НКВД СССР П.М. Фитина, в своих мемуарах пишет о том, что в 1935 г. в Москве было подписано секретное соглашение о таком сотрудничестве⁷. С чехословацкой стороны его подписал начальник чехословацкой разведки полковник Ф. Моравец. Этот факт подтверждается и воспоминаниями последнего, но речь идет о 1936 г. Моравец пишет, что летом 1936 г. он был направлен в Москву для установления связей с советской службой разведки, здесь он в течение шести дней вел переговоры по этому вопросу и был дважды принят маршалом М.Н. Тухачевским⁸. Развитию сотрудничества, которое сначала координировалось Разведуправлением Красной Армии, а с 1937 г. — НКВД СССР, способствовала набиравшая силу агрессивность нацистской Германии, непосредственно угрожавшая как Чехословакии, так и СССР. Первая встреча представителей советской и чехословацкой разведок состоялась уже летом 1935 г. в Праге. Здесь делегация Разведуправления РККА во главе с Артузовым подписала с руководством 2-го (разведывательного) отдела Главного штаба чехословацкой армии договор, в котором намечались два основных направления совместной деятельности: информация о нацистских вооруженных силах и общая агентурная работа. Затем встречи представителей разведок обеих стран проводились попеременно в СССР и Чехословакии. Примечательно, что первым военным атташе в Москве в 1936 г. стал начальник разведотдела Генштаба чехословацкой армии Ф. Дастих⁹. Сотрудничество развивалось вполне успешно: стороны были заинтересованы в получении информации, касавшейся главным образом положения дел в Германии, намечаемых ею планов и состояния вермахта. На переговорах в 1936 г. в Москве чехословацкие разведчики были, в частности, поражены огромным количеством сведений о немецких вооруженных силах, сообщенных им советскими партнерами. На встрече в Москве в марте 1938 г. советской разведке были предоставлены данные о немецкой шпионской деятельности, развернутой против СССР, в

том числе и в соседних государствах — Латвии, Эстонии, Финляндии¹⁰. Один из видных деятелей чехословацкой разведки полковник Ф. Гавел писал в своих мемуарах о сотрудничестве с советскими службами: «Советы получили все, что имело цену, и платили нам тем же»¹¹. 27 мая 1936 г. в Праге был создан самостоятельный совместный разведцентр под названием «Вонапо» (затем «Вонапо-2») во главе с майором Карелом Палечком. Советскую военную разведку представлял капитан (затем — майор) Кузнецов. К 1938 г. «Вонапо» располагало собственной агентурой в Германии и Австрии (33 человека, из них 16 резидентов). После Мюнхенского соглашения совместный разведцентр прекратил существование. Майор Кузнецов отбыл к новому месту назначения в Берлин¹².

Своих тайных агентов в ЧСР имели и разведслужбы СССР¹³. В частности, П.А. Судоплатов упоминает о П. Зубове, назначенном в 1937 г. резидентом в Праге. Он, якобы по указанию Сталина, встречался с Э. Бенешем перед его эмиграцией из ЧСР, чтобы передать последнему 10 тыс. долларов для организации отъезда в Великобританию близких и нужных ему людей. Расписка в получении денег будто бы была дана Зубову секретарем президента. Судоплатов упоминает и о «наших связях с лицами, выехавшими из Чехословакии» в Великобританию и во Францию, не раскрывая это в деталях и подчеркивая, что английским и французским властям ничего не было известно о подобных контактах. В этой связи советский экс-разведчик упоминает и полковника, а затем генерала Моравца, который хотя и придерживался антисоветских убеждений, но, тем не менее, с конца 1941 г. тесно контактировал с резидентом НКВД в Лондоне И.А. Чичаевым¹⁴, работником советского посольства.

После Мюнхена, когда Германия в категорической форме потребовала, чтобы в Чехо-Словакии была прекращена разведывательная работа против Третьего рейха, контакты с советской разведкой сошли на нет. Конечно, чехословацкая антинацистская разведслужба не прекратила своей деятельности, тем более, что ее фактический пражский начальник, полковник Моравец поддерживал тесные связи с представителем английской Интеллидженс Сервис в Ч-СР Г. Гибсоном. О предстоящем нападении Германии на Чехо-Словакию Моравец узнал от чехословацкого агента, занимавшего высокий пост в немецкой военной разведке — абвере, П. Тюммеля (агент «А-54») за четыре дня до агрессии и немедленно сообщил эти чрезвычайной важности сведения верхушке правительства. Реакция была поразительной: информации никто не по-

верил. Министр иностранных дел Ф. Хвалковский скептически заметил, что подобные сообщения были уже и ранее, но они не оправдались; военный министр генерал Я. Сыровы подчеркнул, что чехословацкое правительство выполняет все требования Германии и поэтому у нее нет мотивов для оккупации; председатель правительства Р. Беран высказал опасения, что какие-либо контрмеры с чехословацкой стороны вызовут нежелательную реакцию Берлина¹⁵. Не правда ли, поведение верхушки Ч-СР было схоже с тем, как вел себя Сталин в аналогичной ситуации, игнорировавший «мешки» сведений разведывательного плана о готовящемся нападении Германии на СССР и запретивший докладывать ему о донесениях Р. Зорге, поскольку они не укладывались в созданную им схему поведения Гитлера и расценивались как германская дезинформация¹⁶. Политические лидеры обоих государств слышали лишь то, что хотели слышать, и верили лишь тому, чему хотели верить.

Моравец же был уверен в полученных сообщениях и принял совет Гибсона готовить наиболее важные материалы разведотдела к эвакуации. Подготовка к этой операции, проводившейся в строжайшей тайне, началась немедленно. 14 марта 1939 г. вечером, примерно в то же время, когда президент Ч-СР Э. Гаха отбыл на поезде в Берлин, чтобы «передать судьбу чешского народа в руки Гитлера», на борт арендованного Гибсоном самолета голландской компании, следовавшего маршрутом Бухарест — Роттердам — Лондон и специально приземлившегося на Рузинском аэродроме в Праге, были погружены чемоданы с материалами, отражавшими результаты многолетней интенсивной антинацистской работы чехословацкой разведки. Из Праги в Лондон вылетел и Моравец вместе со своими 11 сотрудниками. Часть важных материалов разведотдела, которые не удалось вывезти, была уничтожена, часть, менее ценная, попала в руки гитлеровцев.

Сразу же по прибытии в Лондон Моравец с помощью чехословацкого военного атташе Й. Каллы установил связь с военными представителями некоторых государств, в том числе и с военновоздушным атташе СССР в Англии И.И. Чернием, договорившись с ним о сотрудничестве. В нем участвовали также помощник последнего майор Б.Ф. Швецов, а позже военный атташе при союзных правительствах в Лондоне майор (затем подполковник) А.Ф. Сизов¹⁷.

После расчленения Чехо-Словакии ее разведывательная агентура продолжала функционировать, но сведения теперь поступали уже в Лондон «военной группе» Моравца. Она имела тесную

связь также с протекторатом, откуда получала подробную информацию о положении дел в оккупированной стране, настроениях населения, политике гитлеровцев и их приспешников и т. д. Так, с апреля 1940 г. до марта 1941 г. тайной радиостанцией «Спарта-1» было передано из Праги в Лондон 10 502 депеши¹⁸, не считая курьерскую связь и другие пути передачи информации. Естественно, что в ней была заинтересована не только британская Интеллидженс Сервис, с которой Моравец наладил тесные связи, но и советская разведка. И.М. Майский, встретившийся с Бенешем 23 августа 1939 г., в своем Дневнике записал, в частности: «Связи Бенеша с Чехословакией очень тесны. Они получают оттуда полную и точную информацию почти ежедневно»¹⁹.

После сближения СССР с нацистской Германией и особенно после закрытия чехословацкого посольства в Москве контакты между разведками были прерваны, хотя советская сторона и не хотела этого. Черный, который посетил Каллу 15 декабря 1939 г., заявил о желании чаще видаться, чем раньше. Беседа касалась международного положения, советско-английских отношений, возможности войны между СССР и западными державами, советско-финской войны. Черный, по словам Каллы, подчеркнул, что «русские были и остаются нашими друзьями» и что «с приближением русских границ к нашим наша ситуация могла бы улучшиться». На пожелание улучшения сотрудничества чехословацкий дипломат ответил: «Это очень трудно, ведь вы находитесь в дружественных отношениях с немцами, а мы не можем кооперироваться с тем, кто работает с Германией». Черный настаивал на продолжении контактов, «если не в целях сотрудничества, то хотя бы дружеских»²⁰. Резко анти-советски был настроен и Моравец. После создания временного чехословацкого правительства в эмиграции, которое в июле 1940 г. было признано Великобританией, он руководил разведотделом Министерства национальной обороны, возглавленного генералом С. Ингром. Моравец, по словам начальника канцелярии президента Я. Смутного, был человеком, который наиболее часто, практически каждый день, посещал Бенеша в его лондонской резиденции.

Прекращение советско-чехословацких контактов в области разведки на официальном уровне актуализировало проблему восстановления собственной разведывательной сети СССР на территории протектората. О ней пока мало что известно. Использовались ранее существовавшие связи и люди разного политического образа мыслей, но убежденные, что именно Советский Союз сыграет ре-

шающую роль в освобождении чешского народа. Разведгруппы забрасывались в протекторат и с территории СССР. Так, например, в конце февраля 1940 г. туда были направлены для разведывательной работы Р. Слущкий, Й. Лонек, Я. Выщпалек, В. Бобак и М. Гула. Они были выбраны советскими спецслужбами из чехословацких военнослужащих, интернированных в октябре 1939 г. на территории СССР. После прохождения специального курса обучения в центре советской разведывательной службы под Москвой они были переправлены в протекторат. Сразу же после своего прибытия в Прагу «летчики» (так именовалась группа, поскольку все пятеро имели отношение к авиации) установили прямые контакты с советским резидентом Л. Моховым и получили задание создать разведывательную сеть. В течение нескольких недель они действительно создали такую сеть и с конца апреля 1940 г. начали осуществлять регулярную связь с Москвой. Группа была нацелена на получение сведений об авиационной и оборонной промышленности, собирала данные о размещении немецких гарнизонов и перемещении воинских эшелонов. Она, в частности, сообщила важную информацию о том, что картографический институт в Вене начал готовить карты советской территории, тиражирование которых было намечено на осень 1940 г. Эта разведывательная группа действовала очень активно примерно в течение года. Но в начале марта 1941 г. она была арестована гестапо, а в ходе последовавшей за этим волны арестов в его руки попали около 200 человек, задействованных в этой разведывательной сети. В мае 1942 — апреле 1943 г. в Берлине состоялся ряд судебных процессов, в которых участвовало в качестве подсудимых примерно 135 человек. Более 50 из них были приговорены к смерти и казнены, 80 отправлены в концентрационные лагеря, где более 20 из них умерли. Заключительные части нацистских приговоров по делам чешских патриотов в основном звучали так: «Являясь гражданами протектората, с 1940 до весны 1941 г. они выдавали немецкие государственные секреты советско-русской разведывательной службе и тем самым стремились к отторжению протектората от германской империи и помогали ее врагам»²¹. Исключительно в интересах Советского Союза работали в протекторате самостоятельные разведывательные группы майора Р. Едлички («Руди»), инженера М. Реймана, О. Штанцла-Й. Штриккера, которые имели прямую радиосвязь с СССР²².

После окончания советско-финской войны, вызвавшей резко негативную реакцию и усиление антисоветских настроений в чехо-

словацких эмигрантских кругах, а также в связи с явной подготовкой «западного похода» Гитлера советские разведслужбы снова возобновили попытки наладить отношения с чехословацкой разведкой. Такие предложения были сделаны, в частности, чешскому офицеру разведки Крчеку, возглавлявшему группу отправляемых из СССР в апреле 1940 г. легионеров Л. Свободы. Ведший с Крчком переговоры некто Орлов (в некоторых материалах, как говорилось выше, он проходит как представитель НКВД СССР, в других — НКВД СССР; под этим именем выступал и советский резидент, ведший переговоры с чешскими разведчиками в Праге) говорил о возможности организации совместной разведки «против Германии на территории Чехословакии». При этом обсуждались и детали эвентуального сотрудничества. Орлов зондировал почву относительно того, «не хотел бы полковник Моравец послать к нам (в Москву. — В. М.) кого-нибудь для переговоров», подчеркивая, что «это пока должно делаться без ведома французов и англичан»²³. Получивший эти сведения С. Ингр сообщал Бенешу в мае 1940 г.: «Не думаю, чтобы переговоры с Советами в настоящее время были безнадежны», и считал возможным обсудить вопрос о сотрудничестве в области разведки. Бенеш принял предложение Ингра, полагая возможным использовать эти переговоры и для решения политических вопросов: ему необходимо было международное признание своей деятельности по восстановлению в будущем Чехословацкой республики.

Уже в начале апреля 1940 г. Калла, заручившись согласием Бенеша²⁴, в разговоре с Майским зондировал возможность появления в Москве чехословацкого неофициального представителя под личиной журналиста, коммерсанта и т. д. Советский посол это предложение не отверг и обещал довести его до сведения своего правительства. В личном письме Майскому от 18 мая 1940 г. Бенеш сообщил, что полковник Г. Пика, бывший военный атташе ЧСР в Бухаресте, мог бы официально представлять чехословацкую сторону в Москве. Одновременно Бенеш интересовался возможностью получения визы для возвращения в Москву в подходящее время З. Фирлингера в качестве неофициального чехословацкого представителя или просто доверенного лица президента. «Учитывая события, которые могут скоро произойти в Западной Европе, я считал бы это весьма полезным», — писал Бенеш²⁵. Примечательно, что уже в середине мая 1940 г., как сообщал Пика в Лондон, он получил от советского посольства в Бухаресте предложение при-

быть в Москву с целью организации эвакуации чехословацких легионеров из СССР. Получив согласие Бенеша, Пика сообщил советским представителям, что готов выехать в СССР 27 мая. Однако Москва по неизвестным причинам решила пока отказать от собственного предложения. «Вчера (25 мая. — В. М.) я был снова приглашен в советское посольство, где мне поверенный в делах Куколев показал телеграмму из Москвы с просьбой, чтобы я поездку еще отложил. Причины откладывания здешнему посольству неизвестны», — сообщал Пика в Лондон ²⁶.

Однако с лета 1940 г., когда все яснее стало ощущаться охлаждение в отношениях СССР и Германии, когда в чешском обществе закончился период недоверия к Советскому Союзу, вызванного разочарованием в его внешней политике, и снова обозначился поворот в настроениях в пользу «великого славянского соседа» на Востоке, от которого ожидалась помощь в освобождении от нацистского ярма, появилась потребность в более тесных неофициальных советско-чехословацких контактах. 19 июля 1940 г. Бенеш сообщал на родину своим сторонникам, организаторам антинацистского движения Сопrotивления: «Политическое развитие, которое в дальнейшем может привести Германию к конфликту с Советской Россией, требует, чтобы с Советами было установлено сотрудничество в области разведки». Он рекомендовал в то же время действовать в этом вопросе осторожно и осмотрительно ²⁷.

В это время обозначилась и активизация советских разведывательных служб в протекторате, которые постепенно восстанавливали прерванные или законсервированные после немецкой оккупации связи. Руководство всей этой деятельностью было возложено на сотрудника советского Генерального консульства в Праге Леонида Мохова ²⁸, позднее в кругах чешского Сопrotивления известного под именем Рудольф ²⁹, Рудольф-2, Орлов или атташе. Под псевдонимом Мохов скрывался двадцатипятилетний Леонид Андреевич Михайлов ³⁰. Одним из тех, от кого он получал информацию, был журналист-коммунист К. Беер (литературный псевдоним Курт Конрад), который работал в консульстве в качестве помощника референта по вопросам печати и культуры. Он регулярно составлял обзоры чешской прессы, поддерживал связи с политическими журналами и нелегальными организациями Сопrotивления, как коммунистическими, так и военными, а также использовал для получения информации свои прежние знакомства в дипломатических и военных кругах. После поражения Франции взаимная заин-

тересованность в установлении контактов между чешской и советской разведками стала очевидной. Созданное весной 1940 г. подпольными некоммунистическими организациями «Центральное руководство внутреннего сопротивления» (ЦРВС) взяло на себя инициативу в этом деле. В середине июня 1940 г. состоялась первая встреча подполковника Балабана и полковника Хуравы с советским «атташе». 19 июня Балабан сообщил в Лондон, что в течение двух дней должен быть получен ответ «главного советского разведчика» относительно условий возможного сотрудничества и что советская сторона, не дожидаясь официального ответа, уже настаивает на получении военных и иных информации. Одновременно Балабан запрашивал советы и инструкции из Лондона³¹. И советская, и чехословацкая стороны проявляли чрезвычайную осторожность в установлении контактов между разведками: Москва опасалась гнева Берлина, а Бенеш, во-первых, боялся рассердить лондонские власти, отношения которых с Москвой после неудачной попытки их налаживания вслед за поражением Франции были весьма сложными и скорее враждебными, чем нейтральными; а во-вторых, не желал возможных политических последствий намечавшегося сотрудничества в виде усиления влияния Советского Союза на движение Сопротивления в стране, представители которого были инициаторами установления контактов с советским резидентом в Праге. Бенеш, не возражая в принципе против сотрудничества разведок и даже приветствуя его, настаивал на секретном и тайном характере переговоров, а также подчеркивал их политическое значение. Он требовал подробной информации о всех контактах разведчиков в Праге, чтобы руководить переговорами из Лондона. ЦРВС обещало это делать и готово было информировать Бенеша о том, какие сведения будут передаваться советской стороне. 19 июля члены ЦРВС «Коп» (Балабан) и «Шип» (Крайина) получили состоявшую из 10 пунктов инструктивную депешу от «Навратила» (Бенеша). Президент еще раз подчеркивал, что при сотрудничестве в области разведки необходимо «действовать тактически очень осторожно», и объяснял это тем, что «англо-советские отношения хотя в последнее время несколько улучшились, но до сих пор далеко не такие, чтобы сотрудничество с Советами в области разведки не было при определенных обстоятельствах неправильно истолковано здесь, в Англии, с политической и военной точек зрения». Сотрудничество, согласно депеше, должно было касаться прежде всего военных и военно-политических вопросов, имеющих отношение

к Германии и оккупированным ею государствам. Запрещалось передавать какие-либо сведения о «наших конспиративных внутренних делах», сотрудничать в вопросах саботажа и внутренней политики. Без согласия с «чехословацким» Лондоном нельзя было принимать какую-либо финансовую помощь или кредиты с советской стороны. Сообщалось, что представителем разведки и наблюдателем в вопросе связи с Москвой назначен Пика, которому также была направлена практически аналогичная депеша в Бухарест³². 7 августа Бенеш снова сообщал в Прагу: «Ваши переговоры с советским атташе имеют фундаментальное значение, особенно с точки зрения возможных политических последствий. Дело имеет две стороны: разведывательную и политическую. Поэтому необходимо всесторонне все хорошо обдумать», отделив разведывательные связи от политических³³.

Полученные советским резидентом от Балабана сведения оказались ценными для Москвы. «Атташе» передал «Копу» через посредника, что СССР считается с восстановлением ЧСР в будущем как наиболее консолидированного звена Центральной Европы, что сочувствует чехословацкой борьбе в стране и за границей, и просил не придавать особого значения официальным советским заявлениям, идущим вразрез с этой позицией³⁴. 30 июля состоялась личная встреча Балабана с Моховым, который, подчеркнув сохраняющееся недоверие советской стороны к Англии, одновременно отметил охлаждение советско-немецких отношений. На прямой вопрос Балабана, близок ли конфликт между Германией и СССР, Мохов ответил утвердительно. Обращает на себя внимание тот факт, что во время этих и предыдущих переговоров представители советской разведки неоднократно заявляли о неизбежном в ближайшем будущем советско-германском столкновении. Что это? Личные выводы советских разведчиков? Вряд ли. Мнение верхов советской разведки? Возможно. Дезинформация, рассчитанная на то, чтобы добиться от партнеров по переговорам желаемых результатов? То же весьма вероятно. Ответ на эти вопросы можно получить только после изучения соответствующих документов советских разведслужб. Мохов сообщил Балабану о полученных им из Москвы инструкциях относительно характера сотрудничества и предложил чехословацкой стороне конкретную обширную программу взаимодействия в области разведки. Советская сторона была заинтересована в информации о немецкой разведывательной сети и агентах, работавших против СССР, о дислокации немецких воинских частей

и учреждений, о состоянии военной промышленности в Чехии, о разработке и производстве новых типов танков и другого вооружения, а также рассчитывала на содействие в переправке советских разведчиков через Судеты в Германию и просила подготовить план возможной выброски парашютистов, оружия и организации саботажа на случай советско-германского конфликта. «Атташе» просил сообщить также имена двух-трех военных, которые могут быть направлены в СССР с целью координации действий³⁵. Бенеша, получившего сообщение об этой встрече, особенно тревожило то, что какие-либо политические решения могут быть приняты в Праге без согласования с «чехословацким центром» в Лондоне. Он настаивал на том, чтобы именно в Лондоне проходили все принципиальные переговоры, касавшиеся сотрудничества. Советская же сторона неохотно шла на это, опасаясь их рассекречивания. Бенеш в 1940 — первой половине 1941 г. лично с советским послом в Англии И.М. Майским не встречался, но, как говорилось выше, поддерживал с ним контакты через третьих лиц. Относительно часто с Майским виделся, как уже говорилось, Фирлингер, который передавал ему, в частности, и информацию о положении дел в мире, полученную чехословацкой разведкой. Во время встречи 15 августа 1940 г. Фирлингер по поручению Бенеша упомянул о идущих в Праге переговорах и спросил, «идет ли речь об акции, действительно согласованной с Москвой». «Майский ответил, что ни о чем не знает и никаких инструкций не получал». Он, по словам Фирлингера, «в нынешних условиях опасается, чтобы наши связи не могли быть кем-то интерпретированы как политическое сотрудничество»³⁶.

Сдержанное отношение Майского к факту советско-чехословацких переговоров в Праге безусловно сказалось на оценке Бенешем этих контактов. 19 августа он отправил на родину обширную радиограмму, в которой советский план сотрудничества интерпретировался как попытка включения части «нашей внутренней конспиративной сети в сферу советской разведывательной службы». Некоторые советские предложения, согласно Бенешу, выходили за рамки чисто разведывательной деятельности, например разработка плана выброски парашютистов, оружия и проведения саботажа на случай советско-германского конфликта. Поскольку, по мнению президента, «сотрудничество всегда обязано быть взаимным», он считал нужным поставить перед советской стороной предложение о получении от нее информации, касающейся, в частности, организации и дислокации немецких войск на оккупирован-

ной территории Польши, военно-политическом положении Германии, Венгрии и балканских государств, экономике Третьего рейха и его военном потенциале, советских поставках в Германию и т. д. Бенеш напоминал своим сторонникам в Праге, чтобы при переговорах с советскими представителями они постоянно подчеркивали «зависимость внутренней организации сопротивления от заграничного политического и военного руководства в Лондоне». Должно быть ясно, полагал он, что «мы не делаем ничего никогда вопреки интересам Англии... В настоящее время только Англия нас поддерживает в международном плане и практически делает возможным наше заграничное сопротивление. Поэтому мы не можем делать с Россией то, что поставило бы под угрозу наше отношение к Англии. Черчилль ни в коем случае не хочет идти против России и рассчитывает, наоборот, на сотрудничество. Мы хотим, чтобы и наше сотрудничество с Советами шло параллельно с развитием сближения Советов с Англией». Президент полагал, что сотрудничество в области разведки на первом его этапе следует ограничить узкими рамками простого обмена информацией и «избегать всего, что могло бы вас на родине привести к зависимости от (советской. — В. М.) разведки и особенно к политической зависимости от Советов». Бенеш снова сообщал, что его попытки информировать Майского об установлении сотрудничества в Праге натолкнулись со стороны последнего на незаинтересованность или стремление дать понять, что он не хочет иметь с этим ничего общего³⁷.

Некоторое время спустя, 12 сентября 1940 г., через представителя ТАСС в Лондоне А. Ротштейна Бенеш повторил попытку поставить перед Майским интересующие его вопросы. «Он меня вызвал, — писал Ротштейн, — чтобы поставить Майскому 2 вопроса. 1. Нельзя ли пролить больше света на отношение советского правительства к Чехословакии и чехословацкому временному правительству. 2. Нельзя ли установить какой-либо неофициальный контакт с советским правительством, в какой угодно форме?» Далее Бенеш просил сообщить, что «его люди» в «одной скандинавской стране», в Праге и в Бухаресте получили предложение советских представителей об установлении неофициальных контактов, и поэтому он желает получить ясный ответ на первый из поставленных вопросов. Хотя эта, написанная от руки, записка Ротштейна, была вклеена в Дневник Майского и, судя по карандашным пометам, изучена им, советская сторона не отреагировала на затронутые в ней вопросы³⁸.

Между тем возросло давление внутренних организаций сопротивления на чехословацких представителей в Лондоне с тем, чтобы ускорить переговоры с Москвой. «Сегодня сотрудничество с СССР необходимо, — говорилось в депеше из Праги от 25 сентября 1940 г., — нельзя не считаться с тем, что русофильство у нас опять очень сильно». Бенеш же не считал нужным спешить: возможность советско-немецкого конфликта и помощи СССР в реализации его планов восстановления Чехословакии расценивалась им осенью 1940 г. весьма скептически. «Политика России, — писал президент в Прагу, — и далее останется неопределенной. Будьте весьма осторожны и не верьте тому, что вам, вероятно, говорят с русской стороны. Политика Москвы рассчитана очень точно... Я не строю никаких иллюзий о желании и возможностях России вмешаться в ближайшее время и непосредственно помочь нам. Прошу, чтобы вы их (иллюзий. — *В. М.*) тоже не имели. Если же, несмотря на это, Россия ходом событий и вопреки своему желанию будет втянута в войну, то тем лучше для нас»³⁹. Сторонники Бенеша в Праге в принципе приняли его советы и активизировали деятельность по организации встречи представителей советских и чехословацких разведок в Лондоне. В конце концов с этим согласилась, хотя и весьма неохотно, и советская сторона. «Атгаше», разочарованный проявлением недоверия к СССР, все же просил не прерывать обмен информацией⁴⁰. Первые две тайно готовившиеся в Лондоне и назначенные сначала на 11–13 ноября, а затем на начало декабря 1940 г. встречи, однако, были отменены. Переговоры состоялись только 22 декабря 1940 г. Чехословацкую сторону представлял полковник Моравец (под именем «Эрбан»), советскую — человек, представившийся как Дорн. Глава чехословацкой разведки характеризовал его как специалиста по разведделу, хорошо знавшего английские условия и в совершенстве владевшего английским языком. Моравец заявил, что он является представителем Бенеша, что без согласия и директив руководящего центра в Лондоне не могут вестись никакие переговоры, и гарантировал их секретность. В соответствии с ранее полученными им инструкциями Бенеша он сказал, что широкая политическая основа сотрудничества задана тем, что речь идет о работе против Германии: «Мы заодно, и работаем принципиально с каждым, кто против нацизма и может содействовать каким-либо образом его падению и таким образом освобождению нашего народа». Советский представитель, по словам Моравца, согласился. Он заявил, что в соответствии с инструкциями

Москвы уполномочен вести переговоры о сотрудничестве в области разведки с чехословацкими агентами, работающими против Германии в самой Германии и в протекторате, а также об обмене информацией. Что касается первого, то Моравец сразу заявил, что «не может быть и речи о передаче агентов, которые в настоящее время работают на нас», однако обещал изучить вопрос о тех из них, с которыми после оккупации Чехословакии не была восстановлена связь, чтобы можно было вступить в контакт с ними. Что касается информации, то, по словам Моравца, советская служба заинтересована в сообщениях о дислокации немецкой армии, прежде всего у восточных границ, и не только в Польше, но и в Финляндии, и в Норвегии, и особенно в Румынии, а также о техническом вооружении немецкой армии, главным образом танками, артиллерией и авиацией. На вопрос о возможности предоставления чехословацкой стороне информации аналогичной ценности Дорн заявил, что не имеет на этот счет инструкций. Он не проявил также заинтересованности в обсуждении вопросов, касавшихся более широкого спектра чехословацко-советских отношений. Взаимное согласие было достигнуто по вопросу о сохранении переговоров в тайне от англичан и немцев. Были затронуты также некоторые аспекты международного положения. Из заявлений Дорна, по мнению Моравца, «возникло ясное впечатление, что в отношении Германии с советской стороны речь идет о мерах чисто оборонительных и что война между обоими государствами могла бы начаться только в случае, если бы Германия напала на Россию», а также «что война между Германией и Советской Россией неправдоподобна до выведения из строя Англии»⁴¹. Как утверждал Моравец в своих воспоминаниях, советский представитель вел себя во время переговоров корректно и предложил направить в СССР секретную военную миссию⁴². Новая встреча была назначена на 5 января 1941 г., но сведений о том, что она состоялась, нет.

Советская сторона, видимо, не ожидала многого от переговоров в Лондоне и не верила в то, что здесь их секретность может быть гарантирована. Более важными Москва считала начавшиеся на рубеже 1940–1941 гг. переговоры в Стамбуле, который она считала более надежным и безопасным местом. В ноябре 1940 г. в Стамбул прибыли чехословацкие разведчики из бухарестской резидентуры: полковник Пика, которому удалось бежать из-под ареста в Румынии, полковник П. Кумпошт и бывший сотрудник Министерства иностранных дел ЧСР Л. Клучка. Пика через своего

человека установил связь с сотрудником советского консульства в Стамбуле полковником Вершанским, которому сообщал важную информацию, касающуюся передислокации немецких войск в Польшу, немецкой деятельности в протекторате и т. д. Пика, который был известен советской стороне еще по своей деятельности в Бухаресте и которому доверял Бенеш, представлялся Москве подходящей фигурой для ведения переговоров. В качестве посредника на них, как уже говорилось ранее, выступал Л. Свобода⁴³.

Переговоры начались в середине января 1941 г. В то же время в Стамбул прибыл Свобода, который должен был подготовить встречу советских представителей с Пикой и сразу вернуться в Москву. С чехословацкой стороны в переговорах участвовали Пика и Кумпошт, с советской — генерал НКВД «Фокин» и Вершанский. Под фамилией «Фокин», по всей видимости, как уже говорилось, скрывался начальник отдела иностранной разведки НКВД П.М. Фитин⁴⁴. О начале, ходе и итогах стамбульских переговоров, которые продолжались более недели, радиостанция с позывным «Дора», находившаяся в распоряжении Пики, передала весьма подробную депешу в Лондон. Советский проект сотрудничества в области разведки, трактуемого весьма широко, содержал ряд пунктов: организация самостоятельных чехословацких частей на территории СССР, как только это позволит международная ситуация; формирование тоже в Советском Союзе группы офицеров, которая под руководством советских военных властей организовывала бы разведывательную деятельность на территории протектората, на Балканах и в Германии; получение информации о положении дел в протекторате; открытие границ «всем лицам, которые вынуждены эмигрировать из страны (протектората. — В. М.) в связи с возможным арестом или готовы добровольно вступить в нашу (чехословацкую. — В. М.) армию». Генерал «Фокин», по его словам, получил полномочия обсудить вопрос о расширении сотрудничества против Германии. Он заявил, что, хотя в течение нескольких месяцев СССР должен сохранять внешнюю корректность в отношении Германии, его вступление в войну близко. Переговорам в Лондоне, которые, по мнению «Фокина», велись только на уровне решения чисто разведывательных задач, он придавал меньшее значение. Вершанский также информировал Пика о том, что в Москве разрабатывается план еще более широкого советско-чехословацкого взаимодействия⁴⁵.

Сам Пика в основном положительно оценивал ход переговоров и был доволен достигнутыми результатами. «Хотя Россия еще не

может публично, дипломатическим путем дать никаких гарантий, все же именно она освободит чешский народ. Это может произойти только в результате победы над фашизмом и нацизмом и после интервенции (т. е. вступления в войну. — В. М.) России», — сообщил Пика в Лондон 24 января 1941 г. Из настойчивой заинтересованности Москвы в достижении согласия о сотрудничестве, прежде всего в области разведки, он делал вывод о том, что СССР считается с возможностью советско-немецкого конфликта в ближайшее время. Но внешне Пика, согласно указаниям из Лондона, занимал во время переговоров сдержанные позиции. «Я выслушал все соображения, поблагодарил за добрые намерения, но все оставил на решение чехословацкого правительства в Лондоне. Ведь речь идет о далеко идущих политических последствиях и решении нашего министерства обороны», — докладывал он в Лондон. В духе полученных отсюда инструкций Пика сообщил советским участникам переговоров, что их предложения «в обозримое время нельзя практически осуществить даже в случае принципиального согласия». По свидетельству Пики, это вызвало их огромное разочарование: они полагали, что соглашение будет достигнуто, что вместе с ними в СССР уедут немедленно несколько офицеров и что пришедший из Лондона ответ «является дипломатической отсрочкой принятия предложений», поскольку чехословацкая сторона ввиду излишней осторожности уходит «от практического осуществления конкретного сотрудничества». Принимая в целом с удовлетворением ход стамбульских переговоров, Бенеш вместе с тем надеялся использовать их для достижения определенных политических целей, а именно: добиться хотя бы негласного признания со стороны СССР временного чехословацкого правительства. 6 февраля 1941 г. президент дал Пике указание информировать советскую сторону «о принципиальном согласии с посылкой нескольких чехословацких офицеров в Советскую Россию», рекомендовав ему одновременно и далее «тянуть время», чтобы «ситуация дозрела до этого». Кроме того, он снова настаивал на перенесении переговоров в Лондон⁴⁶. Моравец же, встречавшийся с представителем советской разведки в Лондоне 20 января 1941 г., выяснил, что тому ничего не было известно о идущих в Стамбуле переговорах. По словам Моравца, его собеседник был явно удивлен и задет этим сообщением, а также заметил, что «принципы сотрудничества, которые были установлены в Лондоне, более всего отвечают сегодняшней ситуации», и подчеркнул, что «реакция Москвы на наши сообщения была

очень хорошей»⁴⁷. Думается, что неинформированность советского резидента в Лондоне, если это не было дипломатической уловкой, проистекала из несогласованности действий и даже соперничества структур, отвечавших за операции в области внешней разведки в Генеральном штабе Красной Армии (Главное разведывательное управление — ГРУ) и НКВД (иностранный отдел). Каждая из этих организаций действовала по своему плану: если первая ставила задачи чисто военного (разведывательного) характера, то вторая, «работавшая» с интернированным чехословацким легионом, его офицерами и командиром Л. Свободой, видела вопрос несколько шире, на что Берия получил согласие верхов и, возможно, Сталина. Следует отметить, что, согласно воспоминаниям Судоплатова, Свобода жил на его подмосковной даче, имея в своем распоряжении радиопередатчик с позывным «Зоя». Регулярную связь со Свободой поддерживал сотрудник Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР лейтенант госбезопасности Маклярский. «Я очень хорошо помню этого человека, — писал Судоплатов о Свободе, — неизменно вежливого и неизменно выдержанного, державшегося с большим достоинством»⁴⁸. Свобода находился в контакте с Пикой, которому передавал необходимую информацию.

Москва настаивала на скорейшем прибытии в СССР хотя бы одного или двух чехословацких офицеров, наделенных полномочиями вести переговоры о сотрудничестве в конкретной организации разведывательной деятельности. Пика сообщал в Лондон 1 марта 1941 г., что при переговорах с советским представителем, которому были переданы некоторые сведения о ситуации в Румынии и Венгрии, а также данные о промышленном производстве в протекторате, он заметил его явную досаду на затягивание переговоров по этим вопросам. Дело действительно стопорилось, за что в значительной степени был ответственен Моравец, с большим подозрением относившийся к советским инициативам. Даже Бенеш в разговоре со Смутным выражал удивление по поводу «достойной сожаления» антипатии Моравца к Советскому Союзу и комментировал это так: «Отношение Моравца к Советскому Союзу мне известно, но я не ожидал, чтобы это было в такой степени»⁴⁹. Президент решил, что возможности тактики оттягивания практически уже исчерпаны, и 8 марта сообщал Пике: «По политическим и тактическим мотивам я полагаю, что теперь уже необходимо придать нашим связям с Советским Союзом более ясную форму». Он вы-

сказался за то, чтобы в Москву как можно скорее были направлены два офицера, и назначил Пика «чехословацким политическим и военным уполномоченным в СССР и Турции с местопребыванием в Москве». С политической точки зрения Пика должен был играть роль наблюдателя и передавать в Лондон сообщения о положении в Советском Союзе, а также о позициях официальных представителей политических и военных кругов в связи с дальнейшим развитием военного конфликта и международной ситуации в целом. В плане военном Пика должен был вести переговоры по вопросам создания чехословацкой воинской части в СССР. Что касается полного развития сотрудничества с «Советами» в области разведывательной деятельности, то Бенеш считал его возможным лишь после выяснения «главных политических предпосылок», т. е. отношения СССР к вопросу восстановления Чехословацкого государства и признания временного чехословацкого правительства в эмиграции. В заключение обширной депеши Бенеш и Ингр расценивали «начатое сотрудничество с Советским Союзом как первый этап, которое может расширяться и углубляться в соответствии с политическим развитием»⁵⁰. В дополнительной депеше из Лондона внимание Пики обращалось на то, что его назначение в СССР не исключает направление официального дипломатического и политического представителя в Москву, как только советское руководство даст на это согласие. О решениях Бенеша в последующие дни были информированы советские представители как в Стамбуле, так и в Москве. Ее реакция была более сдержанной, чем ожидалось. Возможно, это было связано с тем, что в середине марта обострилось положение на Балканах, где СССР развил дипломатическую активность в целях предотвращения немецкой агрессии. Переговоры с чехословацкой стороной в этих условиях решено было несколько притормозить.

Прошел еще месяц прежде, чем Пика отправился в Москву. Его поездку ускорили военные события на Балканах, особенно германская агрессия против Югославии. Уже 7 апреля Бенеш и Ингр телеграфировали Пике: «Главное и самое важное — установление и поддержание личного контакта. Сегодня, после новых военных событий на Балканах для нас это имеет фундаментальное значение. Поэтому считаю Ваш отъезд в Москву необходимым и неотложным... Прекращение или оттягивание нашего сотрудничества после вступления Югославии в войну и подписания советско-югославского договора я рассматриваю как невозможное. Поэтому подготовьте немедленно и обсудите свой отъезд из Стамбула». Бе-

неш советовал отправиться в Москву «как можно быстрее», взяв с собой нескольких нужных людей⁵¹. Пика стал готовиться к отъезду, делая это, как он сообщал Бенешу, без особого желания⁵².

Одновременно с переговорами в Стамбуле продолжалось налаживание советско-чешских контактов по линии разведки в Праге. Руководство ЦРВС встало на путь практического сотрудничества в этой области гораздо раньше и с большим успехом, чем чехословацкий заграничный центр. Хорошие результаты были достигнуты особенно в конце 1940 — начале 1941 г., когда яснее стали признаки конкретной подготовки Германии к нападению на СССР. К сбору сведений, интересовавших Москву, была постепенно подключена вся сеть ЦРВС. Советская сторона проявляла систематический интерес к сообщениям представителей чешского внутреннего сопротивления, поскольку территория протектората приобретала все большее военно-стратегическое значение. Весьма ценными, например, по мнению советской стороны, были данные, полученные от нелегальной группы, действовавшей в Национальном банке в Праге. Они давали возможность составить представление о росте экономической мощи Германии на важном участке ее военно-экономического потенциала. Ценные сведения, касавшиеся немецких военных эшелонов, поставляли чешские железнодорожники. Значение этих сообщений возрастало по мере того, как нацистская подготовка к нападению на СССР вступала в завершающую стадию. Работники связи собирали и передавали информацию о немецких мероприятиях в этой области: например, уже в конце 1940 г. оккупационные власти отдели распоряжение об ограничении телефонной и телеграфной связи с Советским Союзом, которая должна была вестись только через Берлин. В интересах советской разведки длительное время действовала нелегальная группа РУ-ДА. Ее руководитель Р. Цисарж до нападения Германии на СССР поддерживал активные личные связи с некоторыми представителями советского Генконсульства в Праге. Кроме того, в рамках своих связей со Швецией эта организация имела контакты с советским послом в этой стране А.М. Коллонтай. Через нее в Москву был передан ряд сообщений, в частности, о дислокации и передвижении в направлении к советским границам немецких военных частей, о производстве вооружения в протекторате. Некоторые сообщения группы РУ-ДА получали в Москве член заграничного руководства КПЧ Б. Врбенский и профессор З. Неядлы, которые, без сомнения, передавали их соответствующим советским органам⁵³.

Бенеш, информировавший своих сторонников на родине о переговорах в Лондоне и Стамбуле, по-прежнему настаивал на том, чтобы они соблюдали осторожность и не допускали вмешательства «Советов» во внутренние чехословацкие дела и деятельность органов Соппротивления⁵⁴. Руководство ЦРВС в основном следовало указаниям, поступавшим из Лондона, но по двум вопросам имело собственный взгляд. Во-первых, оно возражало против требования Бенеша, чтобы сведения, касавшиеся СССР, передавались советским представителям только через лондонский центр или Пику. В депеше, отправленной в Лондон 17 апреля 1941 г., говорилось: «Предложенную строгую централизацию работы с Советами не считаю целесообразной. Прямая связь и сотрудничество с Прагой политически необходимы. Усилиями „Коба“ в Праге было преодолено первоначальное недоверие Советов, и централизаторские устремления могли бы при недоверчивости СССР произвести впечатление, что мы работаем более на Англию, чем на себя». И далее: «Опасения в отношении разумного и ограниченного агентурного сотрудничества излишни. Опасности проникновения Советов в нашу организацию не существует, да они и не стремятся к этому. У них есть своя организация». Во-вторых, ЦРВС, вопреки советам из Лондона, считало возможными личные контакты членов своего руководства, прежде всего Балабана, с советским «атташе», а позднее — с новым резидентом советской разведки в Праге «Рудольфом-2», который, скорее всего в марте 1941 г., заменил Мохова⁵⁵. По мнению Я. Кржена и В. Курала, это произошло в связи с тем, что гестапо обнаружило его связи с чешским сопротивлением и усилило слежку за сотрудниками советского Генерального консульства⁵⁶. В последние дни марта 1941 г. Балабан сообщал в Лондон, что во время его встречи с «Рудольфом-2» советский разведчик заявил о скором конфликте между СССР и Германией и просил об информации, касавшейся «немецкой подготовки к нападению на СССР, прежде всего состояния военных сил и возможных сроков нападения». Во время встречи 15 апреля 1941 г. «Рудольф-2» отметил возрастание напряженности в отношениях СССР и Германии и хотел услышать от Балабана, как в случае конфликта поведет себя чешский народ. Представитель ЦРВС сообщил советскому разведчику, что Германия готовится напасть на СССР приблизительно в середине мая 1941 г.⁵⁷ Эта информация соответствовала первоначально установленному сроку начала операции «Барбаросса», который лишь после событий на Балканах был перенесен на 22 июня

1941 г. Я. Кржен и В. Курал пишут, что ЦРВС в тот период располагало и другими сведениями о подготовке нападения Германии на СССР, и полагают, что эти сведения в Праге или через Лондон были переданы советским органам⁵⁸. В. Крайна, один из деятелей ЦРВС, впоследствии вспоминал, что во время тайной встречи с советским представителем 21 апреля 1941 г. тому было передано сообщение Тюммеля о том, что Гитлер принял решение «напасть на Советский Союз в третьей декаде июня этого года». Нападение должно начаться двухчасовым налетом немецкой авиации на так называемую первую линию советской обороны (территория Западной Украины и Западной Белоруссии, вошедшие в 1939 г. в состав СССР. — В. М.) с целью уничтожения находящейся там авиации. О том, что немцам во всех подробностях известны число самолетов и запасы горючего в этой зоне (информация была получена также от Тюммеля) было сообщено в Лондон 18 апреля 1941 г. Во время встречи 21 апреля, по словам Крайны, было передано письмо на имя Сталина, содержащее рекомендации убрать самолеты с территории первой линии обороны, заменив их макетами⁵⁹.

Согласно сообщениям Тюммеля, переданным в апреле 1941 г. в Лондон, немецкие специалисты очень низко оценивали состояние боеготовности Красной Армии: «Русская армия не годится для выполнения наступательных задач. Ее вооружение и снаряжение недостаточны, моральный дух и боеспособность плохи, совершенно отсутствует профессиональное руководство»⁶⁰. Вместе с тем, в противоречии с информацией о готовившемся нападении Германии на СССР, в Лондон из Праги в конце апреля приходили сообщения, что Третий рейх концентрацией своих сил на русской границе преследует лишь цель устроить Россию, провести на нее нажим и привлечь на сторону «Оси». По словам Смутного, Моравец в разговоре с Бенешем высказал опасения, «не делаем ли мы ошибки, когда передаем русским сообщения о немецких военных приготовлениях против них и тем самым помогаем немецкой акции, которая имеет целью напугать русских». Президент считал нужным несколько ограничить передачу такого рода сведений, но согласился с необходимостью информировать русского представителя, с которым вел переговоры Моравец, о намерениях немцев устроить Россию, «чтобы добиться ее присоединения к Оси»⁶¹. О том, какую грандиозную дезинформацию организовали тогда нацисты, чтобы замаскировать свои агрессивные намерения в отношении СССР и ввести в заблуждение мировую общественность, свидетельствуют

опубликованные дневники Й. Геббельса⁶². 6 сентября 1940 г. руководство абвера получило подробные указания штаба оперативного руководства ОКВ (Главного командования сухопутных войск вермахта) о мероприятиях по дезинформации советского военного командования. «В искусстве психологической войны Гитлер был виртуозом», — считает английский исследователь А. Буллок⁶³.

Нацисты были осведомлены о деятельности советской разведки в Праге и даже знали псевдоним резидента. Об этом свидетельствует, в частности, выступление Риббентропа по радио в день нападения Германии на СССР. Заявив о том, что на территориях, оккупированных Германией, велась интенсивная «разлагающая деятельность», он продолжал: «Советские представительства, особенно генеральное консульство в Праге, внесли в это большой вклад. С помощью радиоприемников и передатчиков осуществлялась тщательная разведывательная деятельность, которая является блестящим доказательством работы Коминтерна против Рейха... Сотрудник русского консульства в Праге Мохов был главой русской разведывательной сети, которая простиралась над всем протекторатом». 10 ноября 1941 г. начальник пражского гестапо докладывал Р. Гейдриху о раскрытии летом «аппарата советской разведывательной службы, руководимого Моховым, сотрудником советского генерального консульства в Праге» и об аресте в связи с этим около 200 человек⁶⁴.

Между тем договоренность с советской стороной о приезде в СССР Пики была достигнута. 21 апреля он вместе со своим сотрудником Л. Клучкой отбыл пароходом в Одессу, а оттуда отправился в Москву. Пике, согласно его сообщению в Лондон, была предоставлена «современная вилла с огороженной территорией и парком» примерно в 30 км от города. «Советы не желают, чтобы я имел контакты с дипкорпусом в Москве, так как опасаются, что меня могут узнать, — сообщал он позднее Бенешу. — В то же время я и мой персонал имеем возможность ежедневно ездить в Москву в театры, рестораны, я могу иметь собственные личные контакты и полную свободу и т. д. Для моих нужд в моем распоряжении имеется автомобиль, и беспрепятственно предоставляются иные необходимые вещи»⁶⁵. Первой заботой Пики по прибытии в Москву было установление радиосвязи сначала со Стамбулом, а потом с Лондоном. Согласно депеше, направленной им в Лондон 7 мая 1941 г., советские представители были рады его приезду и хотели немедленно приступить к обсуждению вопросов о сотрудничестве

в области разведки. Пика же представил им более широкую программу деятельности своей миссии, касающуюся не только военных, но и политических вопросов. В соответствии с инструкциями из Лондона Пика настаивал на том, чтобы реализации конкретного плана сотрудничества в области разведки предшествовали политические договоренности. Возможные задачи миссии в проекте Пики выглядели следующим образом: военная, политическая и экономическая разведка; переправка из протектората в СССР военных, специалистов, лиц, находившихся под угрозой ареста, и прочих добровольцев; изучение возможностей сил внутреннего сопротивления и оказание им помощи в форме десантов; организация чехословацкой воинской части на территории Советского Союза. Для начала сотрудничества по этому плану, по мнению Пики, необходимо было, чтобы советская сторона в принципе согласилась с общей чехословацкой внешнеполитической программой. Беседовавший с Пикой генерал Павлов, по словам Пики, выразил согласие со всеми этими предложениями, но очень опасался, чтобы о переговорах не стало известно немцам или англичанам. 21 мая Пика был принят, согласно его сообщению в Лондон 23 мая, «заместителем начальника советского главного штаба». О ком конкретно шла речь и что подразумевалось под «главным штабом», к сожалению, неясно. Разговор продолжался три часа. По словам Пики, советская сторона приняла к сведению предложенную им программу, считая, однако, целесообразным начать сотрудничество с наиболее легко осуществимого пункта — разведки, выгодной и полезной для обеих сторон. К реализации других пунктов, полагала Москва, можно будет приступить позднее. «Главный штаб» также не имел полномочий давать политических гарантий, на которых настаивала чехословацкая сторона. Но, по мнению советского представителя, решение начать практическое сотрудничество значило гораздо больше, чем неофициальные обещания. «Дядя» (кодовое название советского руководства) верит, сообщал Пика, в прочность сотрудничества; президент Бенеш, дескать, получил уже достаточно доказательств того, что Чехословакия может рассчитывать на поддержку Советского Союза. Пока, считала советская сторона, переговоры с Пикой могут вестись только как с представителем чехословацкой разведки в СССР. Прочие же вопросы, дескать, могут быть обсуждены Пикой с другими советскими лицами позднее, когда наступит подходящий момент для признания его (или кого-либо другого) в качестве официального представителя чехословацкого эмигрант-

ского правительства. Москва полагала, что не может пока пойти ни на политические, ни на дипломатические контакты из-за возможности их преждевременной огласки. Удалось достичь договоренности лишь о создании разведывательной группы, деятельность которой будет развернута в приграничных советских районах. Хотя Пика был разочарован тем, что не удалось получить сразу гарантий хотя бы тайного и неофициального признания чехословацкого правительства в Лондоне, но оценивал состояние переговоров как важный шаг в развитии сотрудничества⁶⁶.

Сообщение Пики было подтверждено и представителем советской разведки в Лондоне во время его встречи с Моравцем 30 мая 1941 г. В записи главы чехословацкой разведывательной службы позиция советской стороны выглядела следующим образом: учитывая ситуацию в СССР и международно-политическое положение, нельзя, чтобы миссии Пики немедленно был придан официальный или полуофициальный характер; «Советы не могут также дать в этом отношении каких-либо гарантий, поскольку сегодня нельзя предвидеть, как и какими темпами станет развиваться ситуация и когда для более тесного политического сотрудничества настанут благоприятные предпосылки. До того времени Советы хотят ограничиться сотрудничеством в области разведки, которая, в конечном счете, будучи направлена против Германии, имеет все же однозначно политический характер, полностью выгодный нам и отвечающий нашим политическим целям. Эффективное сотрудничество, хотя бы в специальной области, имеет, по его мнению, большую цену, чем какие-либо политические формулы сомнительной ценности»; в Москве «очень высоко ценят профессионализм и эффективность нашей разведывательной службы» и сожалеют, что деятельность ее центра после 15 марта 1939 г. была развернута в Англии, а не в СССР; настойчиво повторялась просьба Москвы сообщить «известные нам имена немецких агентов, работающих на советской территории». Моравец ответил, что «по соображениям профессиональным и тактическим можно такую информацию передать лишь тогда, когда для этого созреет политическая ситуация, т. е. непосредственно перед началом военного конфликта». На это советский представитель заявил, что «ситуация созрела и он боится, что информация запоздает». Общие впечатления Моравца о встрече сводились к следующему: «Очевидный отказ (СССР. — В. М.) от каких-либо политических обязательств на весьма неопределенное время. Они хотят полностью использовать наши возмож-

ности в области разведки... Положительной стороной является настоящий, большой интерес к информации, касающейся Германии, ее военной силы и ее намерений»⁶⁷.

Но практически официальная договоренность о сотрудничестве в области разведки не могла быть реализована сразу в полном объеме. Оно приобрело новый размах и содержание после того, как для этого возникли благоприятные политические условия, т. е. после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления в войну.

Итак, тайные переговоры между советской и чехословацкой разведками в 1940–1941 гг., во время которых обсуждались не только чисто специальные, но и политические вопросы, несомненно, способствовали быстрому налаживанию советско-чехословацкого сотрудничества после нападения гитлеровской Германии на СССР. Л. Свобода, выполнявший на рубеже 1940–1941 гг., по его словам, роль посредника в «секретной дипломатической миссии», писал впоследствии, что она «с исторической точки зрения представляет собой интересный и немаловажный эпизод в развитии чехословацко-советских отношений в период Второй мировой войны». Эти переговоры, которые, по мнению Свободы, в тогдашних отношениях между западной коалицией и СССР были единственными, «проложили пути к взаимному доверию, подготовили подписание союзнического чехословацко-советского договора (правильно: соглашения. — В. М.) от 18 июля 1941 г., способствовали созданию чехословацкой воинской части на территории СССР и высадке десанта чехословацких парашютистов в Чехии и Моравии, заброшенных из СССР (в июле 1941 г. — В. М.)»⁶⁸. К этой справедливой оценке нужно добавить еще, что переговоры проходили в пору, когда не существовало официальных советско-чехословацких отношений, и велись втайне от Лондона и Берлина. Разведслужбы в этих условиях выполняли не только свои основные функции, но и играли важную политико-дипломатическую роль. Конечно, объем информации разведывательного характера в условиях существовавшего между партнерами недоверия и подозрительности друг к другу не мог быть полным. Тем не менее советская сторона получала от чехословацкой разведки и в Праге, и в Лондоне, и в Стамбуле достаточно данных о готовящемся нападении гитлеровской Германии на СССР, о состоянии немецких вооруженных сил, их дислокации и перегруппировке, о положении дел в военно-промышленном комплексе Третьего рейха и оккупированных им

стран, и в первую очередь важных с этой точки зрения Чешских земель. Другое дело, что эти сведения, как и многие другие сведения подобного характера, не принимались в расчет советским руководством, поскольку не отвечали его представлениям о том, как должны развиваться события, и желанию оттянуть неизбежное военное столкновение с фашистской Германией из-за неготовности к нему тогда ни советской армии, ни страны в целом. В последние предвоенные годы многие представители советской разведки были подвергнуты гонениям и репрессированы по той причине, что их информация расходилась с мнением руководства страны⁶⁹.

Работы чешских историков, накопленный чешскими историками и введенный ими в научный оборот солидный документальный материал о контактах советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг. не дают основания считать указанную тему закрытой. В полном объеме она может быть раскрыта только при условии изучения архивов российских спецслужб.

¹ Křen J., Kural V. Ke stykům mezi československým odbojem a SSSR // Historie a vojenství. 1967. № 3, 5; Koutek J. Tichá fronta. Praha, 1985; Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Na frontách tajné války. Kapitoly z boje československého zpravodajství proti nacismu v letech 1938–1941. Praha, 1989.

² Benčík A., Kural V. Zpravodajové generála Píky a ti druzí. Praha, 1991; Benčík A., Richter K. Kdo byl general Píka. Portret čs. vojáka a diplomata. Brno, 1997; Kokoška S. Československo-sovětská zpravodajská spolupráce v letech 1936–1941 // Historie a vojenství. 1997. № 5; Šolc J. Československá zpravodajská skupina v SSSR (duben–červen) 1941 // Historie a vojenství. 1997. № 5; Sládek O. Vysadky ze Sovětského svazu na Slovensko a do protektorátu // Soudobé dějiny. 1995. № 4.

³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998 (далее — ČSVDJ).

⁴ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Smernice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996.

⁵ Цит. по Koutek J. Op. cit. S. 146.

⁶ Ibid. S. 31.

⁷ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 140–141.

⁸ ČSVDJ. S. 191 (примечание № 2 к док. № 82).

⁹ Koutek J. Op. cit. S. 23.

¹⁰ Ibid. S. 20–21.

11 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 19.

12 <http://www.pseudology.org/Kochik/Statia06.htm> (Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. 1937–1946 годы).

13 Некоторые эпизоды и фрагменты деятельности советской внешней разведки в рассматриваемые годы представлены в книге: Очерки истории российской внешней разведки. В 6 томах. Т. 3. 1933–1941 гг. М., 1997. К сожалению, о взаимоотношениях разведслужб СССР и ЧСР в ней ничего нет. Научная ценность издания при всей его значимости снижена из-за отсутствия в нем научного аппарата.

14 Судоплатов П. Указ. соч. С. 99, 367.

15 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 41.

16 Кондрашев С.А. О роли архивов спецслужб в анализе межгосударственных отношений Советского Союза // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993. С. 190; См. подробнее также в кн: Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. М., 1995; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 гг. (В приложении к книге опубликован 21 документ из Центрального архива Федеральной службы безопасности, десять из которых были обнародованы уже ранее в Известиях ЦК КПСС, 1990, № 4.)

17 <http://www.pseudology.org/Kochik/Statia06.htm> (Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. 1937–1946 годы).

18 Luža R. Přepad Sovětského Svazu a český domácí odboj // Slovanský přehled. 1990. № 3. S. 201.

19 Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 644–645.

20 ČSVDJ. S. 109–111.

21 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 343–344.

22 Ibid. S. 337–340.

23 Křen J. V emigraci. Zapadní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969. S. 496–497.

24 ČSVDJ. S. 120.

25 Křen J., Kural V. Op. cit. S. 467–471.

26 ČSVDJ. S. 147.

27 Ibid. S. 145.

28 В некоторых документах чешского происхождения Мохов именуется консулом.

29 Следует заметить, что под тем же именем выступал резидент внешней разведки НКВД в Берлине Б.М. Гордон, в 1938 г. отозванный в Москву и приговоренный к расстрелу (см.: Пешерский В.Л. Неразгаданные тайны «Красной капеллы» // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 165).

³⁰ <http://www.pseudology.org/Kochik/Statia06.htm> (Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. 1937–1946 годы).

³¹ Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 240. (Изученные чешскими исследователями депеши, которыми обменивались Прага и Лондон в 1940–1941 гг., хранятся в Центральном государственном архиве в Праге.)

³² Edvard Beneš: Vzkazy do vlasti. S. 70–71.

³³ ČSVDJ. S. 147.

³⁴ Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 242–243.

³⁵ Ibid. S. 243–244.

³⁶ ČSVDJ. S. 150.

³⁷ Gebhart J., Koutek V., Kuklik J. Op. cit. S. 245–246.

³⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 017. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 295–296.

³⁹ Dokumenty z historie československé politiky. 1939–1943. Díl 1. Praha, 1966. S. 131 (далее — ДНČР).

⁴⁰ Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 251.

⁴¹ ČSVDJ. S. 169–172.

⁴² Моравец, который после февраля 1948 г. эмигрировал на Запад, опубликовал там воспоминания под названием «Шпион, которому не верили»: Master of Spies. The Memoir of Frantisek Moravec. London; Sydney; Toronto, 1975; Špion, jemuž nevěřili. Toronto, 1977.

⁴³ См. подробнее: Марьяна В.В. Легионеры Л. Свободы в СССР. 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 58–73.

⁴⁴ Такой вывод можно сделать из сопоставления чехословацкой и советской записей беседы, сделанных в связи с подготовкой Словацкого национального восстания 1944 г. В первой среди участников с советской стороны значится генерал Фокин, во второй, направленной Сталину, вместо Фокина фигурирует Фитин (см.: Новая и новейшая история. 1996. № 5. Примечание 59).

⁴⁵ Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 294–296; Křen J., Kural V. Op. cit. № 5. S. 751.

⁴⁶ Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 297–298.

⁴⁷ ČSVDJ. S. 178–180.

⁴⁸ Судоплатов П. Указ. соч. С. 180; Я. Валента в пражской газете «Лидове новины» («Lidové noviny») под заглавием «Смело клевети, всегда что-то пристанет» опровергает многие утверждение П. Судоплатова, в частности, о том, что Бенеш сотрудничал с НКВД, что «Моравец был действующим агентом НКВД», что Л. Свобода являлся посланником Бенеша в Москве и жил на даче Судоплатова (там жил Г. Пика) (см.: Сайт «Зеркало недели». 6–13 января 1995 г. — <http://www.zerkalo-nedeli.com/np/show/14/43286>).

⁴⁹ ДНČР. S. 185.

- 50 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 301–302.
- 51 Ibid. S. 304.
- 52 ДНČР. S. 197.
- 53 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 336–339.
- 54 Ibid. S. 329.
- 55 Ibid. S. 331–332.
- 56 Křen J., Kural V. Op. cit. № 5. S. 761.
- 57 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 333–334.
- 58 Křen J., Kural V. Op. cit. № 5. S. 764.
- 59 Luža R. Op. cit. S. 206.
- 60 ДНČР. S. 186.
- 61 Ibid. S. 206.
- 62 Дневники Йозефа Геббельса 1940–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 198–220.
- 63 Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание / Пер. с англ. Смоленск, 1994. Т. 2. С. 189.
- 64 <http://www.pseudology.org/Kochik/Statia06.htm> (Кочик В. Советская военная разведка: структура и кадры. 1937–1946 годы).
- 65 ДНČР. S. 232.
- 66 Gebhart J., Koutek J., Kuklik J. Op. cit. S. 309–311.
- 67 ČSVDJ. S. 190–191.
- 68 Свобода Л. От Бузулука до Праги / Пер. с чешского. М., 1969. С. 24, 26.
- 69 Кондрашев С.А. О роли архивов спецслужб в анализе межгосударственных отношений Советского Союза // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993. С. 190; Очерки истории советской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 гг. М., 1997. С. 16–18.

Глава 7

Советский Союз и Словакия

В послевоенной историографии, как чехословацкой, так и советской, первой Словацкой республике практически не уделялось внимания. Достаточно сказать, что, например, в советском «Энциклопедическом словаре», изданном в 1989 г., говорилось о Словацкой советской республике 1919 г., о Словацкой социалистической республике, но ни словом не упоминалось Словацкое государство, просуществовавшее более шести лет, с 1939 по 1945 г. Еще во время войны оно было заклеено как «клеро-фашистское» государство, и этого, казалось, было достаточно, чтобы, признавая факт его существования, не говорить о нем подробнее. В документах чехословацкой политической эмиграции, ведшей борьбу за восстановление Чехословацкого государства, употреблялся термин Чехословакия; в советских дипломатических документах 1941–1945 гг. наличествовало то же название. Советскими и чехословацкими дипломатами и политиками тогда как бы игнорировался сам факт существования Словакии, Словацкой республики, Словацкого государства, пусть даже как квазисамостоятельного. В послевоенной историографии табуированной являлась тема установления дипломатических отношений между СССР и Словакией: оно виделось как темное пятно на светлом в целом фоне советской внешней политики 1939–1941 гг. В четвертом, переработанном и дополненном издании советского «Дипломатического словаря» (1986 г.) в послужном списке Г.М. Пушкина даже не значится, что в 1940–1941 гг. он был советским полпредом в Словакии: просто говорится, что в годы Второй мировой войны он находился на ответственной работе в Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) СССР¹.

Отношения СССР и Словакии в 1939–1941 гг. в свое время выпали из поля зрения советских и чехословацких историков по

идеологическим соображениям. Если в советской литературе чаще всего просто стыдливо замалчивался факт установления дипломатических отношений СССР со Словакией, то в чехословацкой исторической науке еще в 1950-е гг. был сфабрикован идеологический миф о том, что Советский Союз пошел на этот шаг якобы прежде всего из-за желания оказать помощь словацким коммунистам в их борьбе против существовавшего в Словакии клерофашистского режима. При этом утверждалось, что словацкие власти вынуждены были установить отношения с СССР под нажимом трудящихся и требований компартии. Первые попытки отхода от мифологизированного и схематического освещения истории Словакии в годы Второй мировой войны были сделаны словацкими и чешскими историками-«шестидесятниками», получившими тогда некоторый доступ к архивным материалам и обратившимися в первую очередь к изучению истории Словацкого национального восстания (СНВ) 29 августа — 28 октября 1944 г. В связи с рассмотрением его предпосылок затрагивался и период 1939–1941 гг. Наиболее полно это было сделано в коллективной монографии «Исторический перекресток», авторы которой четко сформулировали мысль о том, что признание Советским Союзом Словацкого государства и установление между ними дипломатических отношений были «логическим следствием советско-германского пакта о ненападении», заключенного 23 августа 1939 г.² Впрочем, авторы книги не присваивали себе лавры первооткрывателей, ссылаясь при этом на утверждение чехословацкого посла в СССР З. Фирлингера, который сообщал президенту ЧСР в изгнании Э. Бенешу: «Признание словацкого тисовского правительства Союзом является составной частью его общей политики. Москва никогда не связывала себе руки какими-либо формальными и сентиментальными соображениями. Признав сегодняшнюю „самостоятельную Словакию“, Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектора и защищать Словакию против Венгрии и Италии»³. Однако робкая попытка чешских и словацких историков развенчать миф и создать адекватную картину советско-словацких отношений 1939–1941 гг. не получила дальнейшего развития после разгрома «исторического фронта» в Чехословакии вслед за событиями 1968 г.

Ставшие доступными в последнее десятилетие новые архивные материалы, в частности, из фондов Архива внешней политики РФ, дают возможность с достаточной степенью достоверности реконструировать советско-словацкие отношения того времени. Опи-

раясь на указанные материалы, автор монографии опубликовала уже ряд исследований на эту тему⁴. Наибольший интерес среди изученных документов представляют информационные сообщения Пушкина о положении в Словакии, записи его бесед со словацкими государственными деятелями, их характеристики, составленные сотрудниками советского полпредства, сообщения о встречах советских дипломатов с находящимися в Братиславе официальными представителями других государств, справки о словацко-германских, словацко-венгерских отношениях, о политических партиях и настроениях в Словакии, ее экономике и внешней политике. Пониманию того, как развивались советско-словацкие отношения, содействуют также материалы, подготовленные Центральноевропейским отделом НКВД СССР для руководства наркомата; записи бесед наркома иностранных дел В.М. Молотова, а также его заместителей В.П. Потемкина и В.Г. Деканозова со словацким дипломатическим представителем в Москве Ф. Тисо и другими словацкими дипломатами; записи посла СССР в Германии А.А. Шкварцева, касающиеся установления дипломатических отношений Советского Союза со Словакией; наконец, сообщения генерального консула СССР в Праге В.Н. Яковлева о ситуации в Словакии в 1939 г., т. е. до приезда Пушкина в Братиславу. Все эти документы дают возможность в общих чертах характеризовать основные линии советской политики в отношении Словакии. К сожалению, в распоряжении автора не было других, чрезвычайно важных для изучения данной темы материалов, в частности, инструкций и указаний, направляемых НКВД СССР советским дипломатическим представителям в Словакии. Не известно также, существуют ли какие-либо записи бесед Пушкина с руководителями НКВД СССР, которые имели место во время служебных поездок советского полпреда в Москву. Реакцию верхушки советской внешней политики на информацию и предложения, которые на имя Молотова, Потемкина, Деканозова посылал Пушкин, можно лишь частично восстановить из их помет и указаний, имеющих на соответствующих документах.

Знакомство с материалами Словацкой миссии в Москве, хранящимися в фонде Министерства иностранных дел Словацкой республики Словацкого национального архива (Братислава), свидетельствует о чрезвычайной скудости поступавшей в Словакию информации о положении дел в СССР и о его внешней и внутренней политике. Словацкие дипломаты были более обеспокоены обу-

стройством своего нового местожительства и связанными с этим трудностями. Никаких аналитических либо содержащих оценки советской внешней политики документов, судя по известным автору материалам, из Москвы в Братиславу не поступало. Возможно, это было следствием неопытности словацких дипломатов или нехватки времени для их адаптации к условиям жизни в СССР, возможно, объяснялось тем, что, по словам сотрудников миссии, круг их общения в Москве был чрезвычайно ограничен. Так, на упреки Министерства иностранных дел Словакии, что информации о СССР не имеют никакой ценности, Ф. Тисо раздраженно реагировал утверждением, что собирать информацию в Москве значительно труднее, чем в других странах, что сотрудники миссии не могут поддерживать никаких контактов с советскими гражданами, поскольку те не смеют и не отваживаются приходить в словацкое представительство, что, когда его сотрудники обращаются в наркомат иностранных дел с вопросами, то не получают на большинство из них никакого ответа, хотя речь и не идет о чем-то важном⁵.

В последнее десятилетие в Словакии состоялся ряд научных конференций, на которых обсуждались вопросы истории Словакии в годы Второй мировой войны, эволюции политической системы и режима Словацкой республики в этот период, личности первого президента Йозефа Тисо, истории Словацкого национального восстания и т. д.⁶ В той или иной степени на этих конференциях затрагивались и вопросы истории Словакии в 1939–1941 гг. Достаточно полно вопрос о ее взаимоотношениях с Советским Союзом рассмотрен в монографии Д. Чиерны-Лантайовой «Взгляд на Восток. Отношение к России в словацкой политике 1934–1944 гг.»⁷.

Словацкое государство, появившееся в центре Европы 14 марта 1939 г. по воле Гитлера, не могло не занять определенного места в геополитических расчетах Германии. «Ворота на Балканы», «окно в Юго-Восточную Европу» — так похоже именовалась Словакия немецкими и советскими дипломатами. И Германия, и СССР были заинтересованы в укреплении своих позиций в этом формально самостоятельном государстве, площадь которого составляла 37 тыс. кв. км, а население — 3,75 млн человек⁸. Гитлер полагал возможным использовать эту маленькую страну для реализации своих политических, военно-стратегических и экономических целей при установлении «нового порядка» в Европе. В зависимости от роли, отводимой Словакии в военно-стратегических планах Германии в 1939–1941 гг., менялась и ее политика по отношению к

этому лимитрофу, в которой четко обозначаются три этапа. Каждый из них олицетворял конкретный дипломатический представитель Берлина в Братиславе, по существу являвшийся наместником Гитлера в Словакии. Хронологически и персонально эти этапы выглядят следующим образом: первый — март 1939 — июль 1940 г. (Г. Бернард); второй — август 1940 — январь 1941 г. (М. Киллингер); третий — первое полугодие 1941 — 1945 г. (Г.Э. Лудин, который представлял Германию в Словацкой республике до конца этого государства). Остановимся на каждом из указанных периодов, попытавшись одновременно проследить, как складывались в это время советско-словацкие отношения, которые развивались в рамках советско-германских отношений той поры и определялись, как представляется, в основном стремлением Советского Союза не вызвать их осложнения, а также по возможности укрепить свое влияние в Словакии.

Словацкое государство возглавил лидер умеренного крыла католической Глинковской словацкой народной партии (ГСНП) Й. Тисо. Возникший в послевоенное время миф о его инициативных шагах в деле создания самостоятельной Словакии опровергается новейшими исследованиями этого вопроса⁹. Словацкий исследователь В. Быстрицкий считает: «Руководящие политические круги Словакии не предполагали в указанное время провозглашения независимости и того, что произошло 14 марта 1939 г., решение принималось в Берлине под давлением нацистов. Й. Тисо отправился в Берлин не за тем, чтобы просить о помощи или поддержке при провозглашении государства и получить гарантии его безопасности, а чтобы получить информацию о намерениях А. Гитлера. Под давлением и вследствие решения фюрера он должен был действовать в соответствии с нацистским сценарием... и принять условия, которые априори ограничивали суверенитет будущего государства»¹⁰. Г.М. Пушкин также не был склонен обвинять в этом Тисо. В отчете полпредства СССР в Словакии за 1940 г. говорилось, что «самостоятельность Словакии», полученная из германских рук, была для большинства политических деятелей из руководства глинковской партии неожиданностью. Пушкин подчеркивал, что в программе партии «никогда не было пункта о борьбе за самостоятельность Словакии», что ее руководители А. Глинка, К. Сидор и Й. Тисо «боролись за автономию страны в рамках Чехословацкой республики» и Глинка «не допускал и мысли о протекторате Германии над Словакией»¹¹.

Формально получив независимость, Словакия фактически сразу же утратила ее, заключив с Германией 23 марта 1939 г. так называемый Охранный договор. «Концом самостоятельности Словакии» называл его впоследствии советский посланник в этой стране Г.М. Пушкин¹². Основные положения договора сводились к следующему: 1) Германская империя берет на себя охрану политической независимости Словацкого государства; 2) для проведения охраны германские вооруженные силы имеют право строить военные объекты и держать там военные части (это касалось территорий на западе и востоке страны); 3) словацкое правительство должно организовать свои вооруженные силы в тесном контакте с германскими вооруженными силами; 4) словацкое правительство должно проводить свою внешнюю политику в тесном контакте с правительством Германии; 5) договор заключается на 25 лет¹³. Документ свидетельствовал, что Словакия оказалась абсолютно зависимой от Германии и вынуждена была следовать в фарватере ее внешней политики. Существует точка зрения, что «Охранный договор» в действительности означал «осуществление скрытой агрессии»¹⁴.

Что касается внутривнутриполитической жизни новоиспеченного лимитрофа, то на первых порах Берлин не намерен был особо вмешиваться в нее (кроме того, что имело отношение к армии), оставляя за словаками относительную самостоятельность в решении этих вопросов. Формальная независимость Словакии нужна была Гитлеру для реализации его амбициозных планов установления «нового порядка» в Европе. Гитлер предполагал, используя территорию Словакии, усилить свое проникновение в Юго-Восточную Европу. Но это намечалось сделать несколько позднее. В 1939 г. у Гитлера были еще «нерешенные» дела в Центральной Европе, и Словакия, как и Протекторат Богемия и Моравия, использовались Берлином для подготовки и нанесения удара по Польше. 24 августа к Тисо пожаловали немецкий посланник Бернард и генерал Баркхаузен, которые в ультимативной форме предложили Словакии участвовать вместе с Германией в войне против Польши. Словацкая армия должна была быть подчинена Верховному командованию вермахта, а аэродромы освобождены для немецких самолетов. Одновременно Германия обещала в случае согласия Словакии с предложенным дать ей гарантии южных границ против Венгрии и вернуть территории, занятые год назад Польшей. Тисо принял это предложение, настояв и на возвращении территорий, отшедших

к Польше в 1920 г. 1 сентября части словацкой армии вместе с германскими вооруженными силами вторглись на ее территорию. Эта непопулярная в Словакии война, хотя она и велась под ирредентистскими и реваншистскими лозунгами, завершилась присоединением с согласия рейха к Словакии территорий, отошедших к Польше в 1920, 1924 и 1938 гг. общей площадью в 600 кв. км с населением 45 тыс. человек¹⁵.

Усердие словаков в стремлении услужить своему великодержавному агрессивному соседу связано было еще, как представляется, помимо прочего и со слухами о ликвидации самостоятельности Словакии путем ее присоединения к Венгрии, которые активно муссировались весной–летом 1939 г. Не исключено, что среди германского руководства были сторонники такого решения вопроса, но, скорее всего, эти слухи распространялись германскими спецслужбами в целях оказания давления и на Венгрию, и на Словакию, чтобы заставить их проводить нужную Берлину политику в вопросе войны с Польшей¹⁶. Появление слухов о предстоящем включении Словакии в состав Венгрии зафиксировано и в дневнике советника посольства СССР в Берлине Г.А. Астахова 12 июня 1939 г. О том же сообщал в НКВД СССР советский генконсул в Праге В.Н. Яковлев 22 июня 1939 г.¹⁷ Но слухи и предположения не подтвердились. Берлин счел нужным сохранить номинально самостоятельную Словакию. Возможно, это было сделано и потому, что Венгрия тогда предпочла нейтралитет и отказалась поддержать Германию в ее войне против Польши.

Сентябрь 1939 г. ознаменовался и новым курсом Советского Союза в «словацком вопросе». До этого СССР стоял на позициях непризнания ликвидации Чехословакии и создания самостоятельной Словакии. В Москве, как говорилось выше, продолжало функционировать чехословацкое посольство во главе с З. Фирлингером. После заключения советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г. чехо-словацкий вопрос стал для Москвы частью ее новой внешнеполитической стратегии. Руководители Словакии одобрили подписание пакта. Некоторые из них, недовольные усилившимся давлением Берлина на Словакию, в том числе влиятельный министр иностранных и внутренних дел Ф. Дюрчанский и его окружение, ранее занимавшие открыто германфильские позиции, считали, что пакт создает благоприятные условия для установления дипломатических отношений Словакии с СССР, а это, в свою очередь, поможет возникновению сильного противовеса германской

политике полного овладения страной¹⁸. Сторонники налаживания отношений с СССР в Словакии (в верхах они группировались вокруг И. Тисо и Ф. Дюрчанского), опираясь на четвертую статью «Охранного договора», решились предпринять шаги, по-видимому, с согласия германского правительства, направленные на сближение с Советским Союзом. 14 сентября 1939 г. новый советский полпред в Берлине А.А. Шкварцев записал в своем дневнике: «Принял посланника Словакии Черняка (правильно — Чернак. — В. М.), Черняк поставил предо мной вопрос о признании нами Словакии и установлении с ней дипломатических отношений... По его мнению, признание Словакии со стороны такой великой державы, как СССР, стабилизирует положение Словакии и содействует делу мира»¹⁹.

В тот же день телеграмма об этом предложении ушла в Москву. Шкварцев просил указаний и получил их от Молотова на следующий день, 15 сентября, с грифом «совершенно секретно»: «Можете сообщить, что СССР согласен установить дипломатические отношения со Словакией»²⁰. Молниеносность ответа заставляет предположить, что этот вопрос широко не обсуждался советским руководством и решение принималось на самом высоком уровне, возможно только Сталиным и Молотовым. Берлин в это время постоянно настаивал на ликвидации чехословацкого полпредства в Москве, и Германия в тех конкретных условиях была заинтересована в признании Словакии со стороны СССР де-юре²¹. Ведь фактически это означало отказ Москвы от негативной оценки расчленения Чехо-Словакии в марте 1939 г., а также свидетельствовало об укреплении курса на советско-германское сотрудничество. Вместе с тем Берлин вовсе не желал усиления влияния СССР в Словакии и боялся этого, не без основания полагая, что здесь традиционно сильны русофильские настроения.

Наиболее авторитетная в ту пору часть словацкого государственного руководства по указанной выше причине — создать противовес по существу монопольному влиянию Германии в Словакии — также была заинтересована в официальном признании со стороны СССР. Кроме того, это повышало международный престиж молодого словацкого государства, что было в интересах его верхов. По мнению Пушкина, установление дипломатических отношений Словакии с СССР «следует записать в актив группы Дюрчанского, который стремился всеми мерами ослабить германское влияние в Словакии и укрепить положение этого малоустойчивого

государства». Дурчанского советский полпред характеризовал как «наиболее подготовленного и умного политика современной Словакии». Пушкин полагал, что его «размолвка» с немцами «произошла потому, что не сбылись его надежды на помощь Германии против Венгрии»: «Немцы, стремясь укрепить свое положение в Венгрии, меньше всего считались с желанием словацкого правительства расширить или, в крайнем случае, сохранить территорию Словакии». В намерения Дурчанского входило создание в Словакии государства по типу Швейцарии, что Пушкин впоследствии характеризовал как «политический романтизм». Выступая инициатором кампании «смеющаяся Словакия», Дурчанский «мечтал воспользоваться красотами Словакии, привлечь массы туристов и сделать туризм одной из основных частей словацкого дохода». Иницируя установление дипломатических отношений Словакии с Советским Союзом и надеясь таким образом ограничить влияние Германии в своей стране, Дурчанский вместе с тем, по словам Пушкина, «бесспорно являлся противником СССР», поскольку опасался распространения идей большевизма и связанной с ними революции²².

Наконец, Москве признание Словакии де-юре тогда тоже казалось выгодным: это давало возможность (по крайней мере, предположительно) противодействовать укреплению позиций Германии в регионе, небезразличном для интересов СССР. Речь В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. свидетельствовала, что Советский Союз не намерен был допустить решение вопросов Восточной Европы без своего активного участия²³. Установление дипломатических отношений со Словакией было заявкой на активизацию советской политики в Юго-Восточной Европе, на Балканах. З. Фирлингер, в частности, полагал, что с установлением дипломатических отношения со Словакией «Москва получила ценную позицию для своего влияния за Карпатами»²⁴. Следует также иметь в виду, что к осени 1939 г. СССР лишился своих посольств в Вене, Праге, Варшаве, и создание его официального представительства в Братиславе облегчало задачу получения информации о положении дел в этой части Европы. Кроме того, присутствие советских официальных представителей в Словакии давало возможность прямых (хотя и тайных) контактов с коммунистическим подпольем и влияния в направлении активизации его деятельности. Среди чешских и словацких коммунистов и представителей левых политических течений были довольно широко рас-

пространены представления, что, признав «самостоятельную Словакию», Советский Союз намерен в подходящий момент занять место немецкого протектора. Но, думается, таких далекоидущих намерений в тот конкретный момент у советских руководителей не было: слишком велик был риск испортить отношения и подорвать «дружбу» с Берлином, чего Москва в ту пору не могла себе позволить.

Советское руководство тогда, видимо, даже не намерено было широко афишировать свои отношения со Словакией. Официальных сообщений на этот счет не последовало, хотя Шкварцев 16 сентября 1939 г. пригласил к себе Чернака и передал ему содержание телеграммы Молотова. «Чернак встретил мои слова с большой радостью», — записал в своем дневнике советский посол²⁵. Германское информационное агентство немедленно оповестило мировую общественность о происшедшем. А вот в Центральноевропейском отделе НКВД СССР об этом ничего не знали (при тогдашнем камерном способе решения внешнеполитических вопросов это, видимо, было действительно так, но, возможно, по указанию сверху делали вид, что не знали). Во всяком случае, когда 19 сентября 1939 г. Фирлингер, ссылаясь на заграничные радиосообщения о признании Словакии Советским Союзом, пытался выяснить в указанном отделе НКВД, так ли это, то получил ответ, что таких сведений не имеется²⁶. Ни в сентябре, ни в октябре он не получил из НКВД никакой информации на этот счет. В письме к Г. Рипке 31 октября 1939 г. Фирлингер писал, что «получил от референта по Чехословакии, а также от заведующего Центральноевропейским отделом Александрова лаконичный ответ: „комиссариату иностранных дел об этом ничего не известно“. На мой следующий вопрос, может ли это быть правдой, референт по Чехословакии ответил, что „поскольку комиссариат иностранных дел об этом ничего не знает, это, вероятно, не является правдой“. Александров же ответил явно нервозно и с досадой, что „если это станет правдой, я узнаю об этом из советских официальных сообщений“»²⁷.

Москва и Братислава готовились обменяться официальными представителями, что, наряду с «походом» Красной Армии на запад, занятием ею Западной Украины и Западной Белоруссии и быстрым приближением к словацким границам, инициировало рост славяно- и русофильских настроений (причем во всех слоях словацкого населения) и активизацию действовавшей в подполье коммунистической партии. В то же время ширились и антинемецкие

настроения, о чем свидетельствовали документы самого разного происхождения²⁸. 21 октября Шкварцев принял Чернака и сообщил ему о согласии советского правительства на назначение в Москву в качестве посланника Ф. Тисо, родственника президента Словакии Й. Тисо²⁹. Совнарком СССР 1 декабря 1939 г. принял решение об открытии Полпредства СССР в Словакии и утверждении его штатов³⁰. 11 декабря словацкий посланник прибыл в Москву, а 14 декабря здесь прекратило существование чехословацкое полпредство³¹. 23 декабря 1939 г. Ф. Тисо сообщил в МИД Словакии, что был принят В.М. Молотовым, что предстоит встреча с В.П. Потемкиным и что полномочным представителем СССР в Братиславе назначен Г.М. Пушкин³². 25 декабря Тисо вручил верительные грамоты. В справке, содержащей краткие сведения о словацком посланнике в Москве, говорилось: Тисо родился в 1894 году. Имеет среднее образование, изучал теологию и философию в Вене и Будапеште. Журналист. С 1920 по 1926 г. Тисо был преподавателем средней школы. С 1928 по 1935 г. — секретарь словацкой народной партии. «Владеет словацким, венгерским, немецким, французским и частично русским языками (подчеркнуто в оригинале красным карандашом. — В. М.). Состоит в близких родственных связях с президентом Словакии»³³. Словацкая Миссия разместилась в здании по улице Малая Никитская, д. 18. Ф. Тисо установил тесный контакт с немецким посольством в Москве. Шуленбург обещал ему всестороннюю поддержку и помощь.

Хотя Германия устами Риббентропа, заявившего 30 сентября 1939 г., что «обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы»³⁴, как бы декларировала свое желание действовать в этом регионе «рука об руку» с СССР, однако в действительности она не только не хотела уступить захваченные здесь позиции, но и стремилась укрепить их. Третий рейх не намерен был допускать еще одного конкурента — Россию — в сферу своих интересов, куда включалась и Словакия³⁵. А между тем здесь все явственнее обозначались антинемецкие тенденции, робко поддерживаемые и правительственной группировкой Тисо — Дюрчанский. Ее позиции и авторитет возросли после окончания войны с Польшей и в результате проведения курса на сближение с СССР, естественно, в рамках словацко-германских договоренностей. Пользовавшийся большим влиянием на Тисо высокообразованный и амбициозный, но малоопытный в политике министр иностранных и внутренних дел Словакии Дюр-

чанский вместе с группой молодых политиков питал иллюзии относительно того, что возникшее по милости Германии Словацкое государство может, используя традиционную для стран Восточной Европы тактику лавирования и балансирования между претендующими закрепиться в этом регионе державами, прежде всего Германией и СССР, достигнуть определенной степени самостоятельности.

Полномочное представительство СССР в Словакии (полпредство) возглавил Г.М. Пушкин. 2 февраля 1940 г. он прибыл в Братиславу. «Наш приезд местные газеты не афишировали, ограничившись лишь краткими сообщениями», — записал он в своем дневнике³⁶. Первый визит Пушкин нанес Дюрчанскому, а 14 февраля вручил верительные грамоты И. Тисо, аудиенция у которого длилась около 40 минут. «Словаки этим явно стремились подчеркнуть особое расположение к Советскому Союзу», — значится в дневнике Пушкина. Президент выразил намерение завязать широкие экономические отношения с Советским Союзом, говорил о симпатиях словаков к России и о неприязни к Венгрии, которая должна возратить Словакии территорию с 600 тыс. жителей, ругал Масарика и Бенеша, политика которых была «одной из главных причин крушения Чехословакии». Пушкин, по словам личного секретаря Й. Тисо К. Мурина, заверил президента, что «не будет вести никакой социалистической пропаганды» в Словакии. В тот же день Дюрчанский дал обед в честь советского полпреда, во время которого выражалось желание заключить с Советским Союзом торговый договор³⁷.

Личный секретарь Й. Тисо К. Мурин записал в своем дневнике: «Пушкин внешне симпатичен, выглядит как культурный и мирный человек». В сердечной и дружественной обстановке прошел ужин с представителями советского полпредства. Шеф протокола Р. Радлинский утверждал, что такой сердечной встречи с представителями иностранных государств еще не было. Тисо, по словам Мурина, даже высказал мнение, что «Пушкин — не большевик» и «как представляется, даже не атеист»³⁸.

В первые же дни вступления в должность Пушкин обменялся визитами с Бернардом. Зафиксированные им впечатления сводились к следующему: «Бернард открыто насмехается над словаками, чувствуя себя в Словакии хозяином» и «на мой вопрос, может ли случиться, что Германия потребует от Словакии в порядке реализации договора участия в войне, Бернард ответил: „никогда... Сло-

вакия нам нужна как страна невоюющая. Словакия — наши ворота на Балканы»³⁹ (подчеркнуто красным карандашом в НКВД. — В. М.).

Во время первых встреч Пушкина с Дюрчанским и Тисо были затронуты два вопроса, которые «красной нитью» проходят через все документы, касающиеся советско-словацких контактов первой половины 1940 г., это — развитие экономических связей между двумя странами и стремление словаков получить поддержку СССР в их территориальных претензиях к Венгрии, т. е. в возвращении земель, отошедших к Венгрии в результате Первого венского арбитража (южная часть Словакии) и захваченных ею в период создания Словацкого государства (восточная часть Словакии).

Вопрос о экономических связях обсуждался довольно подробно на встрече Пушкина с зам. министра иностранных дел Словакии Ш. Полиаком. Словаков интересовали советская нефть, высококачественный хлопок и масла. Со своей стороны они предлагали кабель, текстиль и военные материалы, «если позволят немцы». «Нефти они готовы купить у нас 300–400 тыс. тонн (!), — записал Пушкин в дневнике, — по-видимому здесь они действуют по указке Германии, которая намеревается через Словакию увеличить наши поставки нефти в Германию». И предупреждал: «Если мы будем заключать со Словакией торговое соглашение и найдем нужным пойти на некоторые льготы словакам, то следует особо предусмотреть положение, при котором немцы не могли бы воспользоваться этими льготами»⁴⁰.

21 марта 1940 г. Ф. Тисо передал на имя Молотова ноту, в которой от имени словацкого правительства сообщалось о желании «иметь с СССР кроме политических также экономические отношения». Молотов санкционировал начало переговоров⁴¹. Наркомат внешней торговли СССР (НКВТ) приступил к конкретному изучению вопроса. В личном письме на имя Молотова Пушкин отмечал, что завязывание торговых отношений со Словакией выгодно не только с политической, но и хозяйственной точек зрения. «Заключение торгового договора между СССР и Словакией, — писал советский полпред, — не может вызвать беспокойства со стороны немцев (это свидетельствует о том, как данная сторона дела волновала советское руководство. — В. М.), так как все вопросы, связанные с этим договором, давно уже согласованы словацким правительством с Германией». Резолюция Молотова на письме, адресованная А.И. Микояну и В.Г. Деканозову, гласила: «Нужно

дать ответ т. Пушкину. Мне кажется, что он прав»⁴². В июне 1940 г. Микоян дал согласие на прибытие в СССР словацкой торговой делегации.

Между тем в словацких верхах обострялся кризис, обозначившийся уже в конце 1939 г. и связанный с недовольством германофильской группировки В. Туки и А. Маха, возглавлявших праворадикальное, фашистское крыло ГСНП, замедлением процесса сближения Словакии с Германией. «Первую половину 1940 г. можно назвать временем господства в Словакии группы Дюрчанского, которая, бесспорно, боялась полного порабощения Словакии немцами. Во внешней политике эта группа проводила линию лавирования между Германией, Италией, Венгрией и др. ... Эта группа пыталась даже заигрывать с нами. ... Группа Дюрчанского бесспорно боялась полного порабощения Словакии немцами», — писал Пушкин в отчете за 1940 г.⁴³

Однако Советский Союз, который в начале 1940 г. вел войну с Финляндией, а затем был занят подготовкой своих акций в Прибалтике и Бессарабии, не желая каких-либо осложнений в отношениях с Германией, пока отваживался лишь на робкие попытки демонстрации собственных интересов в Словакии. Что касается содействия Словакии в решении ее территориальных претензий к Венгрии, то тут советское руководство вело себя очень осторожно. «От нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы можем им дать. В этом смысле у меня положение довольно деликатное»⁴⁴, — констатировал советский полпред.

Весной 1940 г., когда стало очевидно, что слухи о возможном мире между Германией и западными державами оказались ложными, что Гитлер «завяз» на Западе, начав новую военную кампанию, Дюрчанский активизировал свою деятельность по реализации идеи возврата отошедших к Венгрии территорий с помощью Советского Союза. Словакия была наполнена слухами о том, что СССР готов взять себе Карпатскую Украину (весной 1939 г. она была оккупирована Венгрией) и тогда, оказавшись непосредственным соседом Словакии, поможет ей вернуть южные и восточные территории. На одном из приемов (9 мая 1940 г.) Дюрчанский упорно доказывал Пушкину, что «если немцы направятся против Румынии, то нам (т. е. СССР. — В. М.) вполне своевременно занять „Карпатскую Русь“ и Бессарабию»⁴⁵.

Весной 1940 г. резко обострились словацко-венгерские отношения. Снова поползли слухи о возможной передаче Словакии (с

согласия Германии) Венгрии как компенсации за пропуск немецких войск через венгерскую территорию. В связи с этим в Центральноевропейском отделе НКВД СССР был подготовлен «Обзор словацко-венгерских отношений в апреле–начале мая 1940 г.» (дата не проставлена, но, очевидно, в конце мая 1940 г. — В. М.), в которой описывалась антивенгерская кампания в Словакии и отклики англо-французской печати на ситуацию в стране. Констатировалось резкое обострение отношений между Словакией и Венгрией, которое, по мнению иностранной печати, «выходит за рамки местного вопроса и связывается с общей тревожной обстановкой на Балканах». Указывалось, что с самого начала существования Словацкого государства между ним и Венгрией сложились враждебные отношения, основанием для чего служили, с одной стороны, идея восстановления венгерской империи в границах короны Стефана, с другой стороны, идея возвращения Словакии земель, отошедших к Венгрии по Венскому арбитражу 1938 г. и земель на востоке Словакии, оккупированных Венгрией в 1939 г. Подчеркивалось, что «Германия политическими интригами подогревала взаимную вражду обеих сторон» и что новая фаза обострения началась по инициативе Словакии после возвращения из Берлина руководителя словацкой пропаганды А. Маха. Выводы гласили: «1. Интерес, проявленный общественным мнением и правящими кругами ряда стран к политической игре Германии в Венгрии и Словакии, понятен, если учесть большое стратегическое значение Венгрии в Юго-Восточной Европе. Это значение играет для Германии сейчас особую роль в связи с возможным распространением театра военных действий на Балканы. 2. Из анализа имеющихся материалов нельзя дать еще вполне определенный ответ: будет ли Словакия действительно использована Германией, как территория, и ее армия, как сила, направленная для вторжения в Венгрию. Нельзя также согласиться с утверждением заинтересованной англо-французской печати, что уже существует сговор Германии с Венгрией, в котором Словакия послужит только разменной монетой. Следует учитывать, что для Германии территория Словакии сама по себе представляет большую ценность как окно в Юго-Восточную Европу... Скорее всего, можно утверждать, что на данном этапе закулисных дипломатических переговоров германская политика натравливания Словакии на Венгрию служит средством давления на последнюю со стороны Германии»⁴⁶. Анализ этот был достаточно точен и подтвердился последующими событиями.

В июне состоялся ряд встреч Молотова с Шуленбургом, из которых следовало, что СССР заинтересован в статус-кво в Юго-Восточной Европе, в сотрудничестве Германии, Италии и Советского Союза на Балканах, в мирном разрешении вопросов, касающихся этого региона. Берлин снова заявил, что его интересы в этом районе имеют не политический и территориальный, а лишь экономический характер⁴⁷.

Москва готовилась к намеченным в пакте Молотова — Риббентропа «балтийской» и «бессарабской» акциям, что требовало советско-германского согласия. Однако сверх «московских договоренностей» СССР претендовал еще и на Буковину как, по словам Молотова, последнюю недостающую часть единой Украины⁴⁸, что, естественно, не могло не вызвать раздражения Германии, которая в конце концов пошла на уступку партнеру, согласившись на присоединение к СССР Северной Буковины. В этих условиях советское руководство, конечно, не могло и думать о том, чтобы, как предлагали тогда словаки, «взять Карпатскую Русь» и установить непосредственную границу со Словацким государством. В печать проникли слухи о том, что «СССР гарантирует статус-кво на Балканах и в Центральной Европе». Эта информация встревожила и словацкий МИД, рассчитывавший на поддержку СССР в мирном разрешении «за круглым столом» словацко-венгерских противоречий.

Дюрчанский во время встречи с Пушкиным 16 июля 1940 г. прямо спросил его: «Когда же Вы возьмете Карпатскую Украину?» Советский полпред ответил, «что эта область настолько незначительна как по населению, так и по территории, что вряд ли следует говорить о ней так много, как говорят в Словакии». Дюрчинский согласился, но подчеркнул серьезное военно-стратегическое значение Карпатской Украины. Развивая эту мысль, он заметил, что Германия, Венгрия и особенно Италия учитывают это значение Карпатской Украины и поэтому не хотят отдавать ее Советскому Союзу. Пушкин, согласно записи в его дневнике, «не поддержал этого разговора»⁴⁹. В этой последней фразе по существу отражалась негативная на тот период позиция СССР в вопросе о Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине). Ее включение в состав Советского Союза в сложившейся ситуации было нереально из-за противодействия прежде всего Германии и ее союзников, и Москва вынуждена была считаться с этим.

Между тем Берлин был весьма обеспокоен усилившимся влиянием СССР в Словакии, ростом там русо- и славянофильских и од-

новременно антинемецких настроений, активизацией коммунистов и вообще политикой группы Дюрчанского. После завершения западной кампании Третий рейх намеревался обратить взор на юго-восток Европы для укрепления своего тыла в предстоящей войне с СССР. Отсюда и стремление навести «порядок» в Словакии. Приоткрывать «ворота на Балканы» немцы начали еще в самый разгар их наступления на Западе. В это время активность немцев в Словакии заметно возросла. «В Братиславе, — по свидетельству Пушкина, — появились немцы в генеральских, полковничьих формах. Спешно строятся новые шоссевые дороги, открываются новые аэродромы...»⁵⁰. О военных приготовлениях гитлеровцев в Словакии сообщал в разведуправление Генштаба Красной армии 27 июля 1940 г. и начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П.М. Фитин. В секретном сообщении, в частности, говорилось: «Недавно в каждый полк словацкой армии был направлен немецкий инструктор. В каждом полку имеется немецкая часть численностью до батальона, в составе которого находятся исключительно немцы». Сообщалось о ведении фортификационных работ, строительстве аэродромов, прибытии составов с танками, передислокации немецких воинских частей, а также о том, что «в Словакию прибыло около 200 агентов гестапо с заданием очистить Словакию от русофильски настроенных элементов, главным образом от панславистов... в армии Словакии проведены аресты лиц по обвинению в панславистской пропаганде»⁵¹. Аналогичная записка с новыми данными о военных приготовлениях немцев в Словакии была направлена в разведуправление Генштаба Красной Армии заместителем Фитина П. Судоплатовым 26 сентября 1940 г.⁵². Материалы подобного рода осенью этого года постоянно направлялись в Москву Г.М. Пушкиным⁵³.

В то же время Дюрчанский, рассчитывая, что Третий рейх надолго «увязнет» в войне на Западе (в этом он просчитался), начал наступление на позиции германофильской группировки в стране. В ответ на это в конце мая немцы отозвали из Братиславы Бернарда. МИД Германии выработал меморандум для Риббентропа о ситуации в Словакии, в котором рекомендовалось вмешательство Германии для исправления положения. Политика, проводимая в последнее время в Словакии, характеризовалась как попытка отхода от Германии или, по меньшей мере, как открывающая такую перспективу. Допускалась возможность действий некоторых «элементов» в согласии с Советским Союзом и сотрудничества Дюрчан-

ского с Бенешем. Намечалось укрепление позиций словацких германофилов в правительстве, постепенное отстранение Дюрчанского от дел, а также удаление всех антинемецких, особенно еврейских, элементов с важных постов, опровержение слухов о готовящемся присоединении Словакии к Венгрии или разделе ее между Венгрией и Германией⁵⁴.

Новые тенденции в отношении немцев к Словакии, ставшие особенно ясными после поражения Франции, не замедлили сказаться на словацко-советских отношениях. «Впервые я заметил, — зафиксировал Пушкин в дневнике 20 июня 1940 г., — что словацкие министры всячески избегают остаться со мной наедине. Особенно это относится к Дюрчанскому, который раньше всегда охотно беседовал со мной и при этом всегда был инициатором. Боязнь немцев чувствуется особенно теперь. Немцы держатся развязно и нагло». Из печати исчезли всякие публикации о СССР⁵⁵. В то время как верхушка Словакии уже отчетливо осознала, что паруса ее политики могут надуваться исключительно немецким ветром, в словацком обществе поднялась новая волна русофильства, связанная с событиями в Прибалтике и Бессарабии и надеждами на то, что СССР сможет (и захочет) воспрепятствовать усилению нажиму на страну.

В этой сложной обстановке Тисо, Тука и Мах (последнего Пушкин характеризовал как человека «беспринципного, демагога и политического хулигана») были приглашены на встречу с германским руководством. Словацкие политики получили аудиенцию у Риббентропа и Гитлера. Немецкий министр иностранных дел заявил Тисо, что для немцев Словакия не может быть проблемой. Тисо согласился с тем, что для 200 немецких дивизий, конечно же, это не проблема. После этого Риббентроп сказал, что Дюрчанский не может больше оставаться министром иностранных дел и должен быть заменен на этом посту Тукой, а портфель министра внутренних дел должен перейти к Маху. Тисо подчинился. Затем в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера с Тисо, Тукой и Махом. В ней участвовали Риббентроп и Киллингер. Последний уже был назначен новым посланником Германии в Словакии. Что касается отношения к Словакии, то фюрер утверждал, что политический интерес рейха состоит лишь в охране Карпат, имеющих преимущественно военное значение: «Германия не позволит никакой другой державе проникнуть за Карпаты без боя» (камень был явно брошен в «советский огород»). Гитлер подтвердил гарантии, которые Гер-

мания дала Словакии на случай нападения на страну, и требовал взамен лишь лояльной и недвусмысленной ее политики по отношению к рейху. Тисо, поблагодарив Гитлера, заверил его, что Словакия не намерена «склоняться» к России в рамках панславистской политики, что она желает остаться под немецкой охраной и принять участие в создании нового порядка в Европе⁵⁶.

Новая немецкая линия в Словакии начала осуществляться немедленно. 4 августа Пушкин подготовил обширное информационное письмо о событиях в Словакии, направленное Молотову и Деканозову. Советский полпред связывал эти события с общей политикой Германии на Балканах и в Центральной Европе. Ссылаясь на слова Бернарда, Пушкин писал о намерениях Германии в ближайшее время произвести территориальные изменения в этой части Европы. В частности, передать Словакии часть территорий, отторгнутых у нее в свое время Венгрией (возможно, такие планы и существовали, но лишь в виде посулов Словакии). Венгрии же намечалось отдать часть Трансильвании, а Болгарии — Южную Добруджу (и то, и другое за счет Румынии). «Немцы хотят удовлетворить всех наполовину и купить этим руководящие круги этих стран, — считал Пушкин. — В то же время они никого не удовлетворяют полностью, этим создают новые противоречия или, вернее сказать, оставляют старые противоречия на Балканах и в Центральной Европе, что весьма выгодно будет использовано немцами в будущем для укрепления своего влияния в этих странах».

Реализацию своего плана в Юго-Восточной Европе Гитлер начал со Словакии, служившей, по словам Пушкина, «в известной мере буфером между нами и Германией», который «немцы хотят целиком подчинить их политике», усилив непосредственное вмешательство в словацкие дела⁵⁷. Последнее предполагалось осуществить с помощью нового немецкого посла в Братиславе М. фон Киллингера, человека, тесно связанного с Гитлером и Гиммлером, в прошлом советника при Франко, обергруппенфюрера штурмовых отрядов. «Ясно, что этот человек ничего общего не имеет с дипломатией, — писал Пушкин, — и более известен как непосредственный организатор разгрома рабочих и оппозиционных организаций в Германии»⁵⁸. Во время первых же встреч с Пушкиным Киллингер ясно дал понять советскому полпреду, что «Словакия — зона германских интересов», что ее самостоятельность — призрак, что в отношениях Германии со Словакией речь идет «не о смелом и трусливом, а о сильном и слабом». «Он со-

знательно говорит это, чтобы намекнуть нам, что мы не должны в Словакии активизироваться», — записал Пушкин в своем дневнике 21 августа 1940 г.⁵⁹

После Зальцбурга и Берхтесгадена, по словам советского полпреда, «германское правительство уже не ограничивалось простыми советами словакам, а непосредственно вмешивалось в словацкие дела». Пушкин связывал это с внешнеполитическими планами Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе: «В случае активных военных операций Германии на Балканах, Словакия неминуемо должна разделить судьбу Бельгии». Но поскольку немцы не могут открыто оккупировать Словакию (в этом случае они рисковали бы восстановить против себя все балканские страны), они избрали путь «постепенной мирной оккупации» страны⁶⁰.

Новая креатура Гитлера активно принялась за дело приспособления словацкого режима к германскому. Мах обещал повести (и повел) непримиримую борьбу с коммунистами и всеми оппозиционными элементами в стране, кардинально решить по германскому образцу «еврейский вопрос». Тука объявил о внедрении в Словакии национал-социалистической идеологии. Репрессии и аресты стали в Словакии обыденным делом. Кроме Илавы, концентрационный лагерь был создан в Леопольдове. Участились антисоветские выпады в словацкой печати. С августа 1940 г. Германия начала активно приспособлять территорию Словакии к своим военным потребностям. В августе–сентябре немцами здесь было построено около 20 аэродромов. «Если иметь в виду, что в Словакии насчитывается не более двух десятков самолетов, то станет ясно, что строительство производилось для нужд германской армии»⁶¹, — писал Пушкин. В это же время в Словакии строились новые и реконструировались старые шоссе, осуществлялась прокладка вторых путей на однопутных железных дорогах, наводились новые и укреплялись старые мосты, началось строительство сквозной (с запада на восток) автострады протяженностью 450 км, а также военных укреплений на севере и востоке страны. Осенью 1940 г. Словакия, по словам Пушкина, напоминала «собой строительный лагерь».

Характеризуя ситуацию в Словакии после встречи Тисо с немецким руководством, Центральноевропейский отдел НКВД считал, что это «марионеточное государство вступило в дальнейшую логическую фазу своего развития — безоговорочного выполнения роли германского плацдарма в Юго-Восточной Европе»⁶².

По сведениям, полученным Пушкиным, в октябре между Германией и Словакией было подписано дополнительное секретное соглашение к договору от 23 марта 1939 г., которое значительно расширяло обязательства словаков. По этому соглашению в распоряжение немцев предоставлялись все промышленные объекты Словакии, которые могли быть использованы для производства военных материалов, а также (в случае необходимости) словацкая армия, организованная по образцу вермахта. Это военнополитическое соглашение явилось основой для присоединения Словакии (24 ноября 1940 г.) к агрессивному Тройственному пакту, подписанному Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г. Одновременно со Словакией к пакту присоединились Венгрия и Румыния. «Само собой разумеется, — полагал Пушкин, — Словакия не получит никаких выгод от этого пакта. Германия же, наоборот, получила право распоряжаться по своему усмотрению всем, что имеет Словакия»⁶³.

Сотрудники советского полпредства, которые в конце августа осуществили поездку по стране, выяснили, что в Словакии «открыто проводятся серьезные приготовления военного порядка». Особенно это относилось к восточным областям страны, где немцы, по словам Пушкина, действовали совершенно «самостоятельно, абсолютно не подчиняясь словацким властям». В Прешове было организовано германское консульство. «Это, — считал Пушкин, — должно представлять для нас особый интерес. В Прешове возникает, таким образом, центр по организации работы против Советского Союза»⁶⁴. Следует иметь в виду, что уже 31 июля 1940 г. на совещании с высшим военным руководством Гитлер заявил: «Россия должна быть ликвидирована». Срок нападения был установлен на весну 1941 г.⁶⁵.

В Словакии усилилась антисоветская пропаганда. Несмотря на то что, как отмечалось в аналитической справке, подготовленной Центральноевропейским отделом НКВД для Деканозова, «Советский Союз, избегая превращения Словакии в камень раздора между ним и Германией, проводил по отношению к словакам осторожную и вполне тактичную по отношению к немцам политику»⁶⁶, несмотря на то что, как констатировал в то же время Пушкин, Советский Союз не имел со Словакией фактически «ни экономических, ни культурных отношений», против советского полпредства в Братиславе был совершен ряд провокационных акций: на подходах к зданию выставлены полицейские кордоны, досматривались и под-

вергались допросу посещавшие полпредство лица, велось наблюдение за его сотрудниками⁶⁷. Центральноевропейский отдел НКВД рассматривал антисоветский курс, занятый словаками, «не только как частный факт во взаимоотношениях между Словакией и СССР, но как определенную линию поведения Германии по отношению к Советскому Союзу»⁶⁸. У Пушкина тоже не вызывало сомнений, что ухудшение отношений между Словакией и СССР в сентябре 1940 г. «произошло не по инициативе словаков, а по инициативе немцев и, возможно, здешних немцев (скорее всего, имелись в виду Киллингер и глава немецкой фашистской партии в Словакии Ф. Кармазин. — В. М.)... Ясно, что даже одно лишь пребывание советского полпредства в Словакии... создавало для немцев большие неудобства»⁶⁹.

Москва была вынуждена признать факт полного германского господства в Словакии и, чтобы не «педалировать» напряженность в советско-германских отношениях, решила «спустить» инцидент на тормозах и удовлетворилась достаточно неубедительными разъяснениями МИД Словакии по этому вопросу⁷⁰. Было решено возобновить торговые переговоры со Словакией, заторможенные вышеописанными событиями. 11 сентября в беседе с Пушкиным Ф. Тисо сказал, что Словакия согласовала с Германией вопрос о посылке торговой делегации в Москву⁷¹. В связи с этим Центральноевропейский отдел НКВД подготовил обширный материал «Основные черты политики и экономики Словакии», которая характеризовалась как «удобное окно для экономической и военной экспансии Германии в Юго-Восточную Европу»⁷².

Словацкая миссия торопила Братиславу с направлением торговой делегации, считая, что ее прибытие в Москву, где находится большая немецкая экономическая делегация, нельзя оттягивать. Делегация во главе со Шнурре прибыла в Москву «для обсуждения полугодовых итогов выполнения советско-германского хозяйственного соглашения»⁷³. В октябре 1940 г. переговоры (пока через словацкую миссию) возобновились; 4 ноября Ф. Тисо было сообщено от имени Микояна, что словацкая торговая делегация может прибыть в Москву. Ее состав был весьма представительным: министры транспорта, экономики, финансов, директор Национального банка, представители объединения промышленников и сельскохозяйственного совета, а также крупнейших промышленных предприятий⁷⁴. 21 ноября Микоян принял руководство словацкой делегации.

6 декабря между Советским Союзом и Словацкой республикой был подписан основанный на принципе наибольшего благоприятствования договор о торговле и судоходстве. Срок его действия определялся в два года с возможностью, если он не будет денонсирован за 6 месяцев до окончания срока, сохранения его действия на неопределенное время. В тексте оговаривалось и открытие торгового представительства в составе советской миссии в Братиславе. Одновременно было подписано и соглашение о товарообороте и платежах⁷⁵. Общий товарооборот в первый год действия договора намечался в сумме 4,8 млн американских долларов. Словакия должна была поставлять в СССР кабель, электромоторы, стальные трубы, пряжу и другие товары, а СССР в Словакию — хлопок, зерно, фосфаты и т. д.⁷⁶ Договор был ратифицирован обеими сторонами в январе 1941 г., а в марте 1941 г. в Братиславе открылась советская торговая миссия во главе с Д. Морозовым⁷⁷. Однако ни договор, ни соглашение не были фактически реализованы ввиду разрыва дипломатических отношений Словакии с СССР 22 июня 1941 г. Согласно данным словацкого министерства экономики, с января по июнь 1941 г. словацко-советские торговые отношения выражались в следующих цифрах: Словакия импортировала из Советского Союза товаров на сумму 60,4 млн рублей, а экспортировала — на сумму 15, 2 млн рублей⁷⁸.

Между тем Гитлер в декабре 1940 г., уже утвердил план «Барбаросса». Во второй половине 1940 г. германский военный режим продолжал активное использование словацкой территории и хозяйства. Киллингер, по словам Пушкина, стал «по существу фактическим диктатором Словакии». Советский полпред сообщал, что активность Германии в Словакии, особенно в части военных приготовлений, значительно возросла после «оккупации германскими войсками Румынии и начала военных операций Италии против Греции»⁷⁹. Ускоренными темпами продолжалось строительство автострад, шоссе, дорог, мостов, аэродромов, военных укреплений; словацкие санатории переоборудовались под госпитали для раненых немецких солдат. «Совершенно очевидно, — писал Пушкин, — что немецкие военные власти рассматривают Словакию как свой глубокий тыл»⁸⁰. Началась реорганизация словацкой армии по германскому образцу, что включало в себя не только структурную перестройку словацких вооруженных сил, но и воспитание их в национал-социалистском духе, изгнание из армии духа «чехословакизма». Группа словацких офицеров во главе с военным минист-

ром Ф. Чатлошем совершила поездку в Германию для получения инструкций; весь словацкий офицерский корпус в течение определенного времени должен был пройти переподготовку в Германии⁸¹.

В Словакии, и не только в ее западных областях, а также на севере и востоке были размещены немецкие военные гарнизоны. С середины декабря 1940 г. германская армия двинулась через территорию Словакии в Венгрию и Румынию. К концу 1940 г. Пушкин говорил уже о превращении немцами Словакии в «сплошной военный лагерь», о том, что она «все более принимает вид оккупированной страны»⁸². 13 марта 1941 г. Кейтель подписал специальное указание Верховного главнокомандования вооруженных сил (ОКВ) для Румынии, Словакии, Венгрии и Финляндии к директиве № 21 (плану операции «Барбаросса»). В указании говорилось о достижении необходимого соглашения с этими странами при ведении намеченных операций, о применении полицейских мер, необходимых «для обеспечения безопасности войск, не испрашивая на то особых полномочий»⁸³.

Германия добилась своего, превратив Словакию в плацдарм для реализации собственных планов в Юго-Восточной Европе. Однако овладеть Словакией идеологически оказалось труднее: отношение к национал-социализму в словацком обществе было довольно сдержанным как со стороны низов, так и значительной части верхов. Форсировавший внедрение национал-социалистской идеологии Тука, поддерживаемый Киллингером, оказывался во все большей изоляции. Усиливавшееся на этой почве противостояние Тисо и Тука (Пушкин называл это «мышинной возней»), грозившее новым кризисом в верхах в той конкретной обстановке, когда Словакия должна была являть собой прочный немецкий тыл и «образцовое государство» для стран Юго-Восточной Европы, не могло не тревожить Берлин. Делать окончательную ставку на Туку и Маха было нельзя: оба не пользовались популярностью в Словакии. Оставался Тисо, который по-прежнему имел большой авторитет в стране и в то же время не препятствовал немцам превращать Словакию в военно-хозяйственный полигон Германии. Он и получил поддержку Берлина. Немцы, писал Пушкин в отчете за 1940 г., решили «лучше использовать авторитет Тисо в стране, чем ориентироваться на потерявшего всякое доверие в словацком народе Туку. Немцы учитывали при этом, что в вопросах, касающихся военной политики Германии в Словакии и на Балканах, они встречали та-

кую же поддержку со стороны Тисо, как и со стороны Туки»⁸⁴. Популярности и авторитету Тисо в народе, по мнению Пушкина, способствовали, помимо прочего, и личные качества президента: «Он скромнен, прост и общителен. Часто выезжает в села страны, где исполняет службу в костелах. В условиях отсталой сельскохозяйственной фанатически религиозной Словакии это имеет серьезное значение»⁸⁵. Вместе с тем Пушкин полагал, что Тисо вовсе не склонен к «дружбе» с Москвой вопреки желанию Берлина: стремясь всеми силами сохранить за собой пост президента республики, «он не побрезгует никакими средствами, чтобы выслужиться перед немцами, особенно, если они (средства. — В. М.) будут направлены против нас»⁸⁶.

К началу 1941 г. Словакия, по мнению советского полпреда, имела с Германией «самые развернутые связи» в политической, военной, экономической и культурной областях. Рейх был представлен в Словакии дипломатической миссией, состоявшей минимум из 100 человек. В ее составе действовали военный, торговый, полицейский, культурный, пресс-атташе, а также атташе по штурмовым отрядам. Кроме того, имелась специальная военная миссия во главе с генералом Отто, военно-воздушная миссия и представительство Германского телеграфного агентства. Весьма широкими были хозяйственные связи. Удельный вес Германии вместе с протекторатом в словацком экспорте и импорте составлял свыше 80%. Она, по определению Пушкина, держала «в своих руках всю экономическую жизнь Словакии»⁸⁷.

Неимоверно возросло культурное влияние рейха в стране. В то же время эта область советско-словацких отношений оставалась в зачаточном состоянии, и тенденции к ее расширению не наблюдались. Несмотря на заявления словацкого премьера В. Туки о желательности расширения словацко-советских контактов по линии культуры, все свелось лишь к поездке по приглашению словацкой стороны делегации советских ученых из 5 человек во главе с главой Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР С.В. Кафтановым на торжества по случаю открытия Университета им. Я.А. Каменского в Братиславе и инаугурации в качестве его ректора В. Туки в январе 1940 г.⁸⁸. Речь Кафтанова, согласно его отчету, «произвела большое впечатление и сопровождалась аплодисментами. Во время моего выступления была абсолютная тишина, чего не было до этого». Оратор говорил о постановке дела высшего образования в СССР, о близости советской и словацкой

культур, «выразил пожелание установить более тесные культурные и научные связи между учеными» СССР и Словакии, что вызвало бурную овацию зала. В государственном театре в этот день давали «Хованщину» М.П. Мусоргского, а через два дня — «Лебединое озеро» П.И. Чайковского. «Немцы были страшно смущены этим обстоятельством», — писал Кафтанов. Немецкий посол уехал раньше времени. Словаки, по словам Кафтанова, просили прислать учебники по медицине, истории средних веков, новой истории, истории России и др.⁸⁹ Был проявлен интерес к показу в Словакии советских фильмов «Волга, Волга», «Царь Петр Великий», «Богатая невеста», «Сорочинская ярмарка». В конце апреля 1940 г. в Москву на празднование 175-летия Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова была приглашена словацкая делегация во главе с министром просвещения Й. Сиваком. Делегация присутствовала на параде по случаю 1 Мая, была принята новым наркомом просвещения СССР В.П. Потемкиным, встречалась с ректором и профессорско-преподавательским составом МГУ. 10 мая делегацию принял председатель Совнаркома СССР и нарком иностранных дел В.М. Молотов. Она посетила Ленинград и 16 мая вернулась в Словакию. Й. Тисо, В. Тука и Ф. Дюрчанский заслушали сообщение Сивака о поездке делегации в СССР⁹⁰. Однако, согласно записи в дневнике советского атташе И.А. Зайцева, немцы не разрешили членам делегации выступать с рассказами о своих впечатлениях ни в печати, ни с лекциями, ни даже в узких академических кругах. Все это не сулило дальнейшего прогресса в словацко-советских контактах по линии культуры. Если в начале установления советско-словацких отношений немцы не препятствовали укреплению культурных связей обеих стран, то теперь германские власти начали всячески противодействовать этому, опасаясь усиления советского влияния в Словакии. Особенно это стало заметно со второй половины 1940 г., когда в стране усилилась поощряемая немцами антисоветская пропаганда. Не имело продолжения и развитие связей между учеными. Так, на торжественное введение в должность первого ректора высшей технической школы в Словакии в марте 1941 г. прибыли представители технических школ Германии, Италии, Венгрии и Югославии, но представители советских технических институтов не могли прибыть «за неимением времени»⁹¹. В мае 1941 г. немцы выразили свое неудовольствие даже по поводу общественного просмотра советских фильмов «Боевая молодость» и «Музыкальная история» в советском полпредст-

ве, хотя цензура не препятствовала этому. «Немцы демонстративно не явились на просмотр наших фильмов. ... Из этого я делаю заключение, что они потребовали от словаков запрещения демонстрировать наши фильмы», — записал Пушкин в дневнике и делал вывод: поэтому «следует временно отказаться от попыток устраивать общественные просмотры наших фильмов в Словакии, а также не навязывать им продажу наших фильмов»⁹².

Дело шло к войне Германии против СССР. Рейх добился своего, превратив Словакию в плацдарм для реализации собственных планов в Юго-Восточной Европе. В начале 1941 г. Киллингер прекратил свою деятельность в Братиславе и получил пост посла Германии в Румынии, которая становилась важнейшим объектом германского проникновения на Балканы. В Словакию же был назначен сотрудник отдела Восточной Европы германского генштаба, знающий русский язык Г.Э. Лудин. После утверждения плана «Барбаросса» Словакия стала особенно интересовать Берлин как «страна, близко расположенная к Советскому Союзу»⁹³. К этому времени немцам удалось «указать» Москве на ее более чем скромную роль в «словацких делах», хотя информационные письма Пушкина свидетельствовали о том, что чем сильнее был германский нажим на Словакию, тем более заметно росли здесь русо- и славянофильские настроения. «Немцы очень боятся нашего влияния в этой стране», — констатировал советский полпред и делал вывод: «До тех пор, пока здесь господствуют немцы, не может быть и речи о сколько-нибудь широких связях между СССР и Словакией... Немцы весьма ревниво относятся к каким-либо, даже безобидным, нашим начинаниям в Словакии. Со страной, в которой Германия запрещает вообще писать что-либо положительное об СССР, даже то, что они опубликовывают в своей прессе, у нас не может быть развитых отношений»⁹⁴. Вместе с тем в отчете за 1940 г. советский полпред писал: «Словакия представляет для нас большой интерес. В Словакии мы должны следить за всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах. Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт»⁹⁵. Таким «наблюдательным пунктом» оставалась Словакия для СССР и в первой половине 1941 г., который, по словам полпреда, не сулит «каких-либо существенных изменений в отношениях между СССР и Словакией, если последняя будет находиться в такой же зависимости от немцев, как и сегодня»⁹⁶.

В политике Германии по отношению к Словакии с начала 1941 г. обозначился новый этап, характеризующийся меньшим ис-

пользованием силовых методов и акцентированием внимания на политических и дипломатических мерах воздействия на страну, в которой рейх уже прочно обосновался не только формально, но и фактически. Назначенный послом в Братиславу Лудин был принят 10 января 1941 г. Риббентропом, а 12 января Гитлером, от которых получил подробные инструкции для своей работы в Словакии. Они сводились к следующему: «Рейх желает компромисса в решении вопросов внутривосточной напряженности и сосредоточения всех политических сил на конструктивной деятельности. Мотив: Словакия как находящееся под охраной государство должна быть образцом»⁹⁷. «Сейчас для всех и каждого ясно, — писал Пушкин, — что немцы готовят на Балканском полуострове серьезную военную акцию. В этих условиях осложнять положение в тылу, каким будет Словакия для германских войск в недалеком будущем, не в интересах немцев»⁹⁸.

Гитлер полагал, что настало время широко распахнуть «ворота на Балканы», и они были открыты. В специальном письме на имя Молотова и Вышинского 17 января 1941 г. Пушкин сообщал: «В последний месяц положение в Словакии резко изменилось... Немцы здесь все подчинили одной основной задаче — обеспечить бесперебойную переброску германских войск в Румынию и Венгрию через территорию Словакии». Словацкое правительство предоставило для этого в распоряжение Германии весь подвижной состав железных дорог. Ежедневно через территорию Словакии проходило до 100 немецких транспортов с войсками, вооружением и амуницией. Несмотря на зимнее время, неослабевающими темпами шло строительство железных и шоссейных дорог, которое осуществлялось немецкими фирмами. Преобладающая часть этих дорог имела военно-стратегическое значение.

Весной переброска германских военных транспортов через территорию Словакии в Венгрию и Румынию продолжалась, хотя темпы ее и замедлились: до 30–40 поездов ежедневно. Особенно активную деятельность развернули немцы в Восточной Словакии, куда советские дипломаты не допускались. Всеми делами этого района заправляло германское консульство в Прешове, основная деятельность которого, по словам Пушкина, была направлена против Советского Союза⁹⁹.

Среди словацкого населения все настойчивее распространялись слухи о предстоящем в скором времени военном столкновении Германии и СССР. Но еще в конце апреля Пушкин полагал,

что в ближайшее время каких-либо существенных изменений в отношениях между Германией и СССР не произойдет. Однако он отмечал, что после разгрома Югославии «в словацких правительственных кругах становится все меньше охотников беседовать с нами, словаки просто боятся», а немцы чувствуют себя хозяевами в Словакии «больше, чем когда-либо». Поведение словацких государственных верхов становилось все более верноподданническим по отношению к Германии: Словакия первая порвала дипломатические отношения с Югославией после ее оккупации и поспешила с признанием самостоятельной Хорватии¹⁰⁰; с необычайной пышностью был отпразднован в Словакии день рождения Гитлера 20 апреля¹⁰¹. Тисо на обеде в честь юбиляра, как писал Пушкин, произнес «небывалую по своему раболепию речь». Словацкий народ, по словам президента, «видит в Адольфе Гитлере отца великой семьи народов», которые строят новую Европу; словаки «безмерно благодарны» фюреру, взявшему их под свою опеку, и хотят отплатить ему «сыновней преданностью и верностью»¹⁰². Словацкая верхушка оставалась на этих позициях до конца войны.

О том, что тучи на германо-советском, а следовательно, и словацко-советском, горизонте сгущаются, свидетельствовали и начавшие распространяться с февраля слухи об отзыве из Москвы Ф. Тисо и замене его другим лицом. 25 апреля 1941 г. НКВД СССР был уведомлен об этом официально с одновременной просьбой принять в качестве посланника доктора юридических наук Ю. Шимко. 27 апреля Молотов распорядился дать ему агреман¹⁰³. Новый словацкий посланник прибыл в Москву 2 июня 1941 г. Й. Тисо на вопрос Пушкина, чем вызвана отставка Ф. Тисо, ответил уклончиво, сказав: «В наше время лучше иметь посланника, который не связан семьей. Тисо же имеет семью и детей»¹⁰⁴. Ясно было, что президент не хочет подвергать опасности своего родственника и его семью в случае военного столкновения Германии и СССР.

В мае слухи о близкой войне между Германией и СССР приняли в Словакии лавинообразный характер. «Любой посетитель торгпредства или консульского отдела миссии, — сообщал Пушкин 20 мая 1941 г., — считал своим долгом сообщить о грозящей СССР опасности»¹⁰⁵. Основывались эти слухи на спешном строительстве железных и шоссейных дорог в восточной части Словакии, ведущих к советским и бывшим польским границам, на массовой переброске (до 30 эшелонов в сутки) в этот регион немецких войск. В конце мая Пушкин сообщал, что «немцы серьезно подготавливают

Словакию к будущим военным операциям», что «Словакия, исключительно беспечная во время югославо-германской войны, сейчас проявляет особую активность в проведении мероприятий по обороне страны»¹⁰⁶. В мае словацкая военная делегация во главе с Чатлошем посетила по приглашению Гитлера германские гарнизоны во Франции и Бельгии, расположенные в районе линии Мажино, «для ознакомления с особенностями современного боя при преодолении укрепленных районов»¹⁰⁷.

Значительно изменилось с конца апреля и положение советской миссии¹⁰⁸ — полиция установила за ней открытое наблюдение, а немцы, по словам советского полпреда, выражали недовольство «нашей мнимой активностью в Словакии». Миссия располагала огромным количеством фактов, свидетельствовавших о близящемся нападении Германии на СССР, но, следуя общей линии советской политики, определявшейся Кремлем, Пушкин не верил в возможность нарушения пакта о ненападении со стороны Гитлера. Широкая кампания по дезинформации советского руководства и мировой общественности, проводимая Берлином, несомненно, возымела свое действие. «Сведения, которыми мы сейчас располагаем, — полагал в конце мая полпред, — все же не дают основания считать, что немцы, перебрасывая свои войска в Польшу, руководствовались большим, чем простым пополнением своих частей в Польше, поредевших в свое время из-за отправки нескольких дивизий в декабре 1940 г. и январе 1941 г. на Балканы. Нам представляется, что на ближайшее время такой вывод правилен»¹⁰⁹ (подчеркнуто мной. — В. М.). А спустя месяц Германия напала на СССР. В то же время корреспондент ТАСС в Братиславе был более точен в своих оценках происшедшего. «Все эти приготовления, — писал он 4 июня 1941 г. — рассчитаны на возможную войну между Германией и СССР. Других государств, против которых территория Словакии могла бы быть втянута в войну, нет»¹¹⁰. 15 июня Пушкин уехал в Москву, видимо, для консультаций и в Братиславу уже не возвратился. Временным поверенным в делах СССР в Словакии остался первый секретарь миссии С.А. Афанасьев.

За два дня до нападения Германии на Советский Союз в Братиславу инкогнито прибыл начальник германского генерального штаба генерал-полковник Ф. Гальдер и сообщил о желании Гитлера, чтобы словацкая армия участвовала вместе с немецкими войсками в походе на Восток. Тисо и Тука, с которыми он вел перегово-

воры, выразили свое согласие (одобрения сейма на этот счет получено не было), о чем и было телеграфировано Гитлеру¹¹¹. 23 июня Словакия заявила о вступлении в войну на стороне Германии и объявила войну СССР. Тисо и Чатлош подписали воззвание, в котором призывали армию и словацкий народ верно служить Гитлеру. Чатлош отдал приказ о немедленном присоединении словацкой механизированной бригады под командованием подполковника Пилфусека к наступающей германской армии¹¹².

23 июня В.М. Молотов принял нового словацкого посланника Ю. Шимко, который заявил, что словацкое правительство прерывает дипломатические отношения с СССР. При этом он с горечью говорил о полученных три недели назад официальных заверениях, о том, что «не предвидится никаких угрожающих событий». Случившееся посланник объяснял тем, что «Словакия приняла защиту Германии и обязалась координировать свою политику с политикой Германии». Молотов, подчеркнув, что «дело Словакии решать вопрос об отношениях с СССР», все же поинтересовался, имеются ли у Словакии поводы для недовольства в отношении СССР». Шимко ответил, что «по его сведениям, таких поводов нет», и просил оказать содействие в выезде на родину сотрудников словацкой миссии «вместе с составом германского посольства». Молотов ответил, что он «не предвидит здесь затруднений»¹¹³. Интересы Словацкой республики в СССР в годы войны представляла шведская миссия.

Так окончился кратковременный (менее двух лет) период существования дипломатических отношений между СССР и Словацкой республикой. Отношения эти, установленные по инициативе Братиславы и с благосклонного согласия Москвы, носили почти номинальный характер, так как не были наполнены конкретными связями в области экономики и культуры. Словакии признание ее Советским Союзом де-юре необходимо было прежде всего для поднятия ее международного престижа. Кроме того, часть словацкого руководства надеялась (по крайней мере, в первый год), что в лице Москвы будет создан некий противовес усилению влияния Берлина в стране, а также рассчитывала при поддержке СССР решить вопрос о своих территориальных претензиях к Венгрии. Однако эти расчеты тогда не оправдались.

Советский Союз, осознавая важное геополитическое положение Словакии, не мог не желать укрепления здесь своих позиций, своего влияния, но для этого необходимо было вступить в единоборство с Германией, которая считала Словакию сферой своих ин-

тересов, заявляя об этом недвусмысленно кремлевскому руководству. СССР, видевший в Словакии, как и рейх, «ворота на Балканы», где осенью 1940 — весной 1941 г. обе державы активизировали свою политику, не смог использовать эти «ворота» в собственных интересах, опасаясь вызвать раздражение Германии и испортить с ней «дружественные» отношения. В 1940–1941 гг. Словакия оставалась для СССР, по меткому выражению Пушкина, лишь наблюдательным пунктом.

Берлин же, рассматривая Словакию как сферу исключительно немецкого влияния, допускал в это время лишь более или менее пассивное «присутствие» СССР в этой стране и решительно пресекал все попытки активизации здесь его деятельности. Опираясь на «охранный договор» и развивая закрепленные в нем положения, немцы чувствовали себя в Словакии полными хозяевами и эксплуатировали ее как политически, так и экономически, не забывая при этом развивать нужные им виды хозяйственной деятельности и объективно содействуя тем самым подъему слабой словацкой экономики. Одновременно они использовали фиктивную самостоятельность Словакии для выполнения своих стратегических и геополитических планов: в те годы прежде всего для проникновения на Балканы и укрепления там своих позиций, а затем для подготовки нападения на СССР. Словацкий «прицеп», все крепче привязываемый к германской военной машине, уже почти автоматически последовал за ней, когда она повернула на Восток.

¹ Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1986. С. 437.

² *Dějinná křižovatka. Slovenské národní povstání, předpoklady a výsledky.* Praha, 1964. S. 62.

³ Цит по: *Dějinná křižovatka.* S. 63.

⁴ Marjinová V. «Brána na Balkán». *Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Nemecka v letech 1939–1941 // Soudobé dějiny (Praha).* 1994. № 6. S. 827–846; Марьина В.В. «Ворота на Балканы». Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 // *Война и политика. 1939–1941.* М., 1999. С. 272–289; Она же. Словакия в политике СССР и Германии // *Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.* М., 1999. С. 198–240.

⁵ *Slovenský národný archív Bratislava* (далее — SNA), fond Ministerstvo zahraničných vecí (далее — MZV), karton 198. 25.06.1940.

⁶ *Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny.* Bratislava, 1991; *Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu.* Bratislava, 1992; *SNP v pamäti národa.*

Bratislava, 1994; SNP 1944 — vztup Slovenska do demokratickej Európy. Banská Bystrica, 1999; Slovensko a druhá svetová vojna. Bratislava, 2000.

⁷ Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ (Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944). Bratislava, 2002.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 261.

⁹ Bystrický V. Nacistické Nemecko a vznik Slovenského štátu // Vojenská historia. 2001. № 2. S. 41–60; Bystrický V., Deak L. Od Mnichova k rozbitiu Česko-Slovenska // Slovensko v Československu (1918–1939). Bratislava, 2004. S. 199–239.

¹⁰ Bystrický V. Nacistické Nemecko... S. 58–59.

¹¹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 107.

¹² Там же. Л. 103.

¹³ Там же. Ф. 0138. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 155, 156.

¹⁴ Pokus... S. 257.

¹⁵ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее — ЦАФСБ РФ). Уголовное дело Ф. Чатлоша. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г.; АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 261.

¹⁶ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 205–206.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 21; Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 112–113.

¹⁸ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 142–143.

¹⁹ Там же. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 223.

²⁰ Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 80, 82.

²¹ До ноября 1939 г. Словацкая республика была признана 21 государством. Однако в Братиславе фактически функционировали только дипломатические представительства Германии, Италии, Венгрии, Испании и Румынии. Сохранялись консульства Швеции, Болгарии и Бельгии. Английское и французское консульства не были ликвидированы, но консулы покинули Братиславу (Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ. S. 97).

²² АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 79–80, 130.

²³ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1992. С. 352–353.

²⁴ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S. 309.

²⁵ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 8. Л. 226.

²⁶ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 46, 48.

²⁷ Československo–Sovetské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 96 (далее — ČSVDJ).

28 См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т. 4. Кн. 1. М. 1981. С. 48–49, 51, 57, 60–62; SNA. F. Ministerstvo vnutra (далее — MV). Karton 20. Č. 33 (9.10.39); Č. 35. Karton 21. Č. 36. Karton 24 (27.10.39, 20.11.39). F. MZ. Karton 212.

29 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 96, 103.

30 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 42. Д. 11. Л. 230.

31 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 55.

32 SNA. F. MZ. Karton 98. Vyslanectvo Slovenskej republiky v Moskve.

33 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 1.

34 Правда. 30 сентября 1939 г.

35 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 76–81.

36 Там же. Оп. 2. П. 23. Д. 289. Л. 1.

37 Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 1–3, 8.

38 Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ. S. 108–109.

39 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 1, 4.

40 Там же. Л. 7.

41 Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 287. Л. 3.; Ф. 01386. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 38–39.

42 Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 3–4.

43 Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 113.

44 Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 30.

45 Там же. Д. 3. Л. 37; см. также: Валентина Марьина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 6–23.

46 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 1. Л. 83–94.

47 СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Составитель Ю. Фельштинский. Изд. «Telex». 1983. С. 51, 53, 59.

48 Там же. С. 61.

49 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 143.

50 Там же Л. 35.

51 <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/1941/voll/0740.html>.

52 <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/1941/voll/0940.html>.

53 См. подробнее: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 225–230.

54 Lipták L. Priprava a priebeh salzburských rokovani roku 1940 medzi predstaviteľmi Nemecka a Slovenského štátu // Historický časopis. 1965. № 3. S. 337–338.

55 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 77.

- 56 Lipták L. Op. cit. S. 360–362.
- 57 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23ю Д. 288. Л. 13–18.
- 58 Там же. Л. 15.
- 59 Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 168–169.
- 60 Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 117.
- 61 Там же. Л. 121.
- 62 Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 185.
- 63 Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 122.
- 64 Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 30.
- 65 Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939–1945. М., 1985. С. 84.
- 66 АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 173.
- 67 Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 33; Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 15–16.
- 68 Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 178.
- 69 Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 133.
- 70 SNA. F. MZV. Karton 198. 7, 10.IX.1940.
- 71 АВП РФ, Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 178.
- 72 Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 171–185.
- 73 Правда. 29 августа 1940 г.
- 74 SNA. F. MZV. Karton 198. 16.IX; 3, 5, 22, 23.X.; 1, 9.XI.1940.
- 75 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 44. Л. 6–13; Российский Государственный архив экономики. Ф. 7333. Оп. 25. Д. 1881. Л. 166.
- 76 Известия. 7 декабря 1940 г.; Правда. 7 декабря 1940 г.
- 77 ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. С. 101–102.
- 78 Čierna-Lantayová D. Pohľady na Východ. S. 175.
- 79 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 50.
- 80 Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 122.
- 81 Там же. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 52.
- 82 Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 12; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. С. 94.
- 83 <http://www.tuad.nsk.ru/~history/works/1941/voll/0341-1.html>.
- 84 АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 120.
- 85 Там же. Л. 58.
- 86 Там же. Л. 22.
- 87 Там же. Л. 125.
- 88 В состав советской делегации, помимо Кафтанова, вошли члены и кандидаты в члены ВКП(б): проф. С.А. Новиков, член Всесоюзного Комитета по делам высшей школы при СНК СССР и начальник отдела университетов, профессор МГУ по кафедре дарвинизма; проф. Д.Г. Виленский,

доктор геолого-минералогических наук, МГУ; проф. Д.И. Дейнека, доктор биологических наук, заведующий кафедрой анатомии и гистологии ЛГУ и директор Биологического научно-исследовательского института; проф. А.М. Еголин, Московский институт истории, философии и литературы, «один из лучших советских литературоведов». Самая большая — немецкая делегация насчитывала 25 официальных и 30 неофициальных представителей. Англия и Франция, поддерживавшие де-факто отношения со Словакией, своих делегаций не послали (см.: АВП РФ. Ф. 011. Оп. 6. П. 37. Д. 62. Л. 12–29).

⁸⁹ АВП РФ. Ф. 011. Оп. 6. П. 37. Д. 62. Л. 1–3, 12–29.

⁹⁰ См. подробнее: Čierna-Lantayová D. Pohľadý na Východ. S. 124–139.

⁹¹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 165.

⁹² Там же. Л. 225–227.

⁹³ Там же. Л. 12.

⁹⁴ Там же. Л. 133.

⁹⁵ Там же. Л. 153.

⁹⁶ Там же. Л. 134.

⁹⁷ Цит. по: Pokus... S. 199.

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 48.

⁹⁹ Там же. Л. 134.

◊ ¹⁰⁰ «К хорватам словацкие политики всегда питали особую привязанность, — сообщал Пушкин в Москву 23 апреля 1941 г. — ... С хорватами словаков еще связывает общность религии. В здешних условиях это играет существенную роль. В Словакии даже готовились кадры „создателей“ нового Хорватского государства» (см.: АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 187).

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 187–192.

¹⁰² Čierna-Lantayová D. Pohľadý na Východ. S. 173.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 182–184, 235–239; Ф. 01386. Оп. 2. П. 1. Д. 2. Л. 37.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 196.

¹⁰⁵ Там же. Л. 220.

¹⁰⁶ Там же. Л. 232–233.

¹⁰⁷ ЦАФСБ. Уголовное дело Ф. Чатлоша. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г.

¹⁰⁸ В мае Полномочное представительство СССР в Словакии было переименовано в Миссию СССР в Словакии, а представитель СССР в Словакии стал именоваться чрезвычайным и полномочным посланником (см.: SNA. F. MZV. Karton 221. 14, 17.V.1941).

¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 229–232.

¹¹⁰ Там же. Ф. 01386. Оп. 22. П. 130а. Д. 2. Л. 72.

¹¹¹ Král V. Pravda o okupaci. Praha, 1962. S. 302. По другой версии, Тисо в переговорах не участвовал, поскольку, как и каждое воскресенье, находился в своей загородной резиденции в Бановциах. О нападении Германии на СССР и присоединении к войне на стороне рейха Словакии он, как и Афанасьев, были извещены по телефону. Однако 23 июня он собственноручно написал телеграмму на имя Гитлера о том, что словацкий народ занимает свое место «в защите европейской культуры» (Čierna-Lantaiová D. Pohľady na Východ. S. 178–179).

¹¹² ЦАФСБ. Уголовное дело Ф. Чатлоша. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г.

¹¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 275. Л. 1–3.

Резюме

Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Германии и Италии (29–30 сентября 1938 г.), последовавшие затем оккупация Германией Судетской области, Польшей — Тешинской Силезии, Венгрией — южной части Словакии и юго-западной части Подкарпатской Руси стали первыми шагами на пути окончательного расчленения Чехо-Словакии (март 1939 г.). Жизнеспособность территориально урезанного, экономически и в военном отношении чрезвычайно ослабленного государства оказалась под угрозой. Резко изменилась вся внутренняя и внешняя политика страны, которая после предоставления автономии Словакии и Подкарпатской Руси в⁹ октябре–ноябре 1938 г. стала официально именоваться Чехо-Словацкой республикой, Чехо-Словакией. Во внешней политике был взят курс на гитлеровскую Германию, во внутренней — на ограничение и уничтожение демократических свобод. Гитлер, стремившийся ликвидировать Ч-СР, сразу после Мюнхена стал вынашивать планы ее полного разгрома. К концу 1938 — началу 1939 г. нацистской Германии удалось в международном плане изолировать Чехо-Словакию и даже поставить под сомнение ее волю и способность самостоятельно существовать. Советский Союз хотя и не делал официальных заявлений по поводу мюнхенского «сговора четырех» за счет Чехословакии, но определенно осудил соглашение. Непосредственным результатом Мюнхена стала серия недружественных актов официальных чехословацких властей по отношению к СССР.

Сроки реализации планов фюрера в отношении Чехо-Словакии приближались, и его требования к обреченной стране становились все жестче и наглее. Параллельно с этим возрастала напряженность в советско-чехословацких отношениях. В условиях, когда Англия и Франция продолжали свою политику умиротворения агрессора, когда было очевидно, что Германия не удовлетворится достигну-

тым и будет стремиться к окончательной ликвидации Чехо-Словакии, когда правящие круги Ч-СР взяли открыто прогерманский и антисоветский курс, Советскому Союзу ничего не оставалось делать, как занять выжидательную позицию в чехо-словацком вопросе. Взаимоотношения со «второй республикой» имели «тлеющий характер», поскольку для Москвы было очевидно, что дни Чехо-Словакии сочтены. Регрессировали ранее наработанные экономические связи. С трудом решался вопрос о допуске в СССР политических эмигрантов из Ч-СР.

15 марта 1939 г. с политической карты Европы исчезло просуществовавшее два десятилетия Чехословацкое государство. Мир был потрясен наглостью и очередным вероломством гитлеровской Германии. Реакция СССР, Англии, Франции, США на уничтожение Чехо-Словакии по сути была однозначно негативной, осуждающей агрессию Германии, но по форме — разной. СССР фактически уже в день оккупации Чешских земель выступил с осуждением этого акта. Он весьма решительно протестовал против ликвидации Чехо-Словакии, Франция и Англия лишь сетовали на то, что Гитлер не сдержал своих обещаний, данных в Мюнхене. Лига Наций, несмотря на настойчивость СССР, по сути, отказалась обсуждать чехословацкий вопрос и осудить гитлеровскую агрессию.

Во Франции, Англии и США сохранились чехо-словацкие дипломатические представительства, хотя западные державы де-факто признали включение Чешских земель в состав Германии и преобразовали свои посольства в генеральные консульства. Советский Союз тоже сохранил чехо-словацкое полпредство в качестве некоего «символического» органа. Оно было ликвидировано в декабре 1939 г. после признания Москвой Словакии де-юре и установления с ней дипломатических отношений. Советское постпредство в Праге, несмотря на чинимые Германией проволочки, в конце концов тоже было преобразовано в генконсульство, что свидетельствовало о признании протектората со стороны СССР де-факто.

Советский Союз после Мюнхена, несомненно, рассматривал Э. Бенеша как виднейшего представителя чехо-словацкой политической эмиграции за границей. Сведения о ее намерениях и планах поступали в Москву по разным каналам: из чехо-словацкого постпредства, из советских посольств в Париже, Лондоне и Вашингтоне. После возвращения Бенеша из США в Европу, где он развернул деятельность по формированию эмигрантского чехословацкого правительства, Москва внимательно отслеживала его планы и полити-

ку в отношении СССР. Об этом свидетельствуют несколько встреч советского посла в Лондоне И.М. Майского с экс-президентом ЧСР летом и осенью 1939 г. После ликвидации в Советском Союзе чехо-словацкого постпредства эти встречи прекратились, но Майский неоднократно в частном порядке беседовал со сторонниками Бенеша и пользовался сообщаемой ему информацией.

Официальные контакты Москвы с чехословацкой политической эмиграцией на Западе прервались, но в СССР продолжала работать и действовать коммунистическая эмиграция, которая активно проводила политику, вырабатываемую Исполкомом Коминтерна в соответствии с советским политическим курсом. Чехо-словацкий вопрос и политика КПЧ после Мюнхена рассматривались и на заседании ИККИ, где партия подверглась острой критике за слабости и ошибки в ее деятельности. К. Готвальд и другие руководители Загранбюро КПЧ в Москве принимали активное участие в работе ИККИ. Следуя его указаниям, подпольная КПЧ, взявшая курс на социалистическую революцию и разрыв со сторонниками «бенешевского лагеря» Сопротивления, оказывалась во все большей изоляции от широких народных масс. Положение рядовых политэмигрантов, рассредоточенных небольшими группами по территории СССР, пока изучено недостаточно.

Пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. и крутые повороты во внешней политике СССР вызвали неоднозначную реакцию различных слоев населения в оккупированных Чешских землях и Словакии, а также чехо-словацкой политической эмиграции на Западе. Бенеш оценивал пакт весьма осторожно, но в его окружении были и «ястребы». Среди чешских коммунистов пакт вызвал смятение: некоторые одобряли его, другие решительно осуждали, третьи советовали повременить с выводами. Словацкие коммунисты, как и руководство страны, одобряли и советско-германские договоренности, и вступление Красной Армии на территорию Польши. Недоумение и сомнения в правильности советской политики вызвала советско-финская война. Вторая половина 1939 — первая половина 1940 г. были временем резких перепадов в настроениях чешского общества, связанных с надеждами на помощь СССР в освобождении от оккупации и их утратой. После падения Франции русофильские настроения взяли верх даже в антисоветских кругах. СССР опять стал представляться как самая надежная и серьезная опора чешской борьбы за свободу. События в Прибалтике, присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины, рас-

смаатривавшиеся с точки зрения перспектив национального освобождения Чехословакии, не вызвали в чешском обществе резкого осуждения. Симпатии чехов к Советскому Союзу в оккупированной стране и за рубежом, то несколько ослабевавшие, то набиравшие силу в зависимости от развития международной обстановки и внешнеполитических акций Москвы, проявлялись вплоть до нападения фашистской Германии на Советский Союз, когда они достигли небывалой высоты. Политика самого Э. Бенеша по отношению к Советскому Союзу отличалась двойственностью и сложным маневрированием.

Непосредственным следствием расчленения Чехо-Словакии явилось «замораживание» экономических отношений между СССР и оккупированными Чешскими землями. Интенсивность этих связей по сравнению с домюнхенским периодом к этому времени уже значительно упала. Они находились под пристальным вниманием нацистских властей и использовались ими в политической игре для нажима в своих интересах на правительства как Протектората Богемия и Моравия, так и СССР. Советским и пражским властям Экономическое сотрудничество тогда представлялось взаимовыгодным. Именно в ту пору Третий рейх тоже стремился усилить экономические связи с Советским Союзом. Прибравший Чешские земли к своим рукам и мечтавший свободно распоряжаться их экономическим потенциалом, он был заинтересован, с одной стороны, в налаживании советско-чешских контактов в области товарообмена. С другой стороны, немецкий капитал опасался сильного чешского конкурента на советском рынке и возможности передачи чехами Москве сведений о новейших технологиях и производственных секретах. Этим и определялось отношение германских властей к советско-чешским экономическим связям, которые развивались в рамках соответствующих советско-немецких соглашений и под возрастающим контролем Берлина. Интересы Москвы в Праге представляло советское торгпредство, получившее статус отделения советского торгпредства в Берлине. В 1941 г. торговля СССР с Протекторатом начала заметно свертываться. В то же время чешская промышленность активно работала на вооружение вермахта.

Видное место в контактах Москвы и «чехословацкого» Лондона занимал вопрос о сформированном на территории Польши и интернированном в СССР чехо-словацком легионе под командованием Л. Свободы. Бенеш просил содействия советских властей в переправке легиона на Запад, где шла организация чехословацких

воинских частей. Москва в принципе не возражала, но осуществить такую переправку оказалось затруднительно как технически, так и по политическим соображениям. Надо было действовать тайно. В конце концов легион небольшими группами был переправлен на Ближний Восток. В Советском Союзе остались только те, кто не хотел уезжать из советской страны по политическим мотивам, и костяк позже сформированной чехословацкой воинской части в СССР во главе с Л. Свободой. Интернированный легион содержался в трех лагерях: Ярмолинцы, Оранки и Суздаль. Бытовые условия в Ярмолинцах были скверными, в Оранках и Суздале — сносными, если сравнивать их с уровнем жизни советских людей. Власти относились к интернированным достаточно внимательно, хотя пытались вмешиваться в организацию их внутренней жизни, поддерживать просоветски настроенных легионеров, так называемых «звездарей», и даже применять репрессивные меры по отношению к «непослушным».

В то же время, когда решалась судьба легиона, втайне от англичан и немцев были установлены контакты между советской и чехословацкой разведкой, которая являлась одной из лучших в мире. Переговоры велись в Лондоне, Праге и Стамбуле. С чехословацкой стороны их курировал Бенеш. Москву интересовали главным образом сведения, касающиеся Германии и вооружения вермахта. Бенеш выдвинул политические условия сотрудничества разведок: негласное признание Москвой Временного чехословацкого эмигрантского правительства или хотя бы начало обсуждения этого вопроса. Советская реакция была негативной. В апреле 1941 г. в Москве все же появился высокий чин чехословацкой разведывательной службы полковник Г. Пика, который, помимо специальных, пытался поставить и политические вопросы, но пока безрезультатно. Позже он возглавил чехословацкую военную миссию в СССР.

Еще весной 1941 г. СССР всячески пытался сохранить «дружбу» с Германией, в рамках отношений с которой развивались и советско-словацкие отношения. Словацкое государство, появившееся по воле Гитлера в центре Европы 14 марта 1939 г., не могло не занять определенного места в геополитических расчетах Третьего рейха. «Ворота на Балканы», «окно в Юго-Восточную Европу» — так похоже именовалась Словакия немецкими и советскими дипломатами. И Германия, и СССР были заинтересованы в укреплении своих позиций в этом формально самостоятельном государ-

стве. Гитлер полагал возможным использовать эту маленькую страну для реализации своих политических, военно-стратегических и экономических целей при установлении «нового порядка» в Европе. Советско-словацкие отношения той поры определялись в основном стремлением Советского Союза не вызвать осложнения в отношениях с Германией, а также по возможности укрепить свое влияние в Словакии. Признание Советским Союзом Словакии де-юре фактически означало отказ Москвы от негативной оценки расчленения Чехо-Словакии в марте 1939 г., а также свидетельствовало об укреплении курса на советско-германское сотрудничество. Берлин же вовсе не желал усиления влияния СССР в Словакии и боялся этого, не без основания полагая, что здесь традиционно сильны русофильские настроения. Два вопроса «красной нитью» проходят через все документы, касающиеся советско-словацких контактов первой половины 1940 г., это — развитие экономических связей между двумя странами и стремление словаков получить поддержку СССР в их территориальных претензиях к Венгрии. Реакция Москвы на первый из них была положительной, на второй — отрицательной. С августа 1940 г. Германия начала активно приспосабливать территорию Словакии к своим военным потребностям. 24 ноября 1940 г. Словацкое государство присоединилось к агрессивному Тройственному пакту, подписанному Германией, Италией и Японией. Москва была вынуждена признать факт полного германского господства в Словакии. Заключенный между Советским Союзом и Словацкой республикой в декабре договор о торговле и судоходстве фактически оказался нереализованным. Активность Германии в Словакии, особенно в части военных приготовлений, значительно возросла весной 1941 г. Третий рейх добился своего, превратив ее в плацдарм для реализации собственных планов в Юго-Восточной Европе. 23 июня 1941 г. Словакия вслед за Германией объявила войну СССР.

Избранные документы

№ 1

*Письмо Министерства иностранных дел Словацкого государства
в НКВД СССР с просьбой признать Словацкое государство**

Братислава

14 марта 1939 г.

Министр иностранных дел Словацкого государства имеет честь известить Вас, что

Национальное собрание Словакии — единственный официальный представитель словаков, на торжественном заседании, состоявшемся 14 марта 1939 г. в Братиславе, провозгласило свою независимость и создание Словацкого государства в нынешних границах словацкой страны.

Исполнение обязанностей главы государства было возложено на Его Превосходительство монсеньора Жозефа (так в переводе с французского. — *В. М.*) Тисо, председателя Совета Министров. Заместителем Председателя Совета Министров и министром без портфеля назначен г-н профессор Университета В. Тука, Министром иностранных дел — г. Ф. Дурчанский (правильно: Дюрчанский. — *В. М.*), Министром внутренних дел — г. К. Сидор, Министром национальной обороны — лейтенант-полковник Ф. Чаплош (правильно: Чатлош. — *В. М.*), Министром путей сообщения — г. Ж. Стано (правильно: Й. Стано. — *В. М.*), Министром финансов — г. М. Пручинский (правильно: Пружинский. — *В. М.*), Министром народного хозяйства — г. Г. Медрицкий, Министром юстиции — г. Г. Фриц.

Министр иностранных дел имеет честь просить Вас благоволить признать государство, которое только что было создано, и оповестить нас об этом.

Братислава, 14 марта 1939 г. Ф. Дурчанский, Министр иностранных дел

* Оригинал письма на французском языке. Здесь приводится его перевод на русский, сделанный в НКВД СССР. В переводе искажены некоторые словацкие фамилии. В частности, здесь и во всех последующих документах советского происхождения неправильно написание Дурчанский вместо Дюрчанский. На оригинале письма — помета: «получено почтой заказным из Братиславы 23.III». Ответа на письмо не последовало.

*Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06.
Оп. 1. П. 19. Д. 214. Л. 1–2*

№ 2

*Из ноты посланника ЧСР в СССР З. Фирлингера
народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову
по поводу сложения им полномочий посланника*

Москва

15 марта 1939 г.

...Я счел нужным ввиду трагических событий в Чехословакии сложить свои полномочия. Согласно моему убеждению занятие германской армией чехословацкой территории осуществлено было путем грубейшего обмана и шантажа против существующего конституционного порядка и против истинной воли всего чехословацкого народа.

АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 49

№ 3

*Нота народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова
германскому послу в СССР Ф. фон Шуленбургу* ^е

Москва

15 марта 1939 г.

Господин посол.

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих Советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората.

Не считая возможным обойти молчанием означенные ноты и тем создать ложное впечатление о своем, якобы безразличном отношении к чехословацким событиям, Советское правительство находит нужным, в ответ на означенные ноты, выразить свое действительное отношение к упомянутым событиям.

1. Приведенные во вступительной части германского указа, в его обоснование и оправдание, политико-исторические концепции и, в частности, указания на чехословацкую государственность как на очаг постоянных беспокойства и угрозы европейскому миру, на нежизнеспособность чехословацкого государства и на вытекающую из этого необходимость особых забот для Германской империи не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам. На самом деле из всех европейских государств после первой мировой войны Чехословацкая республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика.

2. Советскому правительству не известны конституции какого-либо государства, которые давали бы право главе государства, без согласия своего народа, отменить его самостоятельное государственное существование. Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование. Чехословацкий президент г-н Гаха, подписывая берлинский акт от 15-го сего месяца, не имел на это никаких полномочий от своего народа и действовал в явном противоречии с параграфами 64 и 65 чехословацкой конституции и с волей своего народа. Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу.
3. Принцип самоопределения народов, на который нередко ссылается германское правительство, предполагает свободное волеизъявление народа, которое не может быть заменено подписью одного или двух лиц, какие бы высокие должности они ни занимали. В данном случае никакого волеизъявления чешского народа не было, хотя бы в форме таких плебисцитов, какие имели место, например, при определении судьбы Верхней Силезии и Саарской области.
4. При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.
5. Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статуса Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.
6. Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения.
7. Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, и в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов.
8. По мнению Советского правительства, действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов.

Имею честь просить Вас, господин посол, довести вышеизложенное до сведения Вашего правительства и принять уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Литвинов

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Том 3. Июнь 1934 г. — март 1939 г. М., 1978. С. 607–608

№ 4

*Телеграмма Э. Бенеша З. Фирлингеру
с указанием продолжать выполнять свои функции**

Чикаго

21 марта 1939 г.

Ответил через Гурбана. Повторяю. Не слагать обязанности, сегодня вы не служите Гахе. Гурбан** и другие также уже не служат Гахе. Они взбунтовались (v revoltě) и символизируют самостоятельность государства всюду, где немецкая оккупация не была признана. Эта правовая основа должна постоянно сохраняться. Второе сопротивление*** начнется, необходимо все подготовить для подходящего момента. До этой минуты продолжайте выполнять свои функции. Я хотел бы также действовать в полном согласии с [Советским] Союзом, поэтому держать все постоянно и крепко и готовиться в правовом отношении и политически к дальнейшей борьбе.

Бенеш

* Ответ на телеграмму Фирингера в Вашингтон от 21 марта 1939 г.: «Передайте Бенешу. Я сложил свои полномочия, поскольку не могу представлять Гаху. Передаю в печать заявление, что, по моему мнению, сегодня Вы являетесь естественным выразителем мнения чехословаков. Сообщите вашу точку зрения. Фирлингер».

** В. Гурбан — бывший посол ЧСР в США, не сложивший после расчленения Чехо-Словакии свои полномочия.

*** Второе, в отличие от чехословацкого заграничного сопротивления в годы Первой мировой войны.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 43–44

Перевод с чешского автора

№ 5

*Нота посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера
народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову
по поводу дальнейшего выполнения З. Фирлингером своих функций*

Москва

23 марта 1939 г.

Многоуважаемый господин народный комиссар, ссылаясь на решение Советского правительства не признавать присоединение Чехии, а также в той или иной форме и Словакии к Германской империи законным и соответствующим общепризнанным принципам международного права, справедливости так же, как и принципу самоопределения народов, хочу заверить Вас в том, что чехословацкий народ с восторженной поддержкой (в оригинале: с восторженным согласием. — *В. М.*)* воспринял (в оригинале: воспримет. — *В. М.*) сообщение о позиции (в оригинале: точке зрения. — *В. М.*) Вашего правительства относительно событий в Чехословакии (в оригинале: на чехословацкие события. — *В. М.*).

Уже 15 марта я имел честь сообщить Вам о том, что должен был признать действия бывшего чехословацкого президента Гахи и бывшего министра иностранных дел Хвалковского, которые «передали судьбу чешского народа в руки германского канцлера», противоречащими конституционному праву Чехословацкого государства. Предшествовавшая этому оккупация (в оригинале: предшествовавший этому захват. — *В. М.*) чехословацкой территории (в оригинале: германской армией. — *В. М.*) наглядно показывает (в оригинале: явно указывает. — *В. М.*), что это так называемое «соглашение» было подписано президентом Гахой и министром Хвалковским под угрозой, что его необходимо рассматривать как (в оригинале: оно представляет со стороны Германии. — *В. М.*) акт грубейшего и циничнейшего насилия со стороны Германии (в оригинале: самого грубого и циничного насилия. — *В. М.*).

Имея в виду вышеупомянутые обстоятельства, а также принимая во внимание справедливое возмущение тех чехословацких граждан, которые могут свободно проявлять свои чувства, и учитывая их желание сохранить своего представителя, который мог бы защитить их интересы за рубежом, я считаю своей обязанностью (в оригинале: счел своим долгом. — *В. М.*) продолжать далее выполнять свои функции (в оригинале: вступить опять в свои обязанности. — *В. М.*) на основе (в оригинале: основании. — *В. М.*) своих первоначальных, действительных до сих пор полномочий (в оригинале: моих прежних и до сих пор действительных полномочий. — *В. М.*), что и прошу Вас принять к сведению.

Примите уверения в моем глубоком уважении.

Зденек Фирлингер

* АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 50–51. Текст оригинала по форме несколько отличается от перевода с чешского, опубликованного в ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. С. 20–21

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 — декабрь 1943 г. М., 1983. С. 20–21 (перевод с чешского)

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 43–44

№ 6

*Письмо наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова
И.В. Сталину*

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину
23 марта 1939 г.
Секретно
О Чехословакии

е

1. Хотя мы заявили, что не признаем законности аннексии Чехословакии, нам все же де-факто придется ее признавать и сноситься по чешским делам с германскими властями. Придется, очевидно, ликвидировать наше полпредство в Праге. Англия, Франция и некоторые другие государства преобразовали свои полпредства в генконсульства. Я полагаю, что и нам надо поступить таким же образом. Нам все же интересно знать, что в Чехословакии происходит, да к тому же торгпредству придется там некоторое время еще работать. Возможно, что немцы потребуют на основе взаимности предоставления им какого-нибудь консульства в Союзе, и мы тогда решим, удовлетворить ли эту просьбу, или ликвидировать наше консульство. Вопрос требует срочного решения, ибо немцы уже напоминают об этом.

2. Фирлингер прислал мне письмо, в котором он, ссылаясь на нашу ноту о непризнании законности аннексии Чехии и нового статуса Словакии и на свое собственное заявление о несоответствии берлинского соглашения чехословацкой конституции, пишет, что «ввиду справедливого возмущения всех чехословаков, могущих свободно выразить свои истинные чувства, а также ввиду их желания сохранить за границей представителя, могущего защищать их интересы, я счел своим долгом вступить опять в свои обязанности на основании моих прежних и до сих пор действительных полномочий, что покорнейше прошу принять к сведению». Фирлингер это делает по соглашению с Бенешем, с чехословацкими посланниками в Париже, Вашингтоне и других столицах, желающими сохранить за границей дипломатические представительства какого-то символического чехословацкого государства. Они рассчитывают, вероятно,

что их время действовать придет в случае какой-нибудь большой заварухи в Европе.

Я полагал бы пока на письмо Фирлингера не реагировать, оставив его в покое. Дальше видно будет, как с ним поступить.

3. По почте заказным путем получено сегодня сообщение министерства иностранных дел словацкого государства, подписанное министром иностранных дел Дурчанским (правильно — Дюрчанским. — В. М.) и датированное 14 марта. Сообщается, что национальное собрание Словакии в торжественном заседании 14 марта в Братиславе провозгласило свою независимость и создание словацкого государства в настоящих границах словацкой страны. Далее сообщается состав правительства. Заканчивается письмо просьбой признать вновь созданное государство и об этом сообщить ему.

Полагаю пока оставить письмо без ответа.

Литвинов

Документы внешней политики 1939. XXII (далее — ДВП). Кн. 1. М., 1992. С. 221

№ 7

*Из письма З. Фирлингера Э. Бенешу
о положении чехословацкого полпредства в Москве*

Москва

27 марта 1939 г.

Уважаемый господин президент,

...Хочу вам только сказать, как мы тут реагировали на последние сообщения с родины и как я представляю себе дальнейшие действия.

15 [с[его] м[есяца]] утром я немедленно посетил Литвинова и изложил ему свое мнение в связи с неконституционными действиями Гахи и явно насильственным характером оккупации нашей территории. Я сообщил ему (Литвинову. — В. М.), что считал своей обязанностью открыто протестовать против этого неслыханного насилия. Литвинов, понятно, с этим согласился, не забыв при этом повторить свой старый упрек в том, что мы в прошлом году* не защищались и что вся наша последующая политика была цепью капитуляций. Литвинов также считал, что для меня будет самым лучшим вместе с протестом сложить с себя полномочия. Я сказал ему, что намерен дальше работать на Западе и при этом рассчитываю остаться в контакте с советскими учреждениями.

События повергли персонал полпредства, разумеется, в состояние расстройств и нервозности. Большинство моих сотрудников, включая военного атташе и его заместителя, приняло решение возвратиться на родину и подчиниться немецким властям. Почти все имеют на родине семьи и свои сбережения. Начальник консульского отдела др. Ройичек также

принял решение возвратиться на родину и подчиниться немецкому послу, чему я не мог препятствовать, не желая его переубеждать и оказывать какое-либо давление на него.

Когда было получено Ваше сообщение, и я направил ноту советскому комиссариату иностранных дел о том, что и далее буду выполнять свои функции, о своем желании [это сделать] заявили 2 служащих, 1 прапорщик, 1 низший служащий и шофер. Три последних являются легионерами**. Я сказал им, что, естественно, не ясно, что будет дальше, надолго ли мы продержимся здесь как полпредство, и какие средства к существованию будем иметь. У Советов значительные трудности с их посольством в Праге, особенно сегодня после их весьма радикально сформулированной декларации относительно Чехословакии. У них в Чехословакии также много закупленных машин, заранее частично оплаченных, а Германия чинит значительные трудности при их отправке. Поэтому я не знаю достаточно хорошо, захочет ли здешнее правительство последовательно сохранять далее дипломатический статус нашего здешнего учреждения. Я сказал Литвинову, что хочу сохранить полпредство хотя бы чисто символически и что не хочу причинять им много забот, связанных с этим.

Поскольку мы решили сохранить здесь свое полпредство, у меня такое чувство, что мы взяли на себя определенные обязательства в отношении персонала, который тут со мной далее остается, что меня, должен признаться, несколько обременяет. Потому что для них будет весьма затруднительно найти тут на месте работу в случае, если наша акция закончится крахом, а также трудно для них будет получить визу в другое государство. Сегодня уже такие государства, как Бельгия и Швеция чинят значительные затруднения и для [получения] транзитных виз. Здесь мы будем находиться как в каком-то осажденном лагере. ...

Я намерен в ближайшее время приехать в Париж и, если удастся, в Лондон и, возможно, там остаться и в дальнейшем, до тех пор, пока здесь во мне не возникнет настоятельная потребность. Я оставил бы здесь дело-производство на самого старшего канцелярского служащего, который бы вел текущие канцелярские дела. Из Парижа или из Лондона будет легче с Вами обо всем договориться. Все же на всякий случай отправляю в Вашингтон, Лондон и Париж нами здесь вновь разработанный шифр, который вы можете использовать при связи со мной. Однако прошу ничего не зашифровывать, что могло бы касаться здешнего правительства.

Я передал Литвинову Ваше поручение о том, что Вы хотите действовать согласованно с ним. Я должен Вам признаться, что на это мое заявление Литвинов реагировал не очень положительно. Он все еще находится под впечатлением, что наша политика в октябре [прошлого года] была недостаточно решительна. Вероятно, он также опасается какой-то компромиссной политики с нашей стороны, в которой опять проявили бы себя различные явно антидемократические элементы. Сегодня еще трудно угадать, как Москва видит дальнейшее развитие в Европе. Она сама, ви-

димо, еще ясно это не представляет. Пойдет развитие в революционном направлении или дело сведется наконец все же лишь к некоему более широкому конфликту, который бы дал импульс к возникновению какого-либо действительного фронта демократических государств? На этот вопрос сегодня еще трудно ответить. И все это по необходимости будет влиять на то, как сложится отношение Москвы к нашей новой заграничной акции. Советы бы, определенно, приветствовали действительный и решительный демократический фронт, но не имеют доверия***...

* В период подготовки к мюнхенскому сговору.

** Участники чехословацких легионов периода Первой мировой войны.

*** Имеются в виду Англия и Франция; далее выпущен текст об их незаинтересованности в судьбе Чехословакии.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 46–48

Перевод с чешского автора

№ 8

*Из письма М.М. Литвинова В. Яковлеву в Прагу
с информацией по чехословацкому вопросу*

Москва

28 марта 1939 г.

...Фирлингер... сейчас же после вступления немцев в Прагу прислал нам официальную ноту о своей самоликвидации... Фирлингер собирался уехать во Францию, но, по настойчивой просьбе Бенеша, Осуского и других чешских представителей за границей, он решил остаться в Москве и прислал нам ноту, что он вступает в обязанности представителя Чехословакии. Такое же извещение он разослал дипкорпусу. Я сказал Фирлингеру, что практического значения его заявление не имеет, ибо, не связанный ни со своей страной, ни со своим правительством, он не может разрешать с нами какие-либо дела, но, что поскольку он хочет оставаться представителем какого-то символического государства и правительства, мы его пока трогать не будем. В замешательстве находится дипкорпус, который не знает, признавать ли впредь Фирлингера дипломатом или игнорировать его. Поступит дипкорпус, вероятно, в соответствии с указанием своих правительств.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 2. Л. 25–26

№ 9

*Из телеграфного сообщения З. Фирлингера Э. Бенешу
о беседе с М.М. Литвиновым*

Москва

17 апреля 1939 г.*

Для Бенеша. Перед своим отъездом я беседовал с Литвиновым, который, хотя все еще упрекает нас в капитуляции, но Вас самым сердечным образом приветствует и надеется на сотрудничество. Он думает, что для нас нет необходимости в сети дипломатических представительств, достаточно было бы одного центра действия, но не возражает, чтобы наше представительство пока здесь существовало. Я обеспечил представительство на несколько месяцев в финансовом отношении. Остается начальник канцелярии с двумя служащими. Я уезжаю в воскресенье через Финляндию, Швецию и жду Ваше сообщение в Париже. Формально я еду в отпуск. Могу в любое время возвратиться тоже самолетом через Стокгольм. Литвинов до сих пор не верит полностью Англии и испытывает глубокое недоверие к Польше, которая отказывает в гарантиях Румынии. Поэтому также более широкий конфликт сегодня пока мало вероятен, скорее можно ожидать дальнейшей политики капитуляции. Я сказал, что в случае более широкого конфликта мы считаемся с [возможной] революцией на родине и легионами, [сформированными] за границей. ...

У меня впечатление, что СССР хочет поддерживать наше сопротивление на национальной основе, то есть без оказания идеологического влияния. Я об этом сказал здесь также французам и англичанам.

Фирлингер**

* Дата получения телеграммы в Вашингтоне.

** Свое мнение о дальнейшем существовании чехословацкого полпредства в Москве Бенеш выразил Фирлингеру в письме от 24 апреля 1939 г.: «Я считаю необходимым, чтобы Москва (т. е. чехословацкое представительство. — В. М.) не оставалась пустой. Это будет одна из сильнейших позиций. Оттуда эвентуально поведет самый радикальный ветер, и нам, наряду с Вашингтоном, [придет] самая большая помощь. Второстепенного служащего недостаточно. У Вас иная точка зрения? Сообщите свое мнение...»

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 48–49

Перевод с чешского автора

№ 10

Из памятной записки Министерства иностранных дел Германии

Берлин

17 мая 1939 г.

Советский поверенный в делах, советник посольства Астахов вызвал меня сегодня для того, чтобы поговорить о правовом статусе советского торгового представительства в Праге, учрежденного согласно советско-чехословацкому торговому договору 1935 года. Советский Союз хочет оставить торговое представительство в Праге в качестве филиала советского торгового представительства в Берлине и просит, чтобы ему временно был дан тот же официальный статус, который существовал в соответствии с советско-чехословацким торговым договором. Господин Астахов сослался на германское заявление, согласно которому настоящие чехословацкие торговые соглашения будут продолжать действовать в отношении протектората Богемия и Моравия до тех пор, пока не будут заменены новыми.

Я принял это заявление к сведению и обещал вскоре ответить. Я высказал ему свое личное мнение о том, что вряд ли предвидятся какие-либо возражения против советской просьбы...

СССР — Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле–сентябре 1939 г. / Составитель Ю. Фельштинский. «Тетех». 1983. С. 13–14

№ 11

Из письма З. Фирлингера

Чехо-Словацкой информационной канцелярии в Париже о беседе с зам. народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкиным

Москва

27 июня 1939 г.

Уважаемые друзья,

подробная беседа, которую я имел после своего возвращения с Потемкиным, подтвердила мое прежнее впечатление, что вследствие произошедших кадровых изменений в Наркоминделе* положительное отношение Советского Союза к нам несколько не изменилось. Упорное сопротивление всего нашего народа дома против нового режима здесь соответствующим образом оценено, что явствует также и из многочисленных сообщений печати о ЧСР. Потемкин меня заверил во всевозможной поддержке нашего движения. Однако понятно, что из-за дипломатической игры, которую Англия продолжает с Германией, Советы не могут выступать за нас публично чересчур определенно. Для развития здешней политики, вероятно, показателен вопрос, который задал мне Потемкин:

заметил ли я упоминание в речи Молотова** о «славянском народе, который стал жертвой агрессии».

Он, между прочим, спрашивал и о том, каков смысл договоренностей с Англией и Францией о признании протектората де-факто, о чем я слышал в Лондоне. Потемкин сказал, что у него был Сидс*** и говорил о признании де-юре. На это он, дескать, ответил Сидсу, что Союз сразу после 15 марта преобразовал свое пражское посольство в генеральное консульство, что, таким образом, вопрос для них решен и что поэтому Союз ничего не должен признавать. ...

Советы далее продолжают сотрудничество со Шкодовкой. Для них речь идет не только о техническом сотрудничестве, но также о том, как вернуть обратно значительные задатки, которые были выплачены нашей промышленностью. Немцы стремятся таким способом привязать к себе Советский Союз, особенно сейчас, пока пакт трех**** не подписан. Однако это не означает, что Советский Союз хотел бы каким-либо радикальным образом изменить свою политику и возвратиться к прошлой политике сотрудничества с Германией. Этого я сегодня не могу себе хорошо представить. По моему мнению, излишне, когда французы упрекают Москву за чисто практические и коммерческие связи с Германией и когда нервничают из-за этого. А что могли бы Советы сказать об аналогичных торговых операциях западных государств с Германией?...

Я просил Потемкина оказать содействие в моем приеме Молотовым, мне это было обещано. Я спросил его, не имеет ли он возражений против того, чтобы предавались гласности подобные мои визиты. Он ответил, что должен получить согласие на это, а что касается моего приема Молотовым, то, вероятно, когда-нибудь наступит подходящее время, когда об этом можно будет выдать коммюнике. Поэтому я прошу ничего не давать в печать о моих визитах до тех пор, пока на это не будет получено согласие советских властей. ...

С сердечным приветом

Фирлингер*****

* Имеется в виду отставка М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел СССР.

** Имеется в виду выступление В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г.

*** Имеется в виду англо-франко-советский договор, о подписании которого шли переговоры.

**** У. Сидс — в 1939–1940 гг. английский посол в СССР.

***** Запись беседы В.П. Потемкина с З. Фирлингером 25 июня 1939 г., см.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 31–33.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 60–63

Перевод с чешского автора

№ 12

*Из сообщения З. Фирлингера чехословацкому центру в Париже
об изменениях в советской внешней политике*

Москва

27 июля 1939 г.

...Отношение к Чехословакии

Отношение к нам и далее остается совершенно положительным, и даже можно сказать, что первоначальное неблагоприятное впечатление от нашей предмюнхенской капитулянтской политики постепенно вытесняется сообщениями о решительном сопротивлении чехословацкого народа против оккупантов. Естественно, что прямые интересы Советского Союза не позволяют ему каким-либо образом публично выступить за Чехословакию, что, в конце концов, в нынешних условиях не могло бы иметь никакого позитивного результата. Однако, несомненно, что освобождение чехословацкого народа останется раз и навсегда одной из принципиальных целей советской внешней политики. В здешних руководящих кругах считают внутреннее положение в Германии весьма серьезным и критическим, не допускающим войну. Представляется, что Москва, несмотря на существующие значительные трудности, поддерживает достаточно тесные связи с немецким левым лагерем. Что касается будущего развития, то здесь господствует значительный оптимизм. Я не могу, разумеется, судить, в какой мере подобный оптимизм оправдан, тем не менее из него логически следуют разделяемые здешними политическими кругами выводы, в том числе и касающиеся возможности скорого восстановления Чехословакии. Конечно, сообщения о том, что Советский Союз собирается в скором времени открыто выступить за восстановление Чехословакии, преждевременны. Однако ясно, что Москва при любой возможности будет поддерживать нас действительно и дипломатически. ...

Мне известно из заслуживающего доверия источника, что долго велись споры о том, какую позицию занять в отношении нашего движения как движения национального. Не только наше движение, поскольку оно останется демократическим и бескомпромиссным, получит искреннюю поддержку Москвы, но и тактика в отношении так называемого Национального содружества воспринимается положительно, причем, однако, [считается, что] надо вести борьбу против [его] назначенного руководства, которое находится целиком в руках немцев. Это отношение Москвы к нашему движению в последнее время находит отражение в здешнем чешском и словацком радиовещании, которое ведется каждый день, кроме четверга, на 4 разных волнах 4 станциями: киевской, тираспольской, одесской и днепропетровской.

Дипломатический статус и все привилегии здешнего [нашего] представительства полностью соблюдаются. По случаю праздника культуры (возможно, речь идет о физкультурном параде. — В. М.) на Красной пло-

шадя и моя супруга получили обычное приглашение на трибуну для глав представительских учреждений. Приглашение использовала моя супруга, поскольку я сам хотел избежать контактов с некоторыми коллегами, с которыми я прервал сношения. Интересно, что посол Росо и его супруга подошли оба спонтанно, чтобы поприветствовать мою супругу. Это же трижды, но напрасно, пытался сделать граф Шуленбург, однако был проигнорирован. Сегодня я получил приглашение в дипломатическую ложу по случаю начала заседания Верховного Совета, куда все же пойду. ...

Посланник: Зденек Фирлингер

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 66–67

Перевод с чешского автора

№ 13

*Из телеграфного сообщения З. Фирлингера Я. Смутному
о беседе с В.П. Потемкиным*

Москва

10 августа 1939 г.

...В отношении нас Советы и внешне будут занимать сегодня ясную формальную точку зрения. Мне сказал об этом Потемкин. Он также обещал поддержку в Женеве, дал инструкцию Майскому, чтобы он оставался с Вами в контакте. Поскольку с Англией и Францией достигнута договоренность о консультациях по всем политическим вопросам, Советы будут наше дело постепенно двигать вперед. Переговоры со Шкодовой завершились успешно, [подписанием] нового 150 миллионного контракта, кредит на один год. Шуленбург говорил Громадке, что они должны осуществлять торговлю любой ценой. Немцы предлагали кредит на десять лет, и наши полагают, что для немецких промышленников речь идет о том, чтобы застраховать капитал, поскольку они опасаются политического и экономического краха режима. Я обратил внимание Потемкина на срок выплаты в будущем году нашего 200 миллионного кредита. Потемкин обещал изучить этот вопрос, в случае чего выплату денег Германии задержать.

Фирлингер

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 73

Перевод с чешского автора

№ 14

Из информации В. Яковлева в НКВД СССР о превращении территории протектората в военный плацдарм

Прага

12 августа 1939 г.

...Занимаясь «перевариванием» Чехословакии, германские оккупанты усиленно превращают ее территорию в военный плацдарм против Польши, Румынии и «дружественной» Венгрии. В первую очередь ведется подготовка удара против Польши. С этой целью укрепляется пограничный с Прагой район Фридрик и Моравска Острава. В этом районе сосредоточены два корпуса немецкой армии. Спешно создаются укрепления, возводятся в 4 ряда проволочные заграждения. Создаются запасы бензина и продовольствия. Организуются военные лазареты... В массах небывало выросли симпатии к Советскому Союзу. Все от мала до велика слушают советские радиопередачи на чешском языке.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 16. П. 33. Д. 4. Л. 144, 147

№ 15

Листовка КПЧ в связи с переговорами о заключении советско-германского пакта о ненападении

Прага

Не позднее 23 августа 1939 г.

Советские мельницы мелют хорошо и надежно, что означает разнесшееся по всему миру известие о том, что вместо ожидаемого договора между Англией, Францией и СССР идут переговоры по поводу пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом. Фашистская Германия готовится к новому разбойничьему нападению на Польшу. Это нападение оказалось бы невозможным в случае коллективных действий Англии, Франции и Советского Союза на основе заключенного договора. Однако свидетелями чего мы являемся? Известные мюнхенцы Чемберлен и К^о снова на сцене. На протяжении нескольких месяцев они тянули и препятствовали достижению искреннего соглашения с Советским Союзом.

С одной стороны, они как бы развязали руки Польше для подготовки к обороне против готовящегося нападения на нее со стороны фашистской Германии, при этом, однако, они не предприняли ничего более для оказания помощи Польше. Наоборот, они делают невозможным упрочение соглашения с Советским Союзом, плетут заговоры, чтобы втянуть Польшу и Советский Союз в изолированный конфликт с Германией.

Советский Союз должен был бы истекать кровью за их интересы, чтобы они продиктовали новую капитуляцию и Мюнхен. Такова ситуация.

Если же Советский Союз в тот момент, когда он убедился, что Чемберлен и К° не хотят заключать соглашение против фашистского агрессора, а намерены далее продолжать капитулянтскую политику, решил вести переговоры с Германией, то ясно, что ответственное решение Советского Союза наносит удар капитулянтской политике Англии и Франции, побуждает французский и английский народы, чтобы они перестали терпеть власть и сбросили бы капитулянтские правительства чемберленов, бонне, даладье. Это решение является хорошо нацеленным ударом против заговоров международной реакции, является решением, которое должно показать всему миру, что:

Советский Союз всегда был готов в любой момент совместно с другими выступить против фашистских агрессоров. Однако Советский Союз не намерен таскать каштаны из огня для других. Пусть Англия и Франция поймут, что искреннее соглашение с Советским Союзом прежде всего в их интересах, поскольку СССР сам имеет достаточно сил, чтобы обеспечить свою безопасность от фашистских агрессоров. Своими действиями Советский Союз хочет побудить правительства Англии и Франции изменить свою прежнюю политику, чего они до сих пор не сделали и делать не хотят. Такова правда о положении дел.

Спокойно дождитесь известий из Советского Союза. Однако будьте полностью уверены в том, что СССР, как всегда, надежно защищает интересы международного рабочего класса, всех народов и государств, всего человечества. Вспомните, сколько грязных кампаний велось против Советского Союза, и в результате всегда оказывалось, что только СССР был прав.

Оставайтесь верными Советскому Союзу! Отвечайте на события усилением национально-освободительной борьбы против фашистских оккупантов. Верьте, что дело чехословацкого народа победит, что время новой свободной Чехословакии должно прийти!

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 43–44

№ 16

*Нелегальная газета «Руде право» о точке зрения ЦК КПЧ
по вопросу заключения советско-германского пакта о ненападении*

Прага

24 августа 1939 г.

Коммунистическая партия Чехословакии, которая стоит во главе борьбы чешского народа против нацистских оккупантов, приветствует Советский Союз и его вождя Сталина в связи с заключением советско-немецкого пакта о ненападении. КПЧ видит в этом акте советского правительства проявление непреодолимой силы и революционного самосозна-

ния народов Советского Союза и его Красной Армии. Этим действием Советский Союз пресек интриги западноевропейских реакционеров, которые хотели втянуть СССР в изолированную войну с Германией... Этим действием СССР загнал весь прогнивший капиталистический мир в тупик и расчистил тем самым дорогу своей собственной политике мира, защиты своих интересов, а также малых и угнетенных народов. Мы видим в этом поступке СССР мощный призыв ко всем народам освободиться и бороться за прочный мир, а также призыв к чешскому народу усилить свою борьбу против нацистских оккупантов и продолжать ее вплоть до свержения гитлеровского режима и восстановления Чехословацкой республики. Мы поведем эту борьбу. Мы уверены в помощи международного рабочего класса и поддержке Советского Союза.

Да здравствует Советский Союз и товарищ Сталин! Да здравствует новая, свободная Чехословакия!

Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии.

Rudé právo. 1939–1945. Praha, 1970. S. 32

Перевод с чешского автора

№ 17

Письмо З. Фирлингера Э. Бенешу

о советско-немецком пакте о ненападении

Москва

26 августа 1939 г.

Уважаемый господин президент,

я должен допустить, что не ожидал подобного радикального ответа Москвы на непрестанные затяжки и закулисные переговоры со стороны западных держав, свидетельствующие об их желании договориться с Берлином. Однако я допускал изоляцию, которая не означала бы какого-либо действительно политического сотрудничества, и я говорил об этом Наджиару 11 с. м., т. е. накануне приезда [английской и французской] военных делегаций, обратив его внимание на попытки со стороны немцев сблизиться с Москвой. У меня впечатление, что Наджиар сознает все имевшие место тактические ошибки. Поскольку политические переговоры остались незавершенными или, правильнее сказать, не привели к цели, Москва пришла к мнению, что следует попытаться достичь военного соглашения. Приезд военных делегаций здесь расценивался как доказательство, что настал конец политике колебаний, из чего делались соответствующие выводы, о чем я вам уже подробно докладывал. У меня было впечатление, что тут настроение твердое и решительное и что Москва хочет идти вместе с Западом до конца. Однако оказалось, что военные делегации имели задачу ограничиться лишь выяснением, какая помощь

будет оказана Польше и Румынии в случае агрессии. Варшаве предложили прислать в Москву своего военного представителя, но Варшава отказалась это сделать. Такую же негативную позицию заняла и Румыния. Все переговоры зашли в тупик. Обвинять сегодня Москву в предательстве по крайней мере, разумеется, преувеличение. Наджиару уже ранее было дано понять, что, если не будет достигнуто принципиального соглашения, Советы вынуждены будут искать другой путь. Наконец, Москва подала предостерегающий сигнал, когда опровергла варшавские сообщения о том, что препятствием в военных переговорах является вопрос о Дальнем Востоке. Официальное советское сообщение тогда добавило, что вопрос, приводящий к трудностям, иного рода. Позднее появилось сообщение о немецких кредитах, причем было дано понять о политическом сближении. Между тем промелькнули сообщения о различных попытках Лондона подготовить компромисс по вопросу о Гданьске. Наконец, здесь появились сообщения из Варшавы и Парижа, что Польша теперь уже получила полные гарантии против Германии и что экспансия Германии получит новое направление. Известный журналист Гунтер (Gunther), который приехал из Варшавы, сам мне рассказывал о необычайно твердом настроении в Варшаве и об убеждении польских официальных кругов, что Германия ныне оставила [в покое] Польшу и пойдет на венгров и румын. Все эти сообщения могли, разумеется, снова подтвердить подозрения, что Варшава стремится направить экспансию в иное русло и что целью ее политики является, как всегда, использовать старый антагонизм между Берлином и Москвой. Кроме того, то обстоятельство, что Варшава отказалась дать гарантии Румынии, естественно должно было усилить подозрение. Кроме того, ясно, что Кремль учитывал многочисленные секретные сообщения, подтверждающие старые умыслы определенных западных политических кругов, видевших в Гитлере защитника западной демократии от коммунизма.

Ясно, конечно, что пакт о ненападении, подписанный между Москвой и Берлином, вызовет панику среди наших людей. Особенно официальные комментарии о событиях советской печати будут непонятны нашей общественности. Внешне пакт выглядит как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве. Тем не менее мы должны выждать, прежде чем сможем судить о действительном значении и содержании пакта. ... В передовой «Правды» говорится о дружбе между «народами СССР и немецким народом», то есть не между СССР и Германией. В этом следует видеть определенный скрытый смысл*.

Ясно, что Москва заключением пакта хотела не допустить соглашения между Западом и Берлином, которое могло бы означать новый Мюнхен, направленный против Советского Союза. Но Москва также явно не была заинтересована и в стабилизации нынешнего положения. Фашизм вынужден нападать, и его империализм должен быстро спровоцировать войну в Европе. Пакт, заключенный между Москвой и Берлином, должен,

таким образом, убедить Запад в действительном антагонизме между западными демократиями и между немецким и итальянским империализмом. То, что говорилось в разных комментариях советской печати об укреплении пактом действительного мира, является, разумеется, только фразой. До сих пор против Москвы выдвигалось обвинение, что она подстрекает к войне. Сегодня теория о необходимости сохранить мир обращается против западных пацифистов.

О том, что пакт был подписан очень быстро и что до принципиального соглашения дело дошло только в последние дни, когда военные переговоры с Западом явно провалились, свидетельствует, по моему мнению, неинформированность японской дипломатии. Здешнее японское посольство пыталось свое удивление скрыть, однако ответ японского министра иностранных дел, а также реакция японской печати показали, как дело обстоит в действительности. Японский протест против пакта является первой значительной дипломатической победой Москвы, достигнутой новой политикой.

[Вопрос] о договоре с Германией, очевидно, уже ранее обдумывался, и отставка Литвинова была с этим определенным образом связана, хотя не совсем так, как это понималось на Западе. Москва хотела до этого исчерпать все возможности. Иначе нельзя было бы понять ее повторные предупреждения. Однако, к сожалению, состояние вооруженных сил и [внутренней] консолидации СССР были чересчур преуменьшены. Утверждалось, что СССР не способен оказать сопротивление Германии и станет, таким образом, ее легкой добычей, между тем как Берлин более правильно оценивал его военные данные, а следовательно, и возможность самостоятельной политики. ...

Очевидно, что пакт о ненападении может привести к принципиальным изменениям на шахматной доске современного мира, в частности и на Дальнем Востоке, и еще более напомнить западным державам об опасности, которая им угрожает со стороны фашистского империализма. Очевидно, что речь идет о принципиальной борьбе Германии против британской империи. Мне любопытно, какой ответ я получу на свой вопрос, который хочу задать, не меняет ли пакт о ненападении ничего в отношении советской России к нам и, особенно, продолжает ли действовать нота здешнего правительства о непризнании оккупации. Надеюсь получить такие же заверения, как и прежде. Мне сообщили как раз согласно протоколу (как обычно), что я получу приглашение на [открытие] заседания Верховного Совета, созванного на 28 с[его] м[есяца] для ратификации пакта.

Но, если бы, возможно, в отношении Советов к нам внешне что-то изменилось, я не думаю, что [их] намерения иные, чем прежде. Я признаю, что речь идет о большой и опасной игре, но я полагал бы, что только колеблющаяся позиция Запада была действительной причиной сенсационного поворота советской внешней политики.

У здешних английских и французских дипломатов преобладает убеждение, что вместе с пактом о ненападении было подписано секретное соглашение о разделе Польши и аннексии балтийских государств Советским Союзом. Я сомневаюсь, что это правда, хотя возможно и даже правдоподобно, что в случае территориальных изменений Советский Союз потребовал бы свою долю. Тем не менее я убежден, что развитие пойдет в ином направлении. Западные державы сегодня ясно видят, что с помощью нового компромисса они не избежали бы войны. Поэтому можно надеяться, что Англия и Франция на этот раз пойдут на войну, а тем самым и для нас открываются новые перспективы. Мне импонирует решительность, с которой Англия сегодня выступила за Польшу, и надо надеяться, что действия французского правительства под влиянием этих заявлений будут такими же твердыми и решительными. Однако паника, особенно на левом фланге, там будет основательная. Но все это снова подтвердит, какой ужасной ошибкой было предательство Чехословакии и как оправданны были Ваши предупреждения. Надеюсь, что вы смотрите на события, как и я, и что, следовательно, не следует рассматривать их как трагические. Наоборот, я думаю, что эти события могут существенно ускорить развитие в Европе.

Фирлингер^е

P.S. Надеюсь, что вы получили мои шифры, отправленные телеграфно 23 и 24 августа с[его] г[ода].

* В передовой «Правды» от 24 августа 1939 г., в частности, говорилось: «Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различия в идеологии и политической системе не должно и не могут служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета» (Правда. 24 августа 1939 г.).

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 76–79

Перевод с чешского автора

№ 18

*Из сообщения Чехословацкого заграничного центра
о советско-германском пакте о ненападении*

Лондон

26 августа 1939 г.

Нельзя с определенной уверенностью угадать действительные мотивы, приведшие Советский Союз к заключению пакта о ненападении с Германией именно в это время.

Приводятся некоторые обстоятельства, которые, вероятно, должны объяснить это российской и иностранной общественности: русские, дескать, были оскорблены тем, как с ними обходились при переговорах Англии и Франции; в качестве переговорщиков к ним были посланы люди менее значительные, переговоры затягивались, из чего русские делали вывод, что со стороны Англии и Франции нет действительного желания заключить договор. По разным признакам далее русские, дескать, полагали, что могут остаться даже в одиночестве в эвентуальном конфликте с Германией, в который бы они и Германия были втянуты Западом. И, наконец, русские указывают на Мюнхен и вытекающее из него принципиальное недоверие к умыслам и словам своих западных контрагентов.

Мы вообще не хотим судить о мере и обсуждать оправданность этих советских упреков, что традиционно делается в политических кругах. Для нас решающим фактом является то, что Россия договорилась с Германией, и это в корне изменило общую политическую ситуацию. Мы должны установить, какие последствия это может иметь для нашей акции.

Подписание пакта чрезвычайно приблизило возможность польско-немецкой войны; Гитлер избавился таким образом по крайней мере на первое время от опасного противника на востоке и тем самым стал более решительным в предъявлении условий польскому правительству. Начнется ли война, это будет зависеть сегодня в первую очередь от польского правительства; с принятием какого-либо компромисса Польша полностью попадет под немецкое влияние. Представляется, что Польша готова защищаться военными средствами, то есть война между ней и Германией скорее всего правдоподобна.

Заключение германо-советского пакта подтолкнуло британское правительство к ускоренному завершению переговоров о гарантийном договоре с Польшей, который был подписан 25 августа. Это весьма значительный факт, хотя по существу не вызывает сомнения, что Великобритания сдержала бы слово воевать с Германией, если бы она напала на Польшу, и без этого договора своим повторным заявлением о принятых обязательствах. Равным образом не вызывает сомнения, что Франция вступит в войну, если она начнется между Германией и Польшей.

Заключение советско-немецкого пакта вызвало у западных держав большое раздражение против Москвы не столько самим фактом — они заявляют, что и без Москвы смогут справиться с Германией, что и без этого на русскую военную помощь они не очень рассчитывали, — сколько временем и формой заключения пакта. Это обстоятельство будет важным для дальнейшего развития событий, и вынуждает нас в своей тактике считаться с этим обстоятельством.

Анализ ситуации на сегодняшний день показывает:

Германия стремится в последнюю минуту перед войной довести дело до падения Польши мирным давлением, чтобы затем повернуть вместе с Италией против Запада, поскольку Италия требует, чтобы война велась

лишь на одном фронте. Поэтому Германия решила нейтрализовать Советы пактом и затем угрозами и давлением хочет элиминировать Польшу. Только затем она начала бы войну на Западе.

Однако представляется, что элиминировать Польшу без войны уже нельзя и что война с Польшей, очевидно, начнется уже в ближайшие дни. Италия пока будет выжидать, поскольку Германия надеется ликвидировать Польшу в течение 2–3 недель. Западные державы, очевидно, немедленно вступят в войну, хотя их помощь не будет достаточно действительна. Поэтому следует ожидать быструю оккупацию большей части Польши.

Привязана ли Россия к Германии настолько, что захочет разделить Польшу, пока мы сказать не можем. Русский пакт, который привел все в смятение, должен был, очевидно, согласно замыслам Москвы, ускорить ход событий и привести к войне. Единственной и, вероятно, последней возможностью предотвратить войну было бы, если бы Гитлер умерил свои требования в отношении Польши до такой степени, что она под давлением Англии и Франции приняла мирное полюбовное соглашение...

Я. Смутны

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 80–81

Перевод с чешского автора

№ 19

*Из записи беседы сотрудника НКВД СССР Л.И. Бергмана
с З. Фирлингером, касавшейся, в частности,
советско-германского пакта о ненападении*

Москва

31 августа 1939 г.

...Среди французов и англичан, в особенности среди последних, распространяются упорные слухи о том, что советско-германский договор имеет, помимо опубликованного текста, также и секретные статьи, которые предусматривают участие СССР в захвате и разделе Польши и других прибалтийских государств. Фирлингер сказал, что, хотя он, как и многие другие, этому не верит, но все же, если бы была возможность рассеять такие слухи, то это значительно укрепило бы позиции тех, кто в Англии и Франции выступает за дружбу с Советским государством. Я тут же указал Фирлингеру на нелепость подобных слухов, которые могут распространяться с провокационной целью людьми, глубоко враждебными СССР. Не говоря уже о том, что Советский Союз является вообще принципиальным противником империалистической политики захвата чужих территорий, сам текст договора и оценка его советской печатью отнюдь не дают осно-

ваний для подобных предположений. Фирлингер поспешил со мной согласиться.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 3. Л. 41

№ 20

*Из послания Э. Бенеша в Прагу нелегальной организации
«Политический центр» в связи с началом Второй мировой войны*

1 сентября 1939 г.

А. Политическая часть

1) Я направляю это послание в очень сложной международной обстановке, когда изменения происходили каждый час и когда мы постоянно балансировали на грани между войной и миром. И вот теперь война Германией объявлена. Но и ее оттягивание ничего не изменило бы в нашей позиции. Наш враг — Германия, наша цель — свобода, и поэтому мы будем стремиться к этой цели во что бы то ни стало и в любой ситуации. Никакое изменение ситуации, например, такое как русско-немецкий пакт, нас не должно ни вводить в заблуждение, ни подорвать нашу работу. Европа вступает на путь великих изменений и потрясений, так что ни на какое статус-кво нельзя рассчитывать...

2) С этой точки зрения следует судить и о русско-немецком пакте. Советы полагают, что дальнейшее развитие военных событий в Европе нельзя остановить. Очевидно, они хотели втянуть Западную Европу в глубокий конфликт с Германией и действовать так, чтобы война началась в первую очередь не против них, как в 1914 г., а между Западом и Германией, чтобы в течение некоторого времени стоять в стороне и иметь возможность вмешаться в подходящий момент в соответствии со своими желаниями и признанием необходимости. На слова Гитлера, что между Германией и Россией вечный мир, не обращайтесь. То, что Советы при этом ожидают социальный переворот в духе своей политики, разумеется само собой. Поэтому и мы на это должны обратить внимание. Могло бы случиться, что позже они передумают. Я думаю, что они неправильно судят о Западной Европе, как и в 1918 г., когда ожидали мировую революцию. Западная Европа и социально, и экономически еще очень сильна и будет решительно сопротивляться социальной революции, — хотя в этом отношении их эта война сильно изменит, — в то время, как Польша, Центральная Европа находятся в гораздо более опасной ситуации. Поэтому я повторяю:

а) Идти спокойно, безбоязненно своим путем, невзирая на то, что происходит, к нашей национальной цели.

б) Быть готовыми ко всему возможному, к разрухе, к попыткам социальной революции в Центральной Европе на случай, если начнется война и Германия потерпит поражение. То, что в этом случае следует ожидать

опасный развал в Польше, очевидно. И то, что национальное единство и сильная социальная политика станут первой нашей обязанностью, само собой разумеется. С другой стороны, в союзе с эвентуальным западным победителем наша страна снова сможет как можно быстрее оправиться и прийти в социальном отношении к новому равновесию.

3) Наша линия на Западе, невзирая на то, что делает и будет делать Россия, самим воевать при всех обстоятельствах против Германии. Поэтому мы создаем армию, политически объявляем себя союзником Франции, Англии и Польши и идем до конца. Если позже действия России потребуют какого-либо исправления нашей ориентации, то мы это взвесим и договоримся с Вами. Не опасайтесь! Англия и Франция не проиграют [в этой войне] с Германией. Сегодняшняя ситуация несколько схожа с 1918 годом, когда Россия заключила сепаратный мир с Германией. Тогда это нашу политику и наши действия также не изменило. Будьте уверены в том, что каждая перемена в Европе сегодня, в конце концов, нам выгодна, каждая означает для нас улучшение нашей теперешней ситуации в будущем, в результате ли войны или последующего мира и переговоров мы свою свободу и самостоятельность уже наверняка снова обретем. ...

Edvard Beneš: vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 27–28

Перевод с чешского автора

№ 21

*Из сообщения поверенного президента Э. Бенеша в Польше Ю. Славика
Чехословацкому заграничному центру в Лондоне о переговорах
в отношении перехода чехословацкого легиона в Польше в СССР*

Krzemieniec

12 сентября 1939 г.

...Прхала*, как он сообщил мне с курьером, послал др. Палковского** в Ригу, откуда тот свяжется с Лондоном, где постарается [добиться] обеспечения наших людей одеялами, бельем, свитерами и обувью. Он (Палковский. — В. М.) намерен далее ехать в Москву, где хочет вести переговоры о вооружении и, на всякий случай, также после моего указания, о переходе в случае необходимости наших легионеров в Россию. Опасаюсь, что эта его акция опоздает. Я вел переговоры с послом [СССР в Польше] Шароновым и с советским военным атташе полковником Рыбалко*** и просил их содействия в получении разрешения для наших легионов перейти советскую границу и оттуда транспортировать их на запад. Шаронов и Рыбалко, которые не могли установить связь с Москвой, отсюда выехали вчера к Советам. Они хотят связаться по телефону с Москвой, возможно также поехать в Москву и обсудить этот и другие вопросы прямо. ... Шаронов должен возвратиться через 4–5 дней и обещал мне

привести ответ. Он сказал, что, по его мнению, легионы в России должны были бы быть интернированы и что затем наше дело, Фирлингера, мое и, главное, др. Бенеша, добиться разрешения переправки легионов на запад. Полковник Рыбалко обещал по этому вопросу поговорить прямо с Ворошиловым. Подчеркиваю, что иного выхода на случай опасности я не вижу. Румынская граница от Барановичей чересчур далеко. Литва или Латвия, послов которых здесь нет, по мнению Советов, французов и англичан, не имели бы мужества пропустить наши легионы через свою границу. Остаются, таким образом, лишь Советы, и я думаю, что интернирование лучше, чем повешение...

* Лев Прхала — чехословацкий генерал, эмигрировавший в Польшу, где формировал воинскую часть.

** К.Б. Палковский — чехословацкий журналист и политик.

*** П.С. Рыбалко — будущий маршал.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 84–85

Перевод с чешского автора

№ 22

*Из документа ИККИ «К вопросу о национальных легионах**

а (проект заключения)»

Москва

15 сентября 1939 г.

Наша позиция в вопросе об уже созданных и еще планируемых легионах из представителей разных национальностей основывается на оценке войны как империалистической.

Эти легионы имеют своей целью: во-первых, содействовать обману народных масс относительно характера войны с обеих сторон и создать впечатление, будто французские и английские империалисты будут вести антифашистскую войну против гитлеровской диктатуры, войну за демократию и право на национальное самоопределение; во-вторых, облегчить французским и английским империалистам использование в очередной раз национальных интересов малых угнетенных народов Центральной Европы в качестве разменной монеты в своей борьбе с германским империализмом; в-третьих, оказать военную помощь французским и английским империалистам, в-четвертых, использовать легионы против революционного рабочего движения в собственных странах.

Конкретное отношение к легионам должно в каждом отдельном случае приспособляться к особым условиям, при этом оно должно базироваться на всеобщем решительном отрицании легионов революционными рабочими и коммунистическими партиями...

3. Коммунисты не выступают также за создание чешских и австрийских легионов и не берут на себя никакой политической ответственности за них. Они совершенно открыто заявляют, что французские и английские империалисты, предавшие и продавшие Австрию и Чехословакию, в действительности и не думают бороться за национальное освобождение этих стран и что эти легионы создаются лишь как оружие в руках английского империализма. Национальное освобождение этих стран может произойти только в результате революционной освободительной борьбы в самих этих странах при поддержке со стороны трудящихся и прежде всего рабочего класса других стран. ...

* Национальные легионы — военные формирования эмигрантов-антифашистов для участия в военных действиях на стороне Польши и англо-французской коалиции против нацистской Германии.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1293. Л. 272–274

Опубл.: Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 94–98

№ 23

е

Словацкий официоз «Slovenská politika» об установлении дипломатических отношений между СССР и Словакией

Братислава

17 сентября 1939 г.

Как сообщают официальные источники, сегодня, 16 сентября, советский посол в Берлине Шкварцев сообщил словацкому послу в Берлине Черняку решение Совнаркома СССР и наркома иностранных дел Молотова о том, что СССР признает Словацкую республику де-юре и де-факто и хочет вступить с ней в дипломатические отношения. Это сообщение имеет для нас большое значение, потому что до сих пор мы не имели с Россией почти никаких связей. Признание Советским Союзом Словацкого государства решает многие спорные проблемы и многие спорные вопросы, которые до сих пор существовали между нами. Теперь Словацкое государство признают все державы*. Признание Россией будет иметь большое влияние на наше народное хозяйство. В экономической области у нас определенно есть много общих интересов. Если сегодня не существует никакого значительного экономического сотрудничества с Францией и Англией, то мы можем восполнить это на востоке.

* Англия и Франция признали Словакию де-факто, США не признали вообще.

Slovenská politika. 17.09.1939 (АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 70)
Перевод со словацкого автора

№ 24

*Из письма в адрес чешского радиовещания в Москве
о настроениях народных масс после заключения
советско-германского пакта о ненападении*

Прага

18 сентября 1939 г.

...Заключение этого пакта было бесспорно тяжелым шоком для широких слоев, особенно непролетарских. Среди рабочих уже несколько дней спустя пакт оценивался совершенно разумно, хотя и среди рабочих многие люди подпали под влияние геббельсовской пропаганды, которая настойчиво представляла этот пакт как пакт союзнический и непрестанно говорила о совместных действиях Берлин — Рим — Москва. В то время как подобные статьи оказали незначительное влияние на рабочих, среди мелкобуржуазных демократов они вызвали полную дезориентацию. Рабочие говорили, что Сталин набил морду всем капиталистам, а мелкие буржуа поддерживали Бенеша и Чемберлена и усматривали в этом измену демократическому фронту и т. д. ... Однако же вскоре, когда поляки так быстро потерпели крах, наступила опять определенная депрессия, и к этой депрессии добавилось новое удивление, связанное с действиями Красной Армии... Сегодня можно разделить население примерно на два лагеря: одни начинают утверждать, что Сталин надул Гитлера и что в конце концов СССР и Германия решительно схлестнутся друг с другом, что продвижение Красной Армии [на запад] более направлено против Гитлера, чем против кого-либо другого; этот лагерь составляют рабочие и им симпатизирующие. Другой лагерь — сторонники Бенеша — осуждают действия СССР и расценивают их как нападение на жертву, которая уже не могла защищаться. Главная особенность сегодняшних настроений — или же вообще настроений с момента заключения пакта о ненападении — растерянность и потеря ясной ориентации. Однако многое тут исправила небывалая активность компартии, которая в последнее время была значительно наэлектризована событиями. ... Если же нарисовать цельную картину, то следует сказать, что много растерянности, и растерянность преобладает как в работе компартии, так и подавляет здоровый инстинкт неинформированных рабочих. ... Большинство чешского народа рассматривает нынешнюю войну как войну оборонительную для Англии, Франции и Польши.

Ваш К.К.

Письмо на чешском языке (АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 34. Д. 6. Л. 72)

Перевод с чешского автора

№ 25

*Из записи беседы референта отдела Центральной Европы НКВД СССР
Барулина с З. Фирлингером*

Москва

19 сентября 1939 г.

Фирлингер начал беседу с выражения надежды на то, что части нашей Красной Армии, вероятно, скоро займут пункты, граничащие с Чехо-Словакией. (Фирлингер имел в виду так называемую Прикарпатскую Украину). Продолжая свою мысль, Фирлингер высказал предположение, что территория Прикарпатской Украины, населенная народом, родственным украинцам, вероятно, будет также занята Красной Армией. Занятие этой территории советскими войсками соответствовало бы интересам будущей Чехословацкой республики, которая, таким образом, граничила бы с Советским Союзом. Чехо-Словацкое правительство и ранее, якобы, желало присоединения этой части чехословацкой территории к Советскому Союзу, но при наличии польской территории, отделяющей Чехо-Словакию от СССР, правительство не могло осуществить своих намерений...

В ответ на высказывание Фирлингера о возможном занятии Прикарпатской Украины, я сослался на политику нейтралитета, которую советское правительство проводит в отношении стран, имеющих с нами дипломатические отношения, и, в частности, в отношении Венгрии...

Затем Фирлингер спросил, насколько соответствуют действительности заграничные радиосообщения о признании Словакии Советским Союзом. Фирлингер передал, что чешское радио, ссылаясь на сообщение Агентства Рейтер, передавало, что посол СССР в Берлине Шварцев вручил словацкому послу в Берлине ноту о юридическом и фактическом признании Словакии. При этом Фирлингер заметил, что, если бы признание Словакии со стороны Советского Союза стало фактом, то это явилось бы ударом для Чехо-Словакии, и ударом неожиданным, так как признание Словакии означало бы пересмотр советским правительством своей позиции в чехо-словацком вопросе. Я ответил Фирлингеру, что о признании впервые слышу от него, и поэтому для обсуждения и оценки факта, который не имел места, не вижу основания. ...

Через полтора часа после беседы с Фирлингером последний позвонил по телефону и сообщил, что им от чехословацкого посланника в Польше — Славика — получена телеграмма, в которой последний просит Фирлингера принять меры для оказания помощи чешским войскам, находящимся у Тернополя, за линией советского фронта. Я предложил Фирлингеру с этим вопросом обратиться к руководителю Отдела т. Александрову. По согласованию с Александровым прием Фирлингера назначен на 8 часов вечера того же дня.

№ 26

Запись Э. Бенеша о беседе с И. М. Майским

Лондон

22 сентября 1939 г.

1) Я пригласил его, чтобы обсудить вопрос о наших военных, которые застряли в Польше, а сегодня находятся на захваченной Советами территории; далее, чтобы спросить, как обстоит дело с признанием Чехословакии де-юре.

2) Он ответил, что о признании ему ничего не известно, что он направит запрос, а потом мне ответит. Далее, выяснит, что происходит с военными и можно ли их отправить во Францию, как я просил, или же их необходимо интернировать, далее, что вопрос будет обсужден прямо с Фирлингером, в том числе и о финансировании этих военных.

3) После этого мы перешли на политические вопросы — русские действуют уверенно, пошли на Львов и далее, сказал: Естественно сегодня, когда у нас есть такая возможность покончить раз и навсегда с вопросом об Украине, мы это так не оставим. Все эти области заберем себе. Поляки должны заплатить за все то, что они делали. Вы не знаете, как трудно лишь выдворить немцев из этих областей.

4) Затем я говорил с ним о нас. Что при этих условиях для нас чрезвычайно важно, как пойдет дальнейшее развитие. Он на это: мы эти области в любом случае оставим себе, это — наше. Я спросил, что будет с Подкарпатской Русью. Он улыбнулся. Я сказал, что это — наша область, что на это у нас есть право, он ведь сам [на заседании] Лиги Наций подтвердил мою телеграмму. Для нас существует лишь два решения: или это будет наше, и в случае, если они станут [нашими] соседями и если попросят об этом, то мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, и особенно они, это не должны получить.

5) Затем он очень интересовался англичанами, пойдет ли война далее, выдержат ли они. Я заявил ему со всей решительностью, что англичане пойдут дальше, в отношении французов я так не уверен. Он весьма этим интересовался и подробно этим занимался, особенно что касается англичан.

6) Я показал ему нашу карту — в таком виде сегодня наше государство не может существовать. Он это признал.

7) Он заявил, что, безусловно, за самостоятельную Польшу и что никогда от этого не отступит. Затем он сказал, что не все еще кончено и что на востоке события будут развиваться дальше, и добавил: господин президент, не верьте тому, что в советско-немецком пакте выглядит как некий альянс или сотрудничество. Мы полностью свободны. В нем (пакте. — В. М.) нет ничего такого, что выискивают относительно наших обязательств перед Германией. Вы увидите это позже.

8) Изменения, однако, последуют и в других местах: например, в Румынии все не может остаться так, как есть.

9) Я снова просил его, чтобы он нам помог, чтобы они (Советы. — В. М.) нас не оставляли, что мы на них рассчитываем, что рассчитываем на их соседство.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 86–87

Перевод с чешского автора

№ 27

*Некоторые письма с просьбами о советской помощи,
полученные Генконсульством СССР в Праге*.*

Конец сентября 1939 г.

Прага. Сентябрь 1939 г.

Правительству Союза Советских Социалистических республик.е

Чешский народ желает и просит правительство Союза Советских Социалистических республик присоединить нас, как самостоятельную республику к Союзу Советских Социалистических республик.

Помогите, мы верим, что нас освободите!

Да здравствует СССР! Да здравствует будущий Европейский Союз Советских Социалистических республик!

26 сентября 1939 г.

Посольству СССР в Праге.

Прошу, как и сто тысяч других, чтобы правительство СССР взяло территорию Чехо-Словакии под свою охрану и избавило нас от порабощения и издевательств со стороны немецкой империи.

Правительство СССР, как правительство трудящегося народа, освободило Белоруссию и Украину, пусть вспомнит, что несколько миллионов чехословаков, исключительно трудолюбивый народ, ожидает от великого народа русского помощь и охрану, за которые ему век будут преданы...

Подписать не могу, чтобы не выдать себя и тем самым не попасть в руки немецких органов.

28 сентября 1939 г.

Уважаемый господин посол СССР,

...[прошу] взять нас под свою охрану и освободить наш народ от гитлеровских немецких разбойников...

Бесправный гражданин Чехии и Моравии

28 сентября 1939 г.

Консулу Союза Советских Социалистических республик

...в день переговоров России и Германии мы, рабочие, не понимаем поступков России, не верим, чтобы Россия, к которой мы обращали последние надежды на наше освобождение, нас, чехов, которые России всегда симпатизировали, бросила. Нет, Россия нас не оставит. И свобода для нас придет только из России. Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой, чтобы Вы любезно передали своему правительству, что между рабочим чешским людом существует движение, направленное на то, чтобы русская империя взяла нас под свою охрану. Наши симпатии, рабочих в Чехии, всегда на Вашей стороне, то есть России. ... Здесь среди людей говорят, что нас Россия предала, что отказалась от всех провозглашенных идей. Однако мы не верим этому...

Час пробил!

Помогите нам и всем угнетенным сегодня и немедленно, когда для России благоприятное и самое благоприятное время. Помогите нам осуществить лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Если Вы не заступитесь за нас немедленно, мы погибнем!

Мы рады были бы подписаться, но по понятным соображениям не можем.

Если Вы действительно славяне, тот нас не оставите.

Верьте, что за ваше дело — большинство народа чешского.

* В сопроводительном письме в НКВД СССР говорилось, что особенно симпатии чешских трудящихся по отношению к Советскому Союзу «проявились в дни вступления Рабоче-Крестьянской Красной Армии на польскую территорию. Везде и всюду только и говорили, что «вот началось — Красная Армия выступила и приближается час нашего освобождения».

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 16. П. 33. Д. 4. Л. 161, 162, 163, 165, 167

№ 28

*Из Декларации коммунистических партий Германии, Австрии
и Чехословакии «Против империалистической войны —
за социальное и национальное освобождение народов»*

Москва

21 октября 1939 г.

...Коммунисты прилагают все усилия к тому, чтобы спаять освободительную борьбу рабочего класса Германии с национально-освободительной борьбой чехов, словаков, австрийцев и поляков в прочное единство, направленное против германского империализма. Перед германским, австрийскими, чехословацкими и польскими рабочими стоит историческая

задача: сплотить вокруг себя народы своих стран, повести их на эту борьбу и последовательно расстраивать все попытки какого бы то ни было... империалистического влияния на нее... Братание для совместной борьбы против империалистов — таков наш общий лозунг. ... Чем сильнее и могучее Советский Союз, тем сильнее и могучее рабочий класс всего мира. Пакт между Германией и Советским Союзом укрепляет Советский Союз, каковы бы ни были планы германских империалистов. Но он укрепляет также позиции рабочего класса в капиталистических странах Центральной и Восточной Европы, он не только освобождает народы этих стран от той опасности, что их могут принудить к войне против Советского Союза, но и открывает перед ними возможность навсегда опрокинуть все преграды между ними и советским народом и установить нерушимое единство с народами СССР. ... Перед рабочим классом Германии стоит ответственная и почетная задача — нанести смертельный удар германскому империализму.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1296. Л. 156–157

№ 29

Из послания Э. Бенеша в оккупированную страну с оценкой ситуации

Лондон

21 октября 1939 г.

І. Политическая часть

После месячного ведения войны можно сказать о нашем вопросе и ситуации следующее:

1) Освобождение Чехословакии является, будет и должно быть нашей военной целью. Мюнхен* не существует, хотя о границах пока и не говорится.

2) О восстановлении нашей армии была достигнута договоренность с французским правительством, что закреплено письменно 2 октября 1939 г. Это соглашение подписано уже от имени временного чехословацкого правительства и позднее будет опубликовано. В Англии ведутся переговоры об армии и временном правительстве, которые идут успешно, так что, вероятно, как и во Франции, будет достигнуто соглашение. В ближайшее время др. Бенеш начнет также переговоры по вопросу о правительстве с США и СССР. С новым польским правительством будут установлены дружественные связи...

4) Попытки Германии заключить мир не будут иметь успеха. Англия и Франция должны вести войну до самого конца. Ожидаемое в Америке изменение закона о нейтралитете будет означать существенную материальную и экономическую помощь союзникам. Прямое участие Америки в войне пока нельзя просчитать.

5) Что касается СССР, то предполагается, что он не выступит в войне на стороне Германии. Будет проводить и далее свою теперешнюю политику, т. е., [добиваясь] территориальных, политических и социальных изменений в свою пользу. Мы ожидаем, что и теперь он поставит перед Германией вопрос об освобождении и эвакуации из Чехословакии.

6) Наш вопрос, таким образом, будет решаться давлением с запада и востока. Наша проблема — европейская, ни в коем случае только западная или восточная. Нашей задачей будет действовать так, чтобы выйти быстро, успешно и без внутренних потрясений из неизбежного послевоенного революционного хаоса и революции в Германии. Нашей тактикой должно являться поддержание равновесия между Англией, Францией, Россией и Америкой и не допустить, чтобы дело дошло до возможного конфликта с Советами, как в 1918 г.

7) Достижение соглашения России с западными державами облегчил бы приход в Англии правительства во главе с Черчиллем. Эта смена не исключена. ...

* Речь идет о Мюнхенском сговоре Англии, Франции, Германии и Италии 29–30 сентября 1938 г.

Edvard Beneš: vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 35–36

Перевод с чешского автора

№ 30

Запись Я. Масарика о беседе с И.М. Майским

Лондон

25 октября 1939 г.

- 1) Как проходили переговоры Бенеша в Париже и что будет с армией.
- 2) Майский не убежден, что Англия и Франция действительно хотят воевать. Как пример: в течение 9 недель до 27 сентября Майский ни разу не видел Галифакса. Между 15 июля и 27 сентября Майский вообще не имел ни одного контакта с Форин Оффис. 27 сентября его пригласил Галифакс и спросил, желает ли Россия вести переговоры по экономическим вопросам. Москва ответила положительно. Сегодня 25 октября, а англичане не шевельнули и пальцем. Англичане должны были бы быть весьма заинтересованы в улучшении связей с Россией, а Россия, которая любой ценой хочет остаться нейтральной, во многом бы Англии помогла. Россия хочет вести торговлю со всеми воюющими государствами, и большая ошибка, что Англия этого не замечает. Поэтому-то Майский думает, что они (англичане. — В. М.) еще надеются на мир. Он слышал, что пресловутая (известная) Steffi Hohenlohe ведет переговоры с

Германией с вехом Даунинг Стрит 10 (леди Чемберлен?). Во Франции пораженческие настроения (defaitism) и фашизм и нежелание [воевать] еще большие, чем здесь.

Сталин не так глуп, чтобы верить Риббентропу, и Майский не верит, что Россия будет помогать Германии иначе, чем экономически, и то в незначительной мере, поскольку 1) Россия настаивает на выплатах либо твердой валютой, либо 2) на бартерном товарообмене, причем самого высокого качества. Ожидать какой-либо благотворительности в отношении Германии со стороны России было бы наивно. Что касается ЧСР, то Майский убежден, что русская политика последних недель принесет нам пользу и что, в конце концов, для нас все окончится благополучно.

Лаваль до сих пор в Италии — что там делает?

Хотя Майский был очень осторожен в критике Германии, но было ясно видно, что он верит в крах Германии и что нынешняя акция России является переходной и выжидательной тактикой. Майский чувствует себя лично весьма оскорбленным тем, что англичане более и в дружественных тонах с ним не общаются. У него есть (как представляется) приказ из Москвы предоставить инициативу полностью англичанам, а они не шевелятся.

Наконец, Майский весьма детально и с жаром говорил о том, что англичане и французы еще не участвуют в войне и, весьма возможно, вообще в нее не вступят. Капиталистический и буржуазный менталитет смертельно боится войны, и любой мир им милее, чем действительная борьба за свободу Европы. Москва не верит, что англичане и французы думают об этом всерьез — есть еще возможность это мнение опровергнуть, но тогда англичане и французы должны были бы поспешить и вести переговоры с Россией учтиво и серьезно.

Я. М.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 90–91

Перевод с чешского автора

№ 31

Запись И. М. Майского о беседе с Э. Бенешем

Лондон

21 ноября 1939 г.

Завтракали вместе с Бенешем.

Он недавно вернулся из поездки в Париж и подробно рассказал мне о своих злоключениях. Ездил Бенеш для того, чтобы выяснить возможности создания временного ЧС (чехословацкого. — В. М.) правительства. Оказалось, что шансов сейчас нет ввиду позиции, занятой францпра (французским правительством. — В. М.). Францпра относится с большой неприяз-

нюю к Бенешу, считая его слишком «левым». На Кэ-Дорсэ говорят: «Бенеш — это программа» и при том такая, которая для францпра при его нынешнем резко реакционном курсе оказывается неприемлемой. Даладье не захотел принять Бенеша официально, а Бенеш не захотел приходить к нему «в частном порядке» — в результате свидание не состоялось. Бенеш видел, однако, Рейно, Мандела, Эррио и других частным образом: они приезжали его навестить.

Конкретная подоплека неприязни францпра такова. Даладье и многие другие министры являются сторонниками расчленения Германии (что Бенеш считает нелепостью) и создания после войны Австро-Венгерской монархии с Отто Габсбургом во главе. В состав этой монархии должны войти: Австрия, Бавария, Венгрия и Чехословакия. Ясно, что при таких условиях Даладье с Бенешем не по пути.

В Лондоне, по словам Бенеша, отношение к нему весьма хорошее, но по вопросу о создании ЧС правительства бритпра (британское правительство. — *В. М.*) «при общей симпатии обнаруживает мало активности». Типично по-английски: бритпра пока играет надвое и не хочет себя... (неясное слово. — *В. М.*) связывать.

Во время пребывания Бенеша в Париже вопрос о правительстве ставился, но францпра было против «форсирования» вопроса, а главное категорически возражало против того, чтобы Бенеш был его членом (не говоря уже о премьерстве). В крайнем случае, францпра допускало образование ЧС правительства во главе с Осуским, который бегаёт на задних лапках перед францпра и ведёт линию против Бенеша. На этой базе, однако, нельзя было составить никакого правительства.

Тогда чешские круги в Париже выдвинули идею создания пока «Национального комитета», в распоряжении которого находилась бы ЧС армия, формируемая во Франции (насчитывает сейчас около 5 тысяч человек). Францпра на это согласилось, но при условии, чтобы в комитете не было Бенеша. Тогда ЧС армия устроила «revolt», и проект «Национального комитета» повис в воздухе. Чтобы выйти из положения, францпра предложило поставить ЧС армию в распоряжение Осуского, как единственного во Франции представителя ЧС, официально признанного францпра. В ответ армия устроила второй «revolt» и заявила, что она не желает быть в подчинении у одного человека вообще, и у Осуского, в частности. В конечном счете был заключен странный компромисс: «Национальный комитет» создается, Бенеш входит в его состав, Осуский также, но Бенеш не председательствует. Так и сделали. Но в «Национальном комитете» нет никакого официального председателя, неофициальным же является Бенеш. Все эти неудачи с «демократиями» неизбежно отбрасывают Бенеша к СССР. Он и раньше мне много говорил о необходимости для ЧС поддерживать тесные связи с СССР, но никогда еще не был так определен, как сегодня. Бенеш заявил, что не мыслит себе дальнейшего исторического существования ЧС без самой близкой, самой нераздельной связи с

СССР. Он давал понять, что при известных условиях допускает федеративную связь между своей страной и Советским Союзом. Именно ввиду таких соображений Бенеш считает абсолютно необходимым установление общей границы между ЧС и СССР. Это может быть достигнуто двумя путями: включение Карпатской Украины либо в состав ЧС, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной. Имейте в виду, — сказал Бенеш в заключение, — что, если бы на протяжении войны в Германии произошла социалистическая революция, если бы в результате ее в Германии разыгралась гражданская война, если бы в этой войне «Запад» стал поддерживать контрреволюцию, а «Восток» — революцию, — ЧС, конечно, оказалась бы на стороне «Востока»*.

* Следует иметь в виду, что, как считал сам И.М. Майский: «...записи разговоров делаются постфактум по памяти и никогда нельзя быть уверенным в их точности» (АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 7).

АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 330–331

№ 32

*Письмо командира группы интернированных чехословацких
военнослужащих Л. Свободы
в Народный комиссариат иностранных дел СССР*

Ярмолинцы

27 ноября 1939 г.

Как командующий, ответственный перед народом и семьями за судьбу 700 интернированных чехословаков в Ярмолинцах около Проскурова, — разрешите послать Вам эту просьбу.

После тяжелых потрясений, которые постигли наш народ осенью 1938 г., подоспела следующая катастрофа в марте 1939 г. Ничего из обещаний не было выполнено. Наоборот, наступил тяжелый период всего чешского народа, аресты, концентрационные лагеря, убийства.

Поэтому много людей искало защиты за границей с твердым решением бороться, как представится случай, против наших врагов под руководством бывшего президента д-ра Э. Бенеша.

Единственная свободная дорога для наших беженцев была Польша, которая, не желая вникнуть в наши дела, только разрешала к проезду транспортов во Францию. Последняя группа не могла выехать во Францию, так как, по требованию нашего посольства в Варшаве, правительство издало декрет о создании чехословацких легионов в Польше. Этот легион, однако, не был организован и не вооружен из-за постоянных оттяжек, а поэтому не было приступлено к его использованию.

Приближался конец войны в Польше. Наш посол в Польше д-р Славик лично обратился к Вашему полпреду Шаронову и военному атташе полковнику Рыбалко с просьбой о нашем передвижении через Вашу землю и дал мне приказание перевести группу на территорию СССР.

18 сентября этого года мы были уже под охраной Ваших войск, освобождающих Западную Украину и Белоруссию. Мы были сердечно приняты и окружены заботой. Были мы отосланы в Каменец-Подольск, а оттуда в Врховец и теперь мы в Ярмолинцах, где ждем Вашего решения о времени нашего отъезда во Францию.

Меньшая группа наших легионеров, в количестве приблизительно 60 человек, находится в Ческем Квасилове, около Здолбуново в Западной Украине.

Просим о своевременном ее присоединении к нам перед отъездом во Францию. Наступающая скверная погода и зима серьезно угрожают здоровью участников группы.

Одежда людей, которые бежали в летних костюмах, находится в плохом состоянии, а обуви совершенно не хватает на 150 человек — они босы.

Эта действительность производит неблагоприятное душевное состояние группы. Белье так разорвалось, что его невозможно даже стирать.

Полученная от Вас помощь была дана самым нуждающимся.

Просим поэтому о достаточной присылке белья, одежды и, главное, обуви (подчеркнуто синим карандашом. — В. М.).

Заверяю Вас, что все участники группы проникнуты любовью и лаской к Вам и Вашему народу.

Верим в справедливость, верим в Вас, потому что в тяжелые времена осени 1938 г. единственно Вы верно защищали наше справедливое дело. Наш народ Вам за это бесконечно благодарен и теперь надеется на Вашу помощь, которую хотим заслужить собственной работой.

Хотим сами бороться за свободу нашего трудящегося народа.

Так как в теперешней ситуации нам можно выполнить наши великие и глубокие желания только на земле Франции, просим (подчеркнуто синим карандашом. — В. М.), чтобы из-за этой единственной нашей цели, ради которой мы оставили родную землю, помогли нам как можно скорее.

Свою просьбу преподношу с чувством и сознанием большой личной ответственности за выполнение послания всех участников группы...

С чувством глубокой преданности и уважения —

Полковник* пехоты Людвик Свобода,
командующий чехословацкой группы

* Л. Свобода тогда носил звание подполковника.

№ 33

*Из материала о политической и экономической жизни Словакии, почерпнутого из разговоров с помощником присяжного поверенного д-ром Густавом Гусаком (коммунистом) и профессором университета в Братиславе, близко стоящими к правительственным кругам**

...Ходили слухи, что послом в Москву словацкое правительство пошлет или коммунистического депутата Клементиса или Майора**. После того, как выяснилось, что оба они эмигрировали, распространились слухи, что Москва пошлет в качестве советского посланника в Братиславе или Клементиса или Майора. На мой вопрос, кто будет культурным атташе словацкого посольства, профессор Мраз мне ответил, что были намечены коммунист Лацо Новомеский или коммунист Поничан***. Теперь раздаются голоса против кандидатур последних, так как боятся, как бы не повторилась история со словацким послом в Лондоне Сатмари, ушедшим в эмиграцию и перешедшим в лагерь словацких легионеров. Во всяком случае, прибытия советского посольства в Братиславе ждут с большим нетерпением. Д-р Гусак указал, что если советский посланник поведет ловкую политику, то он легко сможет снискать в пользу Союза многих лиц из правительственных кругов, мечтающих найти опору в славянском государстве с целью защиты от германской гегемонии. Таким ближайшим славянским государством является СССР, после распада Польши.

...Словакия, в частности Братислава, по сравнению с так называемым протекторатом поражает обилием продуктов и товаров. На базарах свободно без карточек продают мясо, сахар, масло, кофе и т. д. В действительности о полном благосостоянии говорить не приходится. Правда, некоторые продукты, как сахар, мука и др. в цене не поднялись, но зато большинство других продуктов и товаров сильно поднялось в цене: мясо на 50%, вздорожали также масло, яйца, керосин и др. Особенно сильно вздорожали текстильные товары. Дороговизна, естественно, вызывает большое недовольство в широких кругах. ... Все же экономическое положение Словакии значительно лучше, чем в Чехии и Моравии. Объясняется это тем, что 1. словаки не делают никаких запасов на случай войны; 2. маленькая армия не требует больших расходов; 3. за свои товары словаки получают из Германии значительно больше, чем так называемый протекторат. ... В настоящее время Словакия вывозит 80% в Германию, включая Чехию и Моравию. Долги Германии Словакии сильно возросли. ... В настоящее время экономические круги Словакии стараются вырваться из тисков Германии, чтобы иметь возможность продавать тем государствам, которые платят, и ищут сильного конкурента Германии. Все чаяния обращены на СССР, который в случае занятия Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) мог бы иметь общую границу со Словакией.

...Самым крупным событием во внутренней политике Словакии следует считать тот факт, что Тисо удалось удержать в правительстве все умеренные элементы и устранить все радикальные. ... Самым влиятельным [в правительстве] в настоящее время стал Дурчанский, который одновременно занял пост министра внутренних и иностранных дел. Кроме того, он избран товарищем председателя глинковской партии.

...В Братиславе со всех сторон слышно, что народ всецело ориентируется на СССР. Чем больше растет и будет расти ненависть к германским грабителям, тем сильнее рост русофильства. До заключения германо-советского пакта почти все словаки были ориентированы советофильски. После пакта произошел раскол. Часть словаков, главным образом коммунисты, остались верны Союзу, у «бенешевцев» было настроение противосоветское. Потом, когда Красная Армия приблизилась к Словакии, опять почти все население объединилось в советофильстве: дипломатию СССР признают мудрой, и только ждут, когда придут в Словакию русские.

...Коммунист д-р Гусак высказал пожелание, чтобы советское радио не говорило о Чехословакии. Английское и французское радио делают большую ошибку, все время выступая с терминами «Чехословакия», «чехословацкий» и т. п. Ошибки эти понятны: словацкая эмиграция, выехавшая за границу в апреле и марте, не знает, что в этом отношении сильно изменилось настроение словаков. За последнее время словаки привыкли считать себя самостоятельным народом, что объясняется отчасти лучшей экономической конъюнктурой Словакии по сравнению с так называемым протекторатом...

* Документ написан от руки чернилами, не имеет ни даты, ни подписи. Скорее всего, он составлен, исходя из текста, примерно в октябре–ноябре 1939 г. советским генконсулом в Праге В. Яковлевым либо на месте, либо во время его кратковременного пребывания в Москве. В НКВД СССР тогда обсуждался вопрос об обмене дипломатическими представителями между Москвой и Братиславой, а сведений из Словакии практически не было.

** В. Клементис, словацкий коммунист, находился в эмиграции сначала в Париже, потом в Лондоне. Исключен из КПЧ за критику внешней политики СССР в связи с подписанием советско-германского пакта о ненападении, в конце войны восстановлен в партии. После войны — заместитель министра, затем министр иностранных дел ЧСР, обвинен в буржуазном национализме, казнен в 1954 г. Ш. Майор — словацкий социал-демократ, эмигрировавший в Англию.

*** Поницан, словацкий поэт, коммунист.

АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 215. Л. 96, 98, 101, 102, 103–104

№ 34

*Телеграфное сообщение З. Фирлингера Э. Бенешу
о прекращении деятельности чехословацкого полпредства в Москве*

Москва

14 декабря 1939 г.

Для Бенеша. Наркоминдел сообщил, что не может далее признавать мой дипломатический статус. Он также требует прекратить официальную деятельность и освободить здание до 1 января. Тем не менее он предложил мне и остальным членам представительства гарантию частного проживания и свободу передвижения. У меня впечатление, что замысел хорош и что Советы действуют в соответствии с международной ситуацией. Я сказал, что должен посоветоваться по этому вопросу. Ответ, должен ли я принять условия и остаться, на всякий случай отослав во Францию лишней персонал. Возможно, я мог бы в начале будущего года приехать на короткое время к Вам. Так все мосты с Москвой не были бы сожжены*. Словацкий посланник Тисо уже два дня в Москве.

Фирлингер

* В ответе Бенеша, телеграфированном Фирлингеру 16 декабря 1939 г., говорится: «Останьтесь в Москве, как это будет возможно и как Вы сам сочтете удобным. Если Вы приедете сюда, то вряд ли сможете возвратиться». Фирлингер, однако, 17 декабря в полдень телеграфировал в Лондон: «Для Бенеша. На мою шифрограмму я до сих пор не получил ответа. Поэтому по зрелом размышлении я решил полностью ликвидировать дела и отбыть в конце декабря через Гибралтар. Я сообщил Наркоминделу, что надеюсь возвратиться как только позволят обстоятельства. Денег не посылайте. Фирлингер».

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 108–109

Перевод с чешского автора

№ 35

*Письмо зам. народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкина
председателю Комитета по делам высшей школы
при СНК СССР Кафтанову о направлении в Братиславу
делегации советских ученых*

Москва

23 декабря 1939 г.

Словацкий посланник в Москве Тисо обратился в НКВД с письмом, в котором от имени премьер-министра Словакии приглашает представителей 33 наших университетов на открытие словацкого университета, которое состоится в Братиславе 14 января 1940 г. ...

НКВД считал бы желательным послать в Братиславу делегацию в количестве до 5 человек.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 219. Л. 39

№ 36

Запись в дневнике И.М. Майского о сообщении чехов

Лондон

5 января 1940 г.

Из чешских источников сообщают:

1. ЧС Национальный комитет конституировался. Бенеш его председатель (Францпра вынуждено было снять свои возражения против него). Комитет признан Англией и Францией. Получает на этом основании известные средства бывшего ЧС государства. ЧС армия во Франции уже насчитывает 10 тыс. Предполагается довести ее до 2 дивизий.

2. Положение Бенеша довольно затруднительное. До сих пор политика его состояла в том, чтобы балансировать между англо-французами, с одной стороны, совпра (советским правительством. — *В. М.*), с другой. Теперь в связи с признанием Словакии Советским Союзом и лишением Фирлингера его официального положения в Москве, эта задача сильно усложняется. Бенеш боится, что он будет «съеден» Англией и Францией, в результате чего могут повториться ошибки 1914–1918 гг. Поэтому настроение у Бенеша сейчас довольно пессимистическое.

3. Линия гермпра (германского правительства. — *В. М.*) состоит сейчас в том, чтобы довести до разрыва между СССР и «западными демократиями». Способом для этого является Финляндия...

4. На Балканах Германия ведет борьбу против образования Балканского блока, а также против упрочения здесь позиций Англии, Франции и Турции. Делается это, в частности, путем поощрения ревизионизма Венгрии и Болгарии. Германия сконцентрировала сейчас 43 дивизии в Австрии, ЧС и южной Польше. Она, видимо, готовится угрожать или даже воевать против Румынии через Венгрию.

Все это довольно любопытно и походит на правду. Но, конечно, нужно сделать известную скидку на характер источника.

АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 22

№ 37

Из сообщения особого уполномоченного Чехословацкого национального комитета в Румынии полковника Г. Пики Военному управлению ЧНК, касающегося эвакуации чехословацких граждан, состоящих в так называемом Польском легионе, из СССР

Бухарест

26 января 1940 г.

После четырнадцатидневного перерыва я сегодня снова обратился в советское посольство по вопросу о нашем легионе в СССР.

На этот раз временный поверенный в делах (charge d'affaires) Куколев заверил меня, что советское правительство выполнит нашу просьбу о репатриации наших граждан. Румынское правительство тоже даст согласие на транзит, если наших беженцев согласится принять какое-либо нейтральное государство. Югославия якобы отказалась дать разрешение на транзит, поскольку не уверена, даст ли Италия также разрешение на проезд.

Я начал переговоры с турецким посольством о том, чтобы турецкое правительство официально приняло наших беженцев из России. Я даю Турции гарантию, что наши граждане не останутся в Турции ни на день больше, чем нужно для пересадки на новый корабль, или же просто проедут Стамбулом. Посол будет информировать Анкару.

Одновременно по рекомендации советского посольства в Бухаресте я направил народному комиссару иностранных дел просьбу разрешить мне посетить места, где находятся наши беженцы, чтобы после согласия на их отъезд организовать транспорты.

Я сделал это так потому, чтобы в случае согласия турецкого правительства не ждать долго получения разрешения посетить Россию.

Прошу высказать ваше мнение и согласие с возможной поездкой в Россию. ...

Полк[овник] генштаба Пика

Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940 (16 března — 15 června 1940). Praha, 2002. S. 360–361

Перевод с чешского автора.

№ 38

Из депеши нелегального ЦК КПЧ Клементу Готвальду

28 января 1940 г.

...Сообщите нам, нужно ли в наших лозунгах говорить о новой свободной Чехословакии. Лозунг национального и социального освобождения чехов и словаков не исчерпывает всей проблемы. Речь идет об отно-

шении чехов и словаков, а также о будущей форме государства. Существующий ныне главный лозунг в Словакии «За свободную Словакию в свободной Чехословакии» вследствие этого дискутабелен. Вопрос о том, является ли лозунг права на самоопределение в обращении трех партий также и лозунгом КПЧ.

Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. Č. I. Praha, 1970. S. 33
Перевод с чешского автора

№ 39

*Из письма Я. Смутного
полковнику Г. Пике об отношении к СССР*

Лондон

30 января 1940 г.

Милый друг,

...Во внешней политике определенные изменения бесспорного значения произошли после полного сближения Советской России с Германией и ее (России. — В. М.) перехода тем самым на сторону враждебного нам фронта. Это проявилось также в отказе далее признавать чехословацкого полпреда в Москве и в ликвидации нашего полпредства. Несмотря на это, следует сохранить положительное отношение к Советской России, не упрекать за то, что произошло, поскольку 1) формально Советская Россия не находится в войне с нашими союзниками Англией и Францией и, следовательно, с нами, 2) до сих пор не известны даже мотивы всей советской политики.

Поэтому, учитывая изменение советской ориентации, мы должны пока видеть, что в нынешней ситуации мы не можем рассчитывать на помощь Советской России в осуществлении наших требований. Однако мы должны осознавать, что советская Россия, несомненно, своим союзом с Германией преследует цель революционизировать и коммунизировать не только Германию, но и всю Центральную Европу.

Социальным изменениям подобного рода, несовместимым с социальной структурой нашего развитого рабочего и сельскохозяйственного населения, мы не хотим подвергать наше государство...

С сердечным приветом

Твой

Я. Смутны

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 116–117

Перевод с чешского автора

№ 40

*Из информационного письма Г.М. Пушкина**

Братислава

4 марта 1940 г.

...Положение Дурчанского** пока что довольно прочное, но немцы его не любят и, по-видимому, ждут подходящего момента, чтобы его убрать. По моим наблюдениям Дурчанский проводит довольно сдержанную политику. Он боится чем-либо напугать немцев, но в то же время не позволяет им чересчур распоясываться. ... Дурчанский, как министр внутренних дел, не следует политике Германии и в отношении компартии. Компартия в Словакии запрещена, но, тем не менее, большинство коммунистов на свободе и работает далее в словацких государственных учреждениях. Далее, упорно утверждают, что Дурчанского не любят в Берлине и за то, что он не проводит в Словакии антисемитскую кампанию в такой мере, в какой требует это Берлин. Это, пожалуй, верно. Дурчанский здесь считается с настроениями словацкого народа, которому чужд антисемитизм. ... Дурчанский понимает, что антисемитская кампания в Словакии, если она будет проводиться в таком объеме, как в Берлине, вызовет неприязненное отношение к Словакии за границей, и это подорвет внешнеполитические позиции этого и без того малоустойчивого государства. ...

2 марта Дурчанский устроил прием, на котором присутствовали работники МИДа и весь дипломатический состав германской и советской миссий. Мне представляется, что Дурчанский организовал его не случайно. Он хотел показать немцам, что отныне Словакия имеет дело не только с Германией, но и с Советским Союзом. ... От нас словаки ждут, пожалуй, больше, чем мы им можем дать. В этом смысле у меня положение довольно деликатное***.

* Г.М. Пушкин (1909–1963) — советский дипломат, в 1941–1942 гг. — зам. заведующего 4 Европейским отделом НКВД СССР, в 1942 г. — заведующий 3 Европейским отделом НКВД СССР.

** Правильно — Дюрчанский.

*** Выделенный текст отчеркнут по левому краю красным карандашом.

АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 29–30

№ 41

*Из сообщения начальника Канцелярии Постоянного делегата ЧСР
при Лиге Наций Я. Копецкого Управлению иностранных дел
Чехословацкого национального комитета в Париже
о внешней политике СССР*

Женева

10 марта 1940 г.

Р о с с и я: Недавно я имел разговор с бывшим советским генеральным podsekretářem S.D.N. Соколиным о русской политике, особенно в связи с чехословацким вопросом. Я прямо спросил его, как можно объяснить противоречие между заявлениями русских весной прошлого года против оккупации Чехословакии Германией и нынешней советской политикой. Соколин мне открыто сказал, что то, что сегодня с русской стороны делается в отношении ЧСР, является составной частью советской политической тактики, которая имеет одну цель: использовать войну в собственно русских интересах. Россия хочет использовать эту войну для того, чтобы получить опять назад все, что ей когда-то принадлежало. Она хотела прежде всего реализовать свои интересы на Балтике, при этом сначала по соглашению с Англией и Францией. Когда же, дескать, обе эти страны не проявили понимания в этом вопросе, Россия использовала нужды Германии и в соответствии с этим выработала свою тактику. Это означает, что, пока Россия занята реализацией этих своих конкретных интересов, она не может желать осложнений, когда речь идет о Германии. Таким образом, она (Россия. — В. М.) должна была действовать в Центральной Европе, в том числе и в чехословацком вопросе, в соответствии с тем, как этого хотела Германия. Что касается дальнейшего развития отношения России к Центральной Европе, и, следовательно, также к Чехословакии, то, согласно Соколину, все будет зависеть от последующего развития советско-германских отношений. Существующие отношения он определил как взаимное использование партнерами друг друга, которые друг другу не доверяют, но из оппортунистических соображений считают необходимым идти вместе. Сегодня речь идет о том, сохранится ли это недоверие и далее, и случится ли, следовательно, однажды такое, что Россия повернет против Германии и захочет изгнать немцев из Центральной Европы. Или же настанет действительное сближение обоих партнеров, так что нынешняя война превратится в войну обеих стран против британской империи. В этом случае, говорил Соколин, ситуация в Центральной Европе выглядела бы иначе.

Советская армия: швейцарские лица, которые находились в Финляндии и интересовались качеством советской армии, пришли к выводу, что военное снаряжение советской армии действительно очень хорошее. И наоборот, ощущается острый недостаток в хорошо обученных людях, которые бы с этим снаряжением могли обращаться. Что касается личных

качеств советских солдат, то хотя, с одной стороны, очень плохое командование, но, с другой, советский солдат хорош. Сообщения о том, что советские солдаты не сдавались в плен лишь потому, что боялись пыток в финском плену, неправильны. Советский солдат не сдается в плен просто потому, что действительно сражается до конца своих сил...

Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940 (16 března — 15 června 1940). Praha, 2002. S. 409

Перевод с чешского автора

№ 42

*Из депеши К. Готвальда нелегальному ЦК КПЧ,
касающейся его дальнейшей деятельности и политической линии**

Москва

10, 13 и 15 марта 1940 г.

Первая часть. 10 марта 1940 г.

...Борьба за руководящую роль в освободительном движении чехов и словаков по-прежнему остается основной политической задачей партии в этот период. При этом партия должна учитывать новые моменты в развитии ситуации. Мы придерживаемся одинаковой с немецким пролетариатом линии, направленной против западного империализма как агрессора. Поэтому мы — решительные противники заграничной акции Бенеша — Осуского. В стране тактически необходимо провести политическую кампанию против Парижского национального комитета и его действий: принудительной мобилизации, использования чешских формирований в качестве антисоветских и колониальных войск, преследования чехов и словаков во Франции и Англии. Мы принципиально отвергаем создание чехословацкой заграничной армии. Клема.

Вторая часть. 10 марта 1940 г.

Бенеш и К^о присваивают себе право самовластно определять будущее нации. Они уже продали независимость чехов и словаков и теперь ведут переговоры с лондонскими кредиторами лишь об использовании народа в державных и антисоветских планах западных империалистов. ... Выступайте от имени рабочего класса против этих контрреволюционных махинаций. В отношениях между Бенешем и Осуским присутствуют грязные споры, интриги и скандалы. Противопоставьте им единство народа внутри страны под нашим руководством на основе нашей программы освобождения. Клема.

Третья часть. 13 марта 1940 г.

Наши довоенные лозунги должны быть изменены. Под лозунгом «восстановление Чехословакии» скрываются теперь империалистические

и антисоветские планы. Национальный вопрос стоит сегодня по-другому, сводится к проблеме чехов и словаков. Мы недвусмысленно подчеркиваем, что для нашей партии лозунг полного права на самоопределение чехов и словаков сохраняет свое значение. Право на самоопределение означает право на самостоятельное государственное существование. У чехов мы боремся за восстановление национальной и государственной свободы. У словаков мы боремся за полный суверенитет нынешнего словацкого государства. Борьба за право на самоопределение отличает наш путь от пути мирового империализма и Бенеша. Они — против самоопределения и свободы народов и хотят лишь диктат. В борьбе с Гитлером мы ставим требование о самоопределении перед немецким народом и немецким рабочим классом Клема.

Четвертая часть. 15 марта 1940 г.

Отношения между чехами и словаками складываются по-новому. Словацкий сепаратизм играет теперь иную роль. Поэтому надо отказаться от старых лозунгов в отношении Словакии. Словацкое государство — это имеющаяся основа для борьбы за полную свободу словаков. Будущие отношения между чешским и словацким государствами связаны с вопросом самоопределения обоих народов и зависят от хода войны (и результатов — пометка Г.М. Димитрова. — *В. М.*). Термин «Чехо-Словакия» следует понимать в этнографическом смысле и как выражение освободительного движения обеих наций. ... В Словакии речь идет о внутренней демократизации, и в первую очередь о легальных правах рабочего движения. Влияние на словацких рабочих должно стать для нас основой политического вмешательства в новый ход словацкого развития. Подчеркиваем необходимость самостоятельной политики для Словакии. ... Клема.

Пятая часть 15 марта 1940 г.

В стране партия должна активно воздействовать на внутреннее развитие. Представительство интересов чешского народа не оставлять за Гахой и К^о, а сделать задачей рабочего класса. Выдвигать правильно национальные, экономические и социальные требования. С чешской буржуазией, ориентирующейся на Запад, но одновременно сотрудничающей с Гитлером в деле ведения войны, никакого замирения, но классовая борьба. Партия должна бороться за руководство всей нацией путем работы на заводах, в профсоюзах, в спортивных организациях, в Национальном содружестве, среди молодежи. В перспективе партия сможет путем внутренней борьбы и в союзе с немецким рабочим классом сохранить в дальнейшем не только оставшиеся национальные права, но все настойчивее и реальнее выдвигать также вопрос о полной свободе. ... Клема.

* Проект директив был представлен Г. Димитрову 28 февраля 1940 г. В сопроводительном письме, подписанном К. Готвальдом, говорилось: «Из последних запросов пражского руководства вытекает, что наши товарищи не совсем поняли выводы, следующие из новой линии, и используют ряд старых, на се-

годняшний день неправильных лозунгов. Таким образом, необходимо дать им более подробные указания». С проектом, помимо Димитрова, знакомились Д.З. Мануильский, Флорин, В. Пик. Текст политических директив был окончательно утвержден 8 марта на заседании Секретариата ИККИ.

Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. Č. 1. Praha, 1970. S. 33–35
Перевод с чешского сверен с документом: «Письмо К. Готвальда о проекте директивы Компартии Чехословакии от 28 февраля 1940 г. с приложением ее текста», опубликованным в сборнике *Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До 22 июня 1941 г. М., 1994. С. 277–279*

№ 43

Письмо президента Акционерного общества бывших заводов Шкода в Пльзене В. Громадко министру промышленности, торговли и ремесла Протектората Чехия и Моравия Я. Крадохвилу по вопросу о торговых связях с СССР

Прага

26 марта 1940 г.

Глубокоуважаемый господин министр,

Ссылаясь на устный разговор, в котором я позволил себе указать на необходимость заключения подготовленного в общих чертах договора о взаимном обмене товарами территории Чехии и Моравии с СССР, позволю себе сообщить, что, согласно полученным мною сведениям, СССР в принципе готов перейти к таким переговорам, если с нашей стороны последует просьба об этом.

Также и у немцев я смог обнаружить согласие на то, чтобы представители территории Чехии и Моравии обсудили решение этого вопроса самостоятельно. Думаю, что подтверждение этих сведений надо видеть в том, что договор между Германской империей и СССР не распространяется на территорию Чехии и Моравии.

Учитывая это обстоятельство, а также доводы, которые я позволил себе привести в своем предложении от 9 марта 1940 г., от имени «Объединения для торговли с СССР» осмеливаюсь просить Вас, глубокоуважаемый господин министр, любезно предпринять шаги, чтобы эти переговоры с СССР были начаты.

Во время этих переговоров можно будет также обсудить принципы и формы платежных связей с СССР, в связи с чем, исходя из взаимных интересов, позволю себе предложить, чтобы погашение осуществлялось до 25% в кронах, а остальное — в свободных девизах, как правило, в долларах.

Воспользовавшись этой возможностью, было бы также необходимо обсудить вопрос о дебиторской задолженности, которая исчисляется, исходя из ссуды 1935 г., в общей сложности 250 млн крон, проценты по ко-

торым и погашение долга с декабря 1939 г. не выплачиваются. Эти долговые суммы к концу 1940 г. достигнут примерно 67 млн, а в 1941 г. подойдет выплата следующих примерно 140 млн крон. Рекомендовалось бы использовать суммы этого долгового обязательства, о котором договорятся финансовые учреждения СССР и представители наших финансовых учреждений (как поручителя ссуды), для закупки товаров в СССР, возможно, и таким способом, чтобы закупки частично оплачивались из этой финансовой задолженности и частично в долларах.

Возможность вывоза изделий металлопромышленности в СССР, при условии устранения препятствий для экспорта, которые были упомянуты в письме заводов Шкода от 9 марта 1940 г., и в особенности признания за здешними предприятиями определенного, совершенно свободного участия в экспорте их продукции в целом, оценивается в соответствии с размером этой свободной экспортной доли суммой свыше 50 млн крон ежегодно.

Для оценки взаимной торговли с СССР надо учитывать то, что положения о сроках выполнения взаимных поставок будут примерно такими же, как те, которые действуют в торговле Германии с СССР.

Это будет означать, что, прежде всего, необходимо осуществить в большей части импорт из СССР, и только потом последует наш экспорт в СССР.

Поэтому для проведения закупок в СССР надо предоставить предприятиям, особенно тем, которые не имеют девизной автономии, необходимые для этого свободные девизы.

Что касается импорта из СССР, то уже в прошлые годы он состоял в своей большей части прежде всего из руды (железной и магнитной). Тем более в современных условиях надо будет помнить о снабжении промышленности необходимым сырьем, в том числе и таким, которое потребуется для осуществления поставок в СССР. Особенно если СССР настаивает на требовании использовать и специальные материалы, необходимые для производства качественной продукции, которыми мы сами себя уже не имеем возможности обеспечить.

При обеспечении себя сырьем мы не забываем о потребностях в нем и других отраслей промышленности, а также о потребностях в продовольствии, что проявилось при закупках в СССР, осуществляемых фирмами Омнипол и Котва.

Что касается загруженности отдельных наших отраслей промышленности, то у меня есть сведения, что можно будет попытаться договориться с СССР, чтобы он поставил соответствующее сырье и другие необходимые продукты для обработки на наших обогатительных предприятиях, т. е. для обработки за плату по заказу СССР.

Позволю себе заметить, что нам очень приятно участвовать по просьбе Министерства торговли в подготовке этих переговоров и мы дадим Министерству торговли всю необходимую и затребованную информацию и в случае надобности пошлем на эти переговоры своих экспертов.

Благодарю Вас, глубокоуважаемый господин министр, за то, что Вы столь любезно начали подготовку к проведению упомянутых переговоров, кланяюсь Вам.

С выражением совершенного почтения

собственноручная подпись

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 65–66

№ 44

Из записи военно-воздушного атташе ЧСР в Великобритании подполковника Я. Каллы о беседе с послом СССР в Великобритании И. М. Майским, касающейся чехословацких беженцев в СССР, направления неофициального дипломатического представителя в Москву и развития международной ситуации

Лондон

4 апреля 1940 г.

Я просил о беседе с советским военным атташе по следующим вопросам:

1) Проезд наших граждан из балтийских стран через советскую территорию на юг в какой-либо черноморский порт, как я просил 12 февраля с. г.

2) Вопрос, как бы советские власти отнеслись к чехословацким беженцам бывшей Подкарпатской Руси, если бы они перешли советскую границу. Была бы им оказана помощь при переходе либо в Румынию, либо в какой-нибудь черноморский порт.

3) Разрешило ли бы советское правительство пребывание нашего неофициального дипломатического представителя в Москве.

В связи с отсутствием военного атташе генерала Черниго, который находится в Москве, я был принят послом Майским.

Вопрос 1) я не ставил, поскольку я его предложил 12 февраля с. г. военному атташе (Конопасек, Коукол, Каминек) и не получил до сих пор ответа.

На вопрос 2) он ответил:

Он рад был бы знать, чем окончилось дело наших беженцев из Польши, о которых где-то в декабре говорил с президентом др. Э. Бенешем. — Трудность якобы состояла в том, что румыны отказались дать нашим беженцам транзитные визы.

Я ответил, что хотя и не информирован, но если судить о ситуации в Румынии, то я полагаю, что наши люди уже были отосланы. Однако в последующих случаях речь не может идти о переезде с документами и соответствующими визами. Большинство наших людей бежит без каких-либо документов и переходили бы, таким образом, нелегально на румынскую территорию. Поэтому мы хотели бы знать, не будут ли они советскими властями либо посланы обратно, либо интернированы.

На это Майский ответил, что для советских властей будет трудно выяснить, правильны ли данные людей без документов.

Я ответил, что ситуация тяжелая, наши люди не могут иметь документы, и поэтому не остается ничего, кроме как верить тому, что они говорят.

Майский ответил, что обратится за информацией в свои вышестоящие инстанции.

По вопросу 3) он спросил у меня, в какой функции мы представляем нашего неофициального дипломатического представителя и кто бы это мог быть.

Я ответил, что и для нас, и для советского правительства это был бы уполномоченный чехословацкого государства. А для общественности ему в зависимости от желания советской стороны могла бы быть определена функция либо журналиста, либо коммерсанта и т. д.

Потом он спросил об имени, может, это был бы полковник военно-воздушных сил Бероунский, который за последние годы был несколько раз в России во время приемки закупленных нами советских самолетов. Ген[ерал] Черный, советский военный атташе, его помнит.

Майский обещал передать наши просьбы своему правительству.

Просьбу о неофициальном представителе я мотивировал тем, что отношение чехов к русским не изменилось.

Посол Майский сам начал разговор о политике России и сообщил примерно следующее:

«Не правда, что у нас есть договор с Германией. У нас свободные руки, и мы хотим иметь их свободными и далее. Мы не хотим быть втянутыми в войну и стали бы союзником Германии лишь в том случае, если бы Франция или Англия на нас напали».

Я ответил, что не думаю, чтобы Франция или Англия напали на Россию.

На это посол Майский указал на присутствие английских военных сил в Малой Азии, как будто бы готовых к нападению с кавказской стороны.

Я ответил, что полагаю, что, вероятно, это просто превентивная мера на случай какой-либо немецкой акции на Балканах...

Хотя у них (Советов. — В. М.) есть торговый договор с Германией об обмене жизненно необходимыми товарами, они были вынуждены его заключить по двум соображениям: Великобритания с начала войны прекратила почти всякий обмен товарами с Россией, а Франция выслала российскую делегацию из Парижа.

Посол Майский две недели назад был у английского министра иностранных дел и предложил обсудить договор о товарообмене между Советской Россией и Великобританией.

Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940 (16 března — 15 červen 1940). Praha, 2002. S. 443–445

Перевод с чешского автора.

№ 45

*Из сообщения Военного управления
Национального чехословацкого комитета Э. Бенешу
о сведениях, полученных
штабс-капитаном Я. Крчком в СССР*

Париж

24 мая 1940 г.

Штабс-капитан Ян Крчек, который с 9.3. по 9.4. 1940 г. вел переговоры в Москве об отправке наших граждан из бывшего чехословацкого легиона в Польшу, ныне интернированных в СССР, сообщает разные сведения, полученные во время пребывания и переговоров в Москве:

«1) Все видные деятели в СССР с самого начала подчеркивали дружественное отношение к нам и благожелательную позицию в чехословацких проблемах.

2) За то, что не был осуществлен отъезд нашего [легиона], ответственность якобы несет Румыния. В последнее время ослаб, дескать, интерес к нам и со стороны наших представителей на Западе.

3) Мое личное впечатление, что отправкой двух групп Совету хотели лишь подтвердить свои намерения. А так, вероятно, захотят использовать наши проблемы для установления контактов.

4) Состояние нашего сопротивления внимательно отслеживается. Абсолютным доверием Советов пользуются др. Бенеш, генералы Ингр, Элиаш* и Виест**. К средней группе лиц относят др. Шрамека***, Славика, Яна Масарика, которые пользуются достаточной симпатией, и я думаю, что хватило бы публичного заявления о поддержке др. Бенеша, чтобы они получили доверие в СССР. Напротив, Совету относятся совершенно отрицательно к таким лицам, как Осуски****, Годжа*****, Прхала, Беран*****, Сыровы***** и очень пренебрежительно говорят о др. Нечасе. В принципе, у меня впечатление, что социал-демократы пользуются у Советов гораздо худшей репутацией, чем сторонники иных, хотя бы и так называемых буржуазных партий.

5) Весьма хорошей репутацией пользуется наша бывшая армия, и большое доверие испытывают к нашей новой армии во Франции. Однако они не понимают, что военные, которые участвуют в сопротивлении, то есть преследуют определенные политические цели, традиционно привержены принципу неучастия в политике. Участие наших военных кругов в политическом руководстве является, дескать, просто формальным. Мы страдаем, дескать, от ссор между политиками и преследования ими личных целей. Дескать, из-за соображений гуманизма и оглядки на отдельных лиц и небольшие группки людей мы наносим вред целому.

6) Чехословацкая республика была, дескать, наиболее порядочным государством в Европе, которое стремилось честно выполнять свои соци-

альные обязательства. Непонятна только партийная раздробленность, которая тормозила государственное развитие.

7) После длительных дебатов о [возможности] коммунизма у нас переговорщиком [со стороны Советов] г. Орловым признано (возможно, только на первый взгляд), что единственной государственной формой у нас является «буржуазно-демократическая республика». Несколько раз было брошено, что если мы не получим республику от кого-то другого, то получим ее от Советов.

Мне намекнули, что Советы не имеют никаких территориальных притязаний, и подчеркнули, что даже в балтийских государствах не оказывается влияния на внутреннее развитие.

При упоминании о территориальном восстановлении ЧСР мне не удалось получить ясного высказывания, кроме намека на то, что для них вопрос о Подкарпатской Руси не имеет большого значения, поскольку, дескать, она никогда не принадлежала России. Несмотря на это, они проявляют значительный интерес к положению там, который, однако, объясняется нынешним интересом разведки в отношении Венгрии.

8) Всех руководящих лиц нынешней Словакии они считают предателями, состоящими на службе либо Германии, либо Венгрии.

9) Они опасаются, чтобы чехословацкая армия не была использована против СССР и чтобы она не была использована для достижения империалистических целей Англии и Франции. А также, дескать, чтобы она не была использована для подавления внутренних волнений.

10) Отъезд нашего полпреда Фирлингера из Москвы объяснили в январе подполковнику Свободе тем, что, дескать, он был вызван Бенешем на Запад. Мне потом в марте было сказано, что он в Москве далее не мог оставаться в качестве политического (или дипломатического) полномочного представителя, но что в Москве его с удовольствием оставили бы как неофициального представителя нашего сопротивления. Ему, дескать, предлагали 5-комнатную квартиру, но полпред Фирлингер, дескать, на это из соображений престижа не согласился. Они не сомневаются в том, что др. Бенеш в ближайшее время направит в Москву иное лицо.

11) При обсуждении вопроса об отношении СССР к Германии никогда не подчеркивалась искренняя дружба. Договор объяснялся политической необходимостью и характеризовался словами: брак по расчету, в котором постоянно существуют доводы к расторжению. ...

14) Сделаю еще одно небольшое, возможно не имеющее значения замечание:

На мои слова, что „если бы Россия выступила против Германии, то мы, само собой разумеется, попросили бы о вступлении в Красную Армию, поскольку наше место сегодня всюду, где ведется борьба против гитлеризма, и что нас здесь было бы достаточно много вместе с вольнскими чехами, так много, что нам не хватило бы даже нашего командного состава“, было замечено: „Я думаю, что у нас еще было бы время пере-

править Вам из протектората столько людей, сколько вам потребовалось бы. В самой Москве у нас есть сегодня 13 000 ваших эмигрантов“». ...

Начальник чехословацкого военного управления

Дивизионный генерал Сергей Ингр

* А. Элиаш — чехословацкий генерал и политик, в 1939–1940 гг. председатель правительства протектората, в 1941 г. арестован немцами, в 1942 г. казнен за сотрудничество с Сопротивлением.

** Р. Виест — чехословацкий генерал, в 1939–1940 гг. член Чехословацкого национального комитета в Париже.

*** Монсеньор Я. Шрадек — чехословацкий политик, в 1939–1940 гг. действующий вице-председатель Чехословацкого национального комитета в Париже.

**** Ш. Осуски — чехословацкий дипломат и политик, бывший посол ЧСР во Франции, в 1939–1940 гг. член Чехословацкого национального комитета в Париже.

***** М. Годжа — чехословацкий политик, в 1935–1938 гг. председатель правительства ЧСР, в 1940–1944 гг. член чехословацкого Государственного совета в Лондоне.

***** Р. Беран — чехословацкий политик, в 1938–1939 гг. председатель правительства Ч-СР, а затем правительства протектората.

***** Я. Сыровы — чехословацкий генерал и политик, в 1938 г. председатель правительства, в 1938–1939 гг. министр национальной обороны.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 140–143

Перевод с чешского автора

№ 46

*Запись в Дневнике И.М. Майского о сведениях,
полученных из чешских источников*

Лондон

15 июня 1940 г.

Из чешских источников сообщают, будто бы основная линия «гитлеровского плана устройства Европы» сводится к следующему:

Эльзас-Лотарингия переходит к Германии. Савойя и Ницца — к Италии, Пиренеи — к Испании. Франция разоружается и превращается в германский протекторат де-факто под управлением послушного французского правительства. Большое количество немецких колонистов (в том числе выходцев из Прибалтики) переселяются во Францию. Большая часть французских колоний в Африке делится между Германией и Италией, причем Германия, конечно, получает львиную долю.

Англия после ее разгрома также превращается в германский протекторат де-факто примерно на тех же основаниях, что и Франция. Однако

Британская империя сохраняется с центром в Канаде. В состав империи продолжают входить Австралия, Новая Зеландия и азиатские владения Англии, включая Индию. Делается это последнее для того, чтобы при «переделе мира» СССР не мог поживиться за счет британских колоний в Азии.

По окончании войны Германия и Италия совместно эксплуатируют Балканы, вытесняя оттуда СССР. Последнему предоставляется лишь Бессарабия.

Из тех же источников передают, что Гитлер заставил Муссолини вступить в войну, поставив его перед дилеммой: либо Италия немедленно вступает в войну, либо Берлин договорится с Москвой по балканскому вопросу, игнорируя интересы Италии.

АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 179

№ 47

Из сообщения полномочного представителя СССР в Словакии

Г.М. Пушкина народному комиссару иностранных дел СССР

В.М. Молотову о проявлениях симпатий словаков к Советскому Союзу

Братислава

14 июля 1940 г.

Растущее немецкое засилье в экономической и политической области вызывает огромное недовольство словаков. Признаки и проявление этого недовольства можно встретить всюду: на улицах города, в разговорах с посетителями и даже в официальной словацкой печати.

С другой стороны, члены советской колонии в Братиславе ежедневно встречаются с проявлением симпатий и дружеских чувств словацкого народа в отношении Советского Союза. Формы, в которых проявляется истинное отношение словацкого населения к СССР, чрезвычайно многообразны и настолько интересны, что следует упомянуть хотя бы о некоторых из них...

В кругу словацкой интеллигенции и даже правительственных чиновников появление работников полпредства встречается часто словами: «То наши братья русы». Можно с уверенностью сказать, что всякий словак при первой же возможности спросит советского человека о том, когда СССР станет пограничным с Словакией государством. Желание иметь общую границу с Советским Союзом, чтобы укрепить государственную самостоятельность страны и опереться при этом на СССР, является, пожалуй, наиболее сильным желанием словаков, не находящихся на службе у немцев...

В связи с сообщением о прибытии в Словакию нескольких сотен агентов гестапо для борьбы против русофильски настроенных словаков стало известно также, что один человек, специально изучающий настроения населения, заметил: «Все равно это не поможет. Если бы среди слова-

ков провести сейчас плебисцит по вопросу о том, к кому присоединиться, к Германии или к СССР, то 90% населения голосовало бы за присоединение к Советскому Союзу».

Наконец следует отметить, что появление машин полпредства с советским флагом часто является поводом для населения выразить свое отношение к СССР. Нередко машину приветствуют поднятием сжатого кулака правой руки. При официальных выездах шофер и машина полпредства становятся центром огромной толпы. Причем нередко это принимает форму демонстрации. На празднествах в связи с шестидесятилетием Туки машина полпредства была окружена на театральной площади большой толпой, и три девушки словачки поцеловали по очереди красный флаг.

При этом наша машина стояла вместе с машинами дипломатического корпуса.

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 65–66

№ 48

Инструкция Э. Бенеша внутреннему сопротивлению, касающаяся установления контактов с советскими разведчиками

Лондон

19 июля 1940 г.

ЦРВН*, КОП**, ШИП***.

Политическое развитие, которое может позднее привести Германию к конфликту с советской Россией, диктует необходимость наладить сотрудничество с Советами в области разведки.

Однако, поскольку мы не можем угадать время, когда само собой разумеющееся скрепление советских и немецких интересов выльется в открытый конфликт, в деле сотрудничества с разведкой надо действовать очень осторожно и тактично.

Политический и военный центр нашего заграничного сопротивления находится в Англии. Англо-советские отношения, хотя в последнее время несколько улучшаются, до сих пор далеко не такие, чтобы сотрудничество с Советами в области разведки не было при определенных обстоятельствах неправильно истолковано здесь в Англии, как политически, так и в военном отношении.

Поэтому необходимо:

1) Сотрудничество в области разведки должно быть точно отделено от любой политической акции.

2) Сотрудничество в области разведки должно проводиться абсолютно конспиративно и тайно.

3) Руководящий орган этого сотрудничества должен находиться вне разведывательной организации, руководимой из Лондона, чтобы — если

потребовалось бы в случае необходимости дезавуировать разведывательную акцию — было сразу ясно, что речь идет о разных акциях.

4) Сотрудничество будет касаться военных и военно-политических вопросов, особенно в Германии и оккупированных Германией государствах.

5) Не разрешается под предлогом этого сотрудничества передавать какую-либо информацию о наших конспиративных делах на родине.

6) Также, особенно в стране, недопустимо сотрудничество в вопросах саботажа и внутренней политики без согласия с Лондоном.

7) Учитывая деликатный характер этого сотрудничества, необходимо обращать особое внимание на выбор лиц для контактов с советскими органами.

8) Без согласия лондонского центра не должны приниматься никакие финансовые средства или кредиты от Советов.

9) Если сотрудничество было уже налажено, сообщите нам, какие люди его осуществляют (с советской и нашей стороны) и каков характер сообщений, которыми до сих пор обменялись.

10) Обо всех значительных фазах этого сотрудничества сообщите лондонскому центру.

11) Представителем разведки и одновременно наблюдателем за Москвой назначается полковник генштаба Пика.

НАВРАТИЛ****

* Центральное руководство внутреннего сопротивления.

** Псевдоним подполковника Й. Балабана.

*** Псевдоним В. Крайины.

**** Один из псевдонимов Э. Бенеша.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 145–146

Перевод с чешского автора

№ 49

Записка начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П.М. Фитина начальнику 5-го управления Красной Армии генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову о военных приготовлениях немцев в Словакии

27 июля 1940 г.

Совершенно секретно

Нами из Братиславы получены сведения о некоторых мероприятиях немцев в Словакии, которые заслуживают нашего внимания:

Недавно в каждый полк словацкой армии был направлен немецкий инструктор. В каждом полку имеется немецкая часть численностью до батальона, в составе которого находятся исключительно словацкие немцы.

Все немцы, которые когда-либо проживали в Словакии, по приказу из Берлина должны прибыть в Словакию не позднее августа месяца.

В некоторых городах Словакии (Прешов) — появилось много молодых немецких офицеров.

Немцы учли наличие бензина в Словакии на 30.VI.40 года и предложили Словацкому правительству иметь полными горючего все бензохранилища и бензоколонки.

В районе Вучи Врх (Белые Карпаты) немцы проводят весьма секретные фортификационные работы, на которых заняты исключительно немцы в количестве около 2000 человек.

В районе Липтово, около св. Петра (Восточная Словакия) — построен крупный аэродром.

В середине июня месяца из Германии на Зволен прошли два поезда, груженные танками. Один из поездов остановился в Крупине, второй на южной границе Центральной Словакии.

Через Люнденбург в Словакию в начале июля месяца прибыло несколько десятков поездов с германскими военными частями и амуницией.

В Вену из Франции в начале июля с. г. прибыли две германских моторизованных дивизии, каждая из которых имеет до 8000 моторов (автомобили и мотоциклы). В Плавецки Подгарды (близ Сеницы) прибыли воинские части из Франции, а находившиеся тут ранее части были переброшены в ю[жну]ю часть б[ывшей] Польши.

В Словакию прибыло около 200 агентов гестапо с заданием очистить Словакию от русофильски настроенных элементов, главным образом от панславистов. В первую очередь эти мероприятия будут проведены в правительственных учреждениях Словакии.

В последнее время в армии Словакии проведены аресты лиц по обвинению в панславистской пропаганде. Капитан Виц был арестован за то, что после капитуляции Франции заявил: «...немецкие успехи во Франции — чепуха! Все равно в конце войны победят русские, значит и мы!»

Начальник 5 отдела ГУГБ НКВД СССР (Фитин)

1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 134–135

№ 50

*Послание Э. Бенеша своим сторонникам в оккупированной стране,
касающееся оценки советской политики*

Лондон

2 августа 1940 г.

Речь Молотова* является выражением опасений того, что если бы они сейчас вступили в войну, то Германия могла бы все свои силы обрушить на них, поскольку на континенте нет других более крупных сил. Они

бояться остаться в войне против немцев в одиночестве. Поэтому они стремятся оттянуть как можно дальше конфликт с Германией.

Эти опасения и неуверенность они прячут за пустыми словами, фразами о нейтралитете, а когда придется — нападениями на Англию и Америку. Это реверансы в сторону Германии.

Необходимо, чтобы Вы в связи с этим препятствовали чрезмерному советофильству и коммунистической пропаганде. Однако это не означает, что Вы не должны на следующих фазах развития не считаться с влиянием России.

Советы будут проводить жесткоэгоистическую политику и изменять ее всякий раз, когда им это будет выгодно.

Цель их политики всегда будет двойка. Во-первых, защита собственной территории и собственных интересов путем использования для этого других стран и народов, в том числе и Чехословакии. Во-вторых, революционное завершение их социальных целей.

В остальном наше сотрудничество с ними здесь и ваше там продолжается и должно продолжаться. Однако, всегда помните об этих обстоятельствах и действуйте осмотрительно.

* Имеется в виду доклад В.М. Молотова о внешней политике СССР на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1939 г.

Edvard Beneš: vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 72

Перевод с чешского автора

№ 51

*Сообщение президиума Министерства внутренних дел
Протектората Чехия и Моравия президенту Э. Гахе
о надписях на стенах пражских домов
с выражением дружественного отношения к СССР*

Прага

29 августа 1940 г.

Полицейское управление в Праге представило следующее сообщение:

«В ночь с 23 на 24 августа 1940 г. неизвестным преступником были сделаны на большинстве домов и стенах оград в районе полицейского комиссариата в Праге — Коширжах — различные надписи и лозунги коммунистического содержания, такие как:

1. „Гаха хочет немцев, а мы хотим русских“
2. „Фашизм погибает, СССР стоит за нас, рабочие, держитесь, придет [наше] время, привет республике!“»

3. „Да здравствует республика!“

4. „Да здравствует Красная Армия, долой немецких насильников!“

По требованию полицейских патрулей все надписи на частных домах были стерты владельцами домов или их представителями, на общественных зданиях это проделали муниципальные служащие. Таким образом, до 7 часов утра все они в районе полицейского комиссариата в Праге — Коширжах были устранены. Расследованию не удалось обнаружить преступника, однако в последующие дни надписи не появлялись».

Германская тайная государственная полиция уведомлена.

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 81

№ 52

*Указание штаба оперативного руководства ОКВ
руководству абвера о мероприятиях по дезинформации
советского военного командования*

6 сентября 1940 г.

В ближайшие недели концентрация войск на востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте.

Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на восток. В то же время Россия должна понять, что в Генерал-Губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства.

Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать общую численность немецких войск на востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания западного похода противовоздушная оборона на востоке серьезно усилилась за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В какой мере отдельные подлинные данные, например, о нумерации полков, численности гарнизонов и т. п. могут быть переданы Абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает Главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба Верховного главнокомандования Йодль

1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 216–217

№ 53

*Из информационного письма Г.М. Пушкина
в НКВД СССР о ситуации в Словакии*

Братислава

7 сентября 1940 г.

В последнее время немцы проявляют особый интерес к Словакии...

В Словакии открыто проводятся серьезные приготовления военного порядка. В 20-х числах августа т. Афанасьевым, Зайцевым и мной были предприняты поездки по Словакии. Ими была охвачена почти вся страна, исключая лишь самые восточные ее районы. Вот некоторое обобщение этих поездок:

1. В стране начато широкое строительство новых аэродромов, абсолютно не соответствующих нуждам самой Словакии. Эти аэродромы строятся под руководством немцев. К этим строительством относятся аэродромы в восточной Словакии: во Вранове, Михаловцах, Гуменне, Прешове, Бардейове, Каменице и Цирохе, Требишове; в центральной и западной Словакии: в Мурани, Св. Петре, Банской Быстрице, Слияче и под Малацками.

2. По всей Словакии проводится строительство новых асфальтированных дорог. Всюду идет замена старых мостов новыми железобетонными. Это опять-таки не вызвано хозяйственной необходимостью, а имеет чисто военно-стратегическое значение. Особенно большое дорожное строительство развернуто в восточной Словакии.

3. Идет строительство новых железнодорожных путей в таких районах, как восточная Словакия и прокладка вторых путей в северной Словакии. Старые железнодорожные пути реконструируются. ...

Симпатии народа к Советскому Союзу проявляются совершенно открыто. ... Немцы позволяют в Словакии такую пропаганду против Советского государства, которую они не могут при нынешней международной обстановке проводить открыто у себя. ... Антисоветская пропаганда в Словакии проводится не всюду в одинаковой степени. В Братиславе она менее заметна. Но на востоке Словакии (район Прешов и пограничные районы с Карпатской Украиной) она особенно сильна. ... Господство немцев особенно велико на востоке Словакии. Причем действуют они там совершенно самостоятельно, абсолютно не подчиняясь словацким властям. ... Только что получены сведения об организации германского консульства в Прешове. Это должно для нас представлять особый интерес. В Прешове возникает, таким образом, центр по организации работы против Советского Союза. ...

По моему мнению, немцы не прочь были бы совсем выжать нас из Словакии, тем более что эта страна приобретает теперь для них особое значение в плане усиления своего господства в Румынии и Венгрии. Мне представляется, что немцы попытаются сейчас даже сорвать затянувшиеся торговые переговоры СССР со Словакией. Стремясь завязать с нами экономические связи вскоре после установления дипломатических отношений между нашими странами, словаки, бесспорно, хотели укрепить свои внешнеполитические позиции и чувствовать себя более независимыми от немцев. ... Немцы, бесспорно, могли бы пойти на торговое сотрудничество СССР со Словакией, но только лишь в том случае, если они сами будут получать известные выгоды от этого сотрудничества. Но вряд ли они могут рассчитывать таким образом обмануть нас. Отсюда я полагаю, что перспективы наших экономических связей со Словакией весьма ограничены.

АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 26, 28, 30, 31, 32

№ 54

Инструкция Э. Бенеша «Центральному руководству внутреннего сопротивления», касающаяся сотрудничества с представителями советских военных органов

Лондон

9 сентября 1940 г.

ЦРВС:

Переговоры с Майским, о безуспешности которых я Вам сообщал, велись через посредника*. Других переговоров пока не было. Однако будет предпринята попытка прямого разговора. Пока я Вам не сообщу результаты этой попытки, не договаривайтесь ни о чем окончательно. В Лондоне со стороны Советов о возможности такого сотрудничестве пока ничего не было сказано.

Поэтому необходима еще большая осторожность. При Ваших переговорах с ними должно быть ясно, что во всей нашей освободительной акции должно быть абсолютное единство. Это означает, что должно быть единство между Москвой — Лондоном — Прагой. В этом вопросе не должно быть неясности.

НАВРАТИЛ

* Имеется в виду З. Фирлингер.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 151

Перевод с чешского автора

№ 55

*Из Дневника И.М. Майского: беседа с Э. Бенешем**

Лондон

12 сентября 1940 г.

1. Он меня вызвал, чтобы поставить Майскому два вопроса I. нельзя ли пролить больше света на отношение советского правительства к Чехословакии и чехословацкому временному правительству II нельзя ли установить какой-либо неофициальный контакт с советским правительством, в какой угодно форме?* Майскому как будто неудобно встречаться с ним лично.

2. Причины, побудившие его поставить эти вопросы именно теперь, следующие: I. Он теперь признан главой чехословацкого государства, имеет право, и по необходимости поддерживает отношения с британским правительством, с Сикорским и пр. Он должен иметь собственную самостоятельную политику. Для этого ему необходимо знать отношение СССР к Чехословакии и к нему. Его линия остается неизменной: он не мыслит себе существование Чехословакии без дружбы с СССР. Об этом он говорил с Черчиллем и с королем в присутствии Черчилля. Оба раза Черчилль категорически заявил, что ни в коем случае он не допустит конфликта с СССР. О том же Бенеш заявил Сикорскому (последний принял это к сведению). II. Люди Бенеша в одной скандинавской стране получили предложение от одного советского работника установить официальный контакт. В Праге его представители получили предложение от советского работника послать военную миссию в СССР. Наконец, в Бухаресте его делегация была в неофициальной связи с полпредством и имела заверение, что в случае возникновения для нее опасности она сможет укрыться в СССР: теперь она обратилась к нему с просьбой узнать, можно ли рассчитывать на это. Чтобы ответить на все эти вопросы, Бенешу надо знать ответ на первый поставленный им вопрос. III. Война вступила в критическую фазу. В случае германской неудачи сейчас возможно ускорение

процесса внутреннего разложения германской империи, крах революции на Востоке и т. д. Он не может правильно ориентироваться, не зная отношения СССР.

3. Бенеш понимает причины крайней сдержанности, с которой советское правительство относится к британскому правительству; но эта сдержанность не должна обязательно быть распространена на Чехословакию. Ни Чехословакия, ни он лично этого не заслужили (тут он перечислил все свои усилия с 1917 года установить дружбу с СССР). Он находится в постоянном контакте со своей страной, получает каждодневно 20–30 писем и знает, что народ — за него и за СССР. Вместе с тем, советское признание Словакии было горьким разочарованием для многих. Величайшей катастрофой для Чехословакии, против чего он боролся бы до конца, была бы советско-британская война. Если в результате нынешней войны в Чехословакии будет советская революция, и народ этого пожелает, он это примет, и уступит место коммунистам. Советская Чехословакия будет все-таки Чехословакией, а под германским игмом она не будет существовать вообще. Бенеш не менее четырех раз в течение беседы, как будто случайно, говорил, что он лично готов поехать в Москву, и несколько раз также заявлял, что если бы чехословацкому временному правительству была бы дана возможность работать на территории СССР, оно могло бы туда переехать.

4. Бенеш жаловался на чехословацких коммунистов, что они разлагают армию, уговаривая солдат уйти из армии, между тем как СССР помог ему получить обратно бойцов***, что это (коммунистическая агитация. — В. М.) — прямая помощь Гитлеру и т. д. Он категорически отрицает, что он чем-нибудь виновен в аресте т. т. Крейбих и Бейер****: он запросил британское министерство внутренних дел, почему они были арестованы, и ему лишь ответили, что вопрос государственной безопасности. Против такого ответа он бессилен: он, все-таки, в эмиграции, гость, в известной мере зависит от британского правительства и т. д.

А.Р.***** 15.IX.40

* Запись сделана чернилами от руки на отдельном листочке, датирована 15 сентября 1940 г., но вклеена в Дневник И.М. Майского под датой 12 сентября 1940 г.

** Здесь и далее подчеркнуто в документе красным карандашом.

*** Речь идет о прибытии из СССР на Ближний Восток части личного состава чехословацкого легиона, интернированного в СССР.

**** Чехословацкие коммунисты, находившиеся в эмиграции в Англии.

***** Запись сделана А. Ротштейном, британским историком, политиком и публицистом, членом Общества британо-советской дружбы, во время Второй мировой войны являвшимся сотрудником лондонского отделения ТАСС.

№ 56

*Записка зам. начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П. Судоплатова
начальнику разведуправления Генштаба Красной Армии
генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову
о военных приготовлениях Германии на территории Словакии*

26 сентября 1940 г.

Совершенно секретно

Сообщаем имеющиеся у нас сведения о военных приготовлениях Германии на территории Словакии.

На территории Словакии и особенно в восточных ее районах наблюдается усиленное дорожное строительство: строятся новые асфальтированные шоссе, спрямляются имеющиеся шоссе, старые мосты заменяются новыми железобетонными большой грузоподъемности.

В восточной и северо-восточной Словакии идет интенсивное железнодорожное строительство: строятся вторые пути, ремонтируются старые, причем в целях повышения грузоподъемности дорог и в целях увеличения скорости движения по этим дорогам крепление рельсов к шпалам производится не костылями, а болтами, проходящими через всю шпалу.

На подобного рода строительствах заняты, помимо вольнонаемных, также цыгане и евреи, отбывающие трудовую повинность.

Из строящихся ж/дорог известны следующие направления: Кемпарок (вероятно — Кежмарок. — В. М.) — Старо-Любовна, Швердашин — Попрад и Прешев через Вранов и Хушене.

Строится шоссеяная дорога Прешев — Сабинов, Старо-Любовна.

По линии Братислава — Титра (южная ж/д) и по линии Попрад — Белька (сев. ж.д.) заканчивается прокладка вторых путей.

Аналогичные дорожные работы проводятся и в Протекторате, где на них занято около 30 тыс. человек рабочих.

Продолжается усиленное строительство аэродромов, особенно в восточных областях Словакии: начато строительство аэродромов в Михаловцах, Хумене (Гуменне. — В. М.), Вранове и в Муране в лесу на высоком плато (быв. Имение болгарского короля Фердинанда).

Завод «Динамитка» в Братиславе вырабатывает сероводород и серную кислоту, которые отправляются на фабрику отравляющих веществ в Литово (Протекторат Чехии и Моравии).

Севернее станции Дубовой (южная ветка ж.д. Словакии) действует нефтеперегонный завод, перерабатывающий румынскую нефть.

В районе высоты Турецких Арх (Восточнее Малацки) в Малых Карпатах проходят обучение рекруты из Австрии, которые прибывают сюда группами по 800–1000 человек. При обучении, которое продолжается около 8 дней, применяются противотанковые орудия и отравляющие вещества.

В районе Малацки проводится обучение немецких летчиков пикированию с выключенным мотором. Применяемые самолеты прибыли с Западного фронта. Происходит большое количество несчастных случаев.

На советско-германской границе в районе между р. Сан, венгерской границей и небольшим участком словацкой границы (румынское направление) якобы находится 6 германских механизированных дивизий.

В середине августа этого года специальная комиссия из 10 человек немецких офицеров осматривала венгерские укрепления в Карпатской Украине.

Просьба дать оценку материалу.

Зам. нач. 5 отдела ГУГБ НКВД майор госбезопасности Судоплатов

1941 год. Кн. 1. М., 1998. С. 270–271

№ 57

Из справки «Антикоммунистическая и антисоветская деятельность в Словакии», составленной ответственным сотрудником НКВД СССР В. Яковлевым

28 сентября 1940 г.

...Как известно, словацкая международная политика согласно договору с Германией от 23 марта 1939 г. координируется политикой германской. Поэтому антисоветский курс, занятый словаками и выходящий за пределы допустимого между государствами, имеющими дипломатические отношения, следует рассматривать не только как частный факт во взаимоотношениях между Словакией и СССР, но и как определенную линию поведения Германии по отношению к Советскому Союзу.

АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 169

№ 58

Из справки «Основные черты политики и экономики Словакии (к советско-словацким торговым переговорам)», подписанной ответственными сотрудниками НКВД СССР А. Александровым и В. Яковлевым

28 сентября 1940 г.

...Активность германской политики в Словакии показывает, что Словакия представляет для немцев большой интерес. Действительно, будучи формально нейтральным государством, Словакия является удобным ок-

ном для политической, экономической и военной экспансии Германии в Юго-Восточную Европу.

Стратегическое, оборонное значение Словакии, представляющей собой почти сплошной горный массив, расположенный на подступах к Вене, Брно и Моравско-Оставскому промышленному району, также трудно переоценить. Немцы, несмотря на ведущуюся войну, проводят большую работу по строительству в Словакии стратегических дорог и укреплений. В экономическом отношении роль Словакии для Германии невелика.

Словацкие националисты..., вырвавшиеся из-под влияния мелкотравчатого чешского империализма, попали в руки империализма германского. Попытки сохранить свою независимость и национальные позиции словацкой промышленности и земельного капитала от германского влияния, вели словацких политиков на путь искания поддержки у других великих держав. Желая втайне военного поражения Германии и победы Англии, руководители словацкого правительства одно время пели дифирамбы Италии, а в последние месяцы пытались противопоставить германскому влиянию в Словакии влияние Советского Союза. Имея в виду цель превращения Словакии в буферное государство между Германией и СССР, словацкие политики сами пытались увеличить советское влияние в Словакии.

На развивающуюся активность компартии и рост симпатий трудящихся к Советскому Союзу органы министерства внутренних дел Словакии смотрели сквозь пальцы. Желая иметь общую границу с СССР, словацкая печать вела открытую агитацию за необходимость присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу. Экономические круги Словакии настойчиво добивались заключения торгового договора с СССР.

Особую активность в направлении укрепления связи и влияния СССР в Словакии проявил министр иностранных и внутренних дел Дурчанский. За эту политику его не раз одергивали немцы. Советский Союз, избегая превращения Словакии в камень раздора между ним и Германией, проводил по отношению к словакам осторожную и вполне тактичную, по отношению к немцам, политику. Однако политика Дурчанского стала настолько мешать Гитлеру, что последний, вызвав 27 июля с. г. Тисо, Туку*, Маха** и Дурчанского, предложил им решительно покончить с развитием в Словакии нежелательных для Германии политических тенденций и произвести реконструкцию правительства. ...

Нажим на словаков и последующие события в Словакии нельзя рассматривать изолированно от общей активной политики Германии в Юго-Восточной Европе. Вызов словаков в Берхтесгаден и Зальцбург произошел как раз в конце берлинских и римских переговоров, в которых, кроме Гитлера, Риббентропа и Чиано*** участвовали представители малых государств Юго-Восточной Европы. Как известно, Германия после этих совещаний объявила себя единственным организатором нового порядка в

Европе. Очевидно... Германия считает необходимым навести порядок и обеспечить себе положение в граничащей с Венгрией Словакии.

Приехав из Берхтесгадена и Зальцбурга, Тисо, Тука и Мах, выступая на многочисленных митингах, объявили, что:

1. национал-христианская Словакия должна стать национал-социалистской по примеру Германии;

2. в Словакии объявляется решительная война «еврее-большевизму»;

3. еврейский вопрос будет разрешаться на 100% по образцу Германии;

4. словацкие деятели, ведущие политику двух стульев, должны уйти со сцены, в стране объявлена чистка государственного аппарата и глинковской гвардии****;

5. словацкая республиканская конституция должна быть изменена по итало-германскому образцу...

Подытоживая политическое, экономическое и военное положение Словакии, можно сказать, что после июльского совещания в Зальцбурге это марионеточное государство, устранив оппозиционные элементы в руководстве страной, вступило в дальнейшую логическую фазу своего развития — безоговорочного выполнения роли германского плацдарма в Юго-Восточной Европе.

* В. Тука — премьер словацкого правительства, германофил.

** А. Мах — министр пропаганды словацкого правительства.

*** Г. Чиано — министр иностранных дел Италии.

**** Глинковская гвардия — полувоеинная организация Глинковской словацкой народной партии.

АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 9. Л. 171–174, 185

№ 59

Из сообщения Э. Бенеша внутреннему Сопротивлению о политике СССР

Лондон

7 октября 1940 г.

...Политика России останется и далее неопределенной. Будьте очень осторожны и не верьте тому, что Вам, вероятно, говорят с русской стороны. Политика Москвы рассчитана очень точно. Совершенно определенно там полагают, здесь это известно от Майского и других, что Германия ни в коем случае не победит Англию и будет лишь далее истощать свои силы, точно так же, как они будут содействовать пролетаризации всех центральноевропейских небольших государств. Япония, согласно русскому представлению, так занята Китаем, что не может начать войну на втором фронте. Россия полагает, что теперь она не может опасаться нападения Германии, что за нее (Россию. — В. М.) воюют другие, тем более что она

сама не чувствует себя достаточно сильной, чтобы могла успешно вести войну на континенте против Германии; и так, по праву или нет, сама считает ситуацию благоприятной для себя, говорит о других, что они ведут империалистическую войну, и хотела бы от сегодняшней войны отделаться дешево, придерживаясь нейтралитета вплоть до окончательного падения под напором революции Центральной Европы после успешной англо-американской блокады. Она хочет, чтобы Америка вступила в войну и чтобы таким образом вся мировая буржуазия была полностью ангажирована в войне.

Я не строю, следовательно, никаких иллюзий относительно возможностей России в ближайшее время принять меры, чтобы нам помочь. Я прошу, чтобы у Вас их также не было. Если же Россия ходом событий будет против своей воли вовлечена в войну, то тем лучше для нас. Сама Россия свою помощь нам и другим в Центральной Европе представляет лишь в форме революционной акции и советизации соответствующих стран. И при этом она рассчитывает на сотрудничество с эвентуальной советской Германией, на случай и против Запада.

Мы должны сознавать, что речь пойдет о действительно грандиозной европейской и всемирной борьбе, в ходе которой европейский континент пройдет через революцию, в первой фазе которой, пока фашистской, уже находится Франция, прежде чем наступит фаза вторая — антифашистская. Я полагаю, что англо-саксонский мир всему этому будет успешно противиться. Он будет, конечно, долго сам стоять против тройного евро-азиатского блока, пока тот не исчерпает своих сил, не устанет и не измотается, хорошо подготовив тем самым указанную континентальную революцию и создав для России возможность интервенции или в самую последнюю минуту, или в момент падения Германии. Россия полагает, что в этот момент Европа будет охвачена коммунистической революцией...

Я не думаю, что после войны мы сможем, как и другие небольшие государства, существовать изолированно. Между Россией и Германией надо будет организовать более крупное федеральное или квазифедеральное международное сообщество. Мы начинаем обсуждать это с поляками. Мы понимаем, что это возможно лишь в случае, если поляки поймут, что послевоенная Польша должна быть не шляхетской, не помещичьей, а социально сильной и демократической. И, наконец, что она не должна быть антироссийской. Мы начнем в этом плане готовить русских, чтобы они поняли и не возражали. Все это означало бы, понятно, что в момент разложения Германии указанное содружество могло бы быстро организоваться, отделить Россию от Германии, изолировать вместе с Англией Германию и помочь направить, но ни коем образом не подавить реакционными методами, развитие революции в Германии.

Германия нуждается в глубокой революции. Без разумного соглашения и дружбы с Россией, однако, это было бы невозможно. Это было бы

подготовкой нового центральноевропейского равновесия, которое поддерживал бы англо-саксонский мир...

НАВРАТИЛ

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 153–154

Перевод с чешского автора

№ 60

Запись начальника канцелярии президента Чехословакии Я. Смутного о беседе с бывшим посланником Чехословакии в СССР З. Фирлингером

Лондон

31 октября 1940 г.

Фирлингер:

Резко о правительстве. Какое доверие может иметь к нам Россия, если по Лондону ходят 14 министров и выступают против СССР? Почему, когда они (русские. — В. М.) подписали пакт с Германией, мы должны были резко выступать против, как это делали наши господа в Париже или Мартинек в Америке? Русские чутко реагируют на это, особенно если это исходит от социал-демократии.

Русские всегда относились к нам хорошо и ничего не сделали против нас. Они не верили англичанам, те покинули бы их так же, как нас в Мюнхене.

А как они (англичане. — В. М.) вели себя, когда речь шла о военном соглашении? Мне сказал один журналист, что советник посольства Верекер, наивный, хотя и приличный человек, заявил ему, что во время военных переговоров в Москве они имели инструкции сделать все для того, чтобы саботировать переговоры.

Русские знали об этом.

(Я был критичен, хотя во многом Ф[ирлингер] прав)

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 85

№ 61

Сообщение участников внутреннего Сопротивления Э. Бенешу о сотрудничестве с Советами

Чехия

6 ноября 1940 г.

От Божки*:

1) Контакты с русскими мы поддерживаем с мая 1939 г. Русские ничего не обещали ни относительно границ, ни относительно Словакии, ни относительно формы государства.

2) Намекают лишь о планах советизации Европы, о сопротивлении Германии, Англии и попыткам создания средневропейской федерации с помощью Англии.

3) Они подчеркивают, что чешский народ является значимым фактором в строительстве Европы. Войну с Германией считают неизбежной.

4) Наше лондонское правительство они рассматривают как помощника Англии, эвентуально и против России.

5) Поэтому, как и в 1914 году, попытки разделить наше движение. Какое-либо упоминание о чешско-польском сотрудничестве усиливает их недоверие.

6) Их подготовка к европейской акции всесторонняя. Кроме ком[мунистических] секций они ведут военный шпионаж.

7) Задача агентов, разложение Германии. События могут привести к акции ранее.

8) В случае разложения Германии они проникли бы в Европу раньше, чем какой-либо народ сумел организовать.

9) Поэтому у нас нет иллюзий об [их] помощи лишь нам. Мы пытаемся привлечь их для поддержания нашей концепции, однако не переоцениваем своего влияния.

10) Учитывая возможное в будущем значение России, мы с конца июня [1940 г.] развиваем более активное, но ограниченное сотрудничество.

11) К этому, конечно, во время переговоров с ними в Лондоне надо призывать. Может быть, это удастся.

12) На русское предложение о широком сотрудничестве мы ответили требованием о предварительной договоренности с Вами.

13) После колебаний они согласны с тем, как Вам известно, чтобы прибегнуть к помощи посредника.

14) Вероятно, это могло бы способствовать лучшей информации о нас, которая необходима, поскольку сегодня в СССР много новых людей в руководстве, и особенно растет влияние военных.

КОП и ШИП

* Псевдоним Н. Мельниковой-Попоушковой.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 163

Перевод с чешского автора

№ 62

*Из информационного письма Г.М. Пушкина в НКВД СССР
о ситуации в Словакии*

Братислава

19 ноября 1940 г.

...Оккупация германскими войсками Румынии и начало военной операции Италии против Греции заметно отразились и на Словакии. Активность немцев здесь резко усилилась, особенно в части военных приготовлений. ...

Ходят упорные слухи, что Германия подписала со Словакией секретный договор, являющийся дополнением к договору от 23.III.39 «О защите Словакии». Новый договор не изменяет обязательств немцев. Они остаются прежними — «защита Словакии» от военного нападения. Обязательства же Словакии по новому договору значительно расширились. Они сводятся к следующему*:

1. Подтверждается, что Словакия передает в распоряжение немцев территорию, ограниченную на западе и северо-западе границей Словакии с протекторатом, а на востоке и юго-востоке — склоном Малых Карпат, Белых Карпат и Яворника;

2. Немцы получают в свое распоряжение, когда это найдут нужным, все промышленные объекты Словакии, могущие быть использованными для производства военных материалов;

3. Словаки предоставляют в распоряжение Германии, если это требуется, свою армию и

4. Словакия обязуется перестроить свою армию целиком в соответствии с организацией германской армии. ...

Последние события в Словакии и мероприятия словацкого правительства показали, что реализация нового политического договора идет полным ходом. Словацкая промышленность все более и более переключается на военный лад (подчеркнуто черным карандашом. — В. М.). Словацкие крупные промышленные предприятия, как правило, являются филиалом чешских фирм. Это бесспорно значительно облегчает перестройку этих предприятий на производство военных материалов. Недавно крупный завод в Трнаве «Банска Хутня» являлся гражданским, теперь же он производит ручные гранаты марки М-34, а также противотанковые мины. На том же заводе началось производство зенитных пушек 20 мм и противотанковых снарядов калибра 37 и 47 мм ...

Наряду с этим изменяется и выпускаемая продукция военных предприятий. Так, например, на одном из заводов фирмы «Шкода» в Дубнице сейчас вырабатываются снаряды калибра 70 мм, чего раньше не было. Военные предприятия в Словакии расширяются. На этот же завод в Дубнице недавно переведен литейный цех со шкодовского предприятия в Пильзене. Расширяются также военные заводы фирмы «Зброевка» в Поважской Быстрице. ...

Словацкие железнодорожные предприятия, предприятия по изготовлению арматуры и ковального железа, нефтеочистительные заводы и др. получили приказ от немецких властей работать на полную мощность в три смены и всю продукцию отправлять в Германию...

* Все последующие абзацы отчеркнуты в документе черным карандашом по левому полю, возможно, первым заместителем наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинским.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 7. П. 6. Д. 66. Л. 16–17

№ 63

*Запись в Дневнике Г. Димитрова
о беседе с Генеральным консулом СССР в Праге Куликовым*

Москва

27 ноября 1940 г.

Генеральный консул в Праге Куликов у меня:

Предприятия «Батя», «Шкода» и др. работают с полной нагрузкой на вооружение и снабжение германской армии.

В окрестностях Праги строится огромный авиационный завод, который должен производить до 1000 самолетов в месяц.

Патриотический и антигерманский дух у чехов не сломлен. Страшная ненависть чехов против национал-социалистской Германии. В этой атмосфере наблюдается национальная солидарность между чехами. Очень тонкая прослойка перешла сознательно на службу к немцам.

Главный директор «Батя» в г. Злин — Главничка Йозеф — просоветский человек. Главный директор «Шкода» — Громатко и его заместитель Шквор — тоже.

«Батя» производит массовую обувь на деревянной подошве (Было бы неплохо применить это и у нас!).

Запотоцкий и Доланский направлены в концентрационный лагерь Ораниенбург.

Клемент и Копшева* — в Дахау.

Запотоцкий болен ишиасом и туберкулезом — против него готовится процесс в связи с участием в советской разведке!

Все четверо перед арестом имели советские документы: для поездки в СССР.

* Правильно: Климент и Копшива.

Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 204

Перевод с болгарского автора

№ 64

Из докладной записки представителя ЦК ВКП(б) в ИККИ

Д.З. Мануильского о недостатках радиовещания на иностранных языках, направленной секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову

Москва

27 ноября 1940 г.

...Значительное большинство передаваемой по радио информации посвящено либо сообщениям германского информационного бюро, либо сообщениям о Китае; остальные официальные сообщения из программы радио вычеркиваются. Московское инорадио избегает передавать даже официальные сообщения о наиболее важных международных событиях, хотя они и появляются в советской печати. Это особенно чувствует радиослушатель, слушающий германскую и английскую информацию по радио...

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 10а. Д. 421. Л. 43

№ 65

Дневниковая запись Я. Смутного

о разговоре Э. Бенеша с полковником Ф. Моравцем
о сотрудничестве с СССР в области разведки*

Лондон

1 декабря 1940 г.

Утром у президента с Моравцем. Моравец завтра встречается с русскими. Если ранее казалось, что они [встречу] оттягивают**, то сегодня через Прагу они потребовали 2-кратного подтверждения, что встреча состоится. Инструкции д-ра Бенеша:

1) Заявить, что на встречу идет с согласия политического руководства, в первую очередь д-ра Бенеша (к нему русские имеют доверие).

2) Сотрудничество будет в сфере разведки — президент одобрил программу Моравца.

3) Президент поручил, чтобы он дал им разъяснения по вопросу нашего к ним отношения.

а) Мы знаем из Праги, каково их отношение к Англии. Наша позиция определяется тем, что мы вместе с Англией находимся в состоянии войны с Германией, у Англии есть программа освобождения малых народов, включая ЧСР.

б) Мы знаем об их недоверии к Англии, понимаем его, но не разделяем. Мы всегда говорим им, что информацию, которую мы передаем им, получают также англичане, и мы договоримся о том, какую информацию из той, что они (англичане. — В. М.) нам передают, передадим им.

в) Нам необходимо (и почему) сотрудничество с Польшей. Мы предполагаем, что это будет на пользу России. Конечно, мы никогда не пойдем с ними (с поляками. — В. М.) против России.

г) Наши внутренние дела. Сегодня наше [эмигрантское] правительство соответствует потребностям, то есть необходимости единства. Наша система достаточно эластична, чтобы приспособиться, если возникнут иные обстоятельства.

Русских переключить на Лондон, Прага играла бы чересчур [им] на руку, через нее они овладели бы и нашей организацией. Наши люди — в Москву, работа одновременно в Праге, Москве и Лондоне, Стамбул является посреднической инстанцией.

* Моравец Франтишек (1893–1966) — в 1940–1945 гг. был начальником II (разведывательного) отдела Министерства национальной обороны чехословацкого эмигрантского правительства.

** Еще 13 ноября Я. Смутны отмечал:

«Переговоры Моравца с советским представителем, договоренные через Прагу, не состоялись. Очевидно, что в Праге кто-то действует либо на собственный страх и риск, либо просто с ними играют. Бенеш полагает, что их (русских. — В. М.) единственной целью является проникнуть в нашу организацию на родине и овладеть ею. Поэтому необходимо постоянно ссылаться на то, что переговоры надо вести в Лондоне и только в Лондоне.

Встреча должна была состояться в один из этих трех дней, но сегодня Прага сообщила, что, дескать, был намечен очень короткий срок. Это очевидные отговорка и игра. Русские хотят, чтобы из Праги был послан кто-нибудь в Москву, и он сам, дескать, установит связь с Лондоном.

Это опасно, поскольку если кто-нибудь вдруг окажется в Москве, то им владеют, сначала по-хорошему, потом угрозами выудят у него шифр».

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 166–167

Перевод с чешского автора

№ 66

*Из письма полпреда СССР в Словакии Г.М. Пушкина
в Народный комиссариат иностранных дел СССР*

Братислава

21 декабря 1940 г.

Я уже сообщал в предыдущих письмах, что Словакия далеко не безразлична для немцев. В последнее время Германское правительство все чаще называет Словакию страной, которая является «образчиком» для государств «Новой Европы». Нет нужды говорить о том, что подобная терминология призвана прикрыть весьма прозаические интересы Германии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. В действительности

ти, Словакия привлекает немцев с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения возможности использования этого маленького европейского государства в качестве глубокого тыла Германии, почти недосыгаемого для противников Германии. Этим, собственно, и следует объяснить то обстоятельство, что немцы сохраняют в Словакии все атрибуты самостоятельного государства. И, во-вторых, Словакия интересует немцев как страна, близко расположенная к Советскому Союзу. Немцы, исходя из этих двух соображений, бесспорно, попытаются до поры до времени оставить Словакию не втянутой в войну: как военная сила Словакия не представляет серьезной ценности, а поэтому будет иметь большое значение для немцев, если она останется невоюющей. Присоединение Словакии к пакту трех держав следует рассматривать как чисто формальный акт, не изменяющий положения этой страны. Здесь острят по поводу присоединения Венгрии, Румынии и Словакии к пакту трех держав, называя это «зимней помощью» Германии. К Словакии такая острота вполне подходит.

Для всякого живущего в Словакии ясно, что Германия все в большей и в большей мере начинает использовать Словакию как свой глубокий тыл. Военизация предприятий Словакии продолжается...

Словацкая пресса в начале декабря сообщала о строительстве в Словакии нескольких десятков новых больниц. Ясно, что это мероприятие было продиктовано словацкому правительству германскими военными властями. Спустя несколько дней, та же пресса сообщила о прибытии в Словакию большой группы раненых германских солдат. Еще ранее было установлено, что ранеными солдатами заняты лучшие курорты Словакии — Татры и Пештяны.

Весьма примечательно, что в Словакию непрерывно приезжают высоко и низко поставленные германские правительственные лица. Только за 17 дней декабря в Словакии побывало свыше десяти таких лиц. Об этом широко освещалось в здешней прессе. Среди них находятся Булер, начальник личной канцелярии Гитлера, Дорпмюлер, министр железных дорог и связи Германии, гаулейторы из Австрии и Протектората и т. д. Почти каждого из них принимают Тука, Тисо, Мах, обычно они выезжают в различные районы Словакии, что-то рассматривают, изучают, совещаются. И эти поездки германских политических деятелей в Словакию происходят наряду с пребыванием здесь германской дипломатической миссии, состоящей из ста с лишним человек, постоянной военной миссии во главе с генералом Отто и воздушной военной миссии во главе с полковником Крюгером. Совершенно очевидно, что все эти дополнительные лица понадобились немцам в Словакии, чтобы быстрее приобщить словацкое хозяйство и территорию к военному режиму в Германии.

Конечно, эта немецкая деятельность в Словакии касается и нас. Немцы весьма обеспокоены просоветскими настроениями словацкого народа, и особенно в Восточной Словакии. В этой части Словакии проживает около 180 000 русинов, они занимают область, которая носит название

Прешовская Русь (город Прешов). По своему социальному составу население Прешовской Руси в большинстве своем бедное крестьянство. Словацкое правительство, конечно, ни в коей мере не считается с их национальными стремлениями. Бывшие руководители этой национальной группы (поп Симко, учитель Михалевич и др.) под давлением русинов выступали в начале этого года открыто в печати и в парламенте Словакии с требованием предоставить русинам право культурных связей с Советским Союзом. Но с изменением режима в стране они умолкли.

Лучше всего характеризуют настроения русинов лица, приходящие к нам и в Консульство. Так, к нам явилась однажды делегация от одного села Восточной Словакии (Михаловцы) с просьбой принять в гражданство Советского Союза все село в количестве 42 семей и передали при этом заявления с подписями жителей этого села и фотокарточками. На днях явилась группа молодых парней-русинов с просьбой о принятии в гражданство Союза. Когда же им консул ответил, что вопрос о принятии в гражданство Союза решается весьма долго (не менее года), они ответили, что русины увидят Красную Армию значительно раньше этого срока, и отказались подавать заявления.

Совершенно ясно, что словацкое правительство, иначе говоря, немцы, не могли относиться равнодушно к подобного рода настроениям населения района, близко расположенного к границам Советского Союза. Все русинские организации культурного типа были распущены, от руководителей этой национальности была взята подписка, как о том сообщала словацкая пресса, не заниматься политической деятельностью. В Восточной Словакии немцы организовали национал-социалистскую группу русинов, поставив во главе этой группы инженера Гелетку, известного нам как германского агента. Словацкая пресса, и немецкая в особенности, широко рекламировала создание этой группы, которое якобы означает «предоставление полных прав» русинской национальности. Для наведения порядка в Восточной Словакии туда выезжали министр внутренних дел Мах и руководитель германских национал-социалистов в Словакии Кармазин. Объявлено, что в Прешове будет выходить газета на русинском (русском) языке. В Словакии в последнее время резко усилилась кампания против коммунистов. Пресса то и дело сообщает об арестах коммунистических групп в самых различных районах страны, о раскрытии подпольных типографий и т. д. Пресса ведет безудержную травлю коммунистов, причисляя к ним все оппозиционные элементы в стране вплоть до некоторых католических священников. Недавно на приеме Мах, выпив лишнее, говорил атташе Полпредства т. Зайцеву, что он будет коммунистов расстреливать, так как коммунисты тоже его расстреляли бы, если бы находились у власти...

Полпред СССР в Словакии Пушкин

№ 67

*Запись полковника Ф. Моравца о разговоре
с представителем советской разведывательной службы*

Лондон

23 декабря 1940 г.

Встреча состоялась 22 декабря 1940 г. между 17 и 18.30 в Дорчестер-отеле в номере 843. Советский представитель, который выступал под псевдонимом ДОРН, производил несомненное впечатление офицера и, как оказалось из дальнейшего разговора, специалиста, осведомленного в делах разведки. Он хорошо знает положение дел в Англии и в совершенстве владеет английским языком.

После взаимного представления, при котором полковник генштаба Моравец использовал псевдоним ЕРБАН, советский представитель заявил, что имеет из Москвы приказ вести переговоры, в ходе которых он должен получить с нашей стороны некое предложение. Полковник генштаба Моравец констатировал, что хотя импульс для ведения переговоров в Лондоне поступил с нашей стороны, но инициатива к переговорам о сотрудничестве вообще была проявлена советской стороной. Представительские советские органы в Праге и Константинополе по приказу Москвы установили контакт с тамошними нашими представителями и просили о сотрудничестве в сфере разведки, саботажа, транспортировки оружия и т. д. Политическое и военное руководство чехословацкого сопротивления в Лондоне не могло согласиться с подобными действиями и в качестве основного поставило условие сотрудничества между ним (его представителем) и посредником из Москвы. Все организации нашего сопротивления, где угодно находящиеся, строго подчиняются центральному руководству в Лондоне, без согласия и директив которого не могут начать переговоры о каком-либо сотрудничестве.

После этого полковник Моравец заявил, что он уполномочен быть посредником Бенеша, который дает принципиальное согласие на переговоры о сотрудничестве, однако с исключениями, о которых будет сказано далее. Когда советский представитель этому заявлению удивился, полковник Моравец возразил, что ведь совершенно естественно, что чехословацкая разведывательная служба нуждается для установления контактов с советской службой в принципиальном решении и согласии политического руководства, тем более если учитывать политическую ситуацию и отношение СССР к Англии или же к Германии. Советский представитель реагировал на это заявлением, что он имел в виду не столько политические обстоятельства, сколько необходимость сохранения секретности. Окружение президента Бенеша, конкретно он назвал др. Рипку, др. Краузе, не рассматривается у них как достаточно дискретное (умеющее хранить тайну. — В. М.). Полковник Моравец констатировал, что президент Бенеш принял принципиальное политическое решение, осуществление которого

будет находиться в руках специалистов по разведке. Тем самым дискретность гарантирована.

После этого полковник Моравец заявил в смысле инструкций, полученных от президента Бенеша, что широкая политическая база сотрудничества определяется тем, что речь идет о работе против Германии. Мы идем и работаем, в принципе, с каждым, кто против нацизма и может каким-либо образом содействовать его падению и, следовательно, освобождению нашего народа. Советский представитель выразил согласие.

Понятие сотрудничества предполагает, что обе стороны извлекают из него пользу. Поэтому полковник Моравец задал вопрос о том, что в ходе предполагаемого сотрудничества Советы потребуют от нас и что намерены сами в качестве эквивалента предложить. Советский представитель заявил, что имеет инструкции из Москвы вести переговоры о сотрудничестве в области разведки, которое, с одной стороны, касалось бы агентуры, работающей против Германии в самой Германии и в протекторате, с другой, обмена информацией.

Что касается агентуры, он не мог на прямой вопрос дать более точного разъяснения. Чехословацкий представитель констатировал, что вообще не может быть речи ни о передаче агентуры, которая в настоящее время работает на нас, ни о каком-либо влиянии Советов, которое мы могли бы допустить на эту агентуру. Однако мы можем изучить вопрос в смысле того, имеются ли у нас какие-либо агенты, с которыми после оккупации ЧСР [Советы] утратили и до сих пор не установили связь. Поскольку такие агенты для нас конкретно бесполезны, мы могли бы Советам передать о них такие данные, которые позволят установить с ними прямую связь.

Если говорить об информации, то советская [разведывательная] служба наиболее заинтересована в информации о дислокации немецкой армии, прежде всего что касается восточной границы, и не только в Польше, но и в Финляндии и Норвегии, в особенности же в Румынии. Далее предметом их интереса является техническая оснащенность немецкой армии, особенно танками и артиллерией, а также воздушные силы, как с точки зрения количества, так и с точки зрения технических новшеств.

На вопрос, готовы ли Советы предоставлять нам эквивалент в информации о Германии, он заявил, что не имеет инструкций из Москвы, от которой требуется принципиальное решение.

Согласно имеющимся у него инструкциям, сотрудничество пока должно ограничиться рамками разведки. Чехословацкий представитель согласился, и было достигнуто соглашение, что если бы возникли соображения относительно расширения этого сотрудничества на иные области, необходимо будет получить новое согласие в Лондоне. Это касается в первую очередь вопросов организации саботажа и переправки оружия в Чехословакию, что уже является чисто политическим делом. После этих взаимных заявлений чехословацкий представитель отказался от анализа

советско-чехословацких отношений, к которому советский представитель, впрочем, не проявил ни малейшего желания.

Вопрос о сохранении в тайне сотрудничества был, что касается Англии, решен гладко, поскольку обе стороны одинаково заинтересованы в этом. Чехословацкий представитель поднял также вопрос о сохранении тайны от немцев. Ведь нам не известно, не сотрудничает ли разведывательный центр в Москве в области разведки с Берлином. Если это так, то при обмене информацией наши сообщения могли бы попасть в немецкие руки, что подвергло бы опасности нашу агентуру и наших людей в стране. Советский представитель не смог дать успокоительного ответа. Лично он полагает, что и в том случае, если существует советско-немецкое сотрудничество в области разведки, с их стороны не произошло бы никакой утечки секретных сведений (индискреции). Он запросит информации из Москвы, когда направит наши пожелания.

В качестве места передачи информации чехословацкий представитель предложил Лондон, где находится чехословацкий разведывательный центр, в котором сосредотачиваются все сообщения. Советский представитель возразил, что при таком решении документальные сообщения и сообщения чересчур длинные для передачи их по радиотелеграфу к ним приходили бы очень поздно. Чехословацкий представитель согласился с этим, и было договорено, что сообщения будут передаваться принципиально в Лондоне, в филиальных же отделениях будет производиться обмен теми сообщениями, которые лондонский чехословацкий разведывательный центр для этого прямо определит.

После этого чехословацкой стороной были провентилированы еще два вопроса, тесно связанные с предполагаемым сотрудничеством. Это, с одной стороны, возможная отправка особо уполномоченного чехословацкого офицера в Москву и, во-вторых, эвакуация чехословацких военных, которые после поражения Польши были интернированы в России. Ни по одному из этих вопросов советский представитель не был информирован, или же, по меньшей мере, так выглядел. По первому вопросу полковник генштаба Моравец подчеркнул, что эта инициатива была проявлена, собственно, советской стороной при переговорах в Праге, что мы относимся к ней в принципе положительно при условии, что нашему уполномоченному офицеру будет гарантирована полная свобода переговоров и предоставлена возможность прямой связи с военным и политическим центром в Лондоне. По обоим вопросам советский представитель запросит инструкций из Москвы.

В вопросах связи пока отказались от организации какой-либо прямой связи между Москвой и чехословацкими филиальными отделениями, учитывая, что центр тяжести сотрудничества будет в Лондоне. В зависимости от складывания ситуации этот вопрос может быть пересмотрен.

Ближайшая встреча была назначена на 5 января 1941 г. Советский представитель сообщит на ней все решения Москвы по вопросам, на кото-

рые он не мог дать ответа. Чехословацкий представитель составит в целях обсуждения вопросник, содержащий наши пожелания в области разведки и некоторые запрашиваемые от советской стороны сведения. Во время этой встречи будет также согласован способ последующей связи в Лондоне, при котором личный контакт должен сводиться к минимуму и осуществляться осторожно в интересах соблюдения секретности. И в этом отношении советский представитель запросит инструкции из Москвы.

После встречи 5 января 1941 г., когда станет окончательно известна позиция Москвы по всем необходимым направлениям, советской и чехословацкой сторонами будут подготовлены инструкции для филиалов в Праге и Константинополе, которые обозначат точные рамки сотрудничества в области разведки между указанными филиалами обеих стран.

При разговоре об общей политической и военной ситуации советский посредник особенно и постоянно подчеркивал опасность создания европейского антибольшевистского блока. Критическим для Советского Союза периодом он назвал весну этого года, когда существовала действительная опасность нападения французской армии под командованием Вейгана* на советскую Россию через Кавказ. Эта опасность сохраняется до сих пор, поскольку в Англии существуют весьма активно действующие многочисленные и влиятельные круги, которые предпочли бы соглашение с нацистской Германией в целях совместного похода против советской России. Из этого заявления складывается ясное впечатление, что, если говорить о Германии, с советской стороны речь идет о чисто оборонительных мерах и что война между обоими государствами могла бы начаться лишь в случае нападения Германии на Россию. В целом советский представитель проявлял просто поразительное безразличие к проблемам Западной Европы, за исключением тех, которые прямо касаются СССР. Они также смотрят на государства с авторитарным режимом как на государства плутократической демократии. Вопрос вторжения на британские острова они считают все еще важным. Он говорил об этом в связи с тем, что война между Германией и советской Россией неправдоподобна до выведения из строя Англии.

Общие выводы:

Собственно рабочая встреча состоится только 5 января 1941 г., поскольку советский представитель не имел необходимых инструкций и не мог сразу реагировать на наши пожелания. Не исключено, что неинформированность он изображает, чтобы выяснить наши позиции и нашу точку зрения. Только после предстоящей встречи можно будет создать ясную картину того, будет ли вообще и какое именно значение будет иметь для нас это сотрудничество. Политических факторов для переговоров достаточно, хотя о них буквально и не говорилось, учитывая технически-специальную направленность переговоров. Переговоры велись и будут вестись так, чтобы они не сорвались и контакты сохранились. У чехословацкого представителя сложилось впечатление, что Советам необходима доброт-

ная информация и что переговоры будут продолжены. Предпосылкой успешного осуществления сотрудничества явится строгое соблюдение точных инструкций, направленных лондонским руководством в Прагу и Константинополь.

Полковник Ф. Моравец

* М. Вейган — французский генерал, с октября 1939 г. командующий французскими войсками на Ближнем Востоке.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 168–172

Перевод с чешского автора

№ 68

*Из секретной директивы Секретариата ИККИ
для Компартии Чехословакии*

Москва

27 декабря 1940 г.

1) Новая фаза войны характеризуется усилением тенденции к ее расширению до мировой. В борьбе за передел мира участвуют фактически все крупные империалистические державы. Пропаганда якобы уже обеспеченной победы Германии является поэтому блефом. Иллюзорен и так называемый новый порядок в Европе под руководством Германии — Италии. Все зависит от дальнейшего хода войны, которая истощает силы обоих империалистических противников, в то время как революционные силы будут расти. Советский Союз остается в войне по-прежнему нейтральным и бдительным. ...

4) Наша линия на борьбу за национальное освобождение чешского народа сохраняется. При этом на передний план все яснее выступает взаимосвязь между национальным и социальным освобождением, между национальной независимостью и социализмом. Именно сейчас рабочий класс во главе с компартией имеет большие возможности добиться руководящей роли в национально-освободительном движении.

5) ...При этом надо, не шадя Бенеша, усилить в чешском лагере нашу борьбу с ориентированным на Берлин крылом буржуазии. ...

Коминтерн и Вторая мировая война. Часть 1. До июня 1941 г. М., 1994. С. 466–467

№ 69

*Из информационного письма полпреда СССР в Словакии Г.М. Пушкина
в НКВД СССР*

Братислава

17 января 1941 г.

В последний месяц положение в Словакии резко изменилось. Можно прямо сказать, что немцы здесь все подчинили одной основной задаче — обеспечить бесперебойную переброску германских войск в Румынию и Венгрию через территорию Словакии. ... По всем железнодорожным путям Словакии ежедневно идут германские транспорты с войсками, вооружением и амуницией. Предполагают, что ежедневно через территорию Словакии проходят до 100 таких поездов. В связи с тем, что Словакия в последние два месяца приобрела для Германии исключительное значение, оккупационный режим в стране дает себя чувствовать все больше и больше. ... Словакия превращается в весьма важный тыл германской армии, которая будет оперировать на юго-востоке Европы и, возможно, на Ближнем Востоке.

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 30

№ 70

*Запись полковника Ф. Моравца о встрече
с представителем советской разведки*

Лондон

21 января 1941 г.

1) Встреча состоялась в Porchester Gate в комнате № 12 между 18.00 и 19.00 часами.

2) Я спросил его, информирован ли он о переговорах, которые на минувшей неделе состоялись в Константинополе между советскими представителями и чехословацким уполномоченным полковником Пикой. Ответ был отрицательным. Тогда я информировал его лишь в общем смысле о том, что в Константинополе по советской инициативе дело дошло до переговоров на более широкой основе, чем во время переговоров в Лондоне. Результатом этих переговоров явились определенные советские предложения, которые были представлены для обсуждения и принятия решения чехословацкому военному и политическому центру в Лондоне. На эти предложения, которые отчасти носили чисто политический характер, отчасти касались способов осуществления сотрудничества, в Константинополь был направлен ответ. Я просил посредника информировать Москву об этом моем сообщении и получить согласие на то, чтобы быть информированным о содержании переговоров. Посредник явно был удив-

лен и задет моим сообщением. Он заявил, что, по его мнению, принципы сотрудничества, установленные во время лондонских переговоров, наилучшим образом отвечают нынешней ситуации. Это свое мнение он также доведет до сведения Москвы. Рассуждал о том, почему его Москва о константинопольских переговорах не уведомила, он высказал предположение, что это могло произойти в результате излишней инициативы кого-либо из наших сотрудников в Москве или в Константинополе. Он постоянно подчеркивал необходимость сохранения в тайне начатого сотрудничества, особенно от англичан. Они бы определенно, узнав об этих переговорах, стремились использовать их при ближайшей возможности. Как и советские представители в Константинополе, он заявил об отсутствии у них доверия к Англии, что еще более развернуто мотивировал общей военной и политической ситуацией. Он подчеркнул, что они нам полностью доверяют и что эти переговоры явились первыми в советской истории, когда их секретная служба так искренне доверяет другой службе. Он упомянул о поляках, о которых говорил с большой неприязнью, и заявил, что подобное сотрудничество с ними было бы невозможно даже в том случае, если бы они политически повернули на 180 градусов. Ответ Москвы он сообщит мне в пятницу, т. е. 24 января, в день, на который назначена новая встреча.

3) Он сообщил, что реакция Москвы на наши сообщения была очень хорошей. При этом он подчеркнул, что и с этой точки зрения сотрудничество с нашим разведывательным центром гораздо более выгодно, чем сотрудничество с филиалами, поскольку отсюда они могут получить уже проанализированные сообщения с объективными выводами и обоснованными оценками, в то время как в филиалах могли бы получить сообщения лишь в таком виде, в каком они приходят, без какого-либо изучения и анализа.

4) Общую ситуацию он оценивает примерно так:

Для Черчилля арена военных действий на Ближнем и Среднем Востоке — личная прихоть и просто страсть еще с прошлой (Первой мировой. — В. М.) войны. Может случиться, что англичане позволили бы себе чересчур завязнуть в этом пространстве и могли бы сосредоточить там чересчур много средств, которые им были бы необходимы в ином месте, т. е. в Англии. По их мнению, первая половина 1941 года является критическим и решающим для войны периодом. Согласно их информации, американская помощь может быть действительной только с осени этого года. Ясно, что Гитлер не может и не будет ждать до этого времени и что он должен попытаться решить все до того, как американцы включатся в полную силу. По их мнению, бои на Ближнем и Среднем Востоке или на Средиземном море не могут привести к победе в войне. Поэтому они считаются с возможностью вторжения в Англию.

При этом он спросил мое мнение относительно того, уверен ли я, что английская армия способна оказать успешное сопротивление. Он под-

черкнул, что их теперешняя информация об английском военном потенциале весьма недостаточна. [С одной стороны,] это является следствием смены их военного атташе в Лондоне, с другой — того, что их агентурная сеть здесь функционирует очень плохо. Они хотели бы знать, как со времени падения Франции продвинулось вперед строительство английской армии, особенно что касается вооружения, механизации и моторизации. На этот вопрос я дал общий ответ в благоприятном для англичан смысле. Во время обсуждения он высказал совершенно очевидные опасения, что Англия под немецким нажимом, наивысшую интенсивность которого они ожидают в начале этого года, может заколебаться. В результате неудачи мог бы пасть кабинет Черчилля и новое правительство могло бы начать переговоры с Германией, которые были бы явно направлены против советской России. Общее впечатление от этого разговора было таково, что Советы ждут решающего столкновения между Англией и Германией в первой половине этого года. Только в соответствии с его результатами они примут окончательное решение относительно своих дальнейших действий.

Полковник Фр. Моравец

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 178–180

Перевод с чешского автора

№ 71

*Из характеристики президента Словакии Й. Тисо,
подготовленной полпредом СССР в Словакии Г.М. Пушкиным
для НКВД СССР*

Братислава

12 февраля 1941 г.

...Я не склонен рассматривать Тисо как прогерманского политическо-го деятеля. Любопытно, что вокруг Тисо группируются антигермански настроенные лица: два брата Дурчанских, Дачкал (журналист, чех по национальности), министр Стано, Сидор, Киришбаум и др. ... В своих выступлениях Тисо никогда не делает резких выпадов против бывшего чехословацкого правительства и его политики, что особенно характерно для Туки. И в еврейском вопросе Тисо проявляет заметную сдержанность. ... Он определенно тормозил дело с «аризацией» еврейской собственности, боясь, что последняя попадет в руки немцев. Но Тисо в то же время боится чем-либо обидеть немцев или вызвать с их стороны излишние подозрения к своей политике. Поэтому он так часто подчеркивает «дружбу» Словакии с Германией. В вопросах словацко-германских отношений Тисо изворачивается, и это вызывает критику его со стороны группы

Туки и обвинение его в неискренности. Немцы будут терпеть Тисо до поры до времени. Они, по-видимому, рассчитывают прогнать его после завершения своей акции на Балканах. ... Главное для Тисо в нынешних условиях господства немцев в Словакии не власть, а авторитет в массах. Им он, бесспорно, дорожит и надеется воспользоваться при удобном случае...

В вопросе наших отношений со Словакией Тисо, по-видимому, отражает настроения здешних католических кругов. Нам известно, что некоторые представители этих кругов открыто выступали против установления дипломатических отношений между Словакией и Советским Союзом. Но Тисо пошел на такой шаг, учитывая, что связь Словакии с Советским Союзом укрепит положение этой маленькой и малоустойчивой страны. Он, конечно, не ошибся. Тисо действовал в этом вопросе как реальный политик.

В своих выступлениях он обычно обходит Советский Союз. Говорить что-либо плохое об СССР он не может, так как связан своим положением главы государства, а говорить хорошее об СССР мешают ему его антисоветские настроения. ... Ни в коем случае не следует переоценивать антигерманские настроения Тисо. При всех обстоятельствах Тисо может договориться с кем угодно, только не с Советским Союзом.

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 61–62

№ 72

Запись в Дневнике Г. Димитрова по вопросу о создании школ ИККИ

Москва

22 февраля 1941 г.

В секретариате ЦК ВКП(б) — Жданов, Андреев, Маленков.

Обсуждение предложения о школах ИККИ.

В принципе согласны. Целевая установка — подготовить главным образом кадры из славянских стран (Болгария, Югославия, Польша, Чехословакия).

В программах обучения — главное изучение своей страны, своей партии, их проблемы, как бить врага у себя дома.

Жданов: «Мы сбились на национальном вопросе. Не обращали достаточно внимания на национальные моменты». Сочетание пролетарского интернационализма со здоровыми национальными чувствами данного народа. Подготовить надо наших интернационалистов.

Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 — 6 февруари 1949). София, 1997. С. 217

Перевод с болгарского автора

№ 73

*Из дневника И.М. Майского: сообщение чехов
о дислокации германских вооруженных сил*

Лондон

2 марта 1941 г.

Чехи сообщают:

...

5. Дислокация германских сил в феврале: Франция — 60 дивизий, Голландия и Бельгия — 10, Норвегия — 6, Средняя Европа (ЧС, Австрия, Словакия) — 20, Польша — 60, Балканы — 40.

АВП РФ. Ф. 017 а. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 50

№ 74

*Из характеристики Ф. Дурчанского, составленной полпредом СССР
в Словакии Г.М. Пушкиным для НКВД СССР*

Братислава

10 марта 1941 г.

...С этого момента* влияние Дурчанского в стране резко повышается. Не будет ошибкой сказать, что именно Дурчанский начал определять как внешнюю, так и внутреннюю политику. ... Стремясь усилить независимость страны от Германии, Дурчанский устанавливает дипломатические отношения с Советским Союзом. Дурчанский учитывал, конечно, при этом изменившиеся отношения между СССР и Германией. Акция Дурчанского увенчалась успехом, несмотря на противодействие со стороны некоторых влиятельных лиц из католического духовенства в Словакии (словацкие епископы). Устанавливая дипломатические отношения с Советским Союзом, Дурчанский знал, что со стороны немцев не будет возражений против этого шага, так как им выгодно было, чтобы такая страна, как СССР, признала факт распада Чехословацкого государства. Но сам Дурчанский имел иные намерения: он стремился быть более независим от Германии. ... Внутренняя политика Дурчанского была направлена на то, чтобы создать из Словакии действительно независимое государство по типу современной Швейцарии. ... Дурчанский хотел бы видеть Словакию граничащей с Советским Союзом. Сам Дурчанский и люди из его круга неоднократно вели разговоры с сотрудниками нашего полпредства по вопросу о переходе Карпатской Украины от Венгрии к Советскому Союзу. ... Несмотря на давление со стороны немцев, Дурчанский довольно примиренчески относился к словацким коммунистам и евреям. Компартия Словакии, хотя и была распущена, но коммунисты оставались на свободе. Дурчанский явно боялся арестовывать коммунистов, потому что не хотел

вызвать озлобление со стороны народа, авторитетом среди которого он весьма дорожил. При Дурчанском антисемитская кампания ограничивалась в Словакии декларациями партии, правительства и парламента. Много выносилось решений об «аризации» еврейской собственности, но саму «аризацию» Дурчанский оттягивал. Дурчанский боялся, что еврейская собственность в Словакии может попасть не в руки словаков, а в руки немцев, как это произошло позднее. ... Хотя Дурчанский** и не допускал в отношении Советского Союза выпадов в своих речах и статьях, он, бесспорно, является противником СССР...

* После избрания Й. Тисо президентом Словакии в октябре 1939 г. и получения Ф. Дурчанским помимо поста министра иностранных дел поста министра внутренних дел.

** После отставки в конце июля 1940 г. Ф. Дурчанский занялся адвокатской практикой.

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 80–82

№ 75

*Из информационного письма полпреда СССР в Словакии
Г.М. Пушкина об обстановке в Словакии*

Братислава

10 марта 1941 г.

...Германское господство в Словакии все более усиливается. Германская дипломатическая миссия в Словакии разрослась до 150 сотрудников. ... В Словакию приезжают почти ежедневно самые разнообразные представители из Германии, которые здесь встречаются с большой помпой. ... Совершенно бесспорно, что пребывание немецких генералов в Словакии следует рассматривать в связи с предстоящей военной акцией Германии на Балканах. Немцы наводят порядок в тылу своей армии, иначе говоря, в Словакии. ... Мы не располагаем сведениями о том, что происходит в Восточной Словакии, которая расположена рядом с нашими границами, но, по сведениям словацкой и немецкой прессы, немцы развернули там большую деятельность. Влияние германского консула в Прешове настолько сильно в Восточной Словакии, что словацкие министры предпринимая специальные поездки в этот район Словакии затем, чтобы устраивать приемы этому консулу в Прешове, барону фон Вайновичу. Имеются сведения, по которым Восточная Словакия вообще выделена из ведения словацких властей и находится под управлением немцев...

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 90–91

№ 76

Из отчета полпредства СССР в Словакии за 1940 г.

Март 1941 г.

...Вплоть до конца 1939 г. словацкая пресса выступала против СССР. Не подлежит никакому сомнению, что такая позиция словацких правящих кругов инсценировалась из Берлина. ... В конце 1939 г. были установлены дипломатические отношения между СССР и Словакией в результате переговоров словацкого посланника в Берлине с полпредом Советского Союза. Это событие следует записать в актив группы Дурчанского, которая стремилась всеми мерами ослабить германское влияние в Словакии и укрепить положение этого малоустойчивого государства. Не исключена возможность, что поведение немцев сегодня в отношении Словакии было бы иным, если бы не были установлены дипломатические отношения между СССР и Словакией. Немцы вынуждены были считаться с Советским Союзом. В этой части расчеты группы Дурчанского были совершенно правильны. ... В течение всего 1940 г. наши отношения со Словакией ограничивались чисто формальными связями: пребывание советского полпредства в Братиславе и словацкой миссии в Москве. Как ни странно, но в течение 1940 г. в наших отношениях со Словакией не возникло ни одного практического вопроса, если не считать поездку советской научной делегации в Братиславу в январе 1940 г. на торжества, связанные с открытием Братиславского университета, ответного визита словацкой научной делегации в Москву в мае того же года и подписания советско-словацкого торгового договора в Москве 6 декабря 1940 г. ...

В течение 1940 г. словацкая пресса не опубликовала ни одной правдивой статьи о Советском Союзе. Но зато весьма часто публиковала статьи, или открыто враждебные нам, или сознательно искажающие существо нашей внешней и внутренней политики: характерным было отождествить советскую политику с политикой дореволюционной России... В августе руководящие представители Словакии, такие, как Тука и Мах, в своих выступлениях допускали выпады против Советского Союза. ...В начале сентября словацкое правительство организовало блокаду нашего полпредства. Все посетители задерживались полицейскими агентами и отводились в полицию для допроса. Дежурили одна-две полицейские машины беспрерывно. За сотрудниками полпредства установилась тщательная слежка. ... Само собой разумеется, что ухудшение отношений между СССР и Словакией в этот период произошло не по инициативе словаков, а по инициативе немцев и, возможно, здешних немцев. Не исключена возможность, что Киллинггер стремился добиться разрыва дипломатических отношений между СССР и Словакией (такие слухи позднее доходили до нас): во всяком случае, ясно, что даже одно лишь пребывание советского полпредства в Словакии создавало для немцев большие неудобства.

Во-первых, мы являлись живым свидетельством их хозяйничанья в Словакии; во-вторых, наше присутствие в Словакии имело влияние на словацкий народ, настроенный в подавляющей своей массе резко антигермански. Чем больше усиливается германский гнет в Словакии, тем шире становятся ряды симпатизирующих Советскому Союзу. Немцы очень боятся нашего влияния в этой стране. ... Немцы в Словакии, как огня, боятся панславизма, который особенно характерен для словацкой интеллигенции. ... Словакия имеет для немцев большое значение, особенно на случай резкого ухудшения отношений между СССР и Германией. На этот случай немцы проводят в Словакии исключительно большую подготовительную работу. В частности, организуют белоэмигрантские круги, украинских националистов, начали проводить широкую обработку русинов из Прешовской Руси, организуют там фашистские группы. В Прешове в конце 1940 г. было открыто германское консульство. Можно с уверенностью сказать, что основная деятельность этого консульства будет направлена против Советского Союза. Учитывая изложенное выше, становится понятным, почему словаки не идут на развитие с нами широких хозяйственных и культурных связей. Надо полагать, что 1941 г. не сулит нам каких-либо существенных изменений в отношениях между СССР и Словакией, если последняя будет находиться в такой же зависимости от немцев, как сегодня.

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 130–134

№ 77

Сообщение президента Чехословакии Э. Бенеша подполковнику Л. Свободе в Советский Союз о чехословацко-польской конфедерации и о шагах по налаживанию сотрудничества между чехословацким правительством в эмиграции и советским правительством

Лондон

24 марта 1941 г.

1. 11 ноября 1940 г. мы сделали совместное заявление о том, что поляки и Чехословакия намереваются создать после войны новое межгосударственное сообщество с целью усиления [позиций] на будущее в случае возможного нападения, подобного нынешнему германскому. Этому способствовало также падение Франции и ее неопределенное будущее. Это [сообщество] должно быть типа конфедерации. В этом смысле наши представители получили указание сотрудничать с поляками в политическом и пропагандистском плане, как с нашими союзниками и возможными партнерами в будущем против Германии.

2. В пограничных вопросах каждый партнер заботится о своих интересах и ни в чем не зависит от другого. Также в других вопросах, например, в отношении к России существует полная свобода. Наше отношение

к Советам остается в сущности таким же, как до Мюнхена, несмотря на то, что поляки говорят, что они находятся в состоянии войны с Россией. Мы сформулировали свою послевоенную концепцию сотрудничества с Польшей так, что условием для сотрудничества может быть соглашение и дружественное отношение к России, поскольку Польша не может иметь неприятелями оба своих великих соседа. Далее, наша конфедерация никогда не должна служить Германии и остальной Европе орудием любой антисоветской политики. Следовательно, никогда [не повторится] политика господина Бека. Это было бы тем легче для чехословаков, если бы их территория после войны граничила с Россией. Поэтому и мы жизненно заинтересованы в том, чтобы после этой войны отношения между Россией и Польшей были дружественными, и хотели бы способствовать этому. Ни в какие враждебные России комбинации мы, следовательно, не пойдем. Наш народ бы этого не допустил.

3. Относительно сотрудничества с «дядей»* мы не имели ни перед кем никаких обязательств, особенно перед поляками. Поэтому дело будет обстоять таким образом, как мы о нем договоримся с «дядей». Ныне мы суверенны — государство и правительство, несмотря на то, что мы в эмиграции и ведем себя соответственно. Наше сотрудничество останется в тайне согласно договоренности; оно станет известным лишь с того момента, когда мы это решим с «дядей». Далее о нашем сотрудничестве с «дядей» будет известно лишь то, на что будет дано взаимное согласие. Не будет сообщено ничего, на что не будет в этом смысле согласия.

4. Нам думается, что невозможно будет постоянно утаивать от англичан и поляков подготавливаемое сотрудничество. Но как суверенное правительство мы имеем право сотрудничать в этой области с противниками наших врагов, и это не будет неloyально по отношению к нашим остальным друзьям. Поэтому, желая остаться во всех отношениях лояльными к советским друзьям, мы продолжаем действовать в соответствии с пунктом 3.

Д-р Бенеш

* Условное обозначение Советского Союза, использовавшееся в секретной переписке чехословацкого эмигрантского правительства.

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 102–103

№ 78

*Из Дневника И.М. Майского: сообщение чехов
о передислокации немецких войск*

Лондон

4 апреля 1941 г.

Чехи сообщают:

...3. Через Прагу проходит большое количество войск, направляющихся на советскую границу. В Праге имеется Географический институт,

который уже давно перешел в руки немцев. Сейчас этот институт занят спешным изготовлением подробных карт Украины.

АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 76

№ 79

*Из сообщения Э. Бенеша тайной организации
«Центральное руководство внутреннего сопротивления
о принципах политики в отношении СССР*

Лондон

24 апреля 1941 г.

...Черчилль полагает, что Германия пойдет на Украину не далее чем через два месяца. Я сам несколько сомневаюсь в этом. ...

Однако, если бы дело дошло до этого, не ожидайте никаких чудес. И удерживайте наших людей от чрезмерного воодушевления и больших ожиданий. Я полагаю, что русские будут вести войну в русской манере, т. е. будут отступать, и, возможно, что немцы растянутся по бескрайним русским просторам, и война затянется. В любом случае мы пошли бы дальше, как и до сих пор: с союзниками и, возможно, с Россией, с которой просто восстановим союзнические отношения, которые у нас были до Мюнхена. Стало быть, это не означает никаких перемен, в том числе и внутривнутриполитических, т. е. никакого особенного поворота к коммунизму. Если они вместе с нами вступят в борьбу, хорошо. Если начнут действовать на свой страх и риск, тоже хорошо. Наша национально-государственная политика в отношении России будет такой же, какой была после моего визита в Москву* и после установления союза с Советами: дружественная и лояльная, но наша, чехословацкая. И нельзя забывать, что без Англии и Америки мы Германию не одолеем. А они обе Россию не любят. Поэтому и на этот случай: трезвость и спокойствие. ...

Все это я вам сообщаю как эвентуальность: никто сегодня еще не может уверенно сказать, действительно ли Россия уж так спешит и действительно ли она пойдет на войну с Германией. ...

* Имеется в виду посещение Э. Бенешем Советского Союза в мае 1935 г. с целью заключения союзного договора.

Edvard Beneš: vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 104

Перевод с чешского автора

№ 80

*Из информационного письма Г.М. Пушкина
в НКВД СССР о ситуации в Словакии*

Братислава

24 апреля 1941 г.

...Вообще немцы чувствуют здесь себя хозяевами сегодня больше, чем когда-либо в другое время. Словакию немцы превратили в свой тыл и используют ее как транзитный путь для переброски своих войск на Балканы. ... Население Словакии в последнее время резко увеличилось за счет немцев, прибывающих из Германии. Десятками тысяч перебрасываются сюда германские дети из западных районов Германии, семьи германских офицеров и немцы-инвалиды. Они заполнили абсолютно все курорты и санатории Словакии...

В связи с этой переброской германских войск через территорию Словакии здесь в самых разнообразных кругах (хозяйственников, журналистов и просто среди словацкого населения) распространяются слухи о якобы предстоящем военном столкновении между СССР и Германией. ... делается вывод, что немцам легче будет вести войну просто против Советского Союза и попытаться захватить Советскую Украину, стабилизировав при этом временно положение на Балканах и отложив свой поход на Ближний Восток. К непосредственному выступлению Германии против Советского Союза толкают ее продовольственные затруднения, переживаемые не только в Германии, но и во всех странах, оккупированных германскими войсками. Таков смысл этих рассуждений...

Поведение словаков и здешних немцев в отношении нашего полпредства не дает оснований считать, что в ближайшее время предстоят какие-либо существенные изменения в отношениях между Германией и Советским Союзом. Конечно, это является формальной стороной дела, по которому нельзя делать каких-либо серьезных выводов. Отношение немцев к нам следует назвать корректным. Правда, до меня дошли слухи, что в последнее время словацкой тайной полицией даны указания прекратить наблюдение за нашей миссией и сотрудниками миссии, так как эти функции переданы целиком и полностью гестапо. ... После разгрома Югославии и усиления германского режима в словацких правительственных кругах становится все меньше охотников беседовать с нами: словаки просто бо-
ятся.

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 189, 191–192

№ 81

*Из информационного письма Г.М. Пушкина в НКВД СССР
о ситуации в Словакии*

Братислава

20 мая 1941 г.

В течение последнего месяца Братислава была полна слухов о якобы предстоящей войне между СССР и Германией. Любой посетитель Торгпредства или Консульского отдела Миссии считал своим долгом сообщить о грозящей СССР опасности. Характерно, что даже официальный словацкий представитель заявлял работникам Торгпредства, что у них возникли серьезные опасения, смогут ли они «до начала военных действий между СССР и Германией» получить закупленный в Советском Союзе хлеб. Создавалось впечатление, что здешние немцы в какой-то мере были заинтересованы в распространении этих слухов и возможно даже их инспирировали. Но остается пока загадкой, зачем понадобилась им такая инсценировка. Возможно, что немцы сознательно намеревались этими слухами обострить положение в стране с тем, чтобы выявить антигерманские элементы в Словакии и изолировать их. Эта догадка имеет основание, если принять во внимание, что как раз на этот период падают в Словакии репрессии против коммунистов и антифашистски настроенных лиц. ... Возможно также, что немцы стремятся с помощью этих слухов скрыть свои истинные планы ближайших военных операций против Англии. ...

Распространению разговоров на эту тему способствовала переброска германских войск через Словакию, и главным образом через ее восточную часть, в Польшу. Эта переброска производилась по всем дорогам Словакии и исчислялась до 30 военных поездов в сутки. Сведения о такой массовой переброске войск нами проверялись. ... Информация наших товарищей подтвердила эти данные. ...

Сведения, которыми мы сейчас располагаем, все же не дают оснований считать, что немцы, перебрасывая свои войска в Польшу, руководствовались большим, чем простым пополнением своих частей в Польше, поредевших в свое время из-за отправки нескольких дивизий в декабре 1940 г. и январе 1941 г. на Балканы. Нам представляется, что на ближайшее время такой вывод правилен. ...

Но в то же время следует подчеркнуть, что немцы серьезно готовят Словакию к будущим военным операциям. Любопытно, что Словакия, исключительно беспечная во время югославо-германской войны, сейчас проявляет особую активность в проведении мероприятий по обороне страны. ...

Положение нашей Миссии в последнее время значительно изменилось. Полиция ведет за полпредством открытое наблюдение. ... Такое положение продолжается уже с конца апреля. Вначале мне представлялось,

что это связано с майскими днями, теперь же я догадываюсь, что такой порядок словаки (точнее немцы) ввели всерьез и надолго.

АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 220–221, 223

№ 82

*Запись полковника Ф. Моравца о разговоре
с представителем советской разведки*

Лондон

30 мая 1941 г.

В разговоре 28 мая 1941 г. посланник «дяди»* мне сообщил точку зрения своего руководства о нашем сотрудничестве. В принципе, содержание его сообщения совпадает с сообщением полковника Пики.

1) Невозможно, учитывая ситуацию СССР и его отношение к современной международной политической ситуации, придать миссии Пики уже сегодня официальный или полуофициальный характер. Советы также не могут взять на себя в этом отношении какие-либо обязательства, поскольку сегодня нельзя предвидеть, как и какими темпами будет развиваться ситуация и когда настанет благоприятное время для более тесного политического взаимодействия. До этого времени Советы хотят ограничиться сотрудничеством в области разведки, которое, естественно, направлено против Германии, имеет все же однозначно политический характер, полностью отвечающий нашим политическим и военным целям. Эффективное сотрудничество, хотя бы в специальной сфере, по их мнению, имеет гораздо большую цену, чем любая формулировка сомнительной ценности.

2) Советский представитель далее заявил, что имеет приказ Москвы сообщить мне, что нам будет оказана любая поддержка и будут удовлетворены все наши пожелания, с которыми мы обратимся к ним в специальной сфере деятельности.

3) При этом он передал мнение Москвы, что там весьма высоко оценивают профессионализм и действенность нашей службы разведки. Там на высоких должностях находятся несколько офицеров, которые знают меня еще со времени нашего довоенного сотрудничества и по личным встречам в 1936 г. в Москве и в Праге. Он сказал, что в Москве очень сожалеют, что мы 15 марта 1939 г. не перенесли разведывательный центр в СССР, где для нашей профессиональной работы были бы гораздо более благоприятные специальные и технические предпосылки, а также более дружественная и бескорыстная среда, чем у нас в Англии.

Когда я ему изложил мотивы, которые повлияли на мое решение отбыть в Англию и там работать, причем кроме специальных и технических предпосылок играли главную роль политические мотивы, он сказал, что

это полностью понимает. «Тем не менее, — подчеркнул он, — в Москве уверены, что Вас и Ваших сотрудников там в конце концов увидят».

4) Он настойчиво повторил уже несколько раз обращенную просьбу Москвы сообщить известные нам имена немецких агентов, действующих на советской территории. Я ответил, что по профессиональным и тактическим мотивам такую информацию можно дать тогда, когда для этого созреет политическая ситуация, то есть непосредственно перед началом военного конфликта. На это он отреагировал так, что ситуация уже созрела и что он боится, чтобы информация не пришла слишком поздно.

5) Общее впечатление: ясный отказ от каких-либо политических обязательств на весьма неопределенное время. Они хотят полностью использовать нашу ситуацию в области разведки, в которой мы оказались в результате существующего сотрудничества и присутствия нашей миссии в Москве. Положительной стороной является действительный, не наигранный и большой интерес к информации о Германии, ее вооруженных силах и намерениях.

Трудно судить, что в разговоре было искренним, а что *carpatio benevolentiae*.

Полковник Моравец

* Дядя — криптоним И.В. Сталина, а также Советского Союза.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 — červen 1943. Praha, 1998. S. 190–191

Перевод с чешского автора

№ 83

*Из сообщения корреспондента ТАСС в Братиславе
о строительстве дорог в Словакии*

Братислава

4 июня 1941 г.

Строительство дорог в Словакии в этом году ведется более усиленными темпами, чем в прошлом. Железные дороги в Словакии почти все однопутные. Для военного времени пропускная способность дорог недостаточна с точки зрения германских военных планов. Вот почему Германия начала с 1940 г. быструю реконструкцию словацких железных дорог. Вторая колея железной дороги Леопольдов — Врутки — это наиболее важный в стратегическом отношении участок. К этой линии примыкает 5 малых и больших железных дорог, идущих из Германии. От этой линии идут шоссе и железные дороги на восток и юг страны.

Дорога (реконструированная) Братислава — Врутки — Кисак — Прешов имеет военно-стратегическое значение для Германии, которая сейчас по этой дороге перебрасывает войска на восток Словакии. С военными

планами несомненно также связано и спешное строительство железной дороги Прешов — Стражске. Этот путь свяжет Прешов, сейчас главный разгрузочный пункт германских войск, с восточной границей Словакии и даст кратчайший выход от Прешова к Карпатской Украине. Согласно плану, эта новая дорога должна вступить в строй в конце текущего года. Судя по всему, ее стремятся закончить раньше. Теперь на строительстве занято 5–6 тысяч человек, в прошлом году — 3 тысячи.

Для военных перевозок Германии были приспособлены и подготовлены также многие важные железнодорожные станции — Братислава, Зволен, Банска Быстрица, Тренчин, Брезно и Гроном, Штрба, Ружомберок, Жилина, Чадца, Пухов, Дольна Штубна, Куты, Тренчанске Теплице, Сенец и Миявой, Братислава-пристань, Горно Срно, Медзилаборец.

Сооружение шоссейных дорог ведется не менее интенсивно. В спешном порядке строится дорога, по всему военная, идущая от Прешова через район Свидник к польской границе. Спешно сооружается дорога, имеющая стратегическое значение, Жилина — Прешов. Говорят, что эта магистраль будет готова в мае...

В последнее время в Словакии ведется усиленная подготовка к военным действиям. Директор полиции Братич обязал всех владельцев домов до 1 июня соорудить бомбоубежища или вырыть земляные укрытия. Аналогичные приказы изданы не только в Братиславе. Устраиваются частые воздушные тревоги.

Все эти приготовления, конечно, рассчитаны на возможную войну между Германией и СССР. Других государств, против которых территория Словакии могла бы быть втянута в войну, нет.

АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 2. Л. 72–74

№ 84

Запись начальника канцелярии президента Чехословакии Я. Смутного о высказывании Э. Бенеша в связи с предполагаемым нападением Германии на СССР

Лондон

21 июня 1941 г.

Б[енеш]:

Моравец принес сообщение от Пики о том, как отдельные дипломаты в Москве смотрят на развитие советско-германского конфликта. Большинство ожидает, что начнется война, многие уже отправили семьи. Повсюду в печати говорится так, как будто вот-вот произойдет нападение на Россию. Я прямо задал президенту вопрос, что он об этом думает. «Я думаю, что они договорятся, что войны не будет. Я бы хотел, чтобы она началась весной будущего года, когда русские будут лучше подготовлены. Я

опасаюсь, что теперь они быстро потерпят поражение, Германия будет вновь иметь успех, и в конце концов Россия заключит с ней сепаратный мир. Если бы эти люди здесь (в Англии. — В. М.) имели хотя бы немного разума и сказали русским: «Мы поможем вам, если на вас нападут». Однако решающим для них остается прежнее постоянное сопротивление против русских, усиленное сейчас еще тем, что они коммунисты. Однако русские никоим образом не облегчают положение тем, что они делают здесь и всюду против англичан с помощью коммунистов.

ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 105–106

Список сокращений

- АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации
ВВС — Военно-воздушные силы
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГРУ — Главное разведывательное управление
ГСНП — Глинковская словацкая народная партия
ГУГБ — Главное управление государственной безопасности
ГУПВИ — Главное управление по делам военнопленных и интернированных
ДВП — Документы внешней политики
ДМИСЧО — Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
ЗБ — Заграничное бюро
ИККИ — Исполнительный комитет Коммунистического интернационала
КИ — Коммунистический интернационал
КПС — Коммунистическая партия Словакии
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КПЧ — Коммунистическая партия Чехословакии
ЛН — Лига Наций
МИД — Министерство иностранных дел
МОПР — Международная организация помощи борцам революции
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
ОКВ — Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии

- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВА — Российский государственный военный архив
- РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия
- СР — Словацкая республика
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- США — Соединенные Штаты Америки
- ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
- УНКВД — Управление Народного комиссариата внутренних дел
- УПВИ — Управление по делам военнопленных и интернированных
- УССР — Украинская Советская Социалистическая республика
- ЦАФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
- ЦК — Центральный комитет
- ЦРВС — Центральное руководство внутреннего сопротивления
- ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций
- ЧНК — Чехословацкий национальный комитет
- ЧС — Чехословакия
- ЧСР — Чехословацкая республика
- Ч-Сл — Чехо-Словакия
- Ч-СР — Чехо-Словацкая республика
- ČSVDJ — Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních
- DHČP — Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943
- DSNP — Dejiny Slovenského národného povstania
- MV — Ministerstvo vnútra
- MZ — Ministerstvo zahraničí
- MZV — Ministerstvo zahraničných vecí
- SNA — Slovenský národný archív

Именной указатель

- Авеноль Жозеф 59, 60, 94
Адлер 250
Александров А.М. 70, 72, 78,
79, 80, 138, 204, 301, 362,
400
Александровский С.С. 12, 13,
18, 19, 23, 26, 27, 28, 29, 35,
36, 41, 43
Алкснис Я.И. 25
Андерс Владыслав 260
Андреев 34, 35, 36, 45
Андреев А.А. 37, 408, 420
Аппельт Рудольф 30, 32, 33, 34,
37, 38, 39, 45
Арпаг 51
Артамонов К.М. 24
Артузов А.Х. 264
Астахов Г. А. 19, 51, 76, 77, 78,
81, 123, 180, 181, 182, 183,
197, 298, 345
Афанасьев С.А. 321, 328, 395
- Бабарин Е.И. 184
Баксант 190
Балабан Йозеф (КОП) 159, 271,
272, 282, 391
Баркгаузен (Баркхаузен) 179,
297
Барков В.Н. 74, 75
Барулин 72, 362
Батурин А.Т. 243
- Батя Томаш 186
Бедржих М. (Л.) 244, 247, 248,
249, 250, 251, 253
Беер Курт (Конрад Курт) 88,
270
Безыменский А. 16
Бейер 164, 398
Бек Юзеф 57, 425
Белла Том 36
Бенеш Эдвард 8, 9, 10, 11, 13,
14, 19, 30, 38, 58, 59, 60, 62,
63, 64, 65, 66, 67, 70, 71, 74,
75, 86, 91, 93, 94, 95, 96, 97,
98, 99, 100, 101, 102, 103,
104, 105, 106, 107, 108, 109,
110, 112, 117, 118, 121, 122,
123, 125, 129, 130, 131, 132,
133, 134, 136, 137, 141, 142,
143, 144, 145, 146, 147, 150,
151, 152, 156, 160, 161, 162,
163, 164, 165, 166, 167, 168,
169, 170, 173, 178, 201, 202,
204, 205, 209, 215, 218, 219,
224, 225, 227, 229, 240, 241,
244, 245, 246, 248, 250, 256,
262, 265, 267, 269, 270, 271,
272, 273, 274, 275, 277, 278,
279, 280, 281, 282, 283, 284,
285, 290, 293, 303, 309, 330,
331, 332, 333, 338, 340, 341,
343, 344, 351, 357, 358, 359,

- 361, 363, 366, 367, 368, 369,
370, 374, 375, 380, 381, 384,
386, 387, 390, 391, 392, 396,
397, 398, 402, 404, 408, 409,
412, 413, 416, 423, 425, 426,
431
- Бенда О. 243, 246
- Бенчик А. 262
- Беран Рудольф 13, 17, 23, 34,
36, 52, 61, 93, 108, 109, 266,
386, 388
- Бергман Л.И. 71, 356
- Бернард Г. 296, 297, 303, 308,
310
- Берия Л.П. 34, 35, 37, 38, 206,
207, 208, 210, 211, 217, 243,
244, 251, 253, 260, 279
- Бероунский 385
- Бетти 19
- Бехине Рудольф 130
- Бивербрук Уильям Макссуэл
103
- Билек Ф. 33, 45
- Бинер К. 46
- Блиту Л. 234
- Бобак В. 268
- Богданов 37
- Бонне Жорж 14, 59
- Братич 431
- Брож 61
- Булер 410
- Буллок А. 284, 291
- Быстрички Валериан 15, 296
- Вагенкнехт (Вагенткнехт, Не-
часек) Ф. 214, 230, 241**
- Вайнер Е. 243
- Вайнович фон 422
- Вайнштейн Г.И. 64, 68
- Вайцекер Эрнст 179, 180, 181,
189, 197
- Валента Я. 290
- Валиш Зденек 234
- Ванников Б.Л. 24, 25, 186
- Ванчура Владислав 16
- Вацлавик Йозеф 124
- Ведерлих Йозеф 46
- Вейган (Максим де Нималь)
415, 416
- Ветишка Рудольф 33, 45
- Верекер 404
- Вершанский 277
- Виест Рудольф 151, 229, 386,
388
- Виленский Д.Г. 326
- Вильсон Гораций 103, 104
- Виц 392
- Волков 115
- Воробьев 243
- Ворошилов К. Е. 17, 28, 77, 202,
359
- Врбенски Богумил 28, 67, 281
- Выцпалек Я. 268
- Вышинский А.Я. 319, 407
- Габленц 50**
- Габсбург Отто 60, 103, 369
- Гавел Ф. 265
- Гавелка 125
- Гаворка 239
- Гайда В. 46
- Гака А. (Мезл) 235, 236, 251
- Галифакс Эдуард Ф. 56, 59, 85,
103, 367
- Гальдер Ф. 321
- Гапалова М. 234
- Гарин-Михайловский 148
- Гатлак Ч. 185
- Гаусгофер Г. 234, 238, 251
- Гафенку Григории 207
- Гаха Эмил 13, 49, 50, 51, 52, 54,
61, 62, 79, 108, 266, 337, 338,
339, 341, 381, 393
- Гашицкий 213

- Гebbельс Йозеф 284, 291
Гebхарт Ян 262
Гейдрих Рейнхард 284
Гелетка 411
Гендин В.Я. 24, 31
Геринг Герман 50
Гжибовский Вацлав 49
Гибсон Г. 265, 266
Гиммлер Генрих 310
Гитлер Адольф 11, 13, 14, 19,
20, 30, 36, 39, 40, 43, 48, 49,
50, 52, 56, 57, 58, 84, 85, 100,
101, 121, 122, 130, 131, 132,
135, 137, 138, 140, 141, 142,
143, 150, 156, 166, 167, 168,
169, 170, 171, 176, 181, 237,
263, 266, 269, 283, 284, 295,
296, 297, 305, 309, 310, 311,
312, 314, 319, 320, 321, 322,
328, 329, 330, 334, 352, 355,
357, 361, 381, 389, 398, 401,
418
Гитнер Ф. 46
Главничка Йозеф 407
Гладков Ф. 16
Глинка Андрей 296
Гоголь Н.В. 242
Годжа Милан 97, 130, 386, 388
Гой Э.И. (Лисогорский Ондра)
230
Голиков Ф. И. 391, 399
Гора Й. 16
Гордон Б.М. 289
Горлинский 211
Готвальд Клемент 29, 30, 31, 32,
33, 34, 36, 37, 38, 45, 46, 82,
107, 108, 111, 113, 119, 120,
125, 128, 129, 130, 133, 134,
149, 156, 158, 205, 331, 376,
380, 381, 382
Гофман 230, 258
Гречанинов 248, 249
Громадко Вилем 24, 26, 184,
185, 186, 188, 189, 190, 193,
348, 382, 407
Гросман Ф. 243
Губин 220, 221, 223, 224
Гула М. 268
Гунтер 352
Гурбан Владимир 60, 62, 63,
118, 122, 338
Гусак Густав 372, 373
Гусак О. 24
Даладьё Эдуард 15, 30, 56, 58,
94, 104, 130, 232, 135, 136,
142, 369
Дам А. 63
Дастих Ф. 264
Дачкал 419
Дворжак Э. 63
Дейнека Д.И. 327
Деканозов В.Г. 37, 74, 83, 294,
304, 310, 312
Джордан 59
Димитров Георги 28, 29, 30, 31,
32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39,
44, 45, 46, 81, 82, 83, 87, 90,
107, 109, 111, 112, 113, 114,
119, 127, 150, 205, 230, 391,
382, 407, 420
Доланский Яромир 31, 45, 81,
82, 407
Дорн 275, 276
Дорпмюлер 410
Драганов П. 38
Дресл К. 46
Дубровин Н. 217
Дуффек Томаш 186
Душанек И. 46
Дюрчанский (Дурчанский)
Фердинанд 90, 148, 176,
298, 299, 300, 303, 304, 305,
307, 308, 309, 317, 335, 341,

- 373, 378, 401, 419, 421, 422,
423
- Еголин А.М. 327
Егоров А.И. 24
Едличка Р. 268
Ежов Н.И. 28, 34, 45
- Жданов А.А. 37, 111, 122, 182,
408, 420
- Зайцев И.А. 317, 395, 411
Запотоцкий Антонин 33, 34, 45,
81, 82, 407
Затько 90
Зверев 208, 212, 218
Зедка В. 243
Зика 45
Зикмунд Ф. 237, 240, 243, 244,
246, 257
Зорге Рихард 266
Зубов П. 265
Зюсерман Ю. 230
- Иванов Вс. 16
Иден Антони 166
Илемницкий Петр 16
Ингр Сергей 206, 207, 235, 236,
245, 251, 257, 269, 280, 286,
388
- Йодль А. 395
- Каганович Л.М. 17, 28
Кадоган Александер Ж.М. 15,
92, 117
Калла Ян 63, 106, 162, 266, 267,
269, 384
Каменский Ян Амос 316
Каминек 384
Карелин 312
Кармазин Ф. 313, 411
- Каспер В. 46
Катаев В. 16
Кафтанов С.В. 317, 326, 374
Кашпаровский Фр. 89
Кейтель Вильгельм 315
Кейтель Ф. 51, 189
Келлер Г. 46
Кёлер (Келлер) Бруно 33, 36,
46, 110
Кемпбелл 38, 46
Киллингер М. 296, 309, 310,
313, 314, 315, 318, 423
Кириллов 216, 217
Кирсанов С. 16
Киришбаум 419
Клейн 27
Клейст П. 40, 41, 181
Клементис Владимир (Владо)
110, 134, 148, 174, 372, 373
Клима 45
Климент Г. 81, 82, 407
Клучка Л.
Ковалек Ф. 243
Козлов 224
Козырев 83
Кокошка Станислав 262
Коларов Васил 32, 38, 46
Коллонтай А.М. 281
Кондрашев С.А. 289, 291
Конопасек 384
Копецкий Вацлав 31, 33, 37, 45,
46, 82, 115, 230
Копецкий Яромир 85, 349
Копржива (Копшева, Копшвива,
Копршвива) 81, 82, 407
Копта Й. 16
Корб Р. 37, 46
Корж М.В. 165, 167
Корнейчук А.Е. 16, 99
Коротков 231, 242, 243, 244,
248, 254, 255
Косыгин А.Н. 210

- Коукол 384
Коутек Ян 262
Коутны М. 237, 340, 243
Кочик В. 289, 290
Кошин 81
Крайина Владимир 271, 283, 391
Кратохвил Я. 383
Краузе 167, 412
Крейбих Карел 164, 398
Крейсл К. 46
Крейчи Йозеф 24, 185, 189
Кржен Я. 262, 282, 283
Кржечек 258
Кронек И. 234
Кроснарж Йозеф 33, 37, 45, 115
Крофта Камил 13, 17
Крчек Ян 269, 386
Крюгер 410
Кузнецов 222, 225, 227, 230, 231, 265
Куклик Ян 262
Куколев П.Г. 218, 270, 376
Кулик Г.И. 24
Куликов 192, 193, 407
Кулондр Р. 49, 50, 52
Кумпошт П. 276, 277
Курал В. 262, 282, 283
Куринек В. 237, 238
Куроптев 68
Куусинен Отто 29, 38, 46, 154
- Лаваль Пьер 368
Ленин В.И. 39, 86, 219
Ленц Б. 248, 253
Леонов Л. 16
Либрайх Э. 243
Лисицкий 60
Литвинов М.М. 18, 20, 21, 22, 26, 28, 29, 38, 40, 41, 49, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 77, 78, 80, 83, 86, 87, 92, 93, 84, 123, 179, 180, 336, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 346, 353
- Лихачев И.А. 186
Лишка Богумил 215, 216, 251
Локкарт Роберт Брюс 98, 160
Ломоносов М.В. 317
Лонек Й. 268
Лудин Г.Э. 296, 318, 319
Луканин С.Г. 210
- Майерова Мария 16
Майор 372, 373
Майский И.М. 15, 40, 56, 58, 59, 60, 65, 67, 85, 91, 92, 93, 96, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 117, 118, 119, 137, 138, 142, 143, 162, 163, 164, 165, 166, 171, 174, 175, 204, 205, 218, 256, 267, 269, 273, 274, 331, 348, 363, 367, 368, 370, 375, 384, 385, 396, 397, 398, 402, 421, 425
- Макаров 240
Маклярский 203, 204, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 220, 221, 228, 257, 279
Маленков Г.М. 37, 420
Маллер Н. 212
Мандель Ж. 151, 369
Мануильский Д.З. 29, 31, 32, 36, 38, 45, 46, 81, 82, 86, 87, 107, 115, 127, 382, 408
- Маркс Карл 219
Мартинек 404
Марьяна В.В. 42, 84, 85, 178, 290, 323, 325
Масарик Томаш Гарриг 43, 117, 215, 247, 303
Масарик Ян 15, 67, 91, 92, 93, 94, 104, 105, 106, 142, 162, 367, 386

- Мастны 186, 187
 Мастны Войтех 19, 20
 Мах Александр (Шаньо) 17, 90,
 305, 306, 309, 211, 315, 401,
 402, 410, 411, 423
 Махачек И. 253
 Медрицкий Г. 335
 Мейер-Гайденаген 78
 Меккель В. 45
 Мелен Ф. 45
 Мельникова-Папоушкова На-
 дежда 405
 Мельцер А. 45
 Мерекалов А.Ф. 179, 197
 Меркулов В.Н. 45, 218, 222,
 224, 225, 230, 243, 244, 250,
 251, 252, 253, 254
 Мехлис Л.З. 204
 Микоян А.И. 25, 199, 210, 304,
 305, 313
 Мирослав-Нойман Б. 229
 Митис 79
 Михайлов Л.А. 270
 Михалевич. 411
 Михалек (Михалик) 239, 250
 Мичох 249
 Мишутка Р. 242
 Мологов В. М. 17, 28, 37, 53,
 59, 65, 66, 67, 70, 72, 80, 82,
 83, 86, 87, 97, 111, 121, 123,
 124, 125, 127, 129, 131, 132,
 133, 135, 137, 139, 141, 143,
 145, 147, 148, 149, 151, 153,
 155, 157, 159, 161, 163, 165,
 167, 168, 169, 170, 171, 173,
 175, 177, 180, 181, 182, 183,
 186, 190, 193, 198, 204, 206,
 209, 225, 230, 253, 294, 299,
 300, 301, 302, 304, 307, 310,
 317, 319, 320, 322, 331, 346,
 360, 389, 392, 393
 Монин 51, 107, 108, 109
 Моравец Франтишек 162, 264,
 265, 266, 267, 269, 275, 276,
 278, 283, 286, 290, 408, 409,
 412, 413, 414, 416, 417, 419,
 429, 430, 431
 Мордовец 218, 219, 220
 Морозов Д. 314
 Москвин М.А. 29, 32, 44, 45
 Мосьцицкий Игнаций 201, 202
 Мохов Л. (Рудольф,
 Рудольф-2) 268, 270, 272,
 282, 284, 289
 Мраз 372
 Мургаш 90
 Мурын К. 303
 Мусоргский М.П. 317
 Муссолини Бенито 389
 Мыслбек Йозеф 258

 Наджиар Поль Эмиль 351, 352
 Небесарж 22
 Неедлы Зденек 66, 99, 281
 Незвал Витезслав 16
 Нейрат Конрад 79
 Неквасил Б. 215, 238, 249, 250,
 251
 Немечек Ян 152
 Нетлик 24, 26, 27
 Нехорошев 211, 217, 222, 223,
 225, 226, 227, 231, 238, 240,
 241, 242, 247
 Нечас Я. 386
 Нечасек 230
 Николаев 78
 Новиков С.А. 326
 Новомески(й) Ладислав (Лацо)
 16, 89, 148, 149, 372
 Новотны(й) Й. 131

 Овчинников 222
 Ольбрахт Иван 16
 Опиц Э. 46

- Орлов 209, 229, 230, 234, 235,
239, 247, 248, 269, 270, 387
- Осуски Штефан 60, 64, 91, 97,
130, 145, 343, 369, 380, 386,
388
- Отто 316, 410
- Павлов 285
- Пайар Жорж 29
- Палечек Карел 265
- Палковски Карел Б. 152, 202,
358, 359
- Пекарек Б. 146, 176
- Петерка 222
- Пешерский В.Л. 289
- Пивень И.М. 62
- Пик Вильгельм 382
- Пика Гелиодор 206, 207, 218,
219, 245, 246, 253, 269,
270, 272, 276, 277, 278,
279, 280, 281, 282, 284,
285, 286, 333, 376, 377,
391, 417, 429, 431
- Пилфусек 322
- Плицек 213
- Пономарев Б.Н 32, 107
- Погодин Н. 16
- Полиак Ш. 304
- Понижан (Пониван) Ян 148,
372, 373
- Поп И.И. 10
- Потемкин В.П. 20, 21, 25, 26,
35, 62, 65, 67, 68, 70, 75, 76,
77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 87,
95, 209, 211, 294, 302, 317,
345, 346, 348, 374
- Пронин 223, 226
- Прохазка А. 253
- Прохазка Я. 115
- Пружинский М. 335
- Прхала Лев 100, 201, 202, 203,
358, 359, 386
- Пуйманова Мария 16
- Пулпитек Я. 243
- Пушкин Г.М. 176, 292, 294, 296,
297, 299, 300, 302, 303, 304,
305, 307, 308, 309, 310, 311,
312, 313, 314, 315, 316, 318,
319, 320, 321, 323, 327, 378,
389, 395, 406, 409, 411, 417,
419, 421, 422, 427, 428
- Радлинский Р. 303
- Райцин Бедржих 113, 131, 132,
133, 157, 158, 159
- Рейман М. 268
- Рейно 369
- Ререр Э. 46
- Риббентроп Йоахим фон 14, 50,
100, 105, 121, 123, 124, 125,
127, 129, 130, 131, 133, 135,
137, 139, 141, 143, 145, 147,
149, 151, 153, 155, 157, 159,
161, 163, 165, 167, 169, 171,
173, 175, 177, 179, 181, 182,
183, 186, 284, 302, 307, 308,
309, 319, 331, 368, 401
- Рипка Губерт 66, 67, 75, 93, 123,
134, 145, 151, 152, 162, 165,
166, 206, 207, 301, 412
- Родоса 237
- Ройичек Богумил 62, 63, 341
- Россмейзель Р. 46
- Россо 348
- Ротштейн Андреу (Александр)
105, 163, 165, 166, 274, 398
- Ружичик В. 243
- Рузвельт Франклин Делано 58,
92, 94, 96, 117
- Рыбалко П.С. (Рыбаков) 202,
203, 358, 359, 371
- Самсонов А.М. 362
- Сандлер 59, 60

- Сатмари Ладислав 372
 Свобода Людвик 8, 200, 201,
 203, 204, 205, 207, 208, 209,
 211, 213, 214, 215, 216, 217,
 218, 219, 220, 221, 222, 223,
 225, 226, 227, 228, 229, 231,
 233, 234, 235, 236, 237, 238,
 239, 241, 243, 244, 245, 246,
 247, 248, 249, 250, 251, 252,
 253, 255, 256, 260, 269, 277,
 279, 287, 290, 291, 332, 333,
 370, 371, 287, 423
 Сейфуллин 249, 250
 Секанина И. 81
 Сельвинский И. 16
 Серафимович А. 16
 Сергеев 186
 Серов И.А. 210, 211
 Сетон-Ватсон Роберт Виллиам
 92
 Сивак Й. 90, 317
 Сидор Карол 48, 296, 335, 419
 Сидс Уильям 68, 346
 Сизов А.Ф. 266
 Сикорски Владыслав 236, 397
 Симко 411
 Сеницын 251
 Сисерман (Сиссерман, Зюсер-
 ман) Ю. 214, 241
 Ситокласкова А. 234
 Скопик Ф. 46
 Славик Юрай 201, 202, 204,
 358, 362, 371, 386
 Сладек Зденек 188, 190, 194
 Сладек Олдржих 262
 Сланский Рудольф 31, 33, 37,
 38, 45, 115, 174
 Слепов 115
 Слуцкий Р. 268
 Смирнов А. 15
 Смрек Я. 148
 Смрчка В. 243
 Смутны Яромир 66, 106, 136,
 144, 145, 160, 161, 170, 185,
 267, 279, 283, 348, 356, 377,
 404, 404, 408, 409, 431
 Соколин 379
 Сопруненко П.К. 205, 208, 210,
 211, 217, 218, 219, 226, 229,
 230, 234, 243, 244, 250, 251,
 252, 253, 254, 255
 Сржал А. 254
 Сталин И.В. 17, 18, 27, 28, 36,
 39, 44, 63, 81, 86, 87, 105,
 110, 111, 123, 127, 138, 140,
 141, 142, 143, 145, 150, 166,
 183, 191, 219, 225, 226, 244,
 247, 253, 254, 260, 265, 266,
 279, 283, 299, 340, 350, 351,
 361, 368, 430
 Стано Й. 90, 335, 419
 Стефанов И. 46
 Страка М. 243
 Судоплатов П.А. 264, 265, 279,
 288, 289, 290, 308, 399, 400
 Суриц Я.З. 18, 57, 58, 60, 65, 66,
 93
 Сынек Виктор 45, 109, 110
 Сыровы Ян 13, 51, 108, 266,
 386, 388
 Таборски Эдуард 75
 Тайерле 27
 Терек 45
 Тисо Йозеф 48, 74, 80, 90, 170,
 295, 296, 297, 299, 302, 303,
 304, 309, 310, 311, 315, 316,
 317, 320, 321, 322, 328, 335,
 373, 401, 402, 410, 419, 420,
 422
 Тисо Франтишек (Франьо) 74,
 150, 294, 295, 302, 304, 313,
 320, 374
 Толстой А. 16, 99

- Троян 36
Тука Белла 170, 305, 309, 311,
315, 316, 317, 321, 335,
390, 401, 402, 410, 419,
420, 423
Тухачевский М.Н. 264
Тюммель П. 265, 283
- Ульбрихт Вальтер 38, 46
Уманский К.А. 63, 65, 96, 97,
118
Устинов Д.Ф. 24
Уэллс С. 57
- Фадеев А. 16, 99
Файфр 26, 27
Фанта Ф. 228
Фейге 192
Фельштинский Ю. 199, 325
Фелиппович 239
Фирлингер Зденек 18, 219, 20,
21, 22, 23, 25, 26, 28, 55, 61,
62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69,
70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 86,
87, 89, 94, 95, 96, 97, 99, 106,
114, 118, 121, 125, 136, 137,
141, 145, 152, 162, 164, 165,
166, 185, 186, 187, 202, 204,
206, 207, 209, 216, 269, 273,
293, 298, 300, 301, 336, 338,
339, 340, 341, 343, 344, 345,
346, 347, 348, 351, 354, 356,
357, 359, 362, 363, 374, 375,
387, 397, 404
Фирсов Ф.И. 119
Фитин П.М. (Фокин) 234, 245,
250, 251, 264, 277, 308, 391,
392
Фишбах А. 46
Флорин 38, 46, 382
Франек 258
Франко Баамонде 310
- Фриц Г. 335
Фюрнберг 38, 46
- Хвалковский Франтишек 13, 17,
18, 19, 20, 21, 23, 49, 52, 62,
339
Хохлов 210, 211, 212, 213, 215
Хуравы 271
Хэлл Кордел 96
- Цалетка Ф. 253
Цибуш В.243
Цисарж Р.281
- Чайковский П.И. 317
Чапек Карел 16
Чатлош Фердинанд 90, 315, 321,
322, 324, 327, 328, 335
Чемберлен Артур Невилл 30,
40, 56, 58, 84, 94, 103, 126,
130, 132, 135, 137, 142, 144,
160, 169, 349, 350, 361
Чернак (Черняк) Матуш 299,
301, 302, 360
Черний И.И. 266, 267, 384,
385
Чернышов 211, 215, 216, 217,
218, 222, 225, 231
Черчилль Уинстон 58, 142, 143,
144, 160, 163, 164, 167, 168,
175, 274, 367, 397, 418, 419,
426
Чиано Галеаццо 401
Чиерна-Лантайова Дагмар 295
Чичаев И.А. 265
- Шапошников Б.М. 27
Шаронов Н.И. 202, 203, 358,
371
Шахурин А.И. 195
Шверма Ян 33, 37, 45, 46, 109,
110, 115, 133, 134

- Шверник Н.М. 37
Швецов Б.Ф. 266
Шелия Р. 14, 15
Шенк Ф. 46
Шикин 240
Шимко Юлиус 320, 322
Широкий Вильям 33, 37, 38, 45,
46, 110, 133, 134
Шкварцев А.А. 83, 294, 299,
301, 302, 360, 362
Шквор Йозеф 185, 407
Шкрах 43
Шмераль Богумир 32, 45, 67,
99, 107, 115, 129
Шнурре Карл Юлиус 179, 180,
182, 184, 189, 191, 192, 198,
199, 313
Шолохов М. 16
Шолц Я. 262
Шрамек Ян 130, 386, 388
Шрам (Шрам) 45
Штанцл О. 268
Штейнер Г. 46, 81
Штефек И. 63, 66
Штриккер Й. 268
Шуберт 19
Шуленбург Фридрих Вернер
фон 25, 53, 54, 55, 62, 64, 74,
180, 181, 183, 185, 188, 250,
302, 307, 336, 348
- Эберт Р. 46
Элиаш Алоиз 80, 140, 146, 386,
388
Эллиот 103
Эльзниц Ф. 63
Энгельс Фридрих 219
Эррио Э. 369
Эчер Б. 55, 160
- Юдин 238, 239, 240, 241, 242,
247, 248, 249, 250, 252
- Яковлев В.Н. 34, 41, 54, 64, 76,
77, 79, 80, 81, 82, 83, 89, 121,
122, 123, 124, 133, 138, 139,
140, 148, 190, 194, 294, 298,
343, 349, 373, 400
Янота В. 239, 247, 250
Ярош Отакар 243, 253
- Benčík A. 288
Beneš Edvard 86, 87, 88, 117,
118, 173, 174, 175, 176,
177, 178, 288, 290, 358,
367, 426
Bystrický Valerian 42, 84, 324
- Čierna-Lantajová Dagmar 176,
324, 325, 326, 327, 328
- Deak Ladislav 324
- Fierlinger Zdenek 86, 87, 88, 117,
118, 172, 174, 175, 176, 198,
199, 257, 324, 393
- Gebhart Jan 46, 47, 288, 289,
290, 291
Gottwald Klement 44
- Hájková Alena 44, 46, 119
- Janaček František 175
- Kokoška Stanislav 288
Koutek Jan 288, 289, 290, 291
Král Vaclav 198, 328
Křen Jan 88, 118, 174, 175, 177,
288, 289, 290, 291
Kuklík Jan 46, 47, 288, 289, 290,
291
Kural Vaclav 288, 289, 290, 291
Kvaček Robert 84

Laštovička Bohumil 175
Lipták Lubomir 325, 326
Luža R. 289, 291

Marjinová Valentina 42, 323

Němeček Jan 85, 86, 87, 176

Pasák Tomáš 176

Reicin Bedřich 173, 174

Richter K. 288

Sladek Oldřich 288

Sládek Zdenek 44, 198, 199

Svoboda L. 255, 256, 258, 259

Šolc Jaroslav 117, 174, 288, 358,
367, 393, 426

Tomašek D. 84

Vališ Zdenek 257, 259, 260,
261

Voraček Emil 44

Научное издание

Валентина Владимировна Марьина

**Советский Союз и чехо-словацкий вопрос
во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг.**

**Книга 1
1939–1941 гг.**

Издательство «Индрик»

Корректор *М.В. Архиреев*
Оригинал-макет *И.В. Заика*

Исключительное право оптовой реализации книг издательства «Индрик»
принадлежит книжной галерее «Нина»
www.kniginina.ru
тел./факс: (495) 959-21-03

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by
e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 495 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
28,00 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 1817

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЧЕХО-СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС
ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

В. В. МАРЬИНА

